

сост. А.Н. Деревяго

Введение в лингвокультурологию

УДК 81:008(075.8)
ББК 81.006.3я73
В24

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 2 от 28.12.2016 г.

Составитель: доцент кафедры общего и русского языкознания ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат филологических наук
А.Н. Дервяго

Р е ц е н з е н т ы :

профессор кафедры германской филологии ВГУ имени П.М. Машерова,
доктор филологических наук *В.А. Маслова*;
заместитель директора по учебно-воспитательной и научной работе
Витебского филиала УО ФПБ «Международный университет
“МИТСО”», кандидат филологических наук, доцент *С.С. Костырева*

**Введение в лингвокультурологию для специальности
В24 (направление специальности) 1-21 05 02 «Русская филология»** : учебно-методический комплекс по учебной дисциплине /
сост. А.Н. Дервяго. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова,
2017. – 372 с.

ISBN 978-985-517-603-0.

Учебно-методический комплекс предназначен для студентов дневной формы обучения филологического факультета. В настоящем издании нашли отражение основные темы названного курса, представленные в виде заданий для аудиторных занятий и индивидуальной работы по курсу «Введение в лингвокультурологию».

УДК 81:008(075.8)
ББК 81.006.3я73

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Настоящий учебно-методический комплекс ориентирован на обеспечение методического сопровождения аудиторной и внеаудиторной работы студентов второго курса дневной формы обучения по усвоению учебной дисциплины «Введение в лингвокультурологию» на филологическом факультете: в соответствии с учебным планом специальности 1-21 05 02 «Русская филология» и программой студенты должны знать теоретические положения, на которые опирается лингвокультурология; современные подходы к проблеме взаимосвязи языка и культуры; методику исследования коррелятивных связей языка и культуры; национальное своеобразие уровней языка в культуроведческом аспекте; уметь проводить лингвокультурологический анализ языковых сущностей; выявлять национально-культурную семантику единиц всех уровней языка (фонетики, лексики, грамматики, синтаксиса, текста); владеть навыками использования сведений о русской культуре, о национальной специфике речевого общения русской языковой личности с целью обеспечения коммуникативной компетенции иностранцев.

Учет существования и взаимодействия национальных культур в процессе обучения языку – определяющая характеристика современного этапа развития научного направления «Русский язык как иностранный». В связи с этим следует отметить актуальность учебной дисциплины «Введение в лингвокультурологию» для будущей профессиональной деятельности преподавателя русского языка как иностранного, предметом которой является не только язык, но и культура. Для будущих преподавателей русского языка как иностранного методологически важным является ознакомление с общими теоретическими вопросами взаимодействия языка и культуры и овладение навыками лингвокультурологического анализа языковых сущностей.

Учебный методический материал организован в соответствии с типовым учебным планом по специальности 1-21 05 02 «Русская филология» для учебной дисциплины «Введение в лингвокультурологию». Ключевые тематические блоки вынесены на теоретическое осмысление и индивидуальную проработку, которая может осуществляться как в рамках аудиторных занятий, так и во внеаудиторное время, предназначенное для самостоятельной подготовки. Практический раздел учебно-методического комплекса содержит материалы для проведения практических занятий разбит на темы и содержит систему заданий, призванных способствовать выработке устойчивых практических навыков и умений анализа языкового материала. Раздел контроля знаний формируют материалы текущей аттестации, позволяющие определить соответствие результатов учебной деятельности обучающихся требованиям образовательных стандартов высшего образования.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН ЗАНЯТИЙ

Наименование тем, их содержание

№ п/п	Наименование тем	Содержание
1	2	3
I	<i>Методологические основания и дисциплинарный статус лингвокультурологии</i>	<p>Смена научных парадигм в языкознании. «Человеческий фактор» в языке и формирование антропоцентрической парадигмы как системы ориентированных на человека собственно лингвистических и гибридных дисциплин. Лингвокультурология как продукт антропологической лингвистики.</p> <p>Место лингвокультурологии в ряду филологических учебных дисциплин.</p> <p>Лингвокультурология как самостоятельная научная область: предпосылки формирования и современное состояние. Объект, предмет, содержание, цели и задачи лингвокультурологии.</p>
II	<i>Общие теоретические положения и базовые понятия лингвокультурологии</i>	<p>Основные постулаты лингвокультурологии. Категориальный аппарат лингвокультурологии (безэквивалентная лексика, картина мира, когнитивная база, концепт, ключевой концепт, концептосфера, культурема, культурная парадигма, культурный код, культурная коннотация, культурная сема, культурный фон, культурный фонд, культурная универсалия, лакуна.</p> <p>Лингвокультурема как единица представления культуроведческого материала. Типология лингвокультурем.</p> <p>Направления современной лингвокультурологии.</p> <p>Лингвокультурологические школы.</p> <p>Прикладная лингвокультурология.</p>
III	<i>Язык и культура: проблемы взаимодействия</i>	<p>История постановки и решения проблемы «Язык и культура» в российской и мировой науке.</p> <p>Современные подходы к проблеме взаимосвязи языка и культуры (В.А. Виноградов):</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Культура в языке, т.е. отражение

		<p>культурного содержания в языковых единицах.</p> <p>2. Язык в культуре, т.е. использование языковых клише в определенных социокультурных контекстах и ситуациях.</p> <p>3. Культура речи, т.е. социально и исторически обусловленная современная речевая культура общества.</p> <p>4. Язык культуры, т.е. семиологическая система базисных концептов (констант) национальной культуры.</p>
IV	<i>Теория языковой картины мира</i>	<p>Концептуальная и языковая картины мира. Наивная и научная картины мира. Модель мира как программа поведения личности и коллектива.</p>
V	<i>Концептосфера русского языка</i>	<p>Культурное пространство и концептосфера русского языка. Индивидуальные, микро-, макрогрупповые, цивилизационные, общечеловеческие концептосферы. Концепт как категория лингвокультурологии. Лингвокультурный типаж как разновидность концепта.</p>
VI	<i>Человек как носитель национальной ментальности и языка</i>	<p>Язык и этнос. Языковая картина мира и этноязыковое сознание. Идиоэтническое и универсальное в языковой картине мира. Когнитивная база этноса. Ментальность: сопряжение языка, сознания и культуры. Ментальность, менталитет, национальный характер: соотношение понятий. Стереотипы национального восприятия. Стереотипное восприятие русских и белорусов представителями других культур.</p>
VII	<i>Уровни языка в культуроведческом аспекте</i>	<p>Языковая картина мира и этнокультурная специфика слова. Национально-культурная семантика уровней языка.</p> <p><i>Фонетика.</i> Звуковой аспект языка как отражение его национального своеобразия и эмоционально-эстетическое восприятие иностранного языка инофонами. Русская фонетика и интонация как феномены национальной культу-</p>

		ры.Критерий шибболета.
VIII	<i>Уровни языка в культуроведческом аспекте</i>	<p><i>Лексика.</i> Эквивалентная, безэквивалентная и интернациональная лексика. Понимание культур через посредство ключевых слов.</p> <p>Семантическое пространство языка.</p> <p>Межъязыковое лексическое понятие - понятие этнокультурных общностей.</p> <p>Безэквивалентная и фоновая лексика. Лингвострановедческая теория слова (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров). Классификация безэквивалентной и фоновой лексики.</p> <p>Фоновые особенности ономастической лексики. Онимы в пословицах, поговорках, фразеологизмах. Специфика русской антропонимической системы и ее связь с речевым этикетом.</p> <p>Фоновые особенности терминологической лексики. Национально- культурная семантика русской лингвистической и литературоведческой терминологии.</p>
IX	<i>Уровни языка в культуроведческом аспекте</i>	<p><i>Фразеология и афористика.</i> Национально-культурная семантика фразеологического и афористического фонов.</p>
X	<i>Уровни языка в культуроведческом аспекте</i>	<p><i>Словообразование:</i> национально-культурная семантика. Экспрессивное словообразование. Деминутивы как типичная черта русского языкового сознания.</p> <p><i>Морфология:</i> национально-культурный компонент семантики. Варьирование корней, краткие формы прилагательных в функции определений, варианты предложно-падежных парадигм, «одноразовый вид» русского глагола.</p>

1	<i>Исследовательский инструментарий лингвокультурологии</i>	<p>Методология и методы лингвокультурологии.</p> <p>Методика исследования коррелятивных связей языка и культуры: 1) культурологический подход к фактам языка (от культуры к языку), основанный на культурных концептах; 2) лингвистический подход к явлениям культуры (от языка к культуре) с использованием собственно лингвистических методов; 3) комплексный подход, реализующийся в понятии лингвокультурологического поля.</p>
2	<i>Теория языковой картины мира</i>	<p>Лингвокультурное моделирование картины мира / фрагмента картины мира.</p> <p>Прецедентные феномены. Система стереотипов. Понятие фрейма.</p>
3	<i>Концептосфера русского языка</i>	<p>Ключевые концепты (константы) русской культуры. Общность концептосфер русского и белорусского языков как языков одного «лингвокультурного типа» (Б.М. Гаспаров). Концепция лингвокультурной общности восточнославянских языков.</p> <p>Интерпретация концептов с лингвистической точки зрения.</p>
4	<i>Человек как носитель национальной ментальности и языка</i>	<p>Язык и индивид. Место теории языковой личности в антропоцентрической лингвистике. Языковая личность: область компетенции, структура, типы, аспекты изучения. Трехмерная модель личности (Ю.Н. Караулов).</p> <p>Концепция вторичной языковой личности. Тезаурус. Идиолект. Языковая и речевая личности: соотношение понятий. Универсальное, национальное, социально-групповое и индивидуальное в языковой личности.</p> <p>Национально-детерминированная специфика русской языковой личности.</p> <p>Лингвистическое портретирование.</p>

5	<i>Национально-культурная специфика речевого общения</i>	<p>Вербальное, паравербальное и невербальное общение. Понятие речевого общения и речевого поведения. Структура и специфика стандартов коммуникации. Речеповеденческие тактики и стратегии общения.</p> <p>Этнокультурные аспекты речевого общения. Национально-культурная специфика организации речевого общения. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения. Национально-культурная специфика русского речевого общения.</p>
6	<i>Уровни языка в культурологическом аспекте</i>	<p><i>Синтаксис.</i> Роль синтаксиса в языковой картине мира, в реализации актуальных культурологических тенденций. Методика контрастивно-культурологического описания синтаксиса. Синтаксемы со значением лица, критерия оценки и социальной характеристики лица. Словосочетания как продукт компрессии фоновой информации. Типы фоновых глаголов-предикатов. Предложение в аспекте культурологии. Национально-культурная традиция в текстообразовании.</p>
7	<i>Уровни языка в культурологическом аспекте</i>	<p><i>Текст.</i> Культурологический аспект текста. Национально-культурный компонент текста. Прагматичные и проективные тексты. Прецедентные тексты и прецедентные высказывания. Роль фоновых знаний в восприятии социокультурной информативности текста.</p>

ЛЕКЦИОННЫЙ БЛОК

Тема I

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СТАТУС ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Современное состояние гуманитарной науки, с одной стороны, и объективные условия изменившегося мира, с другой, неотвратимо требуют нового осмысления проблем, как уже давно известных, так и актуальных для нового времени. И поэтому далеко не случаен всплеск интереса к таким молодым научным направлениям, как лингвокультурология.

Наблюдения над культурной спецификой языковых единиц проводились несколько сотен лет назад, однако научное обоснование лингвокультурология получила в XX в. В научный оборот привнесён большой багаж новых понятий, методов. Многие из них не получили ещё широкого распространения. В связи с этим лингвокультурология представляет собой отрасль знания, которая до сих пор не стала отработанным предметом дидактики. Научное знание формируется и дополняется постепенно, и в связи с необходимостью структурирования и порождения нового знания возник вопрос о парадигме в науке.

Впервые вопрос о научной парадигме как модели постановки проблем и совокупности приемов их решения встал перед исследователями после выхода в свет в 1962 г. известной книги американского философа и историка науки Томаса Куна (1922–1996) «Структура научных революций» (русский перевод был сделан в 1977 г.).

Важнейшим понятием концепции Т. Куна является понятие парадигмы. Содержание этого понятия так и осталось не вполне ясным, однако в первом приближении можно сказать, что парадигма есть совокупность научных достижений, признаваемых всем научным сообществом в определенный период времени.

Вообще говоря, парадигмой можно назвать одну или несколько фундаментальных теорий, получивших всеобщее признание и в течение какого-то времени направляющих научное исследование. Примерами подобных парадигмальных теорий служат физика Аристотеля, геоцентрическая система мира Птолемея, механика и оптика Ньютона, кислородная теория горения Лавуазье, электродинамика Максвелла,

теория относительности Эйнштейна, теория атома Бора и т.п. Таким образом, парадигма воплощает в себе бесспорное, общепризнанное знание об исследуемой области явлений природы.

Однако, говоря о парадигме, Кун имеет в виду не только некоторое знание, выраженное в ее законах и принципах. Ученые – создатели парадигмы – не только сформулировали некоторую теорию или закон, но они еще решили одну или несколько важных научных проблем и тем самым дали образцы того, как нужно решать проблемы. Оригинальные опыты создателей парадигмы в очищенном от случайностей и усовершенствованном виде затем входят в учебники, по которым будущие ученые осваивают свою науку. Овладевая в процессе обучения этими классическими образцами решения научных проблем, будущий ученый глубже постигает основоположения своей науки, обучается применять их в конкретных ситуациях и овладевает специальной техникой изучения тех явлений, которые образуют предмет данной научной дисциплины. Парадигма дает набор образцов научного исследования – в этом заключается ее важнейшая функция.

Но и это еще не все. Задавая определенное видение мира, парадигма очерчивает круг проблем, имеющих смысл и решение: все, что не попадает в этот круг, не заслуживает рассмотрения с точки зрения сторонников парадигмы. Вместе с тем парадигма устанавливает допустимые методы решения этих проблем. Таким образом, она определяет, какие факты могут быть получены в эмпирическом исследовании, – не конкретные результаты, но тип фактов.

С понятием парадигм тесно связано понятие научного сообщества, в некотором смысле эти понятия синонимичны. В самом деле, что такое парадигма? Это некоторый взгляд на мир, принимаемый научным сообществом. А что такое научное сообщество? Это группа людей, объединенных верой в одну парадигму. Стать членом научного сообщества можно только приняв и усвоив его парадигму. Если вы не разделяете веры в парадигму, вы остаетесь за пределами научного сообщества. Поэтому, например, современные экстрасенсы, астрологи, исследователи летающих тарелок и полтергейстов не считаются учеными, не входят в научное сообщество, ибо все они либо отвергают некоторые фундаментальные принципы современной науки, либо выдвигают идеи, не признаваемые современной наукой.

Науку, развивающуюся в рамках современной парадигмы, Кун называет «нормальной», полагая, что именно такое состояние является для науки обычным и наиболее характерным. В отличие от Поппера, считавшего, что ученые постоянно думают о том, как бы опровергнуть существующие и признанные теории, и с этой целью стремятся к постановке опровергающих экспериментов, Кун убежден, что в реальной научной практике ученые почти никогда не сомневаются в

истинности основоположений своих теорий и даже не ставят вопроса об их проверке. Ученые в русле нормальной науки не ставят себе цели создания новых теорий, обычно к тому же они нетерпимы к созданию таких теорий другими. Напротив, исследование в нормальной науке направлено на разработку тех явлений и теорий, существование которых парадигма заведомо предполагает.

Чтобы подчеркнуть особый характер проблем, разрабатываемых учеными в нормальный период развития науки, Кун называет их «головоломками», сравнивая их решение с решением кроссвордов или с составлением картинок из раскрашенных кубиков. Кроссворд или головоломка отличаются тем, что для них существует гарантированное решение, и это решение может быть получено некоторым предписанным путем. Пытаясь сложить картинку из кубиков, вы знаете, что такая картинка существует. При этом вы не имеете права изобретать собственную картинку или складывать кубики так, как вам нравится, хотя бы при этом получались более интересные – с вашей точки зрения – изображения. Вы должны сложить кубики определенным образом и получить предписанное изображение. Точно такой же характер носят проблемы нормальной науки. Парадигма гарантирует, что решение существует, и она же задает допустимые методы и средства получения этого решения.

До тех пор пока решение головоломок протекает успешно, парадигма выступает как надежный инструмент познания. Увеличивается количество установленных фактов, повышается точность измерений, открываются новые законы, растет дедуктивная связность парадигмы, короче говоря, происходит накопление знания. Но вполне может оказаться – и часто оказывается, – что некоторые задачи головоломок несмотря на все усилия ученых так и не поддаются решению, скажем, предсказания теории постоянно расходятся с экспериментальными данными. Сначала на это не обращают внимания. Это только в представлении Поппера стоит лишь ученому зафиксировать расхождение теории с фактом, он сразу же подвергает сомнению теорию. Реально же ученые всегда надеются на то, что со временем противоречие будет устранено и головоломка решена. Но однажды может быть осознано, что средствами существующей парадигмы проблема не может быть решена. Дело не в индивидуальных способностях того или иного ученого, не в повышении точности измерительных приборов, а в принципиальной неспособности парадигмы решить проблему. Такую проблему Т. Кун называет аномалией.

Таким образом, Томас Кун выдвинул концепцию научных революций как смены парадигм – исходных способов постановки проблем и методов исследования, господствующих в науке определенного исторического периода.

В лингвистике (и вообще в гуманитарных науках) парадигмы не сменяют друг друга, но накладываются одна на другую и сосуществуют в одно и то же время.

Традиционно в истории лингвистики с начала XIX века выделяются *три парадигмы* – сравнительно-историческую, системно-структурную и антропоцентрическую.

Сравнительно-историческая парадигма была первой научной парадигмой в лингвистике, т.к. сравнительно-исторический метод был первым специальным методом исследования языка. Весь XIX век прошел под знаком этой парадигмы. Сравнительно-историческое языкознание – область языкознания, объектом которой являются родственные языки, установление соотношения между родственными языками и описание их эволюции во времени и пространстве. Результатом таких исследований явились сравнительно-исторические грамматики групп родственных языков, включающие описание фонетических, морфологических и синтаксических уровней языковой системы и этимологические словари.

Возникновение сравнительно-исторического языкознания связывают со знакомством европейских лингвистов в конце XVIII века с древним священным языком Индии санскритом. К этому времени в естественных науках был накоплен большой конкретный материал, давший основание первым универсальным классификациям, открывшим возможность рассмотреть целое, определить иерархию его частей и предположить, что сама она есть результат действия неких общих законов. Весь этот этап работы подразумевал существенную роль сравнения фактов и неизбежно приводил к выводу: за внешне разнообразными фактами должно крыться внутреннее единство, нуждающееся в истолковании.

Принципом истолкования для науки того времени стал *историзм*, т.е. признание развития во времени, осуществляющегося естественным образом (а не божественной волей), по *законам*, которые не только описывают смену одних форм другими, но и конкретный вид ими принимаемый.

Гуманитарное знание в целом и языкознание в частности затронули бурный расцвет естественнонаучного компаративизма и появление сравнительных анатомии, эмбриологии, палеонтологии, геологии и т.п. (Ж.Б. Ламарк, Э. Жоффруа Сент-Илер, Ж. Кювье, Ч. Лайель), выделение в естествознании в качестве объекта исторического изменения не функции, а формы, возрастание роли морфологии как учения о форме. Из естественных наук была заимствована идея системы, определяющей взаимодействие частей внутри целого (у Ж. Кювье она выступала в виде понятие «организма»), и идея исходной модели-

архетипа (Р. Оуэн), объясняющей развитие всех реально засвидетельствованных конкретных форм.

Основы типологического подхода к языкам были заложены уже в работах Р. Декарта, Г.В. Лейбница, А. Смита, И.Г. Гердера.

В 10-х гг. XIX в. идеи сравнительно-исторического языкознания воплотились в исследованиях сравнительно-исторического характера, в которых была применена и соответствующая техника исследования, опирающаяся преимущественно на данные индоевропейских языков. Создатели сравнительно-исторического метода не только обосновали положение о родстве языков, но и заложили основы научных приемов сравнительно-исторического анализа фактов родственных языков.

Главными фигурами этой революции в сравнительно-историческом языкознании, которая привела к созданию сравнительно-исторической грамматики, были Ф. Бопп, Р. К. Раск, Я. Гримм, В. фон Гумбольдт. Во второй половине XIX в. филологи-компаративисты сосредоточили внимание на исследовании конкретных фонетических, грамматических и лексических явлений и существенно усовершенствовали методику сравнительно-исторического анализа.

Наиболее значительными работами лингвистов в рамках сравнительно-исторической парадигмы являются:

✓ «Исследование о происхождении языка» немецкого ученого Иоганна Готфрида Гердера (1770): ученый выступал против распространенных тезисов об исконности языка, его божественном происхождении и неизменяемости. Природа и история внутренне связаны между собой, им присуще непрестанное совершенствование форм организации, высшей ступенью которой и целью творения является человек. Бог – высшее, деятельное единство, первосила, его присутствие обнаруживается в порядке и закономерности мира. Живая природа сотворена по единому плану, развитие природы и истории подчинено трем законам – сохранения, связи подобного и раздвоения противоположностей.

На становление методологии исторического исследования оказали сильное воздействие идеи Иоганна Готфрида Гердера, которые были изложены в его получившей широкий резонанс книге «Исследование о происхождении языка» и статье «О возрастах языка». В этих работах автор отказывается языку в божественном происхождении и неизменяемости, настаивает на его естественном происхождении и необходимости его развития по «естественным законам» во взаимодействии с культурой (в частности, с поэзией), на совершенствовании языка вместе с совершенствованием общества, квалифицирует язык как важнейший компонент национального духа. С именем И.Г. Гердера связано возникновение романтизма с его обостренным интересом к прошлому.

Происхождение языка Гердер связывал с первичными, неартикулированными звуками и поэзией, а генезис разума — с языком, с восприятиями и актами души.

✓ «О языке и мудрости индийцев» немецкого ученого и путешественника Фридриха фон Шлегеля (1808 г.): ученый ввел термин сравнительная грамматика, подчеркивал роль грамматических элементов при установлении языкового родства, формулировал первые постулаты сравнительно-грамматических исследований индоевропейских языков.

Фридрих фон Шлегель стоял у истоков лингвистического компаративизма. Своей нашумевшей книгой «О языке и мудрости индийцев» (1808) он побудил к активным занятиям изучением родственных языков на древнейших стадиях их развития. Им был введен в употребление термин сравнительная грамматика. Первоначально Фр. Шлегель увлекался древнегреческой литературой и философией, а также древнегреческим языком на архаической ступени его развития, разными его диалектами и продуктами их смешения, вопросом становления ионического литературного диалекта. Он активно участвовал в деятельности йенской школы романтиков, где сформировалось его тяготение к историческому рассмотрению культуры и языка. В юношеские годы он признавал естественное происхождение языка в процессе осуществления речевой способности, особенно в поэтической деятельности и в ранних, мистических формах религии, а в зрелые годы стал искать истоки языка в проявлении божественной мудрости.

В связи с поворотом к религиозному мистицизму, в поисках идеала красоты и смысла религии Фр. Шлегель обратился к культуре Индии и к древнеиндийскому языку. Он занялся серьезным изучением санскрита, возводя к древнеиндийскому (в порядке всё меньшей близости) латинский и греческий, германский и персидский, армянский и славянский, кельтский. Подчеркивались значительные их сходства не только в лексике, но и в грамматическом строе. Прародину европейских народов он искал в Индии. Им подчеркивалась роль изучения древних периодов в развитии языков для постижения их истории. Для Фр. Шлегеля наиболее надёжными для истории народов являются данные истории языков.

С именем Ф. фон Шлегеля связан первый опыт типологической классификации языков. Он ввёл понятие флективных языков (на материале санскрита, греческого и латинского), противостоящих отличным от них по своей грамматической организации и занимающим низшую ступень в иерархии типов языков (как китайский). Им высказывалось мнение об изначальном различии флективных и нефлективных (аффиксальных) языков. Друг другу были противопоставлены два класса формообразующих морфем — флексий и аффиксов. Нефлектив-

ные языки оценивались по степени их близости к флективным. Флективные языки были объявлены эстетически совершенными.

Фр. Шлегель верил в развитие народов, говорящих на нефлективных языках, от животного состояния и в возникновение их языков из эмоциональных и звукоподражательных выкриков. Языки типа древнеиндийского характеризовались как изначально выражающие (в силу внутреннего озарения) самые сложные и вместе с тем необычайно ясные понятия и мысли.

Фр. Шлегель предпринимал структурно-грамматические сопоставления (в частности, внутренних модификаций корня) между санскритом и рядом европейских языков для доказательства большего "совершенства" и большей "органичности" санскрита. В ряде германских языков отмечались следы более древних состояний. Наблюдения над фактами латинского языка и восходящих к нему романских языков позволяли констатировать "стачивание" форм в результате потери этими языками своей изначальной чистоты и смешения языков. Было выдвинуто предположение о тенденции перехода от синтетизма к анализируемому.

✓ «Сравнительный словарь всех языков и наречий» российско-го ученого Петра Симоновича Палласа (1790–1791 г.): ученый создал особо благоприятные условия для выделения лексем родственных языков; внес достойный вклад в становление российского языкознания как редактор первого в империи словаря языков разных народов. Не имея лингвистического образования, Паллас вряд ли решился бы на такое важное и новое для него занятие, как составление «Сравнительного словаря всех языков и наречий», однако Екатерина II, имея полное доверие к его выдающимся способностям, возложила на Палласа эту задачу. Еще будучи великой княжной, Екатерина II интересовалась составлением универсального глоссария. Огромный материал для сравнительного словаря всех языков собрал инспектор академической гимназии Людвиг Христиан Бакмейстер. В 1773 г. он обратился к ученым разных стран с призывом предоставить ему образцы известных языков (*"Idea et desideria de colligendis linguarum specimenibus"*, Спб., 1773). Именно Бакмейстер разработал подробный план, согласно которому руководителям академических экспедиций предписано было собирать лингвистический материал. Следуя рекомендации Бакмейстера, академик И.Г.Гмелин собрал слова и образцы сибирского, бурятского, турецкого, персидского и некоторых др. языков, Р. Фальк – татарские, вотяцкие, киргизские, бухарские и калмыцкие слова, И.И. Лепехин – зырянские и пермские слова и выражения, И.А. Гюльденштедт – материал по кавказским языкам (грузинского языка: говоры картвельского, мингрельского, суанского, а также чеченского, ингушского, лезгинского и др. И так, по поручению Екатерины II акаде-

мик Паллас приступил к обработке собранного материала, при этом он продолжал работу по сбору слов и выражений различных языков. Эти новые факты должны были пополнить коллекцию и придать словарю законченный вид. В 1785 г. Паллас составил и разослал по губерниям России, в Европу и Америку новую программу по собиранию слов и образцов разных языков. На его воззвание откликнулись российские губернаторы, посланники, путешественники, а также иностранные ученые: они стали присылать Палласу разнообразный лингвистический материал: глоссарии, анкеты, образчики переводов текстов, книги, словари и др. материалы.

П.С. Паллас считал, что идея создания сравнительного словаря всех языков не случайно возникла именно в России. В Предисловии к словарю он писал: «Между известными в истории государствами нет ни единого на свете, которое бы, как по величине своей и пространству, так и по различию обитающих в нем народов и языков, могло хотя некоторым образом сравниться с Российской империей, выключая разве прежде бывшей Римской Монархии; но и сея если сравнивать обстоятельнее, то уступить должна»

✓ «О системе спряжения санскритского языка в сравнении с таковою в греческом, латинском, персидском и германском языках» немецкого ученого Франца Боппа (1816 г.).

Ученый занимался сравнительным анализом языков – персидского, индийского, арабского и еврейского. В 1816 г. вышла его работа. Притом что в 1818 г. сравнительные данные получил и датский ученый Расмус Раск (1787–1832), изучавший структуру греческого, латинского, германских, балтийских и славянских языков, с той разницей, что санскрита он не знал. "Сравнительная грамматика" Франца Боппа была опубликована в 1849 г. (и переиздана в 1857-1860 гг. с дополнениями), санскрит в ней был проанализирован в связи с греческим, латинским, персидским, германскими, позже – литовским и старославянским языками.

В исследовании охватывается широкий круг индоевропейских языков. Здесь формируется теория агглютинации, в соответствии с которой история языка есть история постепенной интеграции в рамках слова ранее самостоятельных лексических элементов. В слове чётко выделяются минимальные значимые части (названные морфемами у И. А. Бодуэна де Куртенэ). Активно разрабатывалась теория корня. Корни делились на глагольные и местоимённые (аналог современного различения слов знаменательных и служебных).

В противоположность Фр. Шлегелю он отказывается признавать сотворение древнеиндийского как результат единовременного акта откровения свыше и отходит от романтической мистики своих предшественников, заменяя её строгим – в духе естественных наук – мето-

дом «расчленения языкового организма». Индоевропейские языки описываются в сравнении с санскритом как «материнским» языком. Опираясь на рационалистическую грамматику, он постулирует наличие в структуре личных форм глагола всех компонентов логического суждения-субъекта, связки быть (санскритский корень as-) и предиката. Им разрабатывается первая в истории компаративистики схема морфологических соответствий в индоевропейских языках.

✓ «Разыскания о древнесеверном языке» датского ученого Расмуса Кристиана Раска (1818 г.).

Р.К. Раск понимал язык как явление природы, как организм, который должен изучаться посредством естественнонаучных методов. Он стремится применить к сравнению языков приёмы линнеевской классификации растений. При сравнении языков нужна, по его penetrating идее, опора не на лексические, а на грамматические соответствия, причём сперва на соответствие структурных схем, а лишь затем на материальное совпадение флексий. Этот принцип был применен к сравнению языков внутри не только индоевропейской общности. Р.К. Раском осуществлялись опыты внутренней и внешней реконструкции, подготовившие создание теории умлаута как самим Р. Раском, так и состоявшим с ним в переписке Я. Гриммом. Он стремился установить степени родства внутри германских и романских языков, внутри индоевропейских языков, а также участвовал в создании не только индоевропейского, но и финно-угорского и алтайского сравнительно-исторического языкознания.

Для изучения истории народов Раск предлагал изучать языки, так как они могут помочь понять, как связаны между собой разные культуры. Сравнение языков должно выполняться системно, а не опираясь на разрозненные факты. К тому же, Раск пытался сравнить как можно большее количество языков по единой схеме. Такое сравнение должно было выявить сходство их происхождения.

Расмус Раск сравнивал грамматический, а не лексический строй языков. В грамматическом строе важным для него было сходство грамматических схем, а не сходство флексий.

В книге «Руководство по исландскому языку» среди грамматических схем в исландском языке Раск выделил восемь словоизменяемых классов существительных и два способа словоизменения глаголов, что делает его похожим на скандинавские и немецкие языки.

В последующих работах Раск по-другому разделяет глаголы и существительные на разряды и классы, пытаясь ввести единые критерии для их выделения. Он пытался найти сходство схем деления глаголов и существительных в разных языках, что иногда приводило к неправильным выводам. И деление, приведенное им в своей первой работе, можно считать более точным. В поздних работах он выделял

единую схему деления на две группы, каждая из которых в свою очередь делилась на три группы. Хотя его деления не всегда верны, но все же его большим достижением является установка на сравнение грамматических структур. Поэтому некоторые ученые считают его основоположником структурно-типологического языкознания.

Расмус Раск, однако, сравнивает не только грамматические структуры, но и грамматические показатели. Так он первым заметил, что в германских языках изменение гласного в корне происходит под влиянием последующего гласного, что позднее выросло в теорию умлаута.

Для Раска язык – это система, грамматическая структура. Если грамматическая структура меняется, появляется новый язык. Однако он ошибочно считал, что отсутствие изменений в грамматике указывает и на отсутствие изменений в фонетике языка. Сравнение фонетических систем языков также является одним из способов Раска для доказательства родства языков.

Все же основным достижением Расмуса Раска считается использование понятия «буквенных переходов» в определении родства языков. Под буквой понимается единство внешнего вида, названия и значения, а под «буквенным переходом» – изменение звука, которое может быть отображено при помощи букв. Ученый сомневался, свойственны ли «буквенные переходы» только двум языкам или они едины для всех языков. Тем не менее, наличие большого количества регулярных «буквенных переходов» в двух языках он считал критерием их родства. Наряду с «буквенными переходами» Раск обнаружил и регулярные звуковые переходы, положив начало сравнительно-исторической фонетики многих языков.

Последним критерием Раска в определении родства языков было сходство их словарного запаса. Самым важным он считал общность местоимений и числительных, так как они меняются позднее всего при смешении языков.

Таким образом, Расмус Раск пытался установить родство языков, то есть решить задачи сравнительно-исторической грамматики методами сопоставительной грамматики. Он смешивает типологический и генетический подходы, неверно считая критерий сходства грамматических и фонетических структур более важными, чем сходства флексий, словарного запаса и «буквенный переходы». Раск признавал важность исторической грамматики, но сам ею не занимался. Однако его открытия впоследствии помогли созданию исторической грамматики индоевропейских и финноугорских языков.

✓ «Грамматика немецкого языка» в 4-х т. немецкого лингвиста и фольклориста Якоба Гримма (1819–1837 гг.);

Богата результатами анализа фонетической истории германских языков «Немецкая грамматика» (1822) Якоба Гримма.

Первый том «Немецкой грамматики» посвящен морфологии и фонетике, второй – преимущественно морфологии, третий – словообразованию и четвертый – синтаксису. В основе данного исследования лежит сравнение на исторической основе всех германских языков, охватывающее огромный материал, начиная с первых письменных памятников. Вместе с исследованием Фр. Боппа «О системе спряжения санскрита в сравнении со спряжением греческого, латинского, персидского и германского языков» «Немецкая грамматика» Я. Гримма стала той первичной основой, на базе которой впоследствии возникло сравнительно-историческое языкознание.

«Законом Гримма» был назван закон, описывающий регулярные соотношения между индоевропейскими и германскими шумными. Это было настоящее открытие, ибо впервые получены примеры регулярности языковых изменений, что положило начало исторической лингвистике.

Гримм заметил, что в германских языках обычно: 1) мягкий *f* там, где в индоевропейских языках, греческом и латыни – *p*; 2) *p* там, где в других языках *b*; 3) звук *th* там, где в других языках *t*, 4) *t*, где в других языках *d*, и так далее.

Основатели компаративистики не ограничивались сопоставлением языков. В ряде их работ, прежде всего в «Немецкой грамматики» Я. Гримма, исследовалось историческое развитие отдельных языков и языковых групп. Предвосхищая идеи Гумбольдта, Якоб Гримм называл язык вечно изменяющейся категорией, в которой действуют противоречивые силы или антиномии. «При изучении истории языка повсюду видны живое движение, твердость, гибкая, податливая изменчивость, беспрестанная смена взлетов и падений, неукротимое стремление к новому, которое никогда еще не достигало окончательного завершения». Все эти изменения языка, вызываемые бессознательно действующим его духом, обуславливают одновременно и трудность, и легкость освоения языка, – как чужого, так и родного. Надо заметить, что Якоб Гримм находился под значительным влиянием романтических идей о «духе народа» и его отражении в языке, особо подчеркивая роль данных о народных диалектах. Призывая изучать «народный» язык во всем его живом многообразии, Якоб Гримм оказал огромное влияние на становление немецкой диалектологии.

Изучение исторического развития германских языков дало возможность Я. Гримму выявить закономерности их фонетического развития. Ему и некоторым его современникам принадлежат первые формулировки конкретных законов звуковых изменений языка. Понятию звукового закона, введенному Ф. Боппом в 1824 г. и развитому Я.

Гриммом, в то время еще не придавалось столь принципиального значения; зато оно получило развитие у следующих поколений компаративистов.

Сравнительно-исторический метод раскрытия истоков национальной культуры и национального духа, разработанный Якобом Гриммом, оказался в известной степени универсальным. По сути дела, братья Гримм расширили границы германской филологии. Они включили сюда лингвистику, историю германских племен и народов, их этнографию, быт, обычаи, источниковедение и историографию, разыскание и издание всевозможных памятников отечественной словесности. Они включили сюда также германскую и сравнительную мифологию, разнообразные области фольклора. Братья Гримм разыскали, издали, перевели и прокомментировали многие памятники германских, романских, скандинавских и кельтских древностей («Песнь о Хильдебрандте», «Немецкие предания», «Предания об ирландских эльфах», «Древнедатские героические песни» и многое другое).

✓ «О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития» (1820 г.) немецкого мыслителя и филолога Вильгельма фон Гумбольдта.

В статье «О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития» ученый высказывает идеи, связанные с так называемой стадильной концепцией языка. Эти идеи были основаны на анализе значительного для того времени количества языков; в частности, на основании материалов, собранных его братом, он первым среди лингвистов-теоретиков стал изучать языки американских индейцев.

Сравнительное изучение языков было нужно В. Фон Гумбольдту не для выяснения языкового родства (работы Ф. Боппа он оценивал высоко, но сам компаративистикой такого типа не занимался), но и не просто для выявления общего и различного в языковых структурах, как в типологии более позднего времени. Для него было необходимым выявить общие закономерности исторического развития языков мира. Языкознание он, как и все его современники, понимал как историческую науку, но история языков не сводилась для него к истории языковых семей.

В связи с выделяемыми им тремя этапами развития В. фон Гумбольдт выделял «три аспекта для разграничения исследований языков». Первый этап – период происхождения языков. Владевший материалом многих языков так называемых примитивных народов ученый четко осознавал, что «ещё не было обнаружено ни одного языка, находящегося ниже предельной границы сложившегося грамматического строения. Никогда ни один язык не был застигнут в момент становления его форм». Тем более нет никаких прямых данных о происхож-

дении языка. В. фон Гумбольдт отказывался от сколько-нибудь развернутых гипотез в духе XVIII в. О происхождении языка, предполагая лишь, что «язык не может возникнуть иначе как сразу и вдруг», то есть происхождение языка из чего-то ему предшествовавшего – скачкообразный переход из одного состояния в другое. На первом этапе происходит «первичное, но полное образование органического строения языка».

Второй этап связан со становлением языков, формированием их структуры; его изучение «не поддается точному разграничению» от исследования первого этапа. Как уже отмечено выше, этот этап также недоступен прямому наблюдению, однако данные о нем можно полнить, исходя из различий структур тех или иных языков. Становление языков продолжается вплоть до «состояния стабильности», после достижения которого принципиальное изменение языкового строя уже невозможно: «Как земной шар, который прошел через грандиозные катастрофы до того, как моря, горы и реки обрели свой настоящий рельеф, но внутренне остался почти без изменений, так и язык имеет некий предел законченности организации, после достижения которого уже не подвергаются никаким изменениям ни его органическое строение, ни его структура... Если язык уже обрел свою структуру, то важнейшие грамматические формы уже не претерпевают никаких изменений; тот язык, который не знает различий в роде, падеже, страдательном или среднем залоге, этих пробелов уже не восполнит».

Согласно В. фон Гумбольдту, языки проходят принципиально единый путь развития, но «состояние стабильности» может достигаться на разных этапах. Здесь он развил существовавшие и до него идеи о стадиях развития языков, отражающих разные уровни развития тех или иных народов. Здесь позиция ученого оказывается несколько противоречивой. С одной стороны, он предостерегает против установления принципиальной пропасти между уровнями развития языков «культурных» и «примитивных» народов: «Даже так называемые грубые и варварские диалекты обладают всем необходимым для совершенного употребления»; «Опыт перевода с различных языков, а также использование самого примитивного и неразвитого языка при посвящении в самые тайные религиозные откровения показывают, что, пусть даже с различной точностью, каждая мысль может быть выражена в любом языке». С другой стороны, он же определенно пишет: «Наивысшего совершенства по своему строю, без сомнения, достиг греческий язык» (имеется в виду древнегреческий). В статье «О возникновении грамматических форм и их влиянии на развитие идей», откуда взята последняя цитата, В. фон Гумбольдт стремится выявить шкалу, по которой можно расположить языки, достигшие «состояния стабильности» на том или ином уровне (он допускает и возможность

того, что некоторые языки ещё развиваются и «состояния стабильности» не достигли и достигнут лишь в будущем).

В этом пункте В. фон Гумбольдт развил идеи, высказанные незадолго до того двумя другими немецкими мыслителями, принадлежавшими к тому же поколению, – братьями Августом и Фридрихом Шлегелями. Они ввели понятия аморфных (позднее переименованных в изолирующие), агглютинативных и флективных языков; эти понятия, позднее ставшие чисто лингвистическими, связывались братьями Шлегелями и затем В. фон Гумбольдтом со стадиями развития языков и народов.

В работах Ф.Боппа, Р. Раска, Я.Гримма и В. фон Гумбольдта был теоретически обоснован статус сравнительно-исторического языкознания не только как особой, но и автономной лингвистической дисциплины, выводы которой имеют первостепенное значение при изучении культуры и интеллектуальной деятельности человека.

При *системно-структурной парадигме* внимание ученых было ориентировано на изучение языка как системы уровней фонетико-фонологического, лексико-семантического и грамматического, каждый из которых обладал собственной структурой и иерархией единиц. В русле этой парадигмы строятся учебники и академические грамматики. Фундаментальные исследования, выполненные в рамках этой парадигмы, являются ценнейшим источником сведений не только для современных исследователей, но и для будущих поколений лингвистов.

Становление и эволюция системно-структурного подхода к языку происходили на фоне общего поворота науки XX века от «атомистических» к «холистическим» взглядам (т.е. к признанию примата целого над частями и всеобщей связи явлений).

В учении великого швейцарского ученого Фердинанда де Соссюра система языка рассматривается как система знаков, при исследовании которой следует разграничивать ее внутреннюю структуру от внешнего функционирования, проявляемого в речевой деятельности.

Одним из основоположников структурализма в лингвистике считается Фердинанд де Соссюр. Согласно его учению, язык является организующей силой, не только ведущей познание, но и обладающей конституирующим значением. Рассматриваемое в психологическом отношении, наше мышление, если мы откажемся от его выражения при помощи слов, есть только неоформленная и неопределенная масса. Философы и лингвисты едины во мнении, что без помощи знаков мы не были бы в состоянии ясно и более или менее продолжительно осознавать различия между двумя представлениями. Мышление, взятое само по себе, являет собой лишь бесформенное облако. Ничего не определено, пока не проявит себя язык.

Фердинандом де Соссюром была наиболее последовательно разработана теория знака. С его именем связана философская переориентация языкознания, осуществленная столь радикально, что она по праву рассматривается как методология структурализма.

Соссюр рассматривал язык как универсальную знаковую систему, имеющую вследствие этого четко выраженную структуру. Знак представляет собой некое целое, являющееся результатом ассоциации означающего (акустического образа слова) и означаемого (понятия). Означающее и означаемое неотделимы друг от друга как две стороны бумажного листа (мысль – его лицевая сторона, а звук – оборотная; нельзя разрезать лицевую сторону, не разрезав оборотную). Кроме того, язык носит коллективный характер и коммуникативен по своей природе. Отсюда и представление о коде как о совокупности правил или ограничений, обеспечивающих функционирование речевой деятельности естественного языка или любой знаковой системы, то есть коммуникацию.

С конца XIX столетия в языкознании, как в западном, так и в отечественном, начали складываться школы, в рамках которых развивались те или иные традиции изучения языка: методологические взгляды на науку, решение принципиальных вопросов возникновения языков, их эволюция и т.п. В России конца XIX века сложились две большие лингвистические школы — Московская и Казанская. Их основателями были два великих русских лингвиста – Филипп Фёдорович Фортунатов и Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ. Естественно, основные взгляды на язык и способы его изучения «отцов – основателей» повлияли в дальнейшем и на исследования их учеников. В кругу научных интересов Фортунатова, например, выходили вопросы звуковой эволюции языков, отношение языка и мышления, грамматическая теория, теория синтаксиса и т.д. Фортунатов и его ученики всегда отличались строгостью научных исследований. Среди его учеников были А.А. Шахматов, В.К. Поржезинский, А.М. Ляпунов, Д.Н. Ушаков, М. Петерсон и другие. Идеи основателей школы и их основные научные принципы сохранило следующее поколение лингвистов Р.И. Аванесов, А.А. Реформатский, Сидоров, Кузнецов. Это поколение отличали широта взглядов и интерес к новым методам исследования языка. В науке в то время появилось новое направление – фонология. Именно эта проблема стала одной из центральных уже для третьего поколения представителей Московской лингвистической школы.

Особую роль в разработке учения о системе языка сыграли идеи выдающегося российского лингвиста Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ о роли отношений в языке, о разграничении статики и динамики, внешней и внутренней истории языка. Бодуэн де Куртенэ вы-

делил наиболее общие типы единиц системы языка – фонему, морфему, графему, синтагму.

Иван Александрович Бодуэн де Куртене – крупнейший русский и польский языковед, совершивший переворот в науке о языке: до него в лингвистике господствовало историческое направление, а языки исследовались исключительно по письменным памятникам. Бодуэн доказывает, что сущность языка – в речевой деятельности, и призывает к изучению живых языков и диалектов. Только таким путем можно понять языковой механизм и проверить правильность лингвистических описаний. Важность этого нового подхода к изучению языка можно сравнить с ролью, которую в естественных науках играет принцип эксперимента без экспериментальной проверки теория мертва. Сам Бодуэн де Куртене в течение многих лет изучает разные индоевропейские языки, которыми овладевает настолько, что пишет свои работы не только на русском и польском, но и на немецком, французском, чешском, итальянском, литовском и других языках.

Лингвистику Бодуэн рассматривал как психологическую и социальную науку, занимая позиции психологизма, считал единственной реальностью язык индивидуума, однако в то же время стремился к объективному подходу к языку, одним из первых поставил вопрос о точных методах в лингвистике, предлагал выделять слова на основе строгих процедур. Впервые в мировой науке разделил фонетику на две дисциплины: антропофонику, изучающую акустику и физиологию звуков, и психофонетику, изучающую представления о звуках в человеческой психике, т.е. фонемы; впоследствии эти дисциплины стали называть соответственно фонетикой и фонологией, хотя некоторые из непосредственных учеников Бодуэна пытались сохранить его терминологию. Ввёл в науку о языке термины «фонема» и «морфема» в их современном понимании, объединив в общем понятии морфемы как минимальной значимой единицы языка понятия корня и аффикса. Одним из первых отказался считать лингвистику только исторической наукой и изучал современные языки. Исследовал вопрос о причинах языковых изменений, занимался социолингвистикой. Полемизировал с логическим подходом к языку, младограмматической концепцией звуковых законов, использованием в науке о языке метафоры «организма».

Куртене впервые выделил главную единицу фонологии – фонему. Этот термин существовал и раньше, но Бодуэн де Куртене придал ему новый смысл: фонема в отличие от звуков существует вполне объективно, одинаковым образом для всех. Как мельчайшая единица языка, она принадлежит сознанию человека, а не потоку звуковой речи. В фонему объединяются звуки, которые для носителя языка не различаются между собой. Ученый при выделении фонемы прямо

опирался на «языковое чутьё» носителей языка. Безусловно, психологическое восприятие фонемы отражается в буквенных письменностях.

Другой единицей языка, впервые выделенной И.А. Бодуэном де Куртене, была морфема (от греческого слова «форма»). Понятие морфемы де Куртене также связывал с человеческой психикой. Понятие морфемы, как и фонемы прочно вошло в мировую науку о языке. Одним из первых в мировой науке Бодуэн де Куртене поставил вопрос о том, что такое слово, оказывается, что слово можно определять по-разному, а различные его свойства требуют выделения разных единиц, которые могут не совпадать друг с другом и с тем, что обычно называют словом.

Все перечисленные проблемы И.А. Бодуэн де Куртене рассматривал на материале современных языков, не обращаясь к языковой истории. Его интересовало не только, как конкретно изменялся тот или иной звук в каком-либо языке, но и поиск закономерностей языковых изменений. Он старался выявить причины таких изменений.

В разработке учения о системе языка особое место принадлежит отечественному языкознанию, опирающемуся на традиции в изучении языка Филиппа Федоровича Фортунатова, который в общем курсе сравнительного языкознания (1901 – 1902) создал учение о форме слова, в основе которого лежит понятие грамматической формы, под которой он понимал способность слова делиться на основу и аффиксы, различал формы словоизменения (формообразования) и словообразования (деривации).

Фортунатов интересовался общей теорией грамматики, многие из вопросов которой рассматривались им безотносительно к истории языка. Фортунатов особенно активно занимался морфологией; ему принадлежат: определение формы слова как психологически значимой способности слова члениться на основу и окончание; разграничение форм словоизменения и форм словообразования, а также положительной и отрицательной (не имеющей звукового выражения) формы, – в дальнейшем эти идеи были развиты структуралистами в учение о грамматическом нуле. Фортунатовым была предпринята также попытка построения чисто формальной классификации частей речи, сильно отличающейся от традиционной, и формального определения словосочетания и предложения. Хорошо знавший математику, Фортунатов стремился к достижению в грамматике максимально возможной точности и строгости описания (в то время присущей лишь сравнительно-историческому языкознанию); позднее подобная абсолютизация строгости надолго станет характерной чертой структурализма и сыграет важную роль в развитии лингвистики.

Идеи Ф.Ф. Фортунатова были продолжены в трудах академика Виктора Владимировича Виноградова, в частности, в его классическом труде «Русский язык. Грамматическое учение о слове» (1947 г.).

«Русский язык» – один из главных трудов академика В.В. Виноградова, крупнейшего филолога нашего времени, – стал необходимой книгой не одного поколения русистов, языковедов, филологов. Весь ход развития грамматической науки последних десятилетий как бы высветил аксиоматичность одной из ведущих виноградовских идей, пронизывающих «Русский язык», – о взаимодействии лексики и грамматики. Пережитые лингвистами за эти годы дискуссии о необходимости семантики для грамматики, поиски некоторыми научными направлениями чисто формальных способов описания, не достигшие научной значимости, привели абсолютное большинство лингвистов к необходимости исследования взаимодействия лексики и грамматики, к осознанию магистральности этого пути.

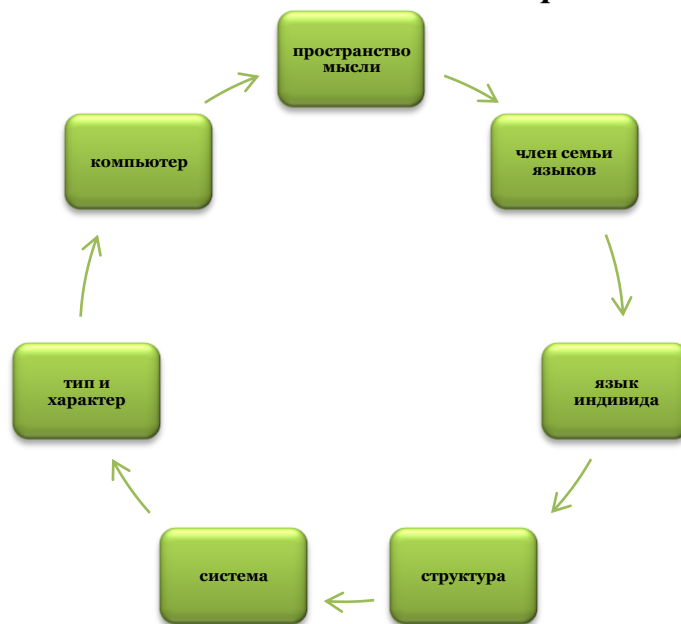
Не только утверждением самой идеи, но реализацией ее в блестящих анализах смысловой сущности грамматических явлений, при неизменном подчеркивании неразрывной связи языка и общественного сознания, В.В. Виноградов как бы опередил на несколько десятилетий свое время. Эта методология определила убедительность решения В.В. Виноградовым ряда важнейших дискуссионных проблем грамматической теории: принципов классификации частей речи, определения основных грамматических понятий, смысловой структуры слова, типологии фразеологических значений, системы глагольных категорий, словообразовательных моделей, соотношения слова и предложения. В «Русском языке» В.В. Виноградовым изложены и основы его концепции синтаксического строя русского языка.

Непреходящее значение этой книги в том, что она отражает глубокое понимание задач и перспектив лингвистической науки, чем особенно поучительна для филологов молодого поколения; представляет опыт осмысления языкового строя не в отвлеченных схемах, а во всем богатстве и многообразии русской речи, в живой динамике ее исторического движения; аккумулирует знания о русском языке, накопленные русской и мировой лингвистической мыслью, с диалектических позиций оценивает их, учит соотносить факты языка с научными концепциями; неустанно привлекает внимание читателя к нерешенным вопросам, недостаточно изученным фактам и аспектам русского языка, сохраняя тем самым не только объяснительную, но и побудительную действенность, оставаясь для многочисленных последователей В. В. Виноградова как бы его научным завещанием.

Новая *антропоцентрическая* (от греч. anthropos 'человек') *парадигма*, оформившаяся в конце XX века – это переключение интересов исследователя с объектов познания на субъекта – человека, опери-

рующего языком, т.е. анализируется человек в языке и язык в человеке, поскольку, по словам И.А. Бодуэна де Куртенэ, «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов, составляющих данное языковое общество».

Чтобы отразить сложнейшую сущность языка, Юрий Сергеевич Степанов представил его *в виде нескольких образов*:

Следовательно, язык, во-первых, – результат деятельности народа; во-вторых, результат деятельности творческой личности и результат деятельности нормализаторов языка (государства, институтов, вырабатывающих нормы и правила).

К этим образам в конце XX века прибавился еще один – *язык как продукт культуры*, как ее важная составная часть и условие существования, как фактор формирования культурных кодов.

С позиций антропоцентрической парадигмы, человек познает мир через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем. Многочисленные языковые подтверждения тому, что мы видим мир сквозь призму человека, это метафоры, «переносящие» обозначение действий человека на природные объекты: *метель разыгралась, метель укутала леса, снежинки пляшут, весна пришла, звуки уснули, земля спит, матушка-зима, мороз-батюшка, годы идут, дни летят, тень ложится, объятый тоской*.

Никакая абстрактная теория не сможет ответить на вопрос, почему можно думать о чувстве как об огне и говорить о пламени любви, о жаре сердец, о тепле дружбы и т.п. *Осознание себя мерой всех вещей придает человеку право творить в своем сознании антропоцентрический порядок вещей*.

Такой порядок, существующий в сознании человека, определяет его духовную сущность, мотивы его поступков, иерархию ценностей. Все это можно понять исследуя речь человека, те обороты и выражения, которые он наиболее часто употребляет, к которым у него проявляется наивысший уровень эмпатии.

В процессе формирования новой научной парадигмы был провозглашен тезис: «Мир есть совокупность фактов, а не вещей» (по словам австрийского философа и логика Людвиг Витгенштейна). Язык был постепенно переориентирован на факт, событие, в центре внимания стала личность носителя языка (*языковая личность*, по теории Юрия Николаевича Караулова). Новая парадигма предполагает новые установки и цели исследования языка, новые ключевые понятия и методики.

Следовательно, формирование антропоцентрической парадигмы привело к развороту лингвистической проблематики *в сторону человека и его места в культуре*, ибо в центре культуры и культурной традиции стоит языковая личность во всем ее многообразии: Я-физическое, Я-социальное, Я-интеллектуальное, Я-эмоциональное, Я-речемыслительное. Человек познает окружающий мир, лишь предварительно выделив себя из этого мира, он как бы противопоставляет «Я» всему, что есть «не-Я». Таково устройство нашего мышления и языка: любой речемыслительный акт всегда априорно предполагает признание существования мира и при этом сообщает о наличии акта отражения мира субъектом.

Итак, антропоцентрическая парадигма выводит на первое место человека, а язык считается главной конструирующей характеристикой человека, его важнейшей составляющей. Человеческий интеллект, как и сам человек, немислим вне языка и языковой способности к порождению и восприятию речи. Текст, создаваемый человеком, отражает движение человеческой мысли, строит возможные миры, запечатлевает в себе динамику мысли и способы ее представления с помощью средств языка.

В рамках антропоцентрической парадигмы оформились *новые лингвистические дисциплины*: когнитивная лингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология и лингвострановедение.

Когнитивная лингвистика (или *когнитология*, *когитология*) – наиболее распространенное (особенно в Европе) название направления лингвистических исследований, сложившегося во второй половине 1970-х годов и имевшего в дальнейшем значительное число последователей. В США, где это направление зародилось, его чаще называют *когнитивная грамматика*, тогда как в России нередко используется термин *когнитивная семантика*, указывающий на один из источников данного исследовательского начинания.

Наука исследует проблемы соотношения языка и сознания, роль языка в концептуализации и категоризации мира, в познавательных процессах и обобщении человеческого опыта, связь отдельных когнитивных способностей человека с языком и формы их взаимодействия.

Главная отличительная черта когнитивной лингвистики в ее современном виде заключается не в постулировании в рамках науки о языке нового предмета исследования и даже не во введении в исследовательский обиход нового инструментария и/или процедур, а в чисто методологическом изменении познавательных установок (эвристик). Возникновение когнитивной лингвистики – это один из эпизодов общего методологического сдвига, начавшегося в лингвистике с конца в 1950-х годов и сводящегося к снятию запрета на введение в рассмотрение «далеких от поверхности», недоступных непосредственному наблюдению теоретических (модельных) конструкторов.

Вообще, когнитивизм есть совокупность наук, объединяющая исследования общих принципов, управляющих мыслительными процессами. Таким образом, язык представляется как средство доступа к мыслительным процессам. Именно в языке фиксируется опыт человечества, его мышление; язык – познавательный механизм, система знаков, специфически кодифицирующая и трансформирующая информацию. Объектом когнитивной лингвистики является язык как механизм познания.

Возникновение когнитивной лингвистики было обусловлено сменой лингвистического мировоззрения в конце 1950-х гг. Генеративная грамматика Н. Хомского с ее центральным понятием «глубинной структуры» языка ввела в компетенцию лингвистики недоступный прямому наблюдению теоретический конструкт. Лингвистика пережила то, что и физика на рубеже XIX-XX вв. – переход на уровень языкового микромира, к новым объектам и методологическим принципам. Начало когнитивной лингвистики положено работами 70-х – начала 80-х гг. Ее институализация как отдельной дисциплины произошло в 1989 г., когда на конференции в Дуйсбурге (ФРГ) было принято решение о создании Международной ассоциации когнитивной лингвистики.

Стандартная для антропологической лингвистики диада «язык – человек» расщепляется в когнитивной лингвистике на триаду «язык – сознание – человек». Когнитивная лингвистика исследует проблемы соотношения языка и сознания, роль языка в концептуализации и категоризации мира. Язык когнитивистика понимает как одну из когнитивных способностей человека, наряду с неязыковыми формами сознания (ментальными репрезентациями). Предметом когнитивной лингвистики является язык как механизм познания, как система знаков, кодирующая и трансформирующая информацию.

Таким образом, *когнитивные категории* (или *модельные конструкции*) – это категории мыслительного содержания, конструкты сознания, моделирующие наши знания о мире и соотносящие их с моделями знаний, зафиксированных в структуре языка».

Почти культовой фигурой современной когнитивистики является Джордж Лакофф (р. 1941). Он начал свою научную деятельность как последователь Н. Хомского, но впоследствии перешел от его трансформационной грамматики к трансформационной семантике. Согласно последней, генераторами высказываний являются не только синтаксические структуры, но и лексическая семантика. Славу Лакоффу принесла его теория когнитивной метафоры. Метафора традиционно считалась языковой конструкцией и художественным тропом. Лакофф в соавторстве с философом М. Джонсоном показал, что метафора не только средство создания образа, но и – ни больше ни меньше – основной способ человеческого мышления: «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична»[72]. О чем бы человек ни думал, какими бы средствами ни пытался описать положение вещей во внешнем мире или в собственной душе, он всегда обращается к своему опыту, уже зафиксированному в языке. В итоге получается, что одна реалья описывается через другую и «суть метафоры – это понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида»[72]. Вслед за Лакоффом метафора в когнитивистике понимается как понятийная категория и важнейшая ментальная операция по категоризации, концептуализации, оценке и объяснению мира.

Этнолингвистика – интердисциплинарная наука, совмещающая в себе предметы и методы языкознания (преимущественно диалектологии и компаративистики), фольклористики и этнографии. Этнолингвистика как составляющая современной семиотики соприкасается с мифологией, историей культуры, этнической историей, теорией этногенеза, в фокусе которых находится человек (прежде всего «человек говорящий» – *homoloquens*) и этнос. По определению Никиты Ильича Толстого, этнолингвистика есть «раздел языкознания или – шире – направление в языкознании, ориентирующее исследователя на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов корреспонденции». Помимо этого, «этнолингвистика занимается эмпирическими исследованиями моделей и функций применения языка в различных ситуационных контекстах, свойственных разным культурам, равно как и созданием общей теории языка, шире – коммуникации вообще во всей совокупности человеческой культуры, опираясь при этом на предпосылки, исходящие от связи конкретных культур с конкретными языками» [86, с.178].

Лингвострановедение есть метод ознакомления обучаемого с современной действительностью страны языка, который он изучает. В ходе процесса данного метода на уроке иностранного языка обеспечивается развитие и формирование коммуникативной компетенции в актах межкультурной коммуникации. В результате обучаемым охватывается представление об обычаях и традициях страны.

Лингвострановедение изучает собственно национальные реалии, нашедшие отражение в языке. Это безэквивалентные языковые единицы (по определению Евгения Михайловича Верещагина и Виктора Григорьевича Костомарова) – обозначения специфических для данной культуры явлений. Рассматривая языковые единицы как органическую часть естественного бытия человека в его социальной и природной среде, лингвисты исходят из тезиса о том, что лингвокультурное освещение языка есть сопоставительное изучение этого языка в сравнении с иностранным либо родным. Поэтому в качестве единиц изучения здесь фигурируют реалии, т.е. те факты действительности, которые объективно присущи только данной этнокультурной общности.

Язык и культура являются основными кодами, с помощью которых осуществляется общение между людьми. Без понимания культуры народа, которые сформировали образ мышления тех людей, с которыми предстоит взаимодействовать, невозможно изучать язык как средство общения. Только при знании культуры можно обеспечить изучающим иностранные языки необходимые фоновые знания, без которых невозможно реальное общение. В ходе взаимодействия языковой структуры и страноведческой информации создается органическая система коммуникативных навыков и умений. Если сравнить две национальные культуры, то можно сделать вывод, что они никогда не совпадают полностью. Это следует из того, что каждая состоит из национальных и интернациональных элементов. Для каждой культуры совокупности этих элементов будут различными. Особенности языкового сознания носителей английского и русского языков таковы, что при преподавании английского языка как иностранного необходим лингвострановедческий комментарий. Так, сравнивая слова «house» и «дом», нужно отметить тот факт, что у англичан это слово связывается в первую очередь, «с местом, где живут», у русских – на первом плане оказывается ассоциация с понятием «семья».

Во всех этих дисциплинах ключевыми понятиями являются – ***язык и культура народа.***

Проблема взаимоотношения языка и культуры появилась в трудах отечественных и зарубежных лингвистов несколько сотен лет назад и, несмотря на это, не утратила своей актуальности и в настоящее время. Развитие семасиологических и ономасиологических теорий сделало очевидным понимание языка как средства, с помощью которого возможно

исследование стоящих за ним ментальных структур. Во 2-й половине XX в. появляется новая наука – лингвокультурология, призванная дать ответ на вопросы о том, как культура кодируется языком, какую культурную информацию несут те или иные языковые единицы, и др. Эта лингвистическая отрасль – порождение парадигмы научных исследований рубежа веков, культивирующей знания интегрированного типа, принцип антропоцентризма при изучении явлений действительности.

В последние десятилетия появился целый ряд фундаментальных работ, в которых намечен методологический аппарат данной науки, предложены оригинальные методы описания языкового материала, сделаны важные теоретические обобщения в ходе анализа языковых фактов. Однако при всей ценности данных исследований приходится констатировать, что лингвокультурология нуждается в уточнении своего категориально-теоретического аппарата. Будучи наукой синкретичного типа, она использует знания, накопленные когнитологией, психолингвистикой, культурологией, семиотикой. Между тем лингвокультурология формирует свой подход к анализу взаимодействия единиц языка, культуры, мышления.

Лингвокультурология оформилась как самостоятельная лингвистическая дисциплина в конце XX в. Специфика, предмет, задачи этой отрасли определены в трудах В.Н. Телия, Н.Ф. Алефиренко, В.В. Воробьева, В. И. Карасика, В.А. Масловой, Ю.С. Степанова, В.М. Шаклеина, Ф.Ф. Фархутдиновой, А.Т. Хроленко и др. В современной русистике сложилось следующее определение лингвокультурологии. Лингвокультурология – научная дисциплина, изучающая процессы и результаты воплощения материальной и духовной культуры в живой язык, взаимодействие языка и культуры. Лингвокультурология является частью этнолингвистики. Специфика лингвокультурологии заключается в том, что она рассматривает взаимоотношения языка и культуры в синхронной перспективе, охватывает не только безэквивалентные единицы (типа лапти, валенки, самовар и т.п.).

Таким образом, лингвокультурология – дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе. Она непосредственно связана с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвистического комплекса. Дискурсесть связанный текст в совокупности с экстралингвистическими прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами. Текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие. Дискурс есть речь, погруженная в жизнь, поэтому термин *дискурс*, в отличие от термина *текст*, не применяется к древним текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно.

Объект лингвокультурологии – язык как отражение и фиксация культуры и культура сквозь призму языка. Язык обладает способностью накапливать и хранить в значениях слов сведения о предшествующих знаниях. Язык есть часть социальной памяти.

Предмет лингвокультурологии – единицы языка и дискурса, обладающие культурно-значимым наполнением, являющиеся тем «каналом», по которому мы можем войти в культурно-исторический пласт ментально-лингвистического комплекса.

Цель лингвокультурологии – исследовать и описать русское культурное пространство и культурный фон коммуникации сквозь призму языка и дискурса.

Основные задачи лингвокультурологии:

- установить способы и средства хранения культурной информации в языковой семантике;
- создать модель национальной картины мира с опорой на данные языка;
- создать и обосновать теоретический аппарат, поскольку лингвокультурология является молодой дисциплиной.

Методологическую базу лингвокультурологии составляют:

- системный подход к вербальным репрезентациям культуры;
- деятельностный подход, определяющий единство деятельности и сознания, позволяющий представить речемыслительную деятельность как объяснительный принцип;
- аксиологический, культурологический, герменевтический подходы, позволяющие интерпретировать языковые явления в соответствии со сформированной той или иной лингвокультурной общностью ценностной шкалой;
- философские принципы детерминизма, определяющего взаимообусловленность всех явлений действительности, и антропоцентризма, наделяющего человека статусом «классифицирующего существа» (О. Есперсен). «Антропоцентризм как особый принцип исследования заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности» (Е. С. Кубрякова).

Лингвокультурология всецело есть детище антропоцентрической парадигмы языка, которая изучает лингвистическую систему через призму человека.

Появление лингвокультурологии было подготовлено развитием ряда наук. Рассмотрим взаимоотношения лингвокультурологии с другими отраслями знания.

Лингвокультурология является ветвью этнолингвистики, которая рассматривает язык в связи с историей народа, с этническими

процессами. Старшей сестрой лингвокультурологии является лингвострановедение. Отличие лингвострановедения от лингвокультурологии в том, что оно является прикладной дисциплиной, готовящей человека для жизни в новых культурных условиях. Лингвострановедение интересуют прежде всего безэквивалентные факты, то есть факты одной культуры, не имеющие аналога в другой. Объект лингвострановедения довольно широк: оно изучает культурно маркированные явления, имеющие разнообразную семиотическую природу (обряды, культурные артефакты и ментофакты и др.). Главное же отличие страноведения от лингвокультурологии состоит в том, что оно не интерпретирует свои объекты, то есть не даёт ответа на вопрос почему?

Очевидно, что рассматриваемая нами наука связана с культурологией. Лингвокультурология использует целый ряд понятий теории культуры, охватывающих феномены как материальной, так и духовной культуры. Лингвокультурология иллюстрирует преломление законов развития культуры в сфере языка.

Лингвокультурология связана с семиотикой. Лингвокультурология акцентирует своё внимание на культурно-специфичных аспектах семиозиса, то есть процесса знакообразования. Лингвокультурологи говорят об особом типе знаков – лингвокультуреме, о возможных группировках знаков в ряды, позволяющие выделить закономерности.

Лингвокультурология связана с лексической и фразеологической семантикой. Инструментарий последней помогает вскрыть лексические и фразеологические средства и способы хранения культурной информации. Знания о структуре лексического и фразеологического значения, особенностях валентности слова, социальной маркированности единиц стали основательной теоретической базой лингвокультурологии.

Будучи когнитивной наукой, лингвокультурология связана с психолингвистикой и когнитивной лингвистикой. Лингвокультурология взяла у этих отраслей знания целый ряд понятий и методов. К ним относятся психолингвистический эксперимент, концептуальный анализ, понятия концепта, категоризации и концептуализации.

Вне всякого сомнения тот факт, что лингвокультурология связана с искусствоведением, литературоведением, лингвофольклористикой, историей, а также целым комплексом наук, представляющих для рассматриваемой нами дисциплины интерпретационную базу (фоновые знания, пресуппозиции), которая используется при объяснении культурных фактов, зафиксированных языком.

Тема II

ОБЩИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ И БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Становление любого направления научного знания предполагает выработку понятийного аппарата, определение основных категорий, которые позволяют подвести под общий знаменатель объект и предмет анализа, проводя исследование в избранном русле, а также уточнение системы методов, направленных на получение нового знания, отвечающего требованиям надежности и достоверности.

Теоретические положения лингвокультурологии

1. Люди, говорящие на разных языках и принадлежащие к разным культурам, по-разному воспринимают мир. Язык обуславливает тип мышления его носителей, способ познания окружающего мира зависит от языка, на котором осуществляется мышление.

2. Поскольку в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем, сознание человека всегда этнически обусловлено. Очевидно, процесс этот носит во многом «неосознаваемый» характер, поскольку сама система сознания скорее всего определяется этническими стереотипами поведения и не осознается каждым отдельным носителем культуры, то есть принадлежит коллективному бессознательному данного национально-лингвокультурного сообщества.

3. Общность культуры и определяет общность сознаний вступающих в коммуникацию индивидов. Эта общность в первую очередь обеспечивает возможность знакового общения, т.е. индивиды могут ассоциировать с этим знаками одинаковые ментальные образы (например: стук в дверь все понимают как знак того, что кто-то пришел и его надо впустить; помахивание рукой – прощание, но у американцев, наоборот, приветствие и т.п.).

4. Культура – достояние общественное, транслируемое от поколения к поколению. Культура – явление реальное, воспринимаемое и репродуцируемое через деятельность членов общества.

5. Богатство сознания каждого отдельного человека зависит от объема присвоенной культуры. Общество, предоставляя каждому

своему члену культуру для присвоения и построения своей личности, позволяет ему формировать себя, с одной стороны, как целостного, общественного человека, а с другой – ограничивает его рамками своей культуры, объемом культурных предметов.

б. Содержание всякой культуры может быть выражено с помощью ее языка и содержание языка неразрывно связано с культурой. По мнению Э. Сепира, возникновение языка предшествовало даже самому начальному развитию материальной культуры, само развитие культуры не могло иметь места, пока не оформился язык, инструмент выражения значения. Но, с другой стороны, язык не существует вне культуры, т.е. вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни.

Основные понятия лингвокультурологии можно систематизировать в соответствии с несколькими параметрами. Тогда формируются 4 группы понятий.

Первая группа включает первичные понятия – понятия базового уровня, опираясь на которые можно перейти к понятиям более высокого уровня.

Вторая группа содержит понятия, представляющие собой объединения компонентов первой группы.

Третья группа объединяет понятия, актуальные для жизни социума, для роли человека в нём.

Четвёртая группа включает в себя понятия, больше связанные с культурой.

I группа

Культурные семы – ядерные семантические признаки в лексическом значении слов, несущие культурную информацию. Например, у слова лапти можно выделить культурные семы: «плетёные из лыка», «крестьянская обувь». Значение слова самовар включает семы «сосуд с топкой», «для чаепития русских». У слова щи выделяются культурные семы «кушанье из рубленой капусты», «пища русских».

Культурными коннотациями В.Н. Телия называет неядерные семы вторичных лексических значений, развивающиеся у одного и того же слова (понятия) в различных культурах. Например, собака у русских ассоциируется с верностью, преданностью, неприхотливостью (фразеологизмы собачья верность, собачья преданность, собачья жизнь). У белорусов собака коннотирует негативные признаки: ушица ў собачую скуру означает «стать негодным, ленивым человеком». У киргизов собака – бранное слово, похожее на русское свинья.

Культурные коннотации свойственны не только метафорическим, но и символическим значениям. В слове кровь

русское сознание сформировало коннотации: 1) символ жизненных сил (фразеологизмы пить кровь, до последней капли крови); 2) символ родства (фразеологизмы родная кровь, кровь от крови);

3) символ здоровья (фразеологизм кровь с молоком); 4) символ эмоций (фразеологизмы кровь бросилась в голову, кровь стынет).

Культурные коннотации по сути являются культурным кодом. При этом из денотата вычленяются отдельные признаки, образ которых предстаёт во внутренней форме слова с переносной семантикой. Коннотации основаны на ассоциациях, идущих от слова, поэтому одно и то же животное выступает эталоном разных качеств в разных культурах. Иногда коннотации могут быть основаны и на реальных свойствах предметов: ихтиозавр (об отсталом человеке), телёнок (о тихом, ласковом человеке), талмуд (об утомительном чтении), винегрет (о всякой смеси). Иногда коннотации рассматривают как оценочный ореол. Например, *голубые глаза для киргизов – самые некрасивые, а коровьи глаза – самые красивые*.

Культурный фон – характеристика номинативных единиц (слов и фразеологизмов), обозначающих явления социальной жизни и исторические события: пропал как швед под Полтавой, красно-коричневые (о национал-патриотах России), оранжевая революция, бело-голубые.

К культурному фону примыкают **прецедентные имена** (термин В.В. Красных): 1) имена героев известных художественных текстов (Тарас Бульба, Обломов); 2) имена, связанные с известными ситуациями (Иван Сусанин, дед Талаш); 3) значимые имена в человеческой культуре (учёные М.В. Ломоносов, Д.И. Менделеев, К.А. Тимирязев, В.И. Вернадский, В.В. Виноградов, А.Н. Колмогоров; писатели и поэты А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, М. Шолохов, А.И. Солженицын, И. Бродский; художники Андрей Рублёв, И.Е. Репин, В. Васнецов, М. Врубель; композиторы М.И. Глинка, П.И. Чайковский, Д. Шостакович, А. Шнитке).

Культурные концепты – имена абстрактных понятий. Культурная информация прикрепляется в них к сигнификату (понятию о предмете). Ключевыми концептами культуры называют ядерные единицы картины мира, обладающие экзистенциальной (имеющей отношение к существованию человека) значимостью. К ним относят *совесть, судьба, воля, доля, грех, закон, свобода, интеллигенция, родина*. В.В. Воробьёв предложил для близкого понятия термин лингвокультурема (совокупность языкового знака, его содержания и культурного смысла).

II группа

Лингвокультурная парадигма – языковая форма, отражающая категории мировоззрения (*время, пространство*).

Культурное пространство (= культурный фонд) – форма существования культуры в сознании её представителей: русское / английское когнитивное пространство. Культурный фонд – кругозор в области национальной и мировой культуры, которым обладает типичный представитель культуры; совокупность базовых единиц конкретной культуры.

Ментальность – мирозерцание в категориях и формах родного языка, отражающее национальный характер. Единица ментальности – концепт данной культуры. Ментальность – незримый минимум духовного единения людей.

Менталитет – способ восприятия и понимания действительности; внутренняя организация ментальности; «склад ума и души» народа; психо-лингвоинтеллект народа; глубинная структура сознания, зависящая от социокультурных, языковых, географических и других факторов (В.А. Маслова); совокупность оценок (З.Д. Попова). Он проявляется на уровне языковой, наивной картины мира, отражённой в мифах, религиозных воззрениях и т.д.

Языковая картина мира (ЯКМ) – совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности. Она более узкая, чем когнитивная. В языке названо только то, что имело для народа коммуникативную значимость, ценность. ЯКМ выражается в семантическом пространстве языка. Она создаётся лексемами, фразеологизмами, лакунами, частотными средствами языка, образными средствами, фоносемантикой, риторическими стратегиями, стратегиями оценки и интерпретации текстов.

III группа

Языковая личность – внутреннее свойство личности, отражающее языковую и коммуникативную компетенцию (знания, умения, навыки) и их реализацию в порождении, восприятии и понимании текстов (Е. Селиванова). Ю. Караулов выделяет 3 уровня языковой личности: вербально-семантический (слова), тезаурусный (понятия) и мотивационно-прагматический (деятельностно-коммуникативные потребности).

Лингвокультурная общность – группа людей с одинаковыми языковыми и культурными привычками.

Субкультура – второстепенная, подчинённая культурная система (например, молодёжная).

Этнос – исторически сложившаяся биосоциальная общность,

характеризующаяся общностью происхождения, психологии, языка и культуры. Это нечто вроде особого биологического вида, исчезновение которого обеднит биогенофонд Земли.

IV группа

Культурные установки – идеальные требования к достойной личности. Они вырабатываются в зависимости от исторического пути народа. Об установках писал Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957). Среди позитивных и негативных установок русского человека он называет коллективизм, бескорыстие, духовность, фетишизацию государственной власти, патриотизм, максимализм, жалостливость, жестокость и т.д.

Культурные ценности – то, что люди считают важным для своей жизни. Выделяются такие ценности: абсолютные, общественные, личностные, ценности биологического выживания. Система ценностей народа выражается в языке.

Культурные традиции – коллективный опыт народа, наиболее ценные элементы социального наследия.

Культурный процесс – взаимодействие элементов культуры.

Культурная универсалия – сходные для всех культур элементы. Это концептуальные (связанные с сущностью концепта *культура*) универсалии: наличие языка, изготовление орудий труда, сексуальные запреты, мифы, танцы. К культурным универсалиям относятся также общие категории мышления: акциональность (связь любого предмета с действием), предметность (отнесённость любых признаков или действий к предмету), компаративность (отношения «что-то как что-то»), посессивность (отношения принадлежности), идентификационность (отношения «что-то является чем-то»).

Цель лингвокультурологии состоит в изучении способов, которыми язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру. В рамках описываемой концепции считается, что в процессе взаимодействия и взаимовлияния языка и культуры первый выполняет не только кумулятивную, но также и транслирующую функцию. Язык не только закрепляет и хранит в своих единицах концепты и установки культуры: через него эти концепты и установки воспроизводятся в менталитете народа или отдельных его социальных групп из поколения в поколение. Через функцию трансляции культуры язык способен оказывать влияние на способ миропонимания, характерный для той или иной лингвокультурной общности.

Эта гипотеза переключается с концепцией Л. Вайсгербера о языке как промежуточном мире между познающим субъектом и реальностью. Данная точка зрения находит подтверждение, в

частности, в формировании и распространении новых фразеологизмов, основанных на «старых» стереотипах сознания, в современном русском языке. Таковы, например, устойчивые словосочетания, характеризующие «интеллектуальную продукцию» низкого качества через атрибуты «бабий», «женский»: «бабья политика», «бабий ритм» (обозначение из профессионального арго музыкантов), «женские стихи», «женский фильм», «женская логика». Эти словосочетания восходят к стереотипу, прямо выраженному во фразеологизме «глупая баба» и запечатленному также в ряде русских пословиц: «у бабы волос долог, а ум короток», «курица не птица, баба не человек», ср. также «у нее мужской ум» – об умной женщине, интеллект которой проявляется не только в житейской, бытовой сфере.

Эти примеры выявляют свойства установок культуры, которые необходимо отметить особо. *Культурно-национальные установки* обычно не носят «абсолютного» характера. Это означает, что в пределах одной лингвокультурной общности сосуществуют различные, иногда – противоположные по оценке одного и того же явления стереотипы сознания. Так, в русском языке отображены и другие, положительные черты женщины: это «верная жена», «верная подруга», «женщина-мать», ср. также «женская нежность», «женская интуиция», где «женскость» кодирует эталоны положительно оцениваемых качеств. Как отмечено В.Н. Телия, стереотип «глупой бабы» характерен в основном для мужского обыденного сознания, а в языке самих женщин воплощающие данный стереотип языковые знаки – устойчивые словосочетания, идиомы, пословицы — появляются скорее как цитации из мужского языка. Знаменательно, что фразеологизмы, воплощающие идеал женщины, «верная супруга и добродетельная мать» получили распространение в русском языке как цитации из языка самой женщины: они известны носителям русского языка как отрывок из письма Татьяны в «Евгении Онегине».

Таким образом, миропонимание народа на каждом синхронном срезе его истории не является однородным: культурно-национальная «палитра» характеризуется множественностью установок, осмыслением сходных ситуаций или явлений с разных позиций, так что в фокус говорящих на каком-либо языке попадают различные стороны ситуации или разные ипостаси явления. Стереотипы, как правило, принадлежат не всему народу в целом, а каким-то определенным его социальным группам.

Соответственно, разноплановой, отображающей различие в существующих в менталитете лингвокультурной общности установок и ценностей культуры, является и *языковая картина мира*. Языковая картина мира понимается здесь как система ценностных ориентации,

закодированная в ассоциативно-образных комплексах языковых единиц и восстанавливаемая исследователем через интерпретацию ассоциативно-образных комплексов посредством обращения к обусловившим их знакам и концептам культуры.

Языковая картина мира предполагает наличие у носителей языка определенного набора общих фоновых знаний, связывающих культурно маркированные единицы языка с «квантами» культуры. В прямом виде эта связь выражена в метафоре и в образующихся с ее участием фразеологизмах и устойчивых сравнениях: так, для носителей русского языка «осел» – эталон глупости и глупого упрямства («глуп, как осел», «ослиное упрямство»); «базар» – эталон некультурного поведения, или общения, построенного на принципе «кто кого перекричит» («орать как на базаре», «базарный тон»). Языковая картина мира, однако, представляет собой категорию лингвистики декодирования. Сама по себе она еще не позволяет описывать режим и механизмы кодирования субъекта речи культурными пресуппозициями, позволяющими правильно и уместно пользоваться существующими в языке средствами выражения и порождать новые. Между тем, исследование этих механизмов способствовало бы выявлению средств трансляции и эволюции культуры, установлению соотношения в ней традиций и инноваций.

В качестве единицы лингвистики декодирования было предложено понятие коллективной культурной идентичности. Коллективная культурная идентичность определяется как результат интенции субъекта, познающего мир вокруг себя и собственное "я", ассоциировать себя с каким-либо сообществом, а также как результат действий, направленных к данной цели. При этом имеются в виду действия как вербальные, так и невербальные. Идентификация предполагает апелляцию к традиции, к авторитету, воплощенным, в том числе, в формах культурно-языкового контекста, диктующего личности определенные законы поведения в тех или иных условиях и ситуациях. Важно подчеркнуть и тот момент, что подобная идентификация может быть как осознанной, так и неосознанной, как, например, в случае с обретающим языковую компетенцию ребенком раннего возраста (13). Активное участие культурно-языкового контекста, речевых форм в идентификации личности подтверждает двунаправленное взаимовлияние языка и культуры. Не только культура воздействует на язык и аккумулируется в нем, но и сам язык воздействует на субъекта речи и, через него, на формирование коллективной ментальности. Определенное «навязывание» языком культурно-национального самосознания происходит постольку, поскольку носители языка осваивают и воспроизводят заключенную в языковых знаках культурную информацию.

Постулирование культурной информации в языковых единицах предполагает наличие категории, соотносящей две разные семиотические системы, а именно язык и культуру, и позволяющей описывать их взаимодействие.

По мнению В.Н. Телия, базовым для лингвокультурологии является понятие культурной коннотации как способа воплощения культуры в языковой знак. Культурная коннотация определяется как «интерпретация денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры» [189, с. 214]. Под категориями культуры понимаются стереотипы, символы, эталоны, мифологемы и другие знаки национальной и общечеловеческой культуры, освоенной народом-носителем того или иного языка. Таким образом, коннотация является звеном, соединяющим знаки языка и концепты культуры, и в то же время инструментом для изучения их взаимодействия. Такое взаимодействие, описываемое через категорию коннотации, прослеживается и в лексическом, и во фразеологическом пластах языка. При этом содержание коннотации не является в каждом случае обязательно неизменным: ее эволюция отображает способность языка воплощать смену культурно значимых для общества ориентиров [185]. Например, в истории русского языка субстантив «товарищ» менял коннотацию несколько раз. Если в первой половине XIX в., в эпоху декабристов, это слово коннотировало интимно-личностные отношения друзей, разделяющих жизненные, в том числе политические, убеждения (Товарищ! Верь, взойдет она / Звезда пленительного счастья!), то позднее, в языке революционеров-разночинцев оно начинает коннотировать принадлежность к делу революции. В период господства социалистического строя слово обретает коннотацию «тот, кто разделяет социалистическую идеологию» [167]. Смена коннотации слова «товарищ» может быть описана как смена культурно значимого смысла 'свой' в его семантике: сначала это 'свой' для узкого круга друзей, затем – для членов революционной организации, и, наконец, – для «новой общности людей»: советского народа, и, шире, социалистического лагеря.

Помимо такого понимания коннотации, включающего в данный термин культурную информацию, эксплицируемую и через денотативный, и через образный аспекты значения, существует и другое определение, включающее в данную категорию только тот тип культурной маркированности, который характерен для переосмысленных языковых единиц.

Культурная информация может быть представлена в номинативных единицах языка четырьмя способами: через культурные семы, культурный фон, культурные концепты и коннотации.

Культурные семы – способ отображения культуры в лексемах и фразеологизмах, обозначающих идиоэтнические реалии [187]. К единицам, содержащим культурные семы в своем значении, относятся наименования предметных реалий. Так, в эту группу входят субстантивы «лапти», «рожон» и фразеологизм «черная изба».

Культурный фон – характеристика лексем и фразеологизмов, обозначающих явления социальной жизни и исторические события. Этот тип культурной информации, как и первый, локализуется в денотативном компоненте значения, однако, в отличие от него, имеет ярко выраженную идеологическую направленность. Примерами могут служить фразеологизмы «серп и молот», «британский лев» или лексема «красно-коричневые» – название, закрепившееся за сторонниками национал-патриотического движения в России 90-х годов.

К культурным концептам относятся имена абстрактных понятий, в семантике которых сигнификативный аспект преобладает над денотативным: они не имеют вещественной «опоры» во внеязыковой действительности в виде предметных реалий-денотатов. Их понятийное содержание «конструируется» носителями языка, исходя из характерной для каждой лингвокультурной общности системы ценностей, поэтому культурные концепты проявляют специфику языковой картины мира. Такие, например, субстантивы русского языка, как «тоска», «воля», «совесть», «правда», не имеют точных эквивалентов в английском языке, их корреляты совпадают с ними по смыслу лишь частично. Так, «воля» – это не ограниченная рамками законов и интересами другого человека свобода, поэтому абсолютного соответствия сигнификатов «воли» и английского *freedom* нет; аналогично, содержание «тоски» передается в английском через ряд слов, каждое из которых несет лишь часть смысла русского субстантива: *anguish* «боль», «страх в душе», «нехорошие предчувствия», *sorrow* «горе», «печаль», «скорбь», *grief* «горе», «печаль».

Культурно-национальная специфичность таких конструктов в значительной степени выявляется через их устойчивую сочетаемость, которая фиксирует и воспроизводит наиболее важные для языковой картины мира «кванты» смысла культурных концептов [98].

Термин «культурная коннотация» в данной классификации типов культурной информации и способов ее воплощения в знаки языка закреплен за той ее разновидностью, которая характеризует образные языковые знаки. Культура проникает в них через ассоциативно-образные основания их семантики и интерпретируется через выявление связи образов со стереотипами, эталонами, символами, мифологемами, прототипическими ситуациями и другими знаками национальной и общечеловеческой культуры, освоенной

лингвокультурной общностью [98]. Система образов, закрепленных в лексических и фразеологических единицах языка, является местом сосредоточения, своего рода «нишей», аккумулирующей мировидение: образные основания так или иначе связаны с духовной, социальной и материальной типами культуры, хотя эта связь не всегда лежит на поверхности значения. Так, в устойчивом сочетании «совесть зазрела» на верхнем уровне семантики находится информация 'совесть представлена так, как если бы это был человек, который прежде не мог видеть, а затем обрел такую способность'. Однако выявление культурной коннотации предполагает соотнесение обоих компонентов фразеологизма и его идиоматического смысла со знаками культуры. По христианским воззрениям, совесть – живое существо, и этот смысл эксплицирован в общем направлении метафоризации предиката: видеть может живое существо. Далее, в религиозном дискурсе общеязыковая ассоциация 'видеть – значит понимать' трактуется как 'способность различать добро и зло', 'знание истины, знание Бога есть вид зренья' (ср. библейское изречение «слепые ведут слепых» о тех, кто не знает, «как если бы не видит» истинного пути, ведущего к Богу). Кроме того, выбор церковнославянского глагола «зреть» также значим с точки зрения культурной маркированности фразеологизма: церковнославянский является особым языковым кодом, разработанным для обозначения богословских и морально-этических понятий в религиозной сфере.

Таким образом, в понятии «культурная коннотация» можно выделить следующие важные параметры. Во-первых, это единица семиотическая: она является связующим звеном между разными предметными областями и их семиотическими системами – языком и культурой. Через коннотации культура хранится в языке и через него, в свою очередь, транслируется из поколения в поколение, поэтому есть основания говорить об особой коннотативно-культурологической функции единиц языка, связывающей эти две системы в диахронном и в синхронном планах.

Во-вторых, культурная коннотация имеет свой «локус» воплощения в системе языка. Это определенный пласт языка, а именно образно мотивированные лексические и фразеологические единицы. Коннотация также имеет локализацию в определенном аспекте значения этих единиц – в образных основаниях этих единиц. В этом смысле культурная коннотация может быть названа знаковой категорией. В-третьих, культурная коннотация представляет собой единицу операционального характера. Владение культурной коннотацией, т.е. умение интерпретировать образно мотивированные единицы языка через соотнесение их с категориями культуры формирует особый тип компетенции носителя языка, не сводимый к языковой компетенции.

Этот тип компетенции был назван В.Н. Телия культурно-языковым [187]. Формирование культурно-языковой компетенции основано на освоении носителем языка культуры через ее тексты – мифы, сказки и предания, религиозные и художественные тексты, а также и через неязыковые семиотические системы (живопись, театр, кино и др.).

Источники культурной интерпретации языковых единиц поддаются классификации на вербальные и невербальные. К невербальным относятся ритуальные формы народной культуры, такие как поверья. Так, в культурной коннотации идиомы «у черта на куличках» отображено поверье о том, что болото является местом обитания нечистой силы. К языковым источникам относятся не только тексты, составляющие философский и теософский дискурсы, исторические исследования и художественную литературу, но также и определенные типы языковых знаков. Это, например, паремиологический фонд языка, поскольку большинство пословиц представляют собой стереотипы и прескрипции народного самосознания. Это также характерные для данной лингвокультурной общности слова-символы, «замещающие» в языке те или иные идеи («крест» – символ горькой судьбы, «рука» – символ власти), или устойчивые сравнения, содержащие в себе систему образов-эталонов повседневной картины мира («стройная, как березка» «здоров, как бык», ср. «бычье здоровье», «глуп, как осел», «уперся, как осел», ср. «ослиное упрямство», «ослиная глупость»).

Помимо умения найти релевантные для каждого конкретного случая источники интерпретации знаков языка в категориях культуры, культурно-языковая компетенция предполагает умение идентифицировать культурно маркированные лексемы и фразеологизмы как элементы определенных коллективных речевых стратегий.

Тема III

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Проблема взаимодействия языка и культуры является одной из центральных в языкознании. *Язык* есть важнейшее средство не только общения и выражения мысли, но и аккумуляции знаний культуры. Будучи сложной знаковой системой, язык может быть средством передачи, хранения, использования и преобразования информации.

Культура, как и язык, также является знаковой (семиотической) системой, способной передавать информацию, но, в отличие от языка, не способной самоорганизовываться, так как культура – это, прежде всего память, сложная семиотическая система, ее функция – память, а ее основная черта – накопление [132, с. 227] и стремление к абсолютной всеобщности. Личность без стремления к своей абсолютной уникальности не может обойтись без общения, диалога культур. Поэтому «язык – нация (национальная личность) – культура» – центральная триада лингвокультурологии, фокус, в котором сходятся и могут быть решены важнейшие проблемы этой отрасли науки.

На сегодняшний день в лингвистике и лингвокультурологии сложилась следующая точка зрения, принятая большинством учёных.

Язык и культура являются разными семиотическими системами, которые имеют, однако, много общего: 1) культура, равно как и язык, – это формы сознания, отображающие мировоззрение человека; 2) культура и язык существуют в диалоге между собой; 3) субъект культуры и языка – это всегда индивид или социум, личность или общество; 4) нормативность – общая для языка и культуры черта; 5) историзм — одно из сущностных свойств культуры и языка; 6) языку и культуре присуща антиномия «динамика – статика».

Различаются эти две сущности следующим: 1) в языке как феномене преобладает установка на массового адресата, в то время как в культуре ценится элитарность; 2) хотя культура — знаковая система (подобно языку), но она неспособна самоорганизовываться; 3) как уже отмечалось нами, язык и культура – это разные семиотические системы.

Эти рассуждения позволяют сделать вывод о том, что культура не изоморфна (абсолютно соответствует), а гомоморфна языку (структурно подобна)

Большое значение для появления лингвокультурологии имела семиотическая теория культуры Ю. М. Лотмана.

Культура часто осмысливается как мировосприятие и миропонимание того или иного народа, совокупность ненаследственной информации, результат действия законов смыслообразования, система его принципов и результатов, совокупность концептов.

Однако в понятие культуры включается не только концептуальный аспект, но и семиотический, рассматривающий механизмы, связанные с хранением знаков и текстов, с их функционированием и преобразованием, с порождением новых знаков и новой информации. Эти механизмы определяют три важнейшие функции культуры: аккумуляционную (мнемоническую, накопительную, сохраняющую), коммуникативную, генерирующую (креативную, порождающую).

Итак, культура – это не только мировоззрение и миропонимание народа, но и совокупность знаковых систем, которые это мировоззре-

ние выражают. Теория семиотики культуры создана Ю. М. Лотманом. В этом параграфе мы изложим основные положения его учения. Культуру Ю.М. Лотман определяет как исторически сложившийся пучок семиотических систем (языков), и каждый член культурной общности выступает как своего рода полиглот. Одна изолированная семиотическая система, сколь совершенно она организована ни была бы, не может составить культуры. Для механизма культуры необходима, как минимум, пара соотнесённых семиотических систем. Стремление к гетерогенности языков – характерная черта культуры. О минимальной культурной модели говорят, если для одной информации имеется хотя бы два различных способа кодирования. Механизм культуры состоит в том, что информация передаётся между различными кодирующими системами. Возникновение языков культуры происходит в результате расщепления наиболее активного языка или соединения двух разных языков в один. Например, естественный язык расщепился на литературный и разговорный; из языка фото и естественного языка родился язык кино. В процессе соединения различных языков в одно культурное пространство действуют две тенденции. С одной стороны, тенденция к разнообразию, увеличению числа языков, по-разному организованных; с другой – тенденция к единообразию, проявляющаяся в стремлении культуры осмыслить саму себя как единую, жёстко организованную систему. В последнем случае культура либо формирует модель самой себя, то есть на определённом этапе возникает миф культуры о себе, создаются тексты, упорядочивающие культуру (например, «Поэтическое искусство» Никола Буало), либо возникает ориентированность культуры на один язык, который занимает доминирующее положение к другим языкам, и его принципы переносятся на всю культуру в целом. Так, мы говорим о культурах, ориентированных на письменность, на рисунок, на математику (культура 2-й половины XX в.).

Для примера можно привести влияние жанра романа во 2-й половине XIX в. на философию, быт, характер политической борьбы. Функционирование культуры заключается в том, что определённый участок действительности переводится на тот или иной язык культуры, который превращает «языковлённую» действительность в культурный текст, фиксирующий информацию. Процесс развития культуры никогда не бывает моноструктурным. Языки культуры постоянно находятся в состоянии взаимообмена. Одни системы воспринимают законы других, переводят их на свой язык. Ю.М. Лотман сравнивал этот процесс с взаимодействием партий различных инструментов в симфоническом оркестре. Написать изолированно историю какого-либо языка культуры – то же самое, что извлечь из оркестра партию одного инструмента.

Культура пребывает в постоянном диалоге с внешним миром, структурируя его по своему образу и подобию. Чем больше внешних связей имеет культура, чем они разнообразнее, тем богаче культура. Внешние силы приводят в движение внутренние механизмы культуры, а не подменяют их. Более того, культура, принимая чужие тексты, начинает создавать огромное количество собственных текстов. Достаточно сопоставить большое количество текстов, принятых русской культурой в XVIII в., и огромное количество этих текстов, переработанных русской культурой в XIX в. Кроме того, культура пребывает в постоянном диалоге сама с собой, это помогает ей сохранить самобытность, усложнить свою структуру.

Процесс развития культуры стихийный, плавно переходящий из одной фазы в другую, поэтому периодизации культуры условны. Однако учёные представляют процесс развития культуры как предсказуемый.

Например, исследователи Л.Н. Толстого показывают, что весь литературный процесс до Толстого как бы готовит появление творчества этого писателя. Поэтому напрашивается вывод, что предсказуемость культурного процесса в ходе исторического прогресса должна возрастать. Однако каждый новый виток развития культуры увеличивает набор возможностей для реализации её смыслов, что должно приводить к увеличению степени неопределённости культуры.

Ю.М. Лотман говорил, что развитие культуры происходит постепенно или по модели взрыва. Эти две формы не могут существовать одна без другой. Так, если научное открытие подобно взрыву, то его техническая реализация – постепенному развитию. Как уже говорилось, культура погружена во внешний мир. Она втягивает этот мир и выбрасывает его переработанным, организованным в соответствии со структурой своего языка. В момент, когда окружающий мир становится втянутым в пространство культуры, возникает взрыв. Взрыв – это момент динамики, в ходе которого переход в новое состояние совершается по законам случайности. В момент взрыва событие вырывается из-под власти жестокой цепи причин и следствий. Взрыв – это столкновение двух по-разному организованных языков. В момент взрыва вся система культуры находится в состоянии резкого возрастания информативности. Линия развития культуры перескакивает на новый, более сложный путь. Определяющим логику развития системы может стать любой элемент этой или другой системы. Момент взрыва есть момент непредсказуемости. Непредсказуемость предполагает набор равновероятных возможностей развития той или иной системы. В действительности реализуется только одна возможность. Затем совершившееся событие осмысливается как единственно возможное в этих условиях. Так, дуэль А.С. Пушкина с Дантесом и гибель поэта рас-

сма­три­ва­ют­ся учёны­ми как обус­лов­лен­ные, за­ко­но­мер­ные факты его жи­зни, раз­ви­тия ли­те­ра­тур­но­го про­цес­са. Про­изо­шед­шее со­бы­тие пред­ста­ёт в мно­го­слой­ном ос­ве­ще­нии: с од­ной сто­ро­ны, оно свя­за­но с па­мя­тью о про­жи­том взры­ве, с дру­гой – при­об­ре­та­ет чер­ты не­из­беж­но­го пред­на­чёр­та­ния. Та­ким об­ра­зом, в ре­тро­спек­тив­ном ос­ве­ще­нии взры­в на­чи­на­ет ос­мы­с­ля­ть­ся как за­ко­но­мер­ное яв­ле­ние. И­так, куль­ту­ра по­ни­ма­ет­ся как но­си­тель ин­фор­ма­ции, со­сто­я­щий из зна­ков и зна­ко­вых си­стем, а так­же пра­вил их ис­поль­зо­ва­ния. На­ря­ду с функ­цией ак­ку­му­ля­то­ра куль­ту­ра вы­пол­ня­ет функ­цию ге­не­ра­то­ра смыс­лов, ко­то­рый сти­му­ли­ру­ет в че­ло­ве­ке про­цес­сы смыс­ло­об­ра­зо­ва­ния. По­сколь­ку этот про­цес­с за­ви­сит от спо­соб­но­сти че­ло­ве­ка рас­поз­на­вать и ин­тер­пре­ти­ро­вать зна­ки, куль­ту­ра как си­сте­ма в сво­ём ис­то­ри­че­ском раз­ви­тии каж­дый раз пред­ста­ёт в но­вом све­те и из­ме­ня­ет свои свой­ства в от­но­ше­нии к дей­стви­тель­но­сти. Куль­ту­ра по­сто­ян­но из­ме­ня­ет­ся как об­ъект поз­на­ния, пред­став­ля­я каж­дый раз но­вый ис­точ­ник ин­фор­ма­ции.

Проблема соотношения языка и культуры не нашла однозначного решения. Рассмотрим основные подходы к решению этой проблемы.

Суть первого подхода состоит в том, что культура воздействует на язык, то есть язык отражает изменения действительности (С.А. Атановский, Г.А. Брутян, Е. И. Кукушкин, Э.С. Маркарян). В рамках второго подхода говорится о воздействии языка на культуру (В. фон Гумбольдт, Э. Сепир, Б. Уорф). Кроме этого существует множество точек зрения, в рамках которых язык рассматривается как средство выражения культуры (Г. О. Винокур), компонент культуры (Ю.В. Бромлей, Е.М. Верещагин, В. Г. Костомаров), часть, способ существования культуры (К. Леви-Стросс) и др. С.А. Кошарная отмечает: «Язык и культура – продукты жизнедеятельности социума. Культура вбирает в себя результаты предметной и мыслительной деятельности, которая обеспечивается и объективируется языком. При этом язык является главным средством выполнения культурой её основных функций: освоения и преобразования окружающего мира; обмена социально значимой информацией (коммуникативная функция); моделирования картины мира; накопления и хранения информации; регулятивной (регламентирующей поведение людей в обществе); воздействующей (эмоциональный фактор); адаптивной (обеспечивающей гармонию этноса с окружающим миром)» [134, с. 31].

История лингвистических учений изобилует высказываниями ученых о взаимодействии языка, мышления и культуры, однако, прежде всего, хотелось бы остановиться на тех вехах в развитии этой идеи, благодаря которым была установлена континуальность концепции, положенной в основу такого рода исследований. Своим истоком современные лингвокультурологические изыскания обязаны идеям

Вильгельма фон Гумбольдта, открыто признавшего прямую и непосредственную связь между языком, мышлением и культурой народа. Признание этой взаимосвязи явилось результатом обращения Гумбольдта к таким краеугольным для современного гуманитарного знания понятиям, как «нация», «дух народа», «языковое сознание», «мировидение».

Рассматривая вопрос о сущности языка во взаимосвязи с говорящим на нем индивидом, В. фон Гумбольдт замечает, что между языком и культурой, языком и мышлением народа существует очевидная связь [66, с. 57, 58, 317]. Анализируя взаимодействие языка и культуры в истории человеческой цивилизации, он утверждает: «Язык тесно переплетен с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждой ступени его локального прогресса или регресса, отражая в себе каждую стадию культуры» [66, с. 48]. Язык «стимулирует человеческую духовную силу к постоянной деятельности» [66, с. 52] и, согласно Гумбольдту, начинает властвовать над человеком: «как ни укоренен язык в недрах человеческой природы, он обладает еще и независимым, внешним бытием, которое властно над самим человеком» [66, с. 52–53]. Языку «присуще очевидное для нас, хотя и необъяснимое в своей сути самодеятельное начало (*Selbstthätigkeit*), и в этом плане он вовсе не продукт ничьей деятельности, а доставшийся им в удел дар, их внутренняя судьба» [66, с. 49]. Стали хрестоматийными, но не потерявшими своей силы строки этого философа и лингвиста: «Духовное своеобразие и строение языка народа пребывают в столь тесном слиянии друг с другом, что коль скоро существует одно, то из этого обязательно должно вытекать другое. В самом деле, умственная деятельность и язык допускают и вызывают к жизни только такие формы, которые удовлетворяют их запросам. Язык есть как бы внешнее проявление духа народа: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [66, с. 68]. Именно духу язык обязан своим развитием и расцветом: дух питает язык, делает его мощным и полнокровным средством выражения и самовыражения народа [66, с. 47, 184–185]. И хотя определение духа в немецкой философии и в собственной интерпретации Гумбольдта далеко от ригористической или хотя бы относительной научной четкости, а порою вообще понимается как нечто само собою разумеющееся, данный тезис не теряет своей притягательной силы.

Таким образом, с точки зрения Гумбольдта, язык наделен этнообразующей силой: именно языковой статус формирует и определяет нацию. В работе «Лаций и Эллада» Гумбольдт подытоживает рассуждения о природе связи языка и народа, утверждая: «душа нации – язык» [66, с. 303]. Он поясняет свой тезис: «Среди всех проявлений, посредством которых познается дух и характер народа, только язык и

способен выразить самые своеобразные и тончайшие черты народного духа и характера и проникнуть в их сокровенные тайны» [66, с. 69]. Гумбольдт подчеркивает, что «всякое изучение национального своеобразия, не использующее язык как вспомогательное средство, было бы напрасным, поскольку только в языке запечатлен весь национальный характер, а также в нем как в средстве общения данного народа исчезают индивидуальности, с тем чтобы проявилось всеобщее» [66, с. 303]. В связи с этим Гумбольдт вводит в обиход новые, весьма важные понятия: «языковое сознание народа» [66, с. 47], «мировидение» [66, с. 319, 322]. Язык складывается, по Гумбольдту, под воздействием трех различных факторов: «реальной природы вещей, поскольку она оказывает воздействие на душу (*Gemüth*), субъективной природы народа, своеобразной природы языка» [66, с. 319]. Три данных взаимосвязанных фактора и обуславливают мировидение, характерное для каждого индивидуального языка.

В исследованиях Гумбольдт подходит к тезису об изначальном единстве языка и мышления, заложив тем самым лингвистический фундамент для объединения наук о культуре. Гумбольдт отмечает, что различие между языками означает не различие «в звуках и знаках, а различие в мировидении как таковом». Дело в том, что язык охватывает преимущественно объекты, входящие в круг потребностей и интересов («практика» в широком понимании) человека, и отображает не столько чисто субстанциональные свойства внеязыкового мира, а, скорее, отношения человека к нему. Тезис о «языковом мировидении» предполагает особое положение языка по отношению к окружающей действительности и человеку: «язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [66, с. 304]. Эти отношения в различных языках преломляются по-разному, через свойственное каждому языку семантическое членение.

Соответственно, можно предположить, что в наших высказываниях о вещах и явлениях мы до некоторой степени следуем и тем ориентирам, которые предначертаны семантикой естественного языка. Гумбольдт утверждает: «мышление не просто зависит от языка вообще, – оно до известной степени обусловлено также каждым отдельным языком» [66, с. 317].

Такое понимание языка как прямого отражения жизнедеятельности и мышления народа было развито и доведено до своего крайнего выражения представителями американской этнолингвистики (Францем Боасом, Эдвардом Сепиром, Бенджамином Уорфом). На рубеже веков, когда в Северной Америке лингвисты приступили к описанию языков американских индейцев, была осознана необходимость описывать грамматическую систему любого языка, исходя из присущей ему грамматической системы и грамматических категорий. В ре-

зультате стал очевидным тот факт, что грамматическая система и, в особенности, лексика каждого языка представляют свою собственную интерпретацию мира и человеческого опыта, закрепленную в языковой форме. Таким образом, был сделан естественный вывод о том, что язык производит категоризацию опыта говорящего на нем человека. Действительно, универсальные категории мира, как например, время, пространство, могут получить совершенно разные языковые манифестации. Только неискушенного человека может удивить тот факт, что языки отличаются один от другого по количеству видовременных форм, по наличию/отсутствию тех или иных грамматических категорий, по степени грамматикализации / лексикализации отношений между сущностями или объектами окружающего мира.

Мысль о категоризирующей роли языка, о навязывании языком того или иного способа представления мира лег в основу теории культурного релятивизма, или языковой относительности. Так, Ф. Боас, изучая языки североамериканских индейцев, сосредоточил свое описание на разнообразии языковых структур и соответствующем им мировидении [The Handbook of Linguistics 2004: 98]. Идеи Ф. Боаса в дальнейшем получили развитие в трудах его ученика Эдварда Сепира, также поместившего язык в контекст человеческого поведения и мышления. Сепир утверждал, что «язык и шаблоны нашей мысли неразрывно между собою переплетены; они в некотором смысле составляют одно и то же». Работая как в сфере лингвистики, так и в сфере антропологии, он пришел к выводу о теснейшем взаимодействии языка и культуры: «Культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают» [171, с. 193]. Таким образом, для Сепира «язык – это в первую очередь продукт социального и культурного развития» [172, с. 138], «это путеводитель в “социальной действительности”» [172, с. 130]. Каждый язык, с точки зрения Эдварда Сепира, структурирует мир особенным образом для говорящего на нем человека. Так, владение незнакомым языком приравнивается к вступлению в новую сферу мысли. «Люди живут не только в материальном мире и не только в мире социальном, как это принято думать, – считал Э. Сепир, – в значительной степени они все находятся во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе.

Представление, что человек ориентируется во внешнем мире, по существу, без помощи языка и что язык является всего лишь случайным средством решения специфических задач мышления и коммуникации, - это всего лишь иллюзия. В действительности же “реальный мир” в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы. Два разных языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средст-

вом выражения одной и той же социальной действительности. Миры, в которых живут различные общества, – это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками» [172, с. 130–131].

Сепировское направление мысли получило дальнейшее развитие и аргументацию в работах его ученика и продолжателя Бенджамина Уорфа. Рассуждая о роли Б. Уорфа в развитии идей американской этнолингвистики, специалист по культурной антропологии С.В. Лурье отмечает: «Бенджамин Уорф, который сделал более, чем кто-либо еще, для развития сэпировского направления мысли, дал новые примеры паттернирования. Уорф особенно фокусировал внимание на концепциях пространства и времени, имплицитных в различных грамматических системах. Уорф заявлял, например, что язык племени не содержит “ни одного слова, выражения, которые бы непосредственно относились к тому, что мы называем «время», или к прошлому, настоящему или будущему, или длящемуся, или к движению скорее как к кинематическому, чем динамическому”» [136, с. 69]. В результате изучения языков индейцев и сравнения этих языков с неким умозрительным обобщением, языковым европейским стандартом, Бенджамин Уорф приходит к выводу о том, что грамматическая структура языка «включает в себя не только способы построения предложений, но и систему анализа окружающего мира, разделяющую поток ощущений на ряд предметов и сущностей, о которых мы составляем предложения» [197, с. 62]. В довершение этого, он считает необходимым признать, что влияние языка на различные виды деятельности людей состоит «не столько в особых случаях употребления языка, сколько в его постоянно действующих общих законах и в повседневной оценке им тех или иных явлений» [197, с. 58].

Образная формулировка Б. Уорфа одного из основных постулатов американской этнолингвистики до сих пор относится к разряду широко цитируемых положений о связи языка и мышления (что, впрочем, не избавляет ее от жесткой критики со стороны многочисленных оппонентов): «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит – в основном языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [198, с. 97]. В конечном итоге, весь ход рассуждений позволяет Б. Уорфу сделать вывод о том, что «мы сталкиваемся, таким образом, с новым принципом относительности, который гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную

картину вселенной только при сходстве или по крайней мере при соотносительности языковых систем» [198, с. 98].

В соответствие с этой гипотезой, в дальнейшем получившей название гипотезы Уорфа или гипотезы Сепира-Уорфа, «когнитивные категории (классы и роды вещей) формулируются не в соответствии с универсальными свойствами человеческого ума, а в ответ на организацию грамматических (включая лексические) систем. Так как, по мнению Э. Сепира и Б. Уорфа, «грамматические системы детерминированы произвольными условностями в языковых общностях, когнитивные системы создаются грамматическими системами, целиком связанными с индивидуальными общностями ...».

Таким образом, Сепир отрицает возможность перевода с одного языка на другой. Б. Уорф занимает более мягкую позицию по этому вопросу и допускает такую возможность, даже при наличии двух разных картин мира: “No individual is free to describe with absolute impartiality, but is constrained to certain modes of interpretation. ... All observers are not led by the same physical evidence to the same picture of the universe, unless their linguistic backgrounds are similar, or can in some way be calibrated” [232, p. 308].

Таким образом, согласно гипотезе Сепира-Уорфа, структура языка определяет структуру мышления и способ познания внешнего мира. Даже поведение человека, по Б. Уорфу, детерминируется языковыми формами: «Поведение людей <...> многими путями соотносится с лингвистически обусловленным микрокосмом» [198, с. 77]

Гипотеза Сепира – Уорфа, или, иначе, релятивистская теория была разработана этими виднейшими американскими учеными в рамках этнолингвистики в 30-е гг. XX века в США. Однако даже американское лингвистическое сообщество неоднозначно восприняло методологические положения вновь заявленной теории: так, уже в 50-е годы эта концепция была подвергнута критическому анализу соотечественниками Э. Сепира и Б. Уорфа. Весьма показательным в этом отношении является факт публикации в Соединенных Штатах филологических изданий, в которых ряд авторов поддерживают теорию языковой относительности, в то время как в рамках того же издания другие лингвисты полностью опровергают гипотезу Сепира- Уорфа, предоставляя многочисленные аргументы против. В целом, оценивая вклад основателей гипотезы лингвистической относительности, можно согласиться с взвешенными выводами, сделанными отечественным антропологом С.В. Лурье. Она подчеркивает, что хотя данная гипотеза представила в явно преувеличенном виде роль языка в восприятии мира, она послужила началом исследования когнитивных категорий, заострив «проблему языковой опосредованности восприятия и осознания мира человеком» [136, с. 71].

Идеи Э. Сепира и Б. Ли Уорфа нашли своих приверженцев и последователей также и среди европейских ученых. Так, в русле концепции американской этнолингвистики вполне укладываются изыскания немецкого философа языка Л. Вайсгербера. Он констатирует, что «реальная практика логики также доказывает, что нет никаких оснований различать проявления мыслительной способности и проявления языковой способности» [40, с. 116], таким образом, налицо «судьбоносная связь народа и его языка» (Л. Вайсгербер). Л. Вайсгербер заявляет, что поскольку языке заложены все средства мышления и выражения, соответственно, все человечество делится на языковые сообщества.

Л. Вайсгербер выводит закон языкового сообщества как неотъемлемой формы человеческого сообщества. Языковое сообщество, в понимании Л. Вайсгербера, выступает «как питательная почва для самых разных форм культурного взаимодействия, как устойчивая, самостоятельная величина внутри государственно-политической жизни, как предпосылка и сфера народной жизни» [40, с. 146, 147].

Как известно, одна крайность неизбежно порождает другую. Позиция американских этнолингвистов, так называемая сильная версия теории языковой относительности, в жесткой формулировке своих основоположников не могла не встретить критики, граничащей с полным неприятием данной точки зрения. Так, в рамках советской лингвистики созревает совершенно противоположная трактовка идеи взаимодействия языка и культуры: советские лингвисты отказываются признавать существование последовательных связей между языком и мышлением. Упор в их рассуждениях делается на универсалиях, которые и составляют существо языковой реальности. Соответственно, в данной трактовке языковые расхождения занимают маргинальное положение и не могут претендовать на то, чтобы составить объект самостоятельного изучения, не говоря уже о целом лингвистическом направлении.

Виднейший советский языковед В.А. Звегинцев подчеркивает, что культурные различия, зафиксированные в языковой форме, касаются лексических единиц, связанных с различием материальных и социальных условий бытования народа (к сфере которых относятся физические, экономические, географические, социальные, культурные и исторические факторы), с функционированием человеческого сознания и с конструктивными особенностями самого языка [78, с. 123–125].

Тем не менее, вопрос о взаимодействии языка и культуры уже не уходит из поля зрения отечественных лингвистов. Начинают появляться работы, авторы которых пытаются найти точку сопряжения данных сфер в рамках языковой единицы. Важным шагом в этом отношении становятся работы Н.Г. Комлева, который указывает на на-

личие культурного компонента в семантической структуре слова. В дальнейшем эта проблематика получает последовательное освещение в работах Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, авторов лингвострановедческой теории слова. Они выделяют непонятную долю в структуре значения лексической единицы, которая, по их мнению, и обладает свойством культуранности. Идея о том, что языковые единицы, наряду с языковым значением, содержат элементы фоновых знаний, активно развивается в работах Г.Д. Томашина. Фоном Г.Д. Томашин предлагает называть сложившиеся в данной культуре ассоциации [196, с. 221]. Сопоставление фонов, также как и коннотативного и денотативного значений лексических единиц разных языков позволяет выделить национально-культурные семантические доли, которые «тесно связаны с совокупностью всех ценностей духовной культуры общества» [196, с. 221]. Исходя из такого понимания семантической стороны лексической единицы, Г.Д. Томашин выделяет целый пласт лексики, которому присваивается статус «реалии». Реалии напрямую связаны с бытованием культуры в обществе: это слова, которые служат обозначению социокультурных феноменов, присущих либо только данной нации или народу (безэквивалентная лексика) либо обозначают предметы, получившие в данной культуре и языке особые дополнительные значения (коннотативные реалии) [196, с. 220]. Исследования подобного рода являются неоспоримыми свидетельствами последовательных попыток отечественных лингвистов разобраться в сложнейшем вопросе взаимосвязи языка и культуры. Данное направление лингвистических исследований в Советском Союзе получает название сопоставительного лингвострановедения.

Итак, становится совершенно очевидно, что за все годы, которые прошли со времени появления этнолингвистики, в результате жарких, а порою и ожесточенных споров, идея лингвокультурного взаимодействия обретает все больше сторонников, обрастая новыми подтверждающими ее фактами из области эмпирики и уточненными теоретическими положениями. Подтверждением правильности тезиса о взаимодействии языка и культуры становятся наблюдения, касающиеся особенностей функционирования языковых единиц в речи, сложного характера языкового значения, связи языка и познания, роль языка в котором невозможно переоценить.

Вместе с тем, последние достижения в исследовании взаимосвязи языка, мышления, познания, культуры позволяют сделать вывод о более сложном, нежели это виделось первоначально, характере зависимости между языком и мышлением народа. При отсутствии однозначных соответствий можно, тем не менее, заметить наличие явных корреляций между этими двумя категориями, можно проследить и установить существование несомненной, хотя и далекой от однозначности, связи

между языком, мышлением и познанием. Таким образом, признавая отсутствие изоморфизма между языком и культурой, нельзя не отметить наличия последовательных корреспонденций между ними.

В энциклопедическом издании «Русский язык» отмечается, что познание действительности через язык ставит проблему соотношения всеобщего и национально-специфического в языковой репрезентации мира. Национальная специфика проявляется уже в том, как, в какой степени и пропорции представлены в языках фундаментальные категории бытия. Русский язык, например, отдает предпочтение пространственному аспекту сравнительно с временным (На свете счастья нет, а есть покой и воля; У меня есть друзья и недруги; У нее милое лицо; В теории есть противоречия; и т.д.). Мир моделируется как локус, характеризующийся предметным содержанием [162, с. 657].

Принцип моделирования личной сферы отличает «языки бытия» (be-languages) от «языков обладания» (have-languages), ср.: У мальчика есть друзья – *The boy has friends*, У тебя нет сердца – *You have no heart*, У меня сегодня собрание – *I have a meeting today*. В бытийных конструкциях имя лица не занимает позиции субъекта, а в конструкциях с глаголом to have оно является подлежащим.

Как отмечают авторы энциклопедии «Русский язык», бытийной основой русского языка обусловлен ряд других его особенностей:

1) активное использование локальных предлогов для передачи временных отношений (до угла = до полудня; зайти за угол = засидеться за полночь; предстоящие трудности, предшествующий день, где-то около 2-х часов, Он где-то интересный человек);

2) приоритетный статус зрительного восприятия перед слуховым (развитие эпистемических смыслов глагола видеть);

3) развитость и тонкая дифференциация категории неопределенности, характерная для бытийных структур (отмечается, что в русском языке существует более 60 неопределенных местоимений. Достаточно вспомнить весьма популярную песню, красочно иллюстрирующую актуализацию в речи данного пласта лексики: «Если кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет...»);

4) тенденция вытеснения имени лица из позиции подлежащего и его оформление косвенным падежом (ср.: *Он грустит – Ему грустно/взгрустнулось*); представление человека как локуса, в котором осуществляются психические процессы и события (*В нем кипела злоба*);

5) большой описательный потенциал лексико-семантических средств, указывающих на ненормативные признаки и явления: косолапый, лобастый, носатый, безухий, болтун, лентяй, бродяга, ломака, хитрюга, приставала, выпивоха и др. [162, с. 657].

Наряду с этими чертами, свидетельствующими о специфике семантической и синтаксической структуры языка, можно отметить и

другие особенности, которые относятся к сфере лингвокультуры, то есть симбиозу конкретного языка и соответствующей культуры данного лингвокультурного сообщества. Таким образом, начатый список можно продолжить, добавив в него целый ряд фактов, которые указывают на последовательный характер взаимодействия языка и культуры;

б) наличие так называемых ключевых концептов культуры. Концепты культуры следует понимать как постоянные величины, обладающие ценностным потенциалом в рамках культурного пространства данного народа и нашедшие языковую форму воплощения. В русском языке эти концепты вербализуются в таких лексических единицах, как душа, правда, справедливость, совесть, судьба, тоска и др. Прежде всего, обращает на себя внимание разница в частотности их употребления. Например, на 1 млн. словоупотреблений лексема судьба встречается 181 раз, fate – 33 раза, destiny – 22 раза [162, с. 657]. Кроме того, может различаться значимость каждой из перечисленных единиц, то есть то «живое знание» (В.П. Зинченко, А.А. Залевская), которое в незафиксированном словаре виде существует в данном лингвокультурном сообществе, осознается его членами и неизменно актуализируется в речи. Одним из убедительных примеров такого рода является слово «душа». А. Вежбицкая обнаруживает принципиальные различия между русской и англо-саксонской психологией: если в русском языке слово «душа» контрастирует со словом «тело», то в английском это противопоставление касается тела и сознания (mind). Недаром, русское «душевнобольной» по-английски значит *mentally ill*.

Подобному анализу подвергается и слово «судьба». «Слово судьба своим значением отчетливо намекает на то, что скорее можно ожидать наступления чего-то плохого, чем хорошего (хотя в целом жизнь человеческая скорее непредсказуема, чем бессмысленна или необходимым образом трагична)» [152, с. 22]. А. Вежбицкая полагает, что в толкование слова необходимо включать такой этнокультурный компонент, который бы отражал культурную значимость соответствующего понятия. Однако необходимо помнить, что этот компонент имеет особый статус – он относится к области этнопсихологии. Аналогичный компонент этнокультурной природы А. Вежбицкая усматривает в слове *авось*. Слова такого рода обеспечивают включенность высказывания в этнический контекст.

7) большая роль экспрессивного словообразования для психологии русской культуры в славянских языках, в отличие от скромно представленного арсенала аналогичных словообразовательных элементов в английском [42, с. 89-90, 393]. Большой диапазон средств экспрессивного словообразования наглядно свидетельствует о тех широчайших возможностях, какими располагает русский язык для выражения межличностных отношений.

8) культурологически маркированное толкование эмоциональных концептов [42, с. 326]. Исследователи подчеркивают, что дело состоит не в различии эмоций от культуры к культуре, а в том, что они получают разное толкование в народной психологии. Так, А. Вежбицкая отмечает, что «англичанам не свойственно «отдаваться» чувствам. Сама культура побуждает их be glad, а не rejoice, be sad, но не pine и be angry скорее, чем fume или rage и т.д.» [42, с. 41]. Соответственно, в английском языке мало непереходных глаголов типа worry, grieve, rejoice, pine. Более того, они, как правило, выражают негативные неодобрительные оттенки: ср. sulk – дуться, быть мрачным, сердитым; fret – раздражаться, беспокоиться, волноваться, fume – кипеть, раздражаться; rave – неистовствовать, бесноваться, быть в исступлении.

9) своеобразие семантических пространств различных языков также обращает на себя внимание. Анализируя семантическую систему языка, А. Вежбицкая приходит к выводу о том, что, «несмотря на наличие универсалий, в целом семантические системы, воплощенные в различных языках, уникальны и культурно-специфичны». Более того, «наличие “воплощенных” (то есть лексикализованных) универсалий не означает абсолютной эквивалентности в языковом употреблении» [41, с. 18]. Таким образом, вступает в действие специфика языкового кодирования, которая, в терминологии М. Бауерман, определяется языковыми принципами семантической категоризации (“language-specific principles of semantic categorization” [229, p. 169–170]) и которая может быть дополнена различными способами репрезентации окружающей действительности в силу наличия и функционирования различных познавательных моделей, действующих несмотря на универсальный характер человеческого мышления и универсальный характер человеческого бытия. Примером подобного рода может служить лексема land. В силу «островного мышления» населения Британских островов в английском языке закреплено противопоставление land ÷ sea, в то время как в русском конвенциализированы иные полюсы – небо ÷ земля [83, с. 83–87].

10) наличие т.н. «поведенческих сценариев», в которых зафиксированы общественные отношения и эксплицированы культурные нормы. «Культурные сценарии» отражают существующую в рамках общества культурную парадигму, «в рамках которой мыслит и действует человек» [41, с. 654]. Примерами такого рода являются многочисленные «культурно обусловленные сценарии»: «сценарий китайской сдержанности», «сценарии того, как думать» (я могу сделать что-то очень хорошее, характерное для англо-американских правил мышления, то, что называется «позитивное мышление»), англо-американское правило «уверенности в себе», сценарии того, как хотеть («англо-американская культура поощряет своих носителей гово-

ритель о том, чего ты хочешь сам и давать другим людям право выбора». В японской культуре не поощряются вопросы к другим людям о том, чего они хотят: вам надо угадывать). В англо-американской культуре принято хорошо говорить в лицо человеку, чтобы получить от них положительную ответную реакцию и поднять их мнение о себе. В японской культуре похвала в лицо не поощряется. С другой стороны, у японцев принято говорить о себе плохие вещи. Подобные «парадигмы общения» имеют соответствующее языковое воплощение [41, с. 655], и эти языковые свидетельства могут служить отправной точкой лингвистического анализа.

Анна Вежбицкая замечает, что примеры подобного рода можно бесконечно множить, и они неизбежно доказывают, что культура и дух встречаются [42, с. 398]. Соответственно, особенности подобного рода убеждают лингвистов в правомочности исследования фактов национально-культурной специфики. Таким образом, жесткая трактовка вопроса о взаимодействии языка и культуры, которая характеризовала подход американских этнолингвистов, уступила место более мягкой трактовке. В соответствии с современным подходом, акценты в изучении лингвокультурной интеракции расставлены несколько иначе. Компромисс в решении вопроса о связи языка и мышления произведен за счет переноса предмета исследования в область взаимодействия языка и культуры. Исследователи пришли к выводу о целесообразности изучения корреляции языка и культуры как некоего психологосоциального феномена. Это позволяет ученым снять спорный и трудно решаемый вопрос о различиях в характере мыслительной деятельности представителей различных этнических групп. Признание очевидности взаимосвязи языка и культуры позволяет исследователям подойти к изучению этнокультурной специфики, имеющей очевидные соответствия с языковыми формами. Однако и в таком случае возможны расхождения, вызванные исходными предпосылками, касающимися:

- 1) различных толкований термина «культура». Исходя из его различных толкований, возможны различные подходы к описанию связи языка и культуры;
- 2) приоритизации различных факторов в соотношении язык-культура. Точкой отсчета может становиться любой из этих компонентов;
- 3) подходов к описанию взаимодействия языка и культуры.

Такое описание может производиться через язык, через культуру, через языковую личность, через языковое сознание. Несмотря на имеющиеся разногласия, можно констатировать факт признания системного взаимодействия языка и культуры и как следствие оформление лингвокультурологии – нового направления лингвистических изысканий.

Тема IV

ТЕОРИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Модель мира есть карта реальности, уникальная репрезентация мира, основанная на обобщении нашего опыта.

Картиной мира в философии, лингвистике, психологии называется представление о мире, отраженное в человеческом сознании. Также иногда используются синонимичные понятия: «видение мира», «образ мира», «мировидение», «восприятие мира», «модель мира», «образ действительности», «тезаурус». Картина мира выражает «специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире». [77, с. 11]. В картине мира отражены главные компоненты человеческого сознания – познавательный, нравственный, эстетический, которым соответствуют сферы: наука, мораль и право, искусство. Практика создает картину мира и влияет на нее, регулирует поведение человека.

История становления понятия «картина мира» связана с развитием физики на рубеже XIX–XX веков. Термин «картина мира» был введен Людвигом Витгенштейном как термин философии и логики в его «Логико-философском трактате» для обозначения системы образов, взаимосвязанно отражающих всю совокупность достигнутых наукой результатов познания мира. С 60-х годов прошлого века проблема картины мира стала рассматриваться семиотикой (труды немецкого ученого Лео Вайсгерберера) при исследовании первичных моделирующих систем (языка) и вторичных систем (мифа, религии, фольклора, поэзии, кино, живописи, архитектуры). Интерес к языковой картине мира проявлялся еще в работах В. Гумбольдта. Одним из основоположников современного учения о языковой картине мира считается германский ученый И. Гердер.

Отечественные философы (Г.А. Брутян, Р.И. Павиленис) и лингвисты (Ю.Н. Караулов, Г.В. Колшанский, В.И. Постовалова, Г.В. Рамишвили, Б.А. Серебренников, В.Н. Телия и др.) различают концептуальную и языковую картины мира. При этом противопоставление концептуальной и языковой картины мира не вполне корректно «ввиду формальной разноплановости, разнонаправленности этих терминов. Термин «языковая картина мира» указывает на то, что носителем картины мира является язык, тогда как термин «концептуальная картина мира» указывает на то, из каких элементов складывается обсуждаемый гносеологический объект» [107, с. 52]. Эклектичность такого

противопоставления проявляется также и в том, что концепты, по мнению большинства лингвистов, являются основными единицами языковой картины мира.

Между картиной мира как отражением реального мира и языковой картиной мира как фиксацией этого отражения существуют сложные отношения. Границы между ними кажутся зыбкими, неопределенными [118, с. 271]. Мир – это человек и среда в их взаимодействии. Отражение мира в сознании, представления человека о мире, информация о среде и человеке – это картина мира. Информация о среде и человеке, переработанная и зафиксированная в языке, – это языковая картина мира.

Носителем как когнитивной картины мира, так и языковой картины мира выступает человек – языковая личность либо некоторое сообщество – «софийный» человек. Соответственно будем говорить об индивидуальных и коллективных картинах мира. В познании человеком объективной реальности состоит создание картины мира. Источники ее формирования могут быть следующими: а) врожденное знание – *на уровне врожденного знания человек не отличается от животного*; б) знание, полученное человеком в результате его практической деятельности – *опыт взаимодействия человека с природой и социумом*; в) знание, полученное из текстов, с которыми человек знакомится на протяжении своей жизни; г) знание, выработанное в процессе мышления; д) знание, внушенное родным языком – *«когнитивное наследство, предоставляемый ей этносом стартовый капитал»* [107, с. 3243]. Картина мира как отдельного, так и «софийного» человека формируется на основе всех вышеперечисленных источников, т.е. информация о мире получается по различным каналам. Языковая же картина мира основана только на знании, внушенном родным языком, его единицами и категориями. Однако следует учитывать, что любое знание, которым обладает языковая личность, в той или иной мере обусловлено языком. Картина мира – ментальное образование, хотя мышление вне языка фактически невозможно, поскольку это одна из ипостасей ментально-лингвального комплекса наряду с сознанием и языком [107, с. 19–23]. Основные элементы картины мира – информемы – некоторые информационные целостности. Картина мира экспонируется в языке, в жестах, в изобразительном искусстве и музыке, ритуалах, вещах, этикете, мимике, модах, способах ведения хозяйства, технологии вещей, в социокультурных стереотипах поведения людей и т.д. Языковая картина мира – это ментально-лингвальное образование, ее элементами являются концепты, т.е. означенные информемы. Экспонентом языковой картины мира служит этнический язык. Различия между картиной мира и языковой картиной мира представлено в таблице. Как видно из вышеизложенного, основанием дифференциации картины мира и языковой картины мира является фиксированность

и представленность информации в языке. Картина мира может быть глобальной, общечеловеческой, поскольку включает в себе логику человеческого мышления. В этом смысле картины мира у всех людей имеют общие черты, так как человеческое мышление осуществляется по единым законам. Однако у представителей разных эпох, разных социальных, возрастных групп, разных областей научного знания и профессий картины мира могут быть различными. Люди, говорящие на разных языках, могут иметь при определенных условиях близкие картины мира, а люди, говорящие на одном языке, – разные. В картине мира взаимодействует общечеловеческое, национальное, социальное и личностное.

Различие между концептуальной и языковой картинами мира

Основания различения	Концептуальная картина мира		Языковая картина мира	
	<i>индивидуальная</i>	<i>коллективная</i>	<i>индивидуальная</i>	<i>коллективная</i>
Носитель (субъект)	Человек	Сообщество	Языковая личность	Языковой коллектив
Экспонент	Деятельность, в том числе речевая	Язык, жесты, мимика, изобразительное искусство, музыка, ритуалы, этикет, моды и т.д.	Речь	Язык (этнический)
Элементы	Информемы, информемные конфигурации, концепты	Концепты, концептные конфигурации	Информемы, информемные конфигурации, концепты, концептные конфигурации	Концепты, концептные конфигурации

Таким образом, языковая картина мира обусловлена этническим языком и в нем репрезентирована, следовательно, она не может носить глобальный характер, хотя общечеловеческие элементы, безусловно, в ней представлены. Таким образом, языковая картина мира относится к концептуальной картине мира как частное к целому, занимая при этом значительное пространство в картине мира, поскольку знание, внушаемое человеку родным языком, намного превосходит по объему и качественному разнообразию знание, полученное из всех других источников, вместе взятых.

В процессе познания мира человек постоянно развивает, корректирует картину мира, и это происходит довольно быстро. Языковая же картина мира закономерно изменяется медленнее, она консерва-

тивна и долго хранит архаичные элементы ранних картин. Эти элементы служат основой для создания новой картины мира, они в процессе познания наполняются новым смыслом. При этом языковая картина мира способна содержать в себе и устаревшие, и новые картины мира.

Концептуальная картина мира складывается в сознании человека благодаря формам общественного сознания.

Общественное сознание характеризует зависимость духовной жизни общества от объективных явлений, существующих вне отношений людей друг к другу и к природе. Социально-историческая память – важнейшая структурная характеристика общественного сознания. Она обеспечивает сохранение обществом ранее накопленной информации, имеющей для него ценностное значение, а также собирание новой информации, вырабатываемой в ходе практической деятельности, научного познания и духовного творчества отдельных индивидуумов, их производственных, социально-политических, научно-культурных, религиозных и иных объединений. Посредством языка, а также других знаковых систем осуществляется воспроизводство как обыденного (*бытовая картина мира*), так и теоретического сознания (*концептуальная, научная картины мира*).

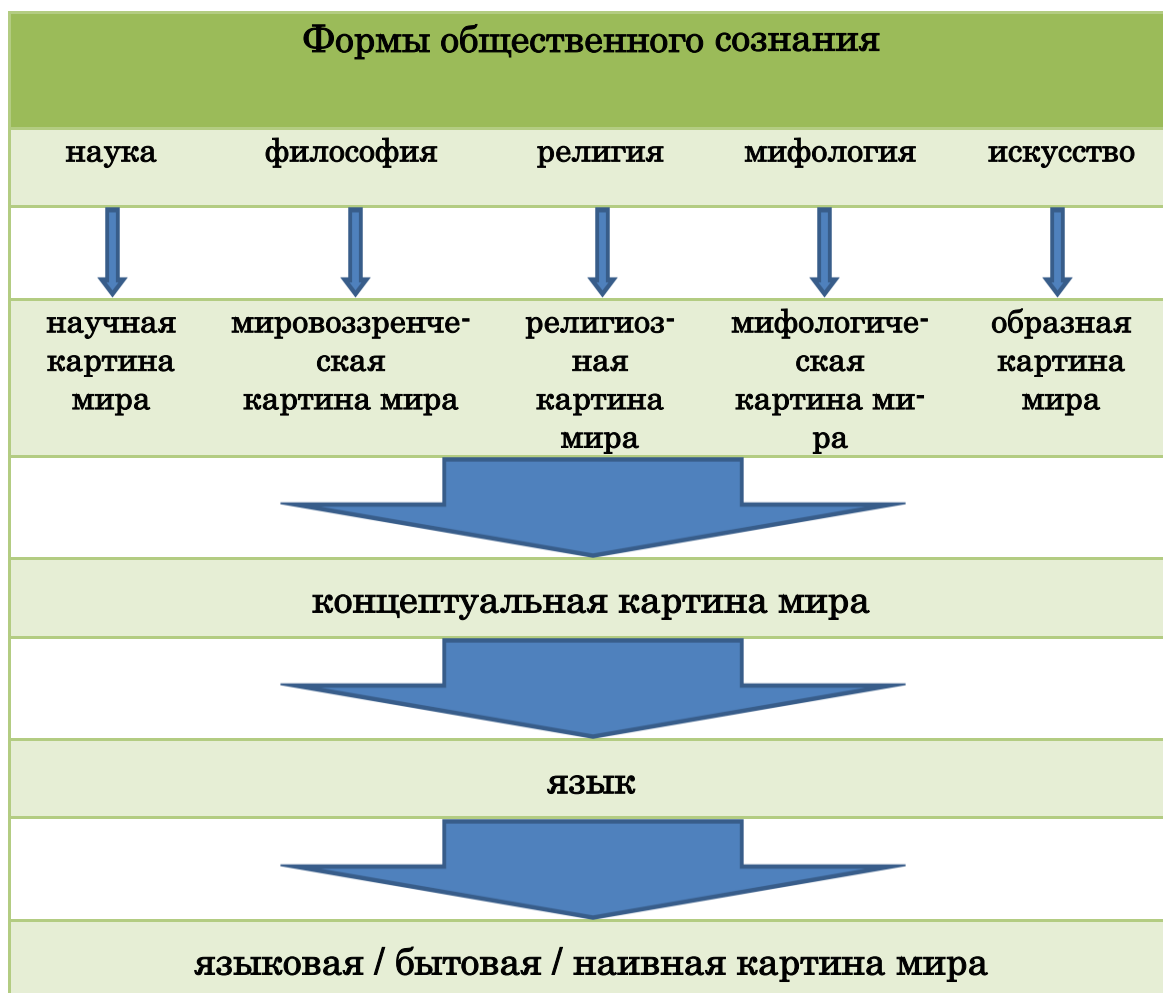
В современной философии выделяют *пять форм общественного сознания*.

Наука – сфера человеческой деятельности, функцией которой является обработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности. Цели науки есть описание, объяснение и предсказание процессов и явлений действительности на основе от-

крываемых ею законов, в широком смысле – теоретическое отражение действительности. Научная деятельность дает приращение нового знания.

От эстетического (художественного) способа освоения действительности, носителем которого является *искусство*, т.е. образное отражение действительности, науку отличает стремление к логическому, максимально обобщенному объективному знанию. Искусство характеризуют как «мышление в образах», а науку – как «мышление в понятиях». Сложный характер имеет взаимосвязь между наукой и *философией* как специфическими формами общественного сознания. Философия всегда выполняет по отношению к науке функции методологии познания и мировоззренческой интерпретации его результатов. Наука, ориентированная на критерии разума, по своему существу была и остается противоположной *религии* и *мифологии*, в основе которых лежит вера в сверхъестественные начала. И только в *языке* все эти специфические формы общественного освоения действительности не только получают свое окончательное оформление и закрепление, но и органично сливаются, дополняя друг друга.

Научная картина мира – целостная система представлений об общих свойствах и закономерностях природы, возникающая в результате обобщения и синтеза основных естественнонаучных понятий и принципов и складывающаяся на основе знаний человека о природе и человеке, накопленных человечеством на протяжении тысячелетней истории науки.

В структуре научной картины мира можно выделить два главных компонента: концептуальный (понятийный) и чувственно-образный.

Концептуальный компонент представлен 1) философскими категориями (материя, движение, пространство, время), 2) философскими принципами (материального единства мира, всеобщей связи и взаимообусловленности явлений), 3) общенаучными понятиями и законами (закон единства и борьбы противоположностей, закон отрицания отрицания, закон перехода количественных изменений в качественные), 4) фундаментальные понятия отдельных наук (поле, вещество, энергия, Вселенная, биополе, вид, язык, слово).

Чувственно-образный компонент научной картины мира – это совокупность наглядных представлений о природе, например, планетарная модель атома, образ метagalактики в виде расширяющейся сферы, понимание сущности языка как постоянно развивающейся знаковой системы.

Научная картина мира это – множество теорий в совокупности описывающих известный человеку природный мир, целостная система представлений об общих принципах и законах устройства мироздания. Поскольку картина мира это системное образование, ее изменение нельзя свести ни к какому единичному, пусть и самому крупному и радикальному открытию. Как правило, речь идет о целой серии взаимосвязанных открытий, в главных фундаментальных науках. Эти открытия почти всегда сопровождаются радикальной перестройкой метода исследования, а так же значительными изменениями в самих нормах и идеалах науки. Таких четко и однозначно фиксируемых радикальных смен научной картины мира, научных революций в истории развития науки можно выделить три, обычно их принято персонифицировать по именам трех ученых сыгравших наибольшую роль в происходивших изменениях. Аристотелевская (VI–IV века до нашей эры) в результате этой научной революции возникла сама наука, произошло отделение науки от других форм познания и освоения мира, созданы определенные нормы и образцы научного знания. Наиболее полно эта революция отражена в трудах Аристотеля. Он создал формальную логику, т.е. учение о доказательстве, главный инструмент выведения и систематизации знания, разработал категориально понятийный аппарат. Он утвердил своеобразный канон органи-

зации научного исследования (история вопроса, постановка проблемы, аргументы за и против, обоснование решения), дифференцировал само знание, отделив науки о природе от математики и метафизики Ньютоновская научная революция (XVI–XVIII века), Ее исходным пунктом считается переход от геоцентрической модели мира к гелиоцентрической, этот переход был обусловлен серией открытий, связанных с именами Н. Коперника, Г. Галилея, И. Кеплера, Р. Декарта, И. Ньютон, подвел итог их исследованиям и сформулировал базовые принципы новой научной картины мира в общем виде. Основные изменения: Классическое естествознание заговорило языком математики, сумело выделить строго объективные количественные характеристики земных тел (форма величина, масса, движение) и выразить их в строгих математических закономерностях. Наука Нового времени нашла мощную опору в методах экспериментального исследования, явлений в строго контролируемых условиях. Естествознания этого времени отказалось от концепции гармоничного, завершенного, целесообразно организованного космоса, по их представления Вселенная бесконечна и объединена только действием идентичных законов. Доминантой классического естествознания, становится механика, все соображения, основанные на понятиях ценности, совершенства, целеполагания, были исключены из сферы научного поиска. В познавательной деятельности подразумевалась четкая оппозиция субъекта и объекта исследования. Итогом всех этих изменений явилась механистическая научная картина мира на базе экспериментально математического естествознания. Эйнштейновская революция (рубеж XIX–XX веков). Ее обусловила серия открытий (открытие сложной структуры атома, явление радиоактивности, дискретного характера электромагнитного излучения и т.д.). В итоге была подорвана, важнейшая предпосылка механистической картины мира – убежденность в том, что с помощью простых сил действующих между неизменными объектами можно объяснить все явления природы.

Научная картина мира тесно связана с мировоззрением, являясь одним из действенных способов его формирования.

Мировоззренческая (философская) картина мира– обобщенная система взглядов на мир и место в нем человека, на бытие и познание, на отношение человека к миру, на всеобщие законы развития природы, общества и мышления. Мировоззренческая функция философии проявляется в том, что, вооружая людей знаниями о мире и человеке, о его месте в мире и возможностях его познания и преобразования, оказывает влияние на формирование жизненных установок, на осознание социальными субъектами целей и смысла жизни.

Философское мировоззрение отличается от мифологического и религиозного не в форме, а в содержании освоения действительности.

В нем уже различаются природный и социальный мир, человеческий способ действий и проявление природных сил и явлений. Стало это возможным благодаря накоплению математических, физических и астрономических знаний, появлению календаря и распространению письменности. Если предшествующие исторические типы мировоззрения можно определить как переживание человеком реальности и своего бытия в ней, то философское мировоззрение есть размышление человека о существующем, есть самопостижение. Если человек хочет понять смысл своей жизни, он обращается не к научным трактатам. Научное знание может многое объяснить ему, но не через это знание он будет двигаться к своим идеалам. Они лежат в другой плоскости. Постигание смысла жизни является сущностной характеристикой философского знания. Философия дает возможность человеку найти себя в безбрежном океане событий, глубоко осознать не только внешний, но и собственный духовный мир, осмыслить, в чем его предназначение в потоке бытия. Никакая другая наука не учит тому, каким надо быть, чтобы быть человеком. С понятием мудрости в древнегреческой философии связывался высший идеал знания и поведения.

Структура и содержание мировоззренческой (философской) картины мира исторически изменяется в тесной связи с развитием общества, всех сторон его духовной жизни, в том числе с развитием науки и самого философского знания. Философия зародилась на заре человеческой цивилизации в Индии, Китае, Египте, но своей классической формы достигла в Древней Греции. Зарождение философии исторически совпадает с возникновением зачатков научного знания, с появлением общественной потребности в изучении общих принципов бытия и познания.

Итак, основным методом философского познания является теоретическое мышление, опирающееся на совокупный опыт человечества, на достижения всех наук и культуры в целом. Напротив, предпосылками мифологической «логики» служили неспособность человека выделить себя из окружающей среды, нерасчлененность мифологического мышления, не отделившегося от эмоциональной, аффективной сферы. Следствием было метафорическое сопоставление природных и культурных (социальных) объектов, очеловечивание окружающей природной среды, в том числе одушевление фрагментов космоса.

Мифопоэтическая модель мира или мифологическая картина мира часто предполагает тождество или особую связанность, зависимость макрокосма и микрокосма, то есть природы и человека. Это тождество объясняет многочисленные примеры антропоморфного моделирования не только космического пространства и земли в целом, но и бытовых сфер – жилища, утвари, посуды, одежды, разные части которых на языковом и неязыковом уровнях соотносимы

с названиями человеческого тела (ср. *подножие горы, ножка стола/рюмки, ручка двери/ковша, нос корабля, крыло птицы* и однокоренное *крыльцо (крытый вход в жилище)* и т.п.).

К наиболее существенным характеристикам мифа относятся такие, как:

✓ миф – древнейшая форма науки, размышления о том, каким образом возникла Вселенная; представление о единстве и нерасчлененности мира;

✓ миф – это нечто постоянное и неизменное для всех людей во все времена: общие модели, сюжеты и даже детали, содержащиеся в мифах, встречаются везде и повсюду: сценарий сотворения мира, события грехопадения, всемирный потоп, герои, путешествия в подземный мир, тропа мертвых, конец света и т.д. Это объясняется тем, что миф – это совокупное наследие воспоминаний наших предков, передававшееся из поколения в поколение. Миф даже может входить в структуру нашего подсознания;

✓ миф – это рассказ о событиях, совершившихся до начала письменной истории, и о знании событий, которые произойдут в будущем. Миф – это нить, соединяющая воедино прошлое, настоящее и будущей помогающая людям и обществам достойно и адекватно приспособиться к своему окружению.

Религиозная картина мира – (от лат. religio – благочестие, набожность, святость, предмет культа) – мировоззрение и мироощущение, а также соответствующее поведение и специфические действия (культ), которые основываются на вере в существование (одного или нескольких богов), «священного», т.е. той или иной разновидности сверхъестественного.

Религия была вторым историческим типом мировоззрения. Религиозное мировоззрение обладало многими общими чертами с предшествующим ему мифологическим мировоззрением, но имело и свои особенности. Прежде всего, религиозное мировоззрение отличается от мифологического по способу духовного освоения действительности. Мифологические образы и представления были многофункциональны: в них в еще не развитой форме переплеталось познавательное, художественное и оценочное освоение действительности, что создавало предпосылку для возникновения на их основе не только религии, но и различных видов литературы и искусства. Религиозные образы и представления выполняют лишь одну функцию – оценочно-регулятивную.

Неотъемлемой чертой религиозных мифов и представлений является их догматизм. Возникнув, религия сохраняет известный запас представлений на протяжении нескольких веков. Религиозные образы многозначны: они допускают различные их истолкования, в том числе абсолютно противоположные. Поэтому на основе одной системы ре-

лигиозных догм складывается всегда множество различных направлений, например в христианстве: католицизм, православие, протестантизм. Еще одной особенностью религиозных образов и представлений является то, что в них скрыта иррациональность, которая подлежит восприятию только верой, а не разумом. Последний вскрывает смысл образа, но не опровергает и не разрушает его. Эта особенность религиозного образа лежит в основе признания приоритета религиозной веры над разумом.

Центральное место в любом религиозном мировоззрении занимает всегда образ или идея Бога. Бог здесь рассматривается в качестве первоначала и первоосновы всего существующего. Причем это уже не генетическое первоначало, как в мифологии, а первоначало – создающее, творящее, производящее. Следующая особенность религиозно-мировоззренческого способа освоения действительности – универсализация духовно-волевой связи, представление о которой постепенно вытесняет мифологические представления о всеобщей родственной связи. С точки зрения религиозного мировоззрения все существующее и происходящее в мире зависит от воли и желания бога. Всем в мире правит божественное провидение или устанавливаемый и контролируемый высшим существом моральный закон. Для религии характерно признание примата духовного над телесным, чего нет в мифологии. Отношение к действительности, определяемое религиозным мировоззрением, существенно отличается от иллюзорно-праксеологического способа действий, связанных с мифологическим мировоззрением. Это пассивное отношение к действительности.

Доминирующее положение в религии занимают умиловительные действия (почитание различных предметов, наделенных сверхъестественными свойствами, молитвы, жертвоприношения и другие действия).

Таким образом, религиозное мировоззрение – это способ освоения действительности через ее удвоение на естественную, земную, поюстороннюю и сверхъестественную, небесную, потустороннюю. Религиозное мировоззрение прошло длительный путь развития, от первобытных до современных (национальных и мировых) форм. В религии постигалось единство между разными родами и племенами, на основе которых создавались новые общности – народности и нации. Мировые религии, например, христианство, поднимались даже до осознания общности и провозглашения равенства перед Богом всех людей. В то же время каждая из них подчеркивала особое положение своих последователей.

Религиозная картина мира – совокупность наиболее общих религиозных представлений о мире, его происхождении, строении и будущем, важный элемент религиозного мировоззрения. Религиозная

картина мира в определенной форме присуща всем религиям, детально разработана в развитых религиозных системах. Главный признак религиозной картины мира – разделение мира на сверхъестественный и естественный, при абсолютном господстве первого над вторым. Для религиозной картины мира иудаизма, христианства, ислама, ряда других религий характерны трехъярусное строение мира (небеса, Земля, преисподняя), противопоставление небесного (совершеннейшего) земному (бренному), ей присущи гео- и антропоцентризм.

Важнейшие элементы религиозной картины мира – креационизм и эсхатология. Религиозная картина мира содержится в «святых книгах» (Веды, Библия, Коран). Христианская картина мира сформировалась путем синтеза библейских идей творения и божьего промысла, космологических элементов греческой философии и ряда естественно-научных представлений древности, вошедших в геоцентрическую систему Птолемея. Традиционная религиозная картина мира была разрушена созданной естествознанием научной картиной мира.

Искусство как одна из форм общественного сознания является специфическим видом практически-духовного освоения мира. К искусству относят группу разновидностей человеческой деятельности – живопись, музыку, театр, художественную литературу, объединяемых потому, что они являются специфическими образными художественными формами воспроизведения действительности.

Основным понятием искусства является *художественный образ*. *Художественный образ* – всеобщая категория художественного творчества, средство и форма освоения жизни искусством. Под образом обычно понимается элемент или часть произведения, обладающие самостоятельным существованием и значением (например, в литературе образ персонажа, в живописи – изображение предмета и т.п.). Но в более общем смысле художественный образ – особый способ бытия художественного произведения, взятого со стороны его выразительности, впечатляющей энергии и осмысленности.

Термин художественная картина мира был введен в научный оборот Б.С. Мейлахом [140]. В настоящее время в науке используются несколько терминов-синонимов: художественная модель мира, художественный образ мира, художественная действительность. Художественная картина мира как результат особого способа отражения действительности давно привлекала к себе внимание ученых. В результате этих общетеоретических исследований художественного опыта человечества в теории картины мира появилось такое понятие, как генеральная (глобальная) художественная картина мира, которая представлена огромным фондом произведений литературы, живописи, музыки, кино, театра и т.п. и формируется на основе их восприятия и под воздействием искусствоведческих исследований и критических работ.

Основными признаками художественной картины мира, выделенными различными учеными, являются:

1) антропологичность и связанная с ней субъективность, так как художественная картина мира выражает отношение автора произведения к миру;

2) философская основа: художник, создающий художественную картину мира, придерживается философских идей, хотя иногда этого не осознает; они могут быть выражены в неявном виде;

3) существование художественной картины мира в произведениях конкретных авторов и ее постоянное воссоздание в процессе восприятия произведений адресатами;

4) особая образность: художественная картина мира основывается на системе художественных архетипов, то есть на фундаментальных образах как носителях художественного знания; для образов художественной картины мира характерна многозначность, способность вызвать массу ассоциаций;

5) ценностное, эстетическое и этическое освещение действительности;

6) единство универсального и единичного: художественная картина мира отражает универсальное через категории эстетики: прекрасное, возвышенное, безобразное, низменное, трагическое, комическое и т.д.; но сознанием всеобщее может быть схвачено лишь через частное, единичное;

7) обусловленность социальными, национальными и другими факторами;

8) историчность, преемственность и динамизм: художественная картина мира формируется в конкретных исторических условиях, претерпевает изменения, как правило, новая художественная картина мира не уничтожает, не отрицает и не обесценивает старую;

9) многослойность, то есть наличие концептуальной (понятийной), чувственно-наглядной и других частей, различных типов мироощущений; возможность включения в себя элементов других картин мира.

Основные признаки художественной картины мира, ее структурные особенности определяются ее функциями. Основной функцией обычно называют функцию катарсиса, которая заключается в том, что главная цель подлинного художественного произведения, заключенной в нем художественной картины мира состоит в нравственном очищении человека благодаря силе эмоционального потрясения, возникающего в результате восприятия шедевра.

В рамках художественной картины мира осуществляется особый тип коммуникации – коммуникация художественная.

Волюнтаривная функция проявляется в том, что художественная

картина мира воздействует на воспринимающее сознание. Модальная функция находит свое выражение в том, что художественная картина мира передает отношение ее творца к реальной действительности. Эстетическая функция ХКМ – в том, что она воспринимает и воспроизводит прекрасное в искусстве и в жизни. Этическая функция художественной картины мира проявляется в отражении в художественном произведении определенного общего уровня морали, нравственности общества. Эмоционально-оценочная функция – в том, что в художественной картине мира концептуализируются оценки и эмоциональные реакции. Художественная картина мира усваивает эстетическую информацию, рассредоточенную в художественных картинах мира разных видов искусств, направлений, авторов, следовательно, ей присуща конативная функция. Аккумулятивная функция художественной картины мира предполагает накопление и хранение эстетической информации. Трансмиссионную функцию художественная картина мира выполняет, передавая эстетическую, этическую, когнитивную, эмоционально-оценочную информацию художественного произведения. Главное отличие художественной картины мира от других разновидностей картин мира заключается в ее образно-эмоциональном, в эстетическом и этическом способе освоения действительности, в силе нравственного воздействия на адресата художественной картины мира.

Итак, существование общественных форм сознания и соответствующих «картин» мира с убедительностью доказывает, что в сознании человека присутствует отраженная реальная картина мира, в формировании которой чрезвычайно велика роль языка. Язык, являющийся формой существования мыслительной деятельности человека, охватывает собою все сферы индивидуальной и общественной жизни человека и является составной частью человеческой природы, практической и теоретической деятельности как индивидуума, так и социума.

Концептуальная картина мира находит свое отражение в языке, в *языковой (бытовой, наивной) картине мира*.

Языковая картина мира – это вся информация о внешнем и внутреннем мире, закреплённая средствами живых разговорных языков.

Сердцевиной концептуальной картины мира является информация, данная в понятиях, главное же в языковой картине мира – это знание, закреплённое в словах и словосочетаниях конкретных языков. Языковая картина мира имеет, таким образом, двоякую природу: она принадлежит системе знания и системе языка. Являясь способом хранения языковых знаний и знаний о мире, языковая картина мира не самостоятельна, она неотделима от концептуальной картины мира.

Языковая картина мира имеет двойственную природу. С одной стороны, условия жизни людей, окружающий их материальный мир определяют их сознание и поведение, что находит отражение в их

языковой картине мира; с другой – человек воспринимает мир преимущественно через формы родного языка, его семантику и грамматику, что детерминирует структуры мышления и поведения. Языковая картина мира есть субъективный образ объективного мира, она несет в себе черты человеческого способа миропостижения, то есть антропоцентризма, который пронизывает весь язык. Языковая картина мира – целостный, глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, она возникает у человека в ходе всех его контактов с миром. Языковая картина мира выполняет две базисные функции: интерпретативную, обеспечивающую видение мира, и регулятивную, служащую ориентиром человека в мире. Помимо базовых выделяются следующие функции: именованья (предметов, признаков, явлений, процессов, состояний, отношений, ситуаций, событий и т.д.); экспликации результатов категоризации явлений действительности; идентификации явлений мира; ориентации в окружающем мире, социализации, отнесения к определенной культуре, к определенному обществу. Каждый естественный этнический язык имеет особую картину мира, т.е. отражает определенный способ восприятия и организации мира. Языковая личность организует содержание высказывания в соответствии с языковой картиной мира, и в этом проявляется специфически человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке. Наличие специфических языков приводит к возникновению специфических языковых картин мира у представителей разных народов. Но существуют также индивидуальные картины мира, которые различаются у разных людей. И это следует учитывать, говоря о типологии языковых картин мира.

В научной литературе (Апресян Ю.Д., Маслова В.А., Постовалова В.И.) предложены различные типологии языковых картин мира. В целом классификация языковых картин мира, на наш взгляд, возможна по следующим трем основаниям:

1. По субъекту (носителю) языковой картины мира. «Существует столько картин мира, сколько имеется наблюдателей, контактирующих с миром» [17, с. 32]. Различаются индивидуальные языковые картины мира, или картины мира языковой личности, и коллективные, или «софийные», языковые картины мира. Следует учитывать, что индивидуальные языковые картины мира образуют в своей совокупности целокупную языковую картину этноса. В то же время этническая языковая картина мира является вневременной, постоянной, базовой составляющей картины мира языковой личности. Наиболее крупная коллективная языковая картина мира – этническая, но могут выделяться внутри нее групповые языковые картины мира: территориальных, социальных, профессиональных сообществ, а также языковые картины мира взрослых и детей.

2. По объекту, отображаемому языковой картиной мира. Языковая картина мира всегда отображает объективную действительность, окружающий мир. Однако в ней может быть представлен либо мир целиком, во всем многообразии его связей и обусловленностей, либо фрагмент этого мира:

а) по объему отображаемого объекта выделяются целостная, глобальная языковая картина мира – таковы мифологические, религиозные, философские, общенаучная – и локальные языковые картины мира. К последним относятся профессиональные и частнонаучные картины мира: физическая, химическая, биологическая, геологическая, техническая (научная картина техносферы), социологическая, кибернетическая, математическая, информационная и др. В этой связи говорят о картине микромира, макромира, мегамира. В соответствии с характером и результатом деятельности субъекта-созерцателя, интерпретатора признаются рационально обработанные картины мира (функциональные, информационные, теоретико-вероятностные и др.) и картинно-образные (художественные) [9, с. 27];

б) по качеству отображаемого объекта различают научную и наивную языковые картины мира. Наивная языковая картина мира – это знание «обычного» человека о мире, в котором он живет и действует, в ней отражается цельный «наивный» взгляд на мир, это «стихийно складывающееся, закрепленное в обыденной практике представление о внешнем мире» [18, с. 17]. Выражаемые в нем значения складываются в единую для носителей данного языка систему мировидения, включающую в себя наивную физику пространства и времени, наивную физиологию, наивную этику, наивную политологию и пр. Ю.Д. Апресян подчеркивал донаучный характер наивной языковой картины мира, отмечая, что она не совпадает с научной картиной мира, а сохраняет в себе архаические представления, например: солнце встает, садится; дождь идет. Наивная картина мира создается обыденным человеческим мышлением, которое «не способно глубоко проникнуть в сущность предметов и явлений», в отличие от научного мышления «обычно довольствуется результатами поверхностных наблюдений» [7, с. 106].

3. По способам языковой репрезентации (экспонентам) языковой картины мира. Выделяются языковые картины мира, соответствующие компонентам общенационального языка: литературная языковая картина мира и территориально, социально, профессионально ограниченные. Можно выделить также языковые картины мира, соотносимые с функциональными разновидностями литературного языка. Отмечаются даже языковые картины мира отдельных ситуаций, лексико-семантических вариантов многозначного слова как микромиров и др.

Языковая картина мира репрезентируется всеми уровнями языковой системы того или иного этноса, то есть фонетическими, лекси-

ческими, грамматическими средствами. Наиболее наглядно характер языковой картины мира представлен в лексике, ведь именно благодаря ей возможно «членение» действительности, выделение в макрокосме и микрокосме отдельных объектов, на которые нацелено внимание носителя языка. Связь картины мира и слова обусловлена непосредственной обращенностью лексической системы к жизни общества, социальной направленностью, что определяет и другие ее специфические черты: открытость, проницаемость, множественность составляющих элементов.

Тема V

КОНЦЕПТОСФЕРА РУССКОГО ЯЗЫКА

Характерной особенностью современной лингвистики является исследование языка в тесной связи с человеком, его сознанием, познанием окружающей действительности и его практической деятельностью. Поэтому на первый план выдвигается изучение языка с учетом языковой личности. Человек не просто воспринимает и познает мир, он живет в нем, в результате чего в его языке находит выражение не только объективная реальность, но и сам человек как познающий жизнь субъект. В этой связи выявляется особая значимость проблемы соотношения языка и мышления, решаемая в современной лингвистике в статусе когнитивного концептологического направления, которое предполагает выявление основных закономерностей образования абстрактных концептов, имеющих репрезентацию в семантических пространствах различных языков. Известно, что знания людей об объективной действительности организованы в виде концептов, абстрактных ментальных структур, отражающих различные сферы деятельности человека. Человек мыслит концептами, комбинируя их, формируя новые концепты в ходе мышления. Поэтому концепт понимается как глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания.

Образ пространственных ориентиров сформировал у человека разделение на «свое» и «чужое», что, впоследствии, вылилось в выделение национального, социального единства пространственного существования. Человек вынужденно находится в культурном пространстве, в котором формирует как себя, так и окружающую его дей-

ствительность, перерабатывая ее в культурную «вторую природу». А «культура» создаёт «союз», позволяющий быть человеку человеком благодаря тому, что он оформляет пространствокультуры.

Человек постоянно живет в состоянии «сотворения» культурного пространства. Результаты такой творческой деятельности оформляются в определенной системе, которая формирует оценочные и поведенческие ориентиры, культурное пространство начинает духовно превалировать над человеком, как фиксированная система культурных ценностей и норм, создающая стереотипы поведения, чувствования и мышления. Из культурного пространства человечество черпает готовые варианты решения множества жизненных проблем. Приспосабливаясь к меняющейся действительности, на основе готовых вариантов решения создаются новые. В этом случае можно говорить о культуре как о пространстве, в котором живет, формируется, развивается и творит человек. Пространство хранит в себе память обо всех событиях, деяниях и творениях человечества, пополняясь в результате культурной деятельности людей. Культурное пространство – это все многообразие моделей и идеалов человеческой деятельности и все отношения культуры. Оно обладает всеми качествами, которыми обладает сама культура, характеризует всю человеческую деятельность, человека, как часть социума и как личность. Так проявляется деятельностный элемент культурного пространства. Множественность элементов культурного пространства подтверждается тем, что исследования культурного пространства разными специалистами привели к появлению разных контекстов, оформили определенную точку зрения на данный феномен.

Культурное пространство может пониматься двояко: 1) как пространство концептуальное, творимое в текстах культуры, оно претворено в образе, то есть это реальное пространство, которое свидетельствует о том, что культура соотносится с категорией культурное пространство; 2) как пространство бытования культуры – это та среда, в которой, координируясь, существуют и развиваются культурные явления.

Культурное пространство обнаруживает себя как некую материальную и духовную реальность. Осваивая пространство, насыщая его знаками и значениями, культура осмысляет его природные признаки. Изначально чисто топологические признаки перерабатываются в так называемую «вторую природу» – культурное пространство. Человек, как творец культуры, творит и пространство своего обитания. «Отвоевывая жизненное пространство в первую очередь у природы (пространство как территорию), человек осваивает его и как существо природное, и как социальное, ибо деятельность его, направленная,

прежде всего, на преобразование природного мира, является по определению способом существования социального.

Таким образом, благодаря своим знаковым свойствам, пространственные модели, создаваемые культурой, находятся между конкретно воспринимаемым формальным пространством и внутренним содержательным пространством. Культурное пространство, которое для Ю.М. Лотмана есть пространство общей памяти, граничит с множеством других, которые, будучи разделены, все же друг друга дополняют. Культурное пространство фактически пересекается границами различных уровней, и определенные участки могут образовывать или единое непрерывное пространство, или группу замкнутых пространств, или часть пространства, ограниченную с одной стороны и открытую с другой. Такая особенность культурного пространства порождает некую дуальность, влияющую на характер его движения. Можно выделить два направления движения культурного пространства – по вертикали и по горизонтали. Вертикальное движение обусловлено процессами, происходящими внутри культурного пространства; движение по горизонтали связано с выходом культурного пространства в предел других культурных пространств и характеризуется расширением данного культурного пространства.

Термин концептосфера имеет конкретного автора – Д.С. Лихачева. Он писал: «В совокупности потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом, мы можем назвать концептосферами. Концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации отдельных вариантов концептосферы национального языка очень много, они по-разному группируются, по-разному себя проявляют. Каждый концепт в сущности может быть по-разному расшифрован в зависимости от сиюминутного контекста и культурного опыта, культурной индивидуальности концептосферного носителя. Термин «концептосфера» вводится мною по типу терминов В.И. Вернадского: ноосфера, биосфера и пр. Понятие концептосфера особенно важно тем, что оно помогает понять, почему язык является не просто способом общения, но и неким концентратом культуры – культуры нации и ее воплощении в разных слоях населения вплоть до отдельной личности» [128, с. 5, 9].

Сфера представляется как замкнутая конструкция: у нее есть ядро и периферия, этим она асимметрична, она имеет границы, отделяющие ее, как некоторый штучный экземпляр, хотя и построенный по образцу и подобию любого другого аналогичного штучного экземпляра, от других сфер. С другой стороны, есть некоторая незамкнутая, безграничная совокупность этих замкнутых единиц, которые составляют и наше знание, и правила реализации этих знаний, и средства реализации этих знаний и правил.

По отношению к термину *концептосфера* предполагается построение следующей модели:

1. Есть некоторая совокупность языковых единиц, которая позволяет некоторой совокупности человеческих единиц осуществлять с ее помощью общение. Эта совокупность устойчива в своем ядре и вариативна в своей периферии, незамкнута, структурно организована и в каждый конкретный момент самодостаточна – она может рассматриваться как феномен языка определенного этноса.

2. Каждая языковая единица в процессе своего существования в речевом общении обрастает определенной совокупностью ассоциативных связей с другими единицами, т.е. с одними единицами она может создавать такие связи (количество которых устанавливается в ходе ее реализации в различных сферах общения), с другими – не может (в каждый конкретный момент; диахронически состав этих возможных связей может быть различен). Таким образом, эта языковая единица образует вокруг себя некоторую семантическую сферу, элементы которой находятся или ближе, или дальше от нее – той конкретной языковой единицы, семантика которой рассматривается, но сфера эта замкнута, так как эта ассоциативная связь или наличествует, или отсутствует. Эти связи и способствуют, организуют реальное речевое общение представителей определенного этноса – носителей данной языка.

3. Совокупность семантических сфер, реализуемых в ассоциативно-вербальной сети при организации речевого общения носителей данного языка образует семантическое пространство. Поскольку отдельные элементы в системе ассоциативных связей могут принадлежать нескольким семантическим сферам, это пространство и дискретно, и нерасторжимо – оно есть совокупность значений и смыслов, которыми оперирует определенный этнос в процессе своего речевого общения на определенном языке.

Совокупность всех отдельных и в меру самостоятельных концептосфер образует концептуальное пространство. В связи с тем, что единицы каждого из двух других пространств объективно и планетарно (общечеловечески), и национально детерминированы (и элементы семантики, и элементы семиотики), такие же общечеловеческие и национально-специфические элементы естественно входят и в концептуальное пространство пребывания любого этноса.

Культура – результат действия процессов смыслообразования, система его принципов и продуктов. Результаты этого процесса воплощаются на ментальном уровне в виде концептов. Тем самым концепт – составляющая культуры. Он является атрибутом культуры, «сгустком культуры в сознании человека» [179, с. 43]. Концепт может иметь статус константы культуры, если существует постоянно или

долгое время. Это означает, что он играет роль принципа культуры. Так, концепт «Труд» можно отнести к концептам-константам: он присутствует в русской идеосфере (концептосфере – совокупности всех концептов данной культуры) на протяжении многих лет, способствует выражению христианских принципов русской культуры.

Таким образом, в культурологическом понимании концепт – это исторически развивающаяся часть концептосферы. Культурно-семиотический подход рассматривает концепт как глобальную, многомерную единицу ментального уровня, для которой характерны следующие признаки:

- ✓ культурно-историческая обусловленность, то есть зависимость порождения тех или иных смыслов от идеологием какой-либо эпохи;
- ✓ структурированность более простыми в ментальном отношении смыслами: научными и обыденными понятиями, представлениями, культурными установками, идеологемами, стереотипами, которые могут иметь разнообразные формы репрезентации (выражения);
- ✓ неоднородность содержания, проявляющаяся в синтезе конкретного и абстрактного, рационального и эмоционального, объективного и субъективного;
- ✓ широкий объём (экстенционал);
- ✓ разнообразие типов знаковых репрезентаций, то есть способность к выражению средствами, неоднородными с точки зрения сложности, разных семиотических систем.

Структурная модель концепта определяется характером входящего в него содержания. Можно выделить два основных типа содержания.

Первый тип включает в себя конструкты знания, обладающие ценностью и истинностью для всего человечества. Одной из типичных ситуаций смыслообразования выступает ситуация научного творчества.

Учёный пользуется принятой в мире парадигмой знаний. Слои концепта, содержащий знания этого типа, назовём универсальным. Универсальными могут быть научные и обыденные понятия, культурные установки и стереотипы. Например, культурная установка человеку необходимо трудиться / каждый человек должен трудиться; не откладывая дела, стереотипы труд приносит пользу обществу; хороший специалист имеет многолетний опыт работы являются универсальными на данном синхронном срезе. Учёные насчитывают до 70 культурных универсалий.

К основным относятся: речь vs. язык, искусство, мифология, наука, религия, семья, собственность, правительство, война.

Второй тип включает в себя национально специфические знания, которые продуцируются лингвокультурной общностью, то есть

группой, объединённой совокупностью признаков (язык, история, культура, религия и пр.). Слой концепта, содержащий знания этого типа, назовём культурным. Культурный слой концепта содержательно неоднороден. Это обусловлено дифференциацией лингвокультурной общности как субъекта, продуцирующего смысл, на более мелкие группы – социумы, то есть группы, выделяемые по общности профессии, возраста, конфессии, уровня образования, хобби и др.

Н. И. Толстой отмечал, что в культуре можно выделить четыре разновидности: «культуру образованного слоя, “книжную”, или элитарную, культуру народную, крестьянскую, культуру промежуточную, соответствующую просторечию, которую обычно называют “культурой для народа” или третьей культурой, и для полноты картины и более чёткого параллелизма ещё традиционно-профессиональную субкультуру (пастушескую, пчеловодческую, гончарную и др. на селе, торгово-ремесленную – в городе)» [195, с. 186]. Так, паремии о труде отражают ценность времени в народной (крестьянской) культуре и ценность инструмента в профессиональной: сей и холь яровое в мае, так будет зимой добро; овсы да льны в августе смотри; в октябре та бабам и работа, что льны приспевать; до солнца пройти три покоса – не будешь ходить босо / кабы не клин да не мох, так бы плотник издох; без веретена пряжи не спрядёшь; кому до чего, а кузнецу до наковальни.

Классификация культуры, предложенная Н.И. Толстым, отражает стратовый характер общества XIX в. Безусловно, каждый исторический период формирует свой набор культурных стратов.

В культурный слой концепта входит информация о социальном рейтинге концепта: в одни культурно-исторические периоды концепт может приобретать особую социальную значимость, в другие – утрачивать её.

В качестве примера можно привести значимость труда на предыдущих этапах развития русской культуры, воплощённую в модусных компонентах языковых единиц разного типа: в дальних краях ремесло кормит; мастер на все руки; ничто так, как труд, не облагораживает человека, и скептическое отношение к честному труду в нынешнее время, которое отражается, например, в эмоционально-оценочных коннотациях газетных заголовков: «Как избежать безработицы, если никто не хочет работать» («Комсомольская правда», 19.07.91), «Работа не волк, но что-то звериное в ней есть» («Аргументы и факты», № 50, 2000), «Не хотим быть трудом, хотим быть капиталом» («Комсомольская правда», 11.12.91).

Неотъемлемой частью процесса изменения социального рейтинга концепта является актуализация входящих в него смыслов. Выше мы говорили, что составляющие концепта подвержены актуальной

дифференциации: одни аспекты уходят в пассивный слой, другие составляют ядерную часть. Несмотря на возможность протекания данных процессов, ядерная часть концепта отличается той или иной степенью стабильности, которая обусловлена фактором социально-исторической преемственности. Инвариантное содержание ядерной части концептов детерминировано архетипами, особенностями национального менталитета, глубинной структуры, определяющей на протяжении длительного времени этническое и национальное своеобразие и характеризующейся большой стабильностью.

Вне всякого сомнения, предложенная классификация мыслящих субъектов условна, поскольку один и тот же субъект продуцирует как универсальные, так и культурно-специфичные смыслы. Д. С. Лихачёв отмечал, что в сознании человека может сочетаться несколько концептосфер: «Одна концептосфера может сочетаться с другой – скажем, концептосфера русского языка в целом, но в ней концептосфера инженера-практика, а в ней концептосфера семьи, а в ней индивидуальная концептосфера» [128, с. 282].

Ю. С. Степанов отмечает, что концепты могут быть как априорные (имеющие один или небольшое число существенных, актуальных признаков, представленных в виде коллективного бессознательного, широкую сферу применения; чаще всего постоянные, «рамочные», по Готфриду Лейбницу, чистые), так и апостериорные, по Г. Лейбницу, эмпирические (с плотным ядром). Априорные концепты человек использует как данное. Они не зависят от его опыта. Апостериорные – всегда проведены индивидуумом через себя, продуманы и прочувствованы им. Рамочными концептами являются «Цивилизация», «Интеллигенция» и др., эмпирическими – «Труд», «Любовь» и др.

В зависимости от характера семиотического процесса концепты могут быть определены как идеологически детерминированные и эволюционные. Репрезентации эволюционных концептов позволяют проследить развитие семиотического процесса, идеологически детерминированных – нет. Примером эволюционного концепта может быть «Любовь», поскольку каждая культурная эпоха включает в него свои смыслы, оставляя инвариантную часть. Концепт «Пятилетка» является идеологически детерминированным, так как существовал только в советскую эпоху.

Итак, концепт является способом существования и организации культуры. Структурируя культуру и указывая на динамику культурно-когнитивных процессов, он обеспечивает связь между различными эпохами и стилями культуры. Концепт не только отражает, но и задаёт определённый угол зрения на объективный мир и тем самым закрепляет и организует те или иные ценности, помогает человеку ориентироваться в том или ином культурном пространстве. Он отражает этни-

ческий характер лингвокультурной общности, сущность которого заключается в определённом типе реакций на явления окружающего мира.

Итак, концепт культуры структурирован разнообразными смыслами: научными и обыденными понятиями, представлениями, стереотипами, культурными установками, идеологемами.

Что представляют собой эти ментальные единицы?

Представления – это ощущения, которые возникают у человека при его взаимодействии со средой. Представления отражают наивную (обыденную, в противовес научной) картину мира.

Представления могут репрезентироваться посредством натурфактов и артефактов. Например, с именованным снопом связывали представления об особой созидательной силе, обеспечивающей плодородие земли. Считалось, что вся продуцирующая сила земли сосредоточивалась в первом и последнем снопах, которым приписывались магические свойства: эти артефакты служили оберегом от сглаза, болезни. Существовала и иная традиция: последние колосья не вырывались, а завязывались в сноп, а затем прижимались («заламывались») камнем к земле, тем самым ей возвращалась вложенная в урожай сила. Количество звёзд на небе связывалось с представлениями о будущем урожае или приплоде домашнего скота. В основе данного представления, вероятно, лежали количественные и цветовые ассоциации: число звёзд связывалось с числом телят, ягнят и пр., а цвет звезды отдалённо напоминал цвет ягнёнка (очевидно, не последнюю роль при формировании этого представления играло созвучие слов «ярки» (о звёздах) и «ярки» («овцы»), включённых в поговорку: яркие звёзды породят белых ярок.

Кроме представлений, наивную картину мира структурируют культурные установки, идеологемы, стереотипы, обыденные понятия.

Культурные установки – это «совокупность знаний о поведении в ситуации общения, определяемых культурной традицией» [13, с. 33]. В результате взаимодействия с другими индивидами человек осознаёт себя как члена коллектива, продуктами этого взаимодействия являются эталонизированные образцы поведения (культурные установки), имеющие характер рекомендации, правила, закона: трудись в поте лица, занимайся существенными делами и др. Вооружаясь этими образцами, человек усваивает «правила игры»: он узнаёт, как себя вести в той или иной ситуации, как следует отнестись к тому или иному явлению, какую оценку получит, совершив тот или иной поступок и т.п., то есть овладевает культурно обусловленными сценариями поведения. Так, в сказе Николая Семёновича Лескова «Левша» изображено, как тульские мастера, получив от генерала Платова задание выполнить царский наказ, начинают это непростое дело с паломничества к ико-

не Св. Николая (глава 7 сказа). Тем самым тульские мастера следуют действующей в то время культурной установке, отражённой в «Домострое»: «...всякое дело начать... прежде всего – святым образом поклониться трижды в землю... а кто может молитву сказать... с тем и начать всякое дело, ибо ему божья милость сопутствует...».

Особым видом культурных установок являются идеологемы. Они используются на определённом культурном срезе и меняются при переходе от одной культурной модели к другой. Идеологемы включают в себя набор актуализированных в тот или иной период ценностей. Так, в период буржуазных революций в Европе были актуальны такие ценности, как свобода, равенство, братство, человек, которые были включены в идеологемы типа: каждый имеет право выражать своё мнение; все люди равны в социальном отношении. Однако в период Реставрации произошло забвение этих принципов, перемещение их в прошлое. Идеологемы отличаются от культурных установок высокой сложностью, императивностью, безапелляционностью. Ср.: христианскую культурную установку трудись в поте лица, указывающую человеку на способ существования в обществе, и идеологему труд должен быть свободным, в которой акцентируется ценность «свобода». Из приведённых примеров ясно, что культурные установки и идеологемы могут сосуществовать. Ещё одним отличием культурных установок от идеологем является возможная противоречивость установок и обязательная согласованность идеологем на одном культурном срезе. Так, культурной установке честно трудись противопоставлена нет смысла честно трудиться. Ср.: *трудом праведным не наживёшь палат каменных / трудовая денежка до веку живёт; где работно, там и густо, а в ленивом дому пусто; кто рано встаёт, у того копейка растёт.*

Культурным установкам близки по своим функциям и сущности стереотипы. Стереотип – это стандартное мнение, измеряющее деятельность той или иной социальной группы или индивида. Стереотипы упорядочивают знания, противопоставляя при этом своё чужому, помогают человеку ориентироваться в жизни. Если культурные установки мы сравнили с правилами игры, то стереотипы можно сопоставить с ориентирами, координатами этой игры. В качестве примера стереотипов можно привести стандартные мнения о национальностях: немцы – пунктуальны, китайцы – трудолюбивы, цыгане – обманщики, воры, и т.д.

Среди стереотипов различают гетеростереотипы, то есть внешние стереотипы, которые сложились у представителей одной культуры о другой, и автостереотипы, то есть мифы о самих себе, существующие внутри одной культуры. Так, русские считают немцев пунктуальными, себя – открытыми, добродушными, гостеприимными людьми.

Культурные установки, идеологемы, стереотипы, с одной стороны, формируются теми или иными социумами, с другой – они объединяют людей в группы, противопоставляют одну группу другой, что обуславливает их культурную маркированность.

Концепт может структурироваться обыденными (наивными, нестрогими) понятиями. Исследователи понятий обычно выделяют понятия в строгом и нестрогом (широком) смысле. Для наивных понятий характерны чёткие содержательные характеристики. Обыденное понятие отличается от представления более высокой степенью обобщённости и обьективированности, отсутствием эмоционально-оценочных смыслов, от научного понятия – минимальным набором признаков: оно обобщает наиболее существенные черты той или иной реалии. Отсюда следует, что основной способ образования обыденных понятий – обобщение: бобыль, кулак, будний день, молоток и пр.

Рассмотрим содержание обыденного понятия (в настоящее время утратившего свою актуальность) тягло – ‘мера земли, которую обрабатывает одна немногодетная семья’. Оно имеет чёткий экстенсионал (объём) ‘мера земли’. Интенсионал (содержание) понятия закрыт, включает четыре наиболее существенных признака: ‘обработка’, ‘семья’, ‘одна’, ‘немногодетная’. Обобщённость и обьективированность данного понятия проявляется в узуральности содержащегося в нём смысла, забвении внутренней формы, отсутствии эмоционально-оценочных смыслов.

Обыденные понятия могут соотноситься, вступать в функциональные омонимические отношения с представлениями и научными понятиями. Так, содержание обыденного понятия зарплата включает в себя следующие признаки: ‘деньги, полученные за работу в течение месяца’.

Представления о зарплате связаны со сроками её выплаты, размером, основным местом работы и пр. Очевидно, что эти представления отличаются по набору признаков от коррелирующего понятия, например, в немецкой картине мира. Научное понятие заработная плата охватывает историю возникновения этого явления, теорию добавочной стоимости, социальные и политические аспекты и т.д.

Представления в наибольшей степени зависят от культурной ситуации, наряду с обыденными понятиями они являются элементами наивной картины мира, относятся к культурно маркированным единицам.

Какова природа научного понятия? Под научным понятием понимают результат обобщения предметов некоторого класса и мысленного выделения самого этого класса по определённой совокупности признаков, общих для предметов этого класса .

Научное понятие представляет собой высший вид ментальных репрезентаций. Переход от представления к понятию осмысливается как переход от чувственной ступени познания к абстрактному мышлению.

Понятие представляет собой расчленённое, многопризнаковое, аналитичное мыслительное образование. Интенционал (содержание) научного понятия открыт, новые признаки явления с развитием науки и техники могут добавляться. Количество этих признаков не регламентируется: чем больше признаков, тем лучше разработано понятие. При этом набор признаков не вариативен, как у представлений, а фиксирован. Например, понятие интенсивность труда включает в себя следующий набор признаков 'степень напряжённости', 'труд', 'производительность', 'рабочее время', 'производство', 'рационализация' и др. Основные признаки данного научного понятия фиксируются его дефиницией: 'степень напряжённости труда, ограниченная рабочим временем, обусловленная степенью рациональности в процессе производства и являющаяся одним из факторов производительности труда'. Содержание научных понятий характеризуется высокой степенью объективности, чёткости, ясности (что обусловлено их апостериорностью), отсутствием эмоциональных компонентов: нормы труда, трудовой стаж и др.

Среди традиционных признаков научного понятия называют и такие: оно входит в состав той или иной теории, является единицей той или иной классификации. Например, научное понятие заработная плата входит в теорию добавочной стоимости, является гипонимом для понятия национальный доход, гиперонимом для понятий сдельная заработная плата, повременная заработная плата.

Научные понятия имеют специфические приёмы образования: анализ, синтез, сравнение, обобщение, абстрагирование, идеализация.

Каждый из рассмотренных типов ментальных единиц является элементом наивной или научной картины мира. Концепт в лингвокультурологической интерпретации – категория, связывающая фрагменты как научной, так и наивной картин мира. Так, концепт «Труд» включает в свой состав представления, культурные установки, идеологии, стереотипы, обыденные и научные понятия, что обусловлено признаками культурно-исторической детерминированности и содержательной целостности концепта. Как наивные, так и научные ментальные единицы могут участвовать в концептуализации одного и того же фрагмента идеосферы.

Кроме этого, как мы могли видеть, из представлений могут развиваться научные понятия. Лингвокультурологию интересуют прежде всего наивные знания.

Рассмотренные ментальные единицы характеризуются особой значимостью для человека, социума, лингвокультурной группы, всего

человечества в целом. Значимость представлений, культурных установок, стереотипов и прочего состоит в том, что они играют роль идеалов, эталонов, принципов, с учётом которых тот или иной субъект регулирует своё поведение. В зависимости от того, какой субъект культивирует ценности, их можно дифференцировать как личностные, социальные, национальные, общечеловеческие.

Так, для героя рассказа Б. Полевого «Вклад» Захарыча ценностью являются профессиональные умения, которые требуют от человека веры и полной самоотдачи: «Профессия – она вещь святая! В неё, брат, верить надо».

Для иллюстрации социальных ценностей приведём отрывок из очерка Г. И. Успенского «Власть земли», где сопоставляются ценности петербургского интеллигента и крестьянина: «Вам, например, петербургскому интеллигентному чиновнику, жизнь не так легка: вы работаете в министерстве до пяти часов подёнщину, чтобы выработать средства к жизни... Жизнь для вас – особь статья: Сара Бернар, Зембрих, почести, политика. ...Вы в департаменте совсем другой, чем дома или в театре. А крестьянин-земледелец везде один и тот же: он трудится и живёт интересами этого же труда... Результат вашей жизни, положим, хоть плотная банковая книжка; банковая книжка пахаря тут же всегда с ним – в его радости, что вёдро, что овсы вязались шибко... Вам нужен кабинет – для себя, салон – для общества, классная для детей... для пахаря-мужика нужна одна изба, потому что все живут одним – землёй...» Приведённый отрывок отчётливо освещает ценности чиновника: деньги, квартира, должность и пр. – и крестьянина: погода, урожай, земля.

Таким образом, интенционал концепта представляет собой всю историю человеческой мысли по данной теме, аспекты содержания концепта могут быть охарактеризованы как старые или новые, актуальные или неактуальные.

Достижения лингвоконцептологии и лингвоперсонологии послужили основой для выделения особого вида концепта — концепта типизируемой личности – и становления нового направления в лингвистике, теории лингвокультурных типажей.

По мнению В.И. Карасика, лингвокультурный типаж рассматривается как типизируемая личность, представитель определенной этносоциальной группы, узнаваемый по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации [95, с. 310].

Лингвокультурный типаж как разновидность концепта тесно связан с понятием языковой личности, но между ними нельзя ставить знак равенства.

Языковая личность, рассмотренная в аспекте типизированного лингвокультурного своеобразия коммуникативного поведения, становится лингвокультурным типажом. Иными словами, понятие языковой личности является более широким, а изучение лингвокультурного типажа – один из подходов к изучению языковой личности.

Лингвокультурный типаж, с одной стороны, представляет собой совокупность признаков, которые позволяют обнаружить узнаваемый образ определённого индивидуума, а с другой стороны – воплощает в себе черты, характерные для социальной или этнической группы, являющейся референтной основой данного типажа. «Постоянные черты, свойственные тому или иному типу личности, являются объективными признаками типажа, а черты, которые связаны с индивидуальными особенностями, привносимыми в исполняемую роль прототипом типажа – его стереотипными характеристиками» [145, с. 62].

Лингвокультурный типаж также соотносится с таким понятием как модельная личность.

Модельные личности – это социокультурные типы, которым подражают либо которым противопоставлены представители той же самой культуры. Главная характеристика модельной личности – установление ценностных ориентиров поведения.

Лингвокультурный типаж представляет собой определенную модельную личность с набором уникальных характеристик, свойственных данной культуре, то есть это символ культуры внутри культуры.

По мнению В.И.Карасика, главным отличием лингвокультурного типажа от модельной личности является не только то, что первый менее ярок, но и то, что он может иметь отрицательную оценку. Если модельной личности стремятся подражать, то лингвокультурный типаж может вызывать критическое отношение. Понятие «лингвокультурный типаж» имеет следующие признаки яркости и оценочного знака:

- ✓ яркий лингвокультурный типаж (модельная личность),
- ✓ неяркий лингвокультурный типаж,
- ✓ положительный лингвокультурный типаж,
- ✓ отрицательный лингвокультурный типаж.

Лингвокультурный типаж характеризуется рядом релевантных признаков. К их числу О.А. Дмитриева относит ассоциативность, хрестоматийность, рекуррентность, знаковость, типичность и прецедентность [74, с. 63].

Существовая в коллективном сознании, типажы узнаваемы и имеют ряд ассоциаций. Например, политик – выразитель интересов определенной партии, профессионально занимающийся политической деятельностью, оратор.

Под *хрестоматийностью* понимается широкая узнаваемость лингвокультурного типажа. Например, типаж «политик» хорошо известен носителям любой лингвокультуры, он фигурирует в различных типах дискурса (прежде всего, в политическом, масс-медийном), литературных источниках и др.

Одной из важных характеристик лингвокультурного типажа является *рекурентность*, то есть частотность в воспроизведении в массовом сознании. Данная характеристика позволяет отграничить типаж от не-типажа. Так, вряд ли можно рассматривать повара в качестве лингвокультурного типажа, поскольку данная фигура не настолько часто встречается в книгах, фильмах, произведениях искусства в отличие, к примеру, от политиков, чьи образы ложатся в основу литературных произведений, о которых снимаются фильмы

Следующим характерным признаком лингвокультурного типажа является *типичность*, то есть «тот образ, перцептивное представление которого выводится из когнитивной базы в типизированном (сокращенном) варианте. При этом отбрасываются индивидуальные признаки как антиподы общим, остаются яркие, презентационные черты, кроме этого, с привлечением типичной ситуации, обстановки, среды обитания данного типажа» [74, с. 361]. Так, лингвокультурный типаж «политик» – это образ американской государственности, носитель демократических ценностей.

Характерной чертой лингвокультурного типажа является *знаковость*, то есть типаж должен репрезентировать культуру, служить знаком. Так, американские президенты являются символами американской демократии, защитниками демократических ценностей, они служат выразителями интересов той или иной политической партии. Такие языковые личности, как городской или матрос, не являются знаками культуры, они недостаточно символичны.

Наряду с этим лингвокультурный типаж характеризуется феноменом *прецедентности*, то есть он хорошо известен всем представителям определенного культурно-языкового сообщества, в связи с чем в их речи обращение к лингвокультурному типуажу постоянно возобновляется. Прецедентное имя типажа является его символом: *Д'Артаньян* всегда будет именем символом мушкетера-гасконца, с эталонным набором определенных качеств: храбрый, авантюрный, любвеобильный, честный мушкетер с четко выводимой ценностной шкалой приоритетов: преданность королю (королеве, любимой женщине, друзьям), щепетильность, и т.д. Будут ли узнаваемы прецедентные имена типажа в другой культуре, зависит от степени встроенности типажа в когнитивную базу чужой культуры. Не все типажи характеризуются прецедентными именами, кроме того, имя может те-

рять или сохранять потенциал прецедентности при трансляции в чужую культуру или приобретает другое.

Таким образом, рассмотренные выше признаки характерны для лингвокультурного типажа, который является типизированным, хорошо узнаваемым образом для представителей определенного культурно-языкового сообщества.

Существует определенная динамика представления о типаже со стороны его современников и представителей нашего времени. Современники обращают внимание на все характеристики типажа, в то время как для представителей нашего времени на первый план выходят ценностные характеристики типажа. Методика описания типажа глазами его современников включает, прежде всего, анализ текстов художественной литературы и эпистолярного наследства, а для понимания специфики осмысления типажа в сознании представителей нашего времени релевантными являются социологические методы исследования (анкетирование и интервьюирование информантов).

Являясь разновидностью концепта, лингвокультурный типаж имеет понятийную, образную и ценностную составляющие [91, с. 21]. Понятийный компонент может быть исследован с помощью анализа словарных и иных дефиниций, позволяющих установить конститутивные признаки понятия. Процедура выделения образных и ценностных (под ценностными характеристиками лингвокультурного типажа понимают ценностные приоритеты типажа) признаков концепта основана на принципе интерпретации текстов классических и современных художественных произведений, кинофильмов, энциклопедий, профессиональной литературы, ответов респондентов.

Лингвокультурологическое изучение типажа представляет собой анализ языкового выражения его характеристик через описание внешнего вида (включая гендер и возраст), происхождения, места жительства, сферы деятельности, досуга, окружения, коммуникативных особенностей.

Теория лингвокультурных типажей – новое направление в антропологической лингвистике, разрабатываемое в течение последнего десятилетия, многие методы и приемы анализа типизируемых личностей заимствуются из лингвоконцептологии, так как лингвокультурный типаж представляет собой разновидность концепта.

В лингвокультурологии представлены, кроме языковой личности, и другие понятия, с которыми связано понятие лингвокультурного типажа – роль, стереотип, амплуа, персонаж, имидж.

Роль – одно из ключевых понятий социальной психологии, это поведение, которое ожидается от человека, занимающего определенный статус (Громов, 2003: 374). Другими словами, это стандарт поведения, который является реакцией на поступки, чувства и мысли дру-

гих людей. Ролевое поведение строится по образцу и имеет границы: исполнитель роли наделен определенной свободой действий. Можно говорить о роли родителя, офицера, пассажира, но нет, например, ролей человека вообще, с одной стороны, и зевающего человека, с другой стороны, так как ни слишком общие характеристики, ни единственный релевантный признак не дают возможности составить роль, т.е. построить предсказуемый алгоритм поведения [91, с. 59].

В качестве критериальных признаков ролей выделяются следующие характеристики человека: а) постоянные и переменные (мужчина – покупатель), б) независимые от человека и усвоенные (старик – сторож), в) статусные и ситуативные (начальник – гость), г) внутригрупповые и межличностные (лидер – друг). Эти характеристики могут взаимопересекаться [91, с. 23].

Лингвокультурный типаж строит свое поведение в соответствии с ролевыми предписаниями, в этом смысле можно сказать, что роль как общая схема поведения составляет основу содержания поступков типажа. Однако не стоит сводить все поведение типажа к набору ролевых реакций, игнорируя узнаваемые лично значимые индивидуальные черты поведения человека [91, с. 25].

Стереотип – это принятый в исторической общности образец восприятия, фильтрации, интерпретации информации при распознавании и узнавании окружающего мира, основанный на предшествующем социальном опыте [125, с. 67].

По определению В.И. Карасика, в основе стереотипа лежит дефицит информации и личный опыт индивида, отсюда следует, что нередко стереотипы оказываются ложными [91, с. 46]. Психологическое построение стереотипов – это необходимый и очень экономный способ освоения действительности, попытка обобщения на основе недостаточных знаний. Личностное восприятие при стереотипизации наделяет эти ментальные образования эмоционально-оценочным содержанием. Стереотипы отражают действительность, и если изменяется объективная ситуация, то меняются и они [91, с. 50].

Лингвокультурный типаж представляет собой обобщение и в этом плане включает стереотипные представления о типизируемой личности, с которой человек себя осознанно или неосознанно ассоциирует. В число стереотипных характеристик типажа входят те ценности, в соответствии с которыми типаж строит свое поведение, а ценности, как известно, представляют собой самые глубинные характеристики культуры. В отличие от стереотипа лингвокультурный типаж привязан к реально существующей или существовавшей личности.

Термин «амплуа» принят в театре и означает специализацию актера на исполнении ролей, наиболее соответствующих его внешним сценическим данным, характеру дарования (Толковый словарь рус-

ского языка под редакцией Т.Ф. Ефремовой). При сравнении понятий «лингвокультурный типаж» и «амплуа» можно увидеть, что они объединяются по признаку типизируемости применительно к образам людей и различаются по признакам сознательного эмоционально окрашенного выбора (амплуа - маркирован, типаж - нейтрален) и сферы поведения (типаж в большей мере отражает фактическое положение дел, реальное социальное распределение ролей, а амплуа - это лично-относительно окрашенная презентация роли: например, роль учителя и соответствующий ей в обществе типаж «учитель» (чаще «учительница»), но амплуа «строгий учитель») [91, с. 24].

Понятие «персонаж» – действующее лицо в литературном произведении, в представлении, а также лицо как предмет жанровой живописи (Толковый словарь Ожегова). Персонаж фикционален, придуман, в отличие от реального человека, однако он конкретен, в отличие от социальной роли или социального стереотипа [91, с. 15]. Персонаж - это одно из центральных понятий нарратологии (теории повествования). Существует действительность и повествование о действительности. В повествовании разграничиваются фабула (что рассказывается) и сюжет (как рассказывается). Персонаж в художественном тексте выполняет либо роль актора (действующего лица), либо нарратора (рассказчика). На основе этого В.И. Карасик говорит о том, что представления о том или ином человеческом типаже включают этот типаж в мир повествований о нем, и при этом неизбежно стирается грань между фактом и фикцией, и в этом плане показательны исторические романы и их экранизации.

Вместе с обсуждаемым понятием «лингвокультурный типаж», фигурирует «имидж». Г.Г. Почепцов, известный специалист в области прагмалингвистики и теории коммуникации, определяет имидж как «знаковый заменитель сложного и углубленного портрета человека, отражающий его основные черты или те черты, которые хотят на нас спроецировать» [157, с.12]. По мнению Г.Г. Почепцова, важнейшей характеристикой знака является какой-то один отличительный признак, поэтому имидж должен быть не просто замещением в сознании суммы знаний и переживаний о каком-то человеке или группе, а элементарным замещением.

Важнейшей характеристикой имиджа является его моделирующая функция. Имидж формирует систему ценностей. По мнению В.И. Карасика, лингвокультурный типаж имеет определенные точки пересечения с имиджем, отличаясь от него многомерностью и относительной объективностью. Если имидж формируется сознательно, являясь инструментом для обработки общественного мнения (в особых случаях – средством самовоспитания), то типаж возникает стихийно в результате развития общества. В редуцированном варианте типаж

может превратиться в имидж. Имидж обычно является визуальным проявлением типажа и обращает на себя внимание в первую очередь. Однако это лишь подчеркивает разницу между имиджем и типажом: типаж более глубокое образование, где имидж, будучи ориентированным в основном на других, т.е. на общество, помогает создать определенный образ и вызвать соответствующие ассоциации и реакции.

Таким образом, понятие «лингвокультурный типаж» является комплексным явлением и пересекается с понятиями «языковая личность», «модельная личность», «роль», «стереотип», «амплуа», «персонаж» и «имидж». Важнейшие смысловые дистинкции понятия «лингвокультурный типаж» состоят в значимости этой личности для культуры, возможности ее как фактического, так и фикционального существования, возможности ее конкретизации в реальном индивидууме либо персонаже художественного произведения.

В настоящее время исследователями активно разрабатывается классификация лингвокультурных типажей (В.В. Деревянская, О.А. Дмитриева, В.И. Карасик, И.А. Мурзинова).

По мнению В.И.Карасика, «лингвистические классификации личностей построены на отношении личности к языку» [93, с.37]. Исходя из этого выделяются люди с высоким, средним и низким уровнем коммуникативной компетенции, носители высокой или массовой речевой культуры, говорящие на одном языке и билингвы, использующие чужой язык в естественном или учебном общении, способные и менее способные к языковому творчеству, предпочитающие устный или письменный канал общения, использующие стандартные и нестандартные средства общения.

Культурологические классификации личностей предполагают выделение тех личностных типов, которые оказали существенное влияние на поведение представителей соответствующей культуры. При этом можно выделить этнокультурный тип в целом, получающий оценочную квалификацию со стороны представителей других этносов, и тот или иной социокультурный тип в рамках соответствующей культуры (английский бизнесмен, американский ковбой, русский интеллигент, английский аристократ).

Классификации лингвокультурных типажей строятся на разных основаниях: по признаку принадлежности к тому или иному социуму выделяются этнокультурные и социокультурные типажи; по признаку оценочного знака – положительные и отрицательные; по степени выраженности узнаваемых характеристик - яркие (модельные личности) и неяркие; по признаку реальности языковой личности - реальные (современные, исторические) и фикциональные; по ассоциативному при-

знаку – фиксированные и дисперсные (О.А. Дмитриева, В.И. Карасик, В.В. Деревянская, И.А. Мурзинова).

На ассоциативно-образном уровне лингвокультурный типаж, с одной стороны, представляет собой совокупность признаков, за которыми обнаруживается узнаваемый образ определенного индивидуума, с другой – воплощает в себе черты, характерные для социальной или этнической группы, являющейся референтной основой данного типажа. Обе эти стороны – живая индивидуальность и общезначимость, узнаваемость фиксированного типажа – одинаково важны. Постоянные черты, свойственные тому или иному типу личности, являются объективными признаками типажа, а черты, которые связаны с индивидуальными особенностями, привносимыми в исполняемую роль прототипом типажа – его стереотипными характеристиками. При этом количество прототипов в физическом мире не является релевантным для выделения в коллективном сознании реального лингвокультурного типажа (термин В.Б. Деревянской) – оно может быть неограниченным (например, типаж «английский чудак»), или ограниченным (например, типаж «звезда Голливуда»), который, как можно предположить, ассоциируется с относительно немногочисленной группой актеров и актрис голливудского кино). Таким образом, по ассоциативному признаку можно противопоставить фиксированные типажы, ассоциативно связываемые большинством носителей лингвокультуры с одной личностью или с небольшой группой личностей, и дисперсные, ассоциируемые с неограниченным числом личностей [73, с. 23].

Группу фиксированных типажей можно подвергнуть дальнейшему дроблению, выделив в ней две подгруппы: 1) жестко фиксированные типажы, ассоциируемые с одной личностью, 2) слабо фиксированные типажы, вызывающие ассоциации с небольшой группой личностей. Подавляющее большинство лингвокультурных типажей являются, по нашему мнению, дисперсными. Установить тип лингвокультурного типажа по ассоциативному признаку возможно только при исследовании коллективного сознания в синхроническом аспекте методом анкетирования или интервьюирования [145, с. 37].

Типажы могут быть этномаркированными (русский интеллигент, британская королева, американский ковбой) либо социальномаркированными (начальник, кинозвезда).

Таким образом, лингвокультурный типаж – обобщенный образ личностей, чье поведение и чьи ценностные ориентации существенным образом влияют на лингвокультуру в целом и являются показателями этнического и социального своеобразия общества.

Тема VI

ЧЕЛОВЕК КАК НОСИТЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ И ЯЗЫКА

Термин «этнос» толкуется неоднозначно представителями различных научных школ и направлений в рамках целого ряда самостоятельных дисциплин, что, естественно, не могло не вызвать как терминологический разнобой в обозначении наук, занимающихся его исследованием не только с разных, но и сходных позиций, так и значительные расхождения в понимании используемых терминов. В контексте данной работы нас интересует, в первую очередь, понимание указанного термина преимущественно под углом зрения лингвистики и прилегающих к ней дисциплин, а также выяснение роли, отводимой в обозначенном явлении языковому и культурному факторам.

Выделяется около 35 научных дисциплин, включающих свыше 40 школ и научных направлений, связанных с описанием различных аспектов и сторон жизнедеятельности этноса (народа). По мнению авторов, в систематике наук можно обозначить четыре основных уровня с учётом разграничения объекта и предмета исследования: 1) основной уровень, объединяющий научные дисциплины общественного цикла (история, археология, социология, этнография); 2) уровень «двойников» (этнология, культурная и социальная антропология и т.д.); 3) дисциплины пограничной зоны (этнолингвистика, этнопсихология, этносоциология и т.д.); 4) собственно этнографические субдисциплины (теория этноса, историческая этнография и т.д.). В аспекте анализа этноса с точки зрения его взаимодействия с культурой и языком на первый план выходит ряд дисциплин пограничной зоны, в которых исследуются данные характеристики этноса, и, поскольку соответствующие дисциплины представляют своего рода «пучок», необходимы строгие критерии их разграничения.

К настоящему времени сложились следующие подходы к понятию «этнос», выработанные в недрах различных научных дисциплин на стыке этнографии и какой-либо иной самостоятельной науки:

1) психологический подход. Этнос, понимаемый как психологическая общность, является предметом исследования наук, известных под названиями народной психологии (М. Лацарус, Г. Штейнталь), этнопсихологии (Г.М. Андреева, Т.Г. Стефаненко) или этнической

психологии (А.О. Бороноев, В.Н. Павленко), культурно-исторической психологии (М. Коул, С. Скрибнер), психологической антропологии (А.А. Белик), кросс-культурной психологии (J.W. Berry, T. Chandler, E.T. Hall, D. Shama, F. Wolf) и т.д. Даже беглый взгляд на используемую в зарубежных изданиях по обсуждаемой проблематике терминологию показывает, что практически на равных используются понятия «ethnic, social, cultural, intergroup, intercultural, psycho-cultural, cross-cultural etc psychology», когда речь идёт об этнической (психологической) общности и её свойствах.

Подходя к данному понятию с позиций этнопсихолога, Т.Г. Стефаненко подчёркивает не только изменчивость значения и роли разных признаков, включаемых в определение этноса в зависимости от исторической ситуации, но и в определённом смысле открытость списка самих свойств, если к таковым отнести всё то, что отличает представителей одного этноса от другого. Отсюда следует достаточно компактное определение этноса как «группы людей, осознающих себя её членами на основе любых признаков, воспринимаемых как естественные и устойчивые этнодифференцирующие характеристики» [181, с. 29]. В последующих работах автор развёртывает те представления, на основе которых конструируется этническая идентичность [181, с. 367]. По мнению автора, в качестве этноопределителей, на основе которых люди осознают себя членами этноса, выступают язык, ценности, нормы, историческая память, религия, представления о родной земле, общих предках, национальный характер, народное и профессиональное искусство и т. д.;

2) социально-исторический подход. В недрах теории этноса, разработанной в отечественной науке Ю.В. Бромлеем и его последователями, появилось следующее определение этноса, получившее широкое хождение в современной науке, в котором приоритетными являются факторы социально-исторического порядка. В определение включён обязательный набор этнических характеристик, общих для того или иного этноса. Этнос – это «исторически сложившаяся на определённой территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме)» [34].

Практически те же принципы положены в основу определения этноса М.Б. Ешичем, ср. этнос – это «компактная или дисперсная, исторически сложившаяся и меняющаяся группа (множество) людей, живущих в определённых (также исторически меняющихся) сообществах, группа людей, обладающих сознанием своей исторически существующей

щей общности, хранящих и использующих в своей актуальной жизнедеятельности определённый, общий для них естественный язык, те или иные комплексы культуры, а также традиции поведения и образа жизни, сформированные в их сообществах в прошлом» [76, с. 13].

Знаменитый исследователь этноса Л.Н. Гумилёв выделяет наряду с психологическими характеристиками также присущую ему внутреннюю структуру и поведенческие стереотипы, формирующиеся в определённой культурной среде [68].

Из сопоставления приведённых определений видно, что характер этноопределителей выходит далеко за рамки языка и культурных символов и включает исторические, территориальные параметры, уклад и образ жизни и т.д.;

3) лингвистический подход. Наиболее последовательно и системно он реализуется в этнолингвистике, понимаемой как направление в языкознании, изучающее взаимодействие языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и эволюции языка. Исследуя проблемы языкового родства, Г. Шухардт рассматривал это явление как отражение родства этнологического, поскольку языки могут быть сопоставлены через субъектов действия, то есть через говорящих.

Учёный не только провозглашает методологический принцип «объединёнными силами» исследовать в рамках «вспомогательных дисциплин» взаимоотношения между языком и его носителями, отводя при этом значительное место «культуре говорящих во всех её проявлениях», но и блестяще претворяет данное требование при изучении баскского языка [220, с. 168–169].

При этом необходимо отметить разную степень представленности этнического и лингвистического начал в этнолингвистических исследованиях. С одной стороны, исследуя отражение в языке этнокультурных, народно-психологических и мифологических представлений и переживаний, работы остаются в рамках лингвистики. С другой стороны, предметом исследования может быть содержание культуры, народной психологии, мифологии, изучаемое с опорой на языковые данные. В данном случае речь идёт об «экспансии» лингвистической методологии в этнографию, что также свидетельствует о статусе пограничной науки, опирающейся на источники и достижения многих наук и возможность применения комплексной методики анализа.

4) психолингвистический (этнопсихолингвистический) подход. В оценке В.А. Виноградова, на современном этапе развития науки целесообразно выделять три крупные и тесно взаимосвязанные области исследования этнопсихолингвистики: 1) содержательный и формальный анализ произведений устного народного творчества в контексте материальной и духовной культуры; 2) комплексное изучение куль-

турно-языковых ареалов в рамках единого семиотического подхода; 3) описание языковой картины мира [48]. Из этого следует заключить, что между психолингвистическим и этнопсихолингвистическим подходами существуют отношения преемственности. На самом деле, как полагает В.В. Красных, этнопсихолингвистика, выросшая «на плечах психолингвистики», во многом продолжает развитие идей и традиций последней [112].

В определении этноса Ю.В. Бромлеем выделены особенности языка, культуры, психики, однако в более поздней формулировке автор называет этническую (этнознаковую) функцию культуры непременным и важнейшим условием существования этноса, поскольку, если лишить этнос внутренних культурных связей, то он неизбежно разрушится [35]. Представляя культуру этноса в виде многослойного образования, автор исследует, как в разных слоях, начиная с «глубинного», затем «континентального» и т.д., проявляются как этноинтегрирующие, так и этнодифференцирующие признаки культуры. В данном подходе важно отметить два момента, имеющие принципиальное значение для понимания этноса в контексте культуры: во-первых, по концепции автора, этническая функция культуры не противопоставляется остальным её функциям («техническим» и «специфическим»), но напротив теснейшим образом сопряжена с ними, определяя тем самым специфическое проявление последних в рамках каждого этноса; во-вторых, взгляд на этнос сквозь призму этноспецифичных функций культуры открывает новые ракурсы в понимании и изучении этноса. Так, например, если понимать сигнификативную функцию культуры этноса как «заложенную в её компонентах информацию, читаемую определённым образом в общем её контексте и тем самым программирующую определённую деятельность людей», а коммуникативную функцию культуры как «специфический способ передачи этнокультурной информации», то следует принять определение этноса, вытекающее из данной теоретической установки, – это «пространственно ограниченные «сгустки» специфично культурной информации» [35].

Наиболее полно, всесторонне и объёмно многослойная картина существования и реализации этнического языка показана на примере русского языка в концепции Ю.С. Степанова [179]. Язык представлен здесь в виде шара, имеющего ядро, окружённое социальными и ментальными оболочками. По мысли автора, снимая одну за другой эти оболочки, можно обнажить и продемонстрировать ядро. Последовательное применение этой процедуры по отношению к разным оболочкам в конечном итоге может способствовать получению выводов о языке вообще, то есть языке в широком понимании.

При рассмотрении русского языка в социальном пространстве, то есть в ранге языка мирового общения, в европейском языковом

союзе, и анализе его ядра в социальной характеристике, вскрываются особенности реализации языковых потенциалов в зависимости от ситуаций общения, в которых участвуют носители разных национальных языков. Так, например, отмечается, что в ситуации международного общения на современном этапе происходит выработка специфического общего понятийного фонда, из которого происходят массовые заимствования и кальки. Необходимо отметить безусловную значимость и новизну данной формы взаимодействия языков, которая возникает лишь в условиях глобального мира и глобализации языкового, культурного, когнитивного пространств, что обуславливает возможность взаимопополнения языков за счёт единого источника.

Важные изменения отмечаются автором в русском языке на границе социального и ментального пространств, где наблюдаются случаи особого использования языка советского периода – так называемого советского политического дискурса – для выражения особой ментальности, а также и особой идеологии. Ссылаясь на исследование П. Серио, Ю.С. Степанов приводит примеры использования в нём гипертрофированных масштабов номинализации, суть которой заключается в исчезновении субъекта, агенса того, о чём говорится, а также ряда других характеристик, позволяющих в речи избегать указания на авторство [179, с. 724-725]. Подобные свойства «новояза» (*nowomowa*, *new speak*, «квазиязыка») отмечают и другие исследователи (М. Гловиньски, Е.А. Земская, Ю.Н. Караулов, Ю.Д. Апресян и др.)

В основном ядре русского языка, согласно модели Ю.С. Степанова, происходит взаимодействие двух языковых стихий – народной русской речи, связанной с материальным миром, повседневной жизнью людей, и церковно-славянской, связанной с миром духовным, «языком богов» и использовавшейся в сфере церкви, проповедей. «Двуипостасный» характер русского языка, квалифицируемый в силу упомянутых выше различий одновременно как социальное и ментальное явление, объясняется автором с точки зрения истории культуры страны как результат постепенного распада единого языкового континуума на социокультурное многоязычие, выразившееся в последовательной дифференциации и специализации языков, обслуживающих разные сферы культуры, а также формирования языка официального быта.

В контексте общеевропейской культуры Ю.С. Степанов квалифицирует культурное двуязычие как типологическую черту великих языков европейских цивилизаций, которая отвечала некоей глубокой ментальной потребности всех людей в обществе. Более того, в этом учёный видит проявление одного из архетипов индоевропейской культуры, что подтверждается существованием многих культурных аналогов и языковых параллелей. Правда, по мнению других исследо-

вателей, в истоках европейской культуры лежит помимо христианского античное начало, что в известной степени связано со своеобразием европейской цивилизации, проявляющимся в динамизме, гибкой системе интеллектуальных и духовных ценностей, способности к моделированию и проектированию социально-исторических процессов [170].

Таким образом, исследование языка в новых измерениях открывает широкую перспективу в понимании пространственного, а не плоскостного взаимодействия языкового континуума как пространства мысли, с одной стороны, и социокультурного и цивилизационного пространств, с другой стороны, осуществляемого в процессе организации и отражения опытно-познавательной деятельности того или иного этноса. Несколько позже Ю.С. Степанов сформулировал в едином понятии суть отношений между современной культурой и её языками, представляющими, по его убеждению, нечто целое, обозначенное в авторской концепции термином «особая объединённая культурно-языковая среда» [180, с. 27].

Данная точка зрения является прямо противоположной более традиционному представлению этой зависимости, проявляющейся в виде связей между чем-то отдельным в языке и чем-то в культуре. Предложенное понимание взаимосвязи целостных систем языка и культуры в виде особой объединённой сложной среды ещё зримее обнажает этноментальные основания обеих систем, связанные с их возникновением и становлением, развитием и происходящими в них изменениями, функционированием в рамках конкретного лингвокультурного сообщества.

Таким образом, в национальном языке, являющемся важнейшим этногенным признаком, закреплена специфика национального характера и менталитета; в пространстве этноса особое значение имеет «картинообразующая» функция этнического языка, заключающаяся в формировании в коллективном этническом языковом сознании целостного представления конкретного народа о мире, в формировании его уникальной точки зрения на мир; в этническом языке отражается мировоззрение народа, поскольку, с одной стороны, язык как знаковая система выступает в качестве средства коммуникации, познания и мышления, и, с другой стороны, он является частью культуры народа, «домом бытия» духа народа; лексическая система этнического языка, являющаяся его матрицей, должна изучаться с учётом среды обитания этноса, наличия специфических артефактов материальной культуры, компонентов обыденного сознания.

Ментальность и менталитет – два понятия, которые в словарях определяются фактически одинаково: образ мышления, общая духовная настроенность какой-либо общности, социальной группы. Можно

это понять либо как то, что таким вот различным образом было переведено на русский язык исходное слово (так, в английском языке это не разводится), либо как то, что в русском языке не произошло рефлексии интуитивно по-разному используемых понятий «ментальность» и «менталитет».

Ментальность (от лат. *mens* – ум, сознание); в словосочетании «ментальный образ своего "я"» как раз отражена вот эта изначальная коннотация: мысленный, интеллектуальный. Если посмотреть на принцип словообразования, то суффикс «ость» означает принадлежность чего-то чему-то, или что нечто обладает чем-то. Так, по аналогии: духовность – кто-то обладает духом, одухотворенность – кто-то пронизан духом, и эту принадлежность вполне можно описать какими-то атрибутивными свойствами.

Тогда ментальность – это результат основного свойства сознания – быть активным в отношении мира и себя (т.е. ментальность приобретает только в активности сознания), а также это свойство конкретного человека, владеющего сознанием особым образом. Эти особенности проявляются в «привычках сознания», к которым можно отнести: во-первых, приоритетные стили и формы мышления (аналитическое или синтетическое, стратегическое или тактическое, основанное на формальной или неформальной логике, абстрактно-логическое или образно-чувственное); во-вторых, приоритетная форма активности сознания, выражающаяся в той или иной «жизненной» стратегии «Я» (самоутверждение или освоение: «осваиваю столько, сколько необходимо для самоутверждения как самореализации» или «самоутверждаюсь для того, чтобы расширить возможности освоения как опять же формы личностной самореализации); в-третьих, приоритетная сфера, на которую направлена активность сознания и мышления, и эмоционально-чувственной сферы, и волевой, – что также рождает его специфическую организацию (научное, религиозное, художественное и т.п.).

С другой стороны, если вспомнить словосочетания типа «ментальные особенности», «ментальное здоровье», то здесь речь идет не только и не столько о сознании, сколько о психике (психические особенности, психическое здоровье), а значит, о душе: её устройстве/складе, настрое. И тогда здесь присутствуют в дополнение к сознанию (мышление, воля, чувства, эмоции) и особенности устройства бессознательного, об элементах которого, однако, мы можем говорить только на языке сознания (образов: знаков и символов; понятий). К последним относятся: 1) ценности – это понятийно выраженная настроенность человека на разные формы самореализации; 2) стереотипы и автостереотипы как мысленные представления, выведенные из эмоционально-чувственного опыта; 3) архетипы как культурно

оформленный опыт биологического и социального бытия, который дает о себе знать не с целью пережить принадлежность к какой-либо группе (этот аспект важен для менталитета), а определиться с самим собой, настроиться на себя, на гармонизацию себя; 4) сублимированные в разных формах сознательной деятельности инстинкты или комплексы в ситуации отсутствия сублимации. Однако, перечислив вышеназванные особенности ментального как психического, думается, что всё же это не сама ментальность, а продукты/результаты той самой активности сознания, его взаимодействия с конкретной природной и социокультурной действительностью; продукты же ментальности, в свою очередь, участвуют в существовании различных форм духовной культуры и менталитета.

Ментальность – это свойство сознания, позволяющее конкретному человеку вступать в «диалог» с миром (природой, обществом, культурой) и собой (например, с собственным телом). А так как сознание имеет отношение к духовной природе человека (так же как и бессознательное, ибо оно – результат активности «духа» в отношении, прежде всего, телесной и внешне биологической данности и социокультурной затем), то можно сказать, что ментальность – это способность духовной природы быть в мире, приобщаться к нему, осмысливать, отражать, выражать материальную действительность в особенностях устройства индивидуальной души. Или, по-другому, ментальность – это способность человечества «духа» в диалоге с «материей» разворачивать себя в душе, организуя и наполняя последнюю.

Менталитет – это устойчивое мировоззрение, образ мышления и духовная настроенность (настроенность на что-то конкретное, это ценностное и целевое полагание в конкретных природных и социокультурных условиях бытования) какой-либо социокультурной общности (этнос, конфессия, локальная цивилизация), позволяющие этой группе воспроизводить общие смыслы единого существования и реализовывать уникальный культурный опыт. Обращаю внимание на то, что менталитет – это характеристика группы, члены которой связаны реально значимыми смыслами и способами их сохранения, передачи, обновления, а также общим культурным фоном природной и социальной повседневности. Здесь важен факт не только общей настроенности, но и факт наличия общепринятых, общепризнанных форм её воплощения.

Основными элементами менталитета можно назвать следующие: 1) групповые «привычки сознания»; 2) групповые представления (стереотипы и автостереотипы); 3) архетипы как культурные коды опыта совместного осмысленного выживания; 4) избранная жизненная стратегия (так, европейская цивилизация более нацелена на самоутверждение, тогда как восточная – на освоение, и т.п.); 5) уникальный

ценностный узор той или иной группы (например, мужское ведет своё бытование более в поле таких ценностей как совершенство, добро, справедливость, социальный порядок, закон, свобода как автономия и выбор, вертикальные отношения и т.д, тогда как для женского более характерен рисунок из гармонии, красоты, милосердия, спонтанности, горизонтальные отношения и т.д.); б) ценностные интерпретации как уникальное окрашивание общих ценностей в уникальные цвета (так, свобода для англичанина – это, прежде всего, свобода управления собой; свобода для француза – это свобода политического/социального действия; свобода для немца – это упорядочивание пространства собственной жизни; свобода для русского – своеволие/произвол/вольность как внешняя свобода от подчинения, принуждения; свобода для восточного человека – это более всего внутренняя свобода от любых привязанностей – психических ли, социокультурных и т.п.; или, любовь по-мужски – это способность к самоотверженности в форме жертвования чем-то своим (вплоть до себя самого, своей жизни), а любовь по-женски - это служение и т.д.).

Ментальность является предпосылкой возникновения и существования менталитета, тогда как внешние факторы: природа, другие социальные общности, культура влияют на содержательное наполнение менталитета групповыми ожиданиями, ответами, нацеленностями. Для воспроизводства же менталитета (его кодирования, организации) необходимо наличие культурных единиц и социокультурных институтов; наиболее значимым из них являются следующие:

- ✓ язык во всем грамматическом устройстве и лексическом содержании кодирует основные ценности, смыслы, способы восприятия и понимания того или иного народа (например, Гете в «Материалах для истории учения о цвете» дает анализ различий латинского и греческого языков, показывая их значение для понимания «духа» греков и римлян);

- ✓ традиции и обычаи;

- ✓ религиозные системы (мало того, что любая религия по факту происхождения представляет уникальный ответ конкретного народа на жизненные условия, религия как социальный институт обеспечивает системное и систематическое воспроизводства культурных смыслов и ценностей народа ли, конфессии);

- ✓ философские традиции, которые, будучи общезначимыми, тем не менее вполне выражают собой «дух» того или иного народа, породившего их (яркий пример – рационализм и эмпиризм).

Проблема национального характера давно являются предметом разносторонних научных исследований. Первые серьезные попытки были предприняты в рамках сложившейся в середине XIX в. в Германии школы психологии народов (В. Вундт, М. Лацарус, Х. Штейнталь

и др.). Основные идеи представителей этой школы заключались в том, что главной силой истории является народ или «дух целого», выражающий себя в искусстве, религии, языках, мифах, обычаях и т.д. – в целом, в характере народа или национальном характере.

В те времена активно отстаивалось субстанциональное существование «надындивидуальной души», подчиненной «надындивидуальной целостности», каковой является народ (нация). Считалось, что индивидуальный характер есть продукт этого целого, звено в некоей духовной социально-психологической связи целого и части. Предполагалось, что все индивиды одной нации имеют черты специфической природы, которая накладывает отпечаток как на физические, так и на духовные характеристики ее представителей. Считалось, что воздействия «телесных влияний» на душу вызывают появление общих социально-психологических качеств у разных представителей одной нации, вследствие чего все они обладают одним и тем же «народным духом» и национальным характером. Однако природа национального характера объявлялась метафизичной, а понимание ее затруднительным. Полагалось, что возможно лишь описание его проявлений, обнаруживаемых в продуктах надындивидуальной деятельности. Исходя из идеалистических философских посылок, однако, сторонники данной школы начали достаточно ценные попытки комплексного междисциплинарного изучения проблем, связанных с национальным характером и его влиянием на жизнь общества, но вскоре общие позитивистские тенденции экспериментального, а не описательного развития науки привели к их упадку. Понятно, что феномены типа национального характера и национальной психологии в целом невозможно исследовать «экспериментально», поэтому вся данная проблематика отошла в науке на задний план.

Американская этнопсихологическая школа в середине XX в. (А. Кардинер, Р.Ф. Бенедикт, М. Мид, Р. Мертон, Р. Липтон и др.) при построении целого ряда концепций национального характера исходила из существования у разных национально-этнических групп специфических национальных характеров, проявляющихся в стойких психологических чертах отдельной личности и отражающихся на «культурном поведении». Это позволяло сторонникам данной школы строить модели «средней личности» той или иной национально-этнической группы, выделяя в каждой нации «базисную личность», в которой соединены общие для ее представителей национальные черты личности и черты национальной культуры. В формировании качеств национального характера приоритет отдавался влиянию культурных и политических институтов, а также семьи в процессе воспитания ребенка. Подчеркивалось и обратное влияние «базисной личности» на национальные институты. Многочисленные межкультурные исследо-

вания показали влияние национального характера на особенности политических институтов и процессов, а также позволили выявить различающиеся черты национального характера у представителей масс и политической элиты.

Было установлено, в частности, что главной трудностью в понимании чужого национального характера является этноцентризм — склонность воспринимать и оценивать жизненные явления и черты иной культуры, а также другие национально-этнические группы сквозь призму традиций и ценностей своей группы. Сам термин «этноцентризм» был введен в 1906 г. Дж. Самнером, который полагал, что существуют резкие различия между отношениями людей внутри национально-этнической группы (товарищество и солидарность) и межгрупповыми отношениями (подозрительность и вражда). Впоследствии было установлено, что этноцентризм выполняет сложные функции. С одной стороны, он консолидирует свою национально-этническую группу. Однако, он же порождает некомпетентность представителей этой группы в иной национально-культурной среде, ее непонимание. Так возникает феномен аккультурации. Этноцентризм резко усиливает влияние соответствующих стереотипов, предрассудков и «эмоциональных шор» собственного национального характера.

В начале 50-х гг., однако, этнопсихологическая школа изучения национального характера подверглась, как и ранее школа психологии народов, суровой критике, и ее авторитет серьезно упал. Один из наиболее серьезных упреков заключался в отстаивании слишком жестких связей и зависимостей между элементарными национальными, приобретаемыми в процессе индивидуального воспитания, привычками, и последующими способами социально-политического поведения. Один из наиболее спорных выводов заключался в том, например, что национально-культурная традиция туго пеленать младенцев ведет к усилению тоталитаризма в тех обществах, где это принято. М. Мид утверждала, в частности, это на примере изучения русской и китайской национальных культур. Она полагала, что способ пеленания формирует вполне определенный, «покорный» национальный характер в отличие от более демократических национальных культур, в которых младенцу предоставляется большая свобода для движений руками и ногами, что формирует более свободолобивый, «демократический» национальный характер. Близкие выводы, между прочим, делал М.Макклоен, изучая «графическую» (албанскую) и «телевизионную» (канадскую) культуры 60-х гг. По его данным, именно жесткое научение регламентированному, привычному, слева направо или справа налево, письму и чтению формирует авторитарную личность. Тогда как восприятие хаотичных точек на телеэкране, порождающих разнообразные образы, воспитывает демократическую личность.

В настоящее время нет возможности выделить какое-либо целостное направление изучения национального характера. Его исследования проводятся в разных контекстах и с разных концептуально-теоретических позиций. Их различия подчас связаны с различающимися идейно-политическими ориентациями ученых, что превращает исследования в аргументы социально-политических споров. Сложность собственно научного анализа проблем национального характера всегда была связана с тем, что практически любые эмпирические данные и теоретические построения могли быть использованы теми или иными националистическими или, даже, расистскими направлениями в политике. В этом проявляются достаточно типичные ограничения политико-психологического исследования: понятие национального характера со временем стало своеобразной ловушкой для ученых. До сих пор, не жалея сил, одни авторы стараются отыскать заданные, чуть ли не индивидуально наследуемые черты национального характера, разделяющие человечество на жестко фиксированные и противопоставленные друг Другу национально-этнические группы.

С не меньшей энергией, другие ученые настаивают, что понятие «национальный характер» было и остается фикцией, беспочвенной гипотезой, лишенной реальной объяснительной силы, сугубо идеологической и потому ненаучной категорией, принципиально неверифицируемой и, потому, пригодной только для «спекулятивных умозаключений». Избегающие крайностей исследователи считают, что понятие национального характера имеет научную ценность, хотя и ограниченную в силу названных причин и методических трудностей в эмпирическом изучении национального характера. Тем не менее, неоспоримой реальностью остаются те взрывные проявления национального характера (особенно в случаях межнациональных конфликтов), с которыми постоянно по сей день сталкивается реальная политика.

Национальный характер – это совокупность наиболее устойчивых, характерных для данной национальной общности особенностей восприятия окружающего мира и форм реакций на него.

Национальный характер представляет собой, прежде всего, определенную совокупность эмоционально-чувственных проявлений, выражаясь в первую очередь в эмоциях, чувствах и настроениях – в предсознательных, во многом иррациональных способах эмоционально-чувственного освоения мира, а также в скорости и интенсивности реакций на происходящие события.

Наиболее отчетливо национальный характер проявляется в национальном темпераменте – например, отличающем скандинавские народы от, например, латиноамериканских. Зажигательность бразильских карнавалов никогда не спутаешь с неторопливостью северной жизни: различия очевидны в темпе речи, динамике движений и жестов, всех психических проявлений.

Понятие национального характера по своему происхождению поначалу не было теоретико-аналитическим. Первоначально, оно было, прежде всего, описательным. Впервые его стали употреблять путешественники, а вслед за ними географы и этнографы для обозначения специфических особенностей образа жизни и поведения разных наций и народов. При этом разные авторы в своих описаниях часто имели в виду совершенно различные и подчас просто несопоставимые вещи. Поэтому синтетическая, обобщенная трактовка национального характера невозможна – она носит заведомо комбинаторный и оттого недостаточно целостный характер. В рамках политической психологии наиболее адекватной все-таки является аналитическая трактовка.

В аналитическом контексте принято считать, что национальный характер – составной элемент и, одновременно, основа («платформа», «базовый уровень») психического склада нации в целом, и национальной психологии как таковой. Сложная, взаимосвязанная и взаимообусловленная совокупность в основном эмоциональных (национальный характер) и более рациональных (национальное сознание) элементов как раз и представляет собой «психический склад нации» – ту самую «духовно-поведенческую специфичность», которая и делает представителей одной национально-этнической группы непохожими на представителей других таких групп. Психический склад нации – основа всей национально-этнической психологии, уже как совокупности этого «склада» и определяемого им поведения.

В основе национального характера лежат прежде всего устойчивые психофизиологические и биологические особенности функционирования человеческих организмов, включая в качестве основных такие факторы, как реактивность центральной нервной системы и скорость протекания нервных процессов. В свою очередь, эти факторы связаны, по своему происхождению, с физическими (прежде всего, климатическими) условиями среды обитания той или иной национально-этнической группы. Общий, единый национальный характер является следствием, психическим отражением той общности физической территории, со всеми ее особенностями, на которой проживает данная группа. Соответственно, например жаркий экваториальный климат порождает совершенно иные психофизиологические и биологические особенности, а вслед за ними и национальные характеры, чем холодный северный климат.

Разумеется, формирование современных национальных характеров представляет собой результат сложного историко-психологического процесса, продолжающегося уже в течение многих веков. Проживая в неодинаковых природных условиях, люди с течением времени постепенно приспосабливались к ним, вырабатывая определенные общепринятые формы восприятия и реагирования на эти

условия. Это играло адаптивную роль, способствуя развитию и совершенствованию человеческой деятельности и общения людей. Подобные адаптивные формы восприятия и реагирования закреплялись в определенных нормативных, социально одобряемых и закрепляемых способах индивидуального и коллективного поведения, наиболее соответствующих породившим их условиям. Особенности национального характера находили свое выражение в первичных, наиболее глубинных формах национальной культуры, формируя своего рода социокультурные эталоны, нормативы и образцы адаптивного поведения. Так, например, художниками давно было очень образно подмечено, что «народ климата пламенного оставил в своем национальном танце ту же негу, страсть и ревность». Напротив, в специальном исследовании шведский этнограф А. Даун, проанализировав обширный материал, установил, что основной чертой шведского национального характера является чрезвычайная рациональность мышления. Шведы не склонны выставлять свои чувства напоказ, в случае конфликтов не дают волю эмоциям, стремятся к компромиссным решениям. Этим А. Даун объясняет особенности удивительно четкого функционирования шведской государственной машины, слабую религиозность населения, традиционную посредническую роль Швеции в международных конфликтах и др.

С усложнением способов социальной организации жизни, адаптивная роль и приспособительное значение национального характера, непосредственно связывавшего человека и его поведение с физическими условиями среды обитания, постепенно отходили на задний план. В развитых формах социальности, национальный характер оставляет за собой значительно более скромную функцию – своеобразной «эмоциональной подпитки» поведения представителей национально-этнических групп, как бы лишь чувственно расцветивая те формы поведения, которые теперь уже носят вторично социально- и культурно-детерминированный и, потому, неизбежно более унифицированный характер, а также придавая эмоциональное разнообразие действию общих социальных факторов, их восприятию и реагированию на них. Понятно, что политик-русский или политик-азербайджанец достаточно по-разному исполняют свои, в общем-то, одинаковые социальные роли.

Закладываясь на самых ранних, досоциальных этапах развития общества, элементы национального характера служили важнейшим способом стихийного, эмпирического, непосредственного отражения окружающей действительности в психике членов национально-этнической общности, формируя, тем самым, ее первичное, природно-психологическое единство. Сохраняясь, в последующем, они подчиняются влиянию социально-политической жизни, однако проявляются в

повседневной жизни в основном на обыденном уровне, в тесной связи с формами обыденного национального сознания. Однако в определенных ситуациях, связанных с кризисами привычных форм социальности, с обострением национальных проблем и противоречий, с появлением ощущения «утраты привычного порядка», непосредственные проявления национального характера могут выходить на передний план.

В этих случаях, как бы вырываясь на свободу из-под гнета социальности, они непосредственно детерминируют кризисное поведение людей. Многочисленные примеры такого рода дают процессы модификации политических систем, в частности, распада тоталитарных унитарных государств имперского типа – например, СССР. Именно с взрывными проявлениями национального характера связано большинство случаев быстрого подъема массовых национально-освободительных движений.

В *структуре* национального характера обычно различают ряд элементов. Во-первых, это *национальный темперамент* – он бывает, например, возбудимым и бурным, или, напротив, спокойным и замедленным. Во-вторых, *национальные эмоции* – типа национальной восторженности или национального скептицизма. В-третьих, *национальные чувства* – например, национальную гордость, национальную уничижительность и др. В-четвертых, первичные *национальные предрассудки*. Обычно это – закрепившиеся в эмоциональной сфере мифологемы касающиеся роли, предназначения или исторической миссии нации или народа. Эти мифологемы могут касаться и взаимоотношений национально-этнической группы с нациями-соседями. С одной стороны, это комплекс нацменьшинства. С другой стороны, это национально-патерналистский комплекс, обычно проявляющийся в виде так называемого имперского синдрома, или синдрома великодержавности (иногда именуемого «синдромом Большого брата»). Разновидностью национально-этнических предрассудков являются соответствующие стереотипы реагирования на происходящие события типа, например, национальный консерватизм, национальная покорность или, напротив, национальное бунтарство и национальная самоуверенность.

На эффективность общения оказывают влияние стереотипы восприятия. При организации общения необходимо хорошо ориентироваться в чувствах, особенностях личности, мотивах и потребностях своего собеседника. Источником информации о них служит внешность собеседника, его речь и невербальное поведение. Однако при оценке ролей и личностных особенностей окружающих люди обычно опираются на сложившийся у них эталон.

В основе эталонов лежит вера в устойчивую связь между некоторыми чертами внешности и определенными ролевыми и личност-

ными особенностями человека. Отождествляя собеседника с эталоном по некоторым наблюдаемым признакам, мы приписываем ему одновременно и множество других черт, которые по нашему мнению встречаются у людей подобного рода. Таким образом, отнесение человека к определенной категории позволяет домыслить большое количество необходимых, но отсутствующих сведений. Вместе с тем, стереотипное восприятие людей по эталонам связано с целым рядом специфических ошибок:

- ✓ эффектом проекции – приятному для нас собеседнику мы склонны приписывать свои собственные достоинства, а неприятному – свои недостатки, то есть наиболее четко выявлять у других те черты, которые ярко представлены у нас самих;

- ✓ эффектом средней ошибки–тенденцией смягчать оценки наиболее ярких особенностей другого человека в сторону среднего;

- ✓ эффектом порядка – при противоречивой информации больший вес придается данным, полученным первыми, а при общении со старыми знакомыми, наоборот, доверять больше последним сведениям;

- ✓ эффектом ореола– к человеку складывается определенное отношение по его какому-либо поступку, ореол может иметь как положительную, так и отрицательную окраску;

- ✓ эффектом стереотипизации – мы приписываем человеку черты, характерные для определенных социальных групп (например, профессиональных – учителя, продавца, математика). Социальный стереотип – устойчивое представление о каких-либо явлениях или признаках, свойственных представителям той или иной социальной группы. Разные социальные группы, взаимодействуя между собой, вырабатывают определенные социальные стереотипы. Наиболее известны *этнические или национальные стереотипы* – представления о членах одних национальных групп с точки зрения других. Например, стереотипные представления о вежливости англичан, легкомысленности французов или загадочности славянской души.

Стереотипы могут играть и положительную роль во взаимоотношениях с людьми, так как они экономят энергию, способствуют более быстрой реакции автоматически реагировать во многих случаях. Вежливость с собеседником – выработанный у многих стереотип, который позволяет устанавливать контакт.

Термин *стереотип* (греч. Stereos – твердый, typos – отпечаток) введен в научный оборот американским социологом У. Липпманом. В книге «Общественное мнение», вышедшей в 1922 г., он сделал попытку определить место и роль стереотипов в системе общественного мнения. Под стереотипом Липпман понимал особую форму восприятия окружающего мира, оказывающую определенное влияние на данные наших чувств до того, как эти данные дойдут до нашего соз-

нения [230]. По мнению Липпмана, человек, пытаясь постичь окружающий его мир во всей его противоречивости, создает «картину в своей голове» относительно тех явлений, которые он непосредственно не наблюдал. Человек имеет ясное представление о большинстве вещей еще до того, как он с ними непосредственно столкнулся в жизни. Подобные представления-стереотипы формируются под влиянием культурного окружения данного индивидуума: «В большинстве случаев мы не сначала видим, а потом даем определение, мы сначала определяем для себя то или иное явление, а потом уже наблюдаем его. Во всей ... неразберихе внешнего мира мы выхватываем то, что навязывает нам наша культура, и мы имеем очевидную тенденцию воспринимать эту информацию в форме стереотипов» [230, р. 81].

Стереотипы позволяют человеку составить представление о мире в целом, выйти за рамки своего узкого социального, географического и политического окружения. Липпман пишет о том, что стереотипы так настойчиво передаются из поколения в поколение, что часто воспринимаются как данность, реальность, биологический факт. Если же личный опыт противоречит стереотипу, чаще всего происходит одно из двух: человек негибкий, незаинтересованный по каким-то причинам в изменении своих взглядов, либо просто не замечает этого противоречия, либо считает его исключением, подтверждающим правило, и обычно просто забывает о нем. Человек же восприимчивый, любознательный при столкновении стереотипа с реальностью изменяет свое восприятие окружающего мира. Липпман не считает стереотипы однозначно ложными представлениями. По его мнению, стереотип может быть правдой, или частично правдой, или ложью.

Ученый не только ввел в научный оборот термин «стереотип», дал ему определение, но и подчеркнул важность этого явления. «Система стереотипов, – писал он, – возможно, является стержневой в нашей личной традиции, она защищает наше место в обществе, ... а также сохраняет время в нашей занятой жизни и помогает нам спастись от сбивающих с толку попыток увидеть мир устойчивым и охватить его целиком» [230, р. 95, 114]. При таком понимании стереотипа выделяются две его важные черты – детерминированность культурой и быть средством экономии трудовых усилий, и соответственно, языковых средств. Если алгоритмы решения математических задач экономят мышление человека, то стереотипы «экономят» саму личность.

Если Липпман заложил теоретические основы изучения стереотипов, то американские ученые Д. Кац и К. Брейли в 1933 г. разработали методику, получившую впоследствии широкое распространение и на долгие годы ставшую определяющей для исследователей национальных стереотипов. Сто студентов Принстонского университета приняли участие в проводимом ими эксперименте. Из списка, содер-

жащего 84 характеристики, студентам предлагалось выбрать те, которые, с их точки зрения являются основными для десяти этнических групп (негров, немцев, евреев, итальянцев, англичан, ирландцев, американцев, японцев, китайцев и турок). Результаты, полученные в ходе эксперимента, показали, что в большинстве случаев студенты удивительно единодушны в определении характерных, по их мнению, черт, присущих той или иной этнической группе. В работе, анализирующей результаты эксперимента, исследователи дают следующее определение: «Этнический стереотип – это устойчивое представление, мало согласующееся с теми реалиями, которое оно стремится представить, и вытекающее из присущего человеку свойства сначала определить явление, а потом уже его пронаблюдать» [230, с. 96].

Вторая мировая война дала новый толчок к изучению этнических стереотипов. Она отчетливо показала, какую большую роль играют традиционные устойчивые представления народов друг о друге, как важно изучать пути формирования (а, следовательно, и воздействия) подобных представлений.

С конца 40-х гг. появляется новая волна интереса к изучению этнических стереотипов. Так, по инициативе ЮНЕСКО было проведено широкомасштабное исследование с целью выявления того 1) как представители одной страны воспринимают народы других стран; 2) какие факторы определяют их восприятие. Надо отметить, что этот период начала холодной войны характеризуется повышенным интересом к России, русскому национальному характеру. Опрос ЮНЕСКО проводился в следующих странах: Австралии, Англии, Германии, Франции, Италии, Нидерландах, Норвегии, США. Участникам опроса предлагалось выбрать из 13 определений те, которые, по их мнению, характеризуют русских, американцев, англичан, французов, китайцев и их самих. Разница между положительными и отрицательными ответами определила так называемый «знаменатель дружественности» [230, р. 97].

Большинство работ, посвященных проблемам исследования этнических стереотипов, вышедших в свет в рассматриваемый период, основано на материалах этих опросов. Психолог О. Кленберг, проанализировав результаты опросов, определил понятие *этнический стереотип* следующим образом: «... это картина в умах людей, относительно их собственной или других национальных групп. Подобные образы или представления обычно широко распространены в обществе; как правило, они чрезвычайно примитивны и невосприимчивы к объективной реальности» [230, р. 93].

В России проблемам изучения стереотипов не уделялось такого внимания, как на Западе. Вместе с тем в нашей стране был разработан ряд оригинальных концепций. Интересной и научно обоснованной

представляется концепция Н.А. Ерофеева, в основе которой лежит исторический материал. Предваряя исследование, посвященное восприятию Англии в России в 1825–1853 гг., теоретической главой, автор, хотя и отказывается от термина «стереотип», уделяет значительное внимание проблемам восприятия одной нации другой: «Этнические представления – это как бы итог усвоенной информации, результат ее переработки и обобщенный вывод из нее, они нередко влияют на отношения между нациями, этническими группами и государствами» [цит. по 83, с. 11].

Среди многообразия проблем, вытекающих из определения стереотипа, можно выделить ряд наиболее важных и одновременно спорных, представляющих несомненный интерес для исследователя, занимающегося этническими стереотипами.

Одна из центральных проблем – наличие зерна правды в стереотипах. Единого мнения по этому вопросу нет. На бытовом уровне они воспринимаются как объективная реальность. Большинство же исследователей проблемы вслед за Липпманом, считавшим что миф необязательно ложный. Он может полностью быть правдой. Он может частично быть правдой, придерживаются «золотой середины». Вместе с тем значительное число серьезных исследователей стоят на диаметрально противоположных позициях, ряд ученых подчеркивают тот факт, что в основе этнических представлений лежит объективная реальность.

С проблемой выяснения зерна правды неразрывно связан вопрос об устойчивости стереотипов. Если в основе стереотипа находится реальность, то он должен быть относительно устойчив, если же он целиком и полностью ложен, то он должен меняться в зависимости от исторической, международной и даже внутривнутриполитической ситуации в той или иной стране. В соответствии с этим большинство авторов настаивает на изменчивости стереотипов или частичной изменчивости.

Многие исследователи считают этнические стереотипы явлением неизбежным, но опасным. По их мнению, опасны даже положительные стереотипы, так как они создают впечатление объективности и таким образом поддерживают всю систему стереотипов в целом.

Большинство словарей отмечает, что слово *стереотип* имеет негативное значение. В качестве примера можно привести определение стереотипа, которое дает словарь-справочник по психологии, составленный Майком Кордуэллом: «Стереотип – жесткое, часто упрощенное представление о конкретной группе или категории людей. Поскольку мы вообще склонны к упрощениям, то формируем стереотипы для большей предсказуемости поведения других людей. Эти стереотипы часто имеют негативную природу и основаны на предрассудках и дискриминации. Стереотипы не обязательно являются ложными;

обычно они содержат некое зерно истины. Их разделяет значительное количество людей, что в целом способствует их укоренению. Стереотипы могут меняться со временем, но их носителям часто бывает трудно избавиться от усвоенных представлений» [11]. Если же анализировать стереотип как представление, основанное на предрассудках, то через призму последних можно определить стереотип как предвзятое отношение к кому-либо на основе его принадлежности к конкретной группе или категории. Здесь подразумевается наличие категоричной оценки – либо позитивной, либо негативной, но в психологической литературе обычно имеются в виду негативные установки по отношению к данному человеку или группе.

Причины появления стереотипов анализируются и в когнитивных теориях, а также в рамках социальной психологии. Эти области науки изучают, в какой степени наши мысли зависят от непосредственного общественного контекста и, в свою очередь, влияют на наше поведение в обществе. Когнитивные теории акцентируют нашу потребность классифицировать людей, так как это упрощает способ восприятия окружающего мира. Люди обладают способностями для обработки информации об окружающем мире, поэтому они пользуются когнитивными обобщениями (в число которых входят и стереотипы), чтобы максимально уменьшить нагрузку на мышление. Люди разрабатывают схемы, отражающие их знания о самих себе, о других и их общественных ролях. Когда эти схемы закрепляются, они определяют наш способ обработки информации и формирования суждений о себе и других.

Анализ содержательной стороны понятия стереотип позволяет утверждать, что:

1) каждый человек обладает индивидуальным личным опытом, особой формой восприятия окружающего мира, на основе которого в его голове создается так называемая “картина мира”, включающая в себя объективную (инвариантную) часть и субъективную оценку действительности индивидуумом, стереотип является частью этой картины;

2) большинство лингвистов, занимающихся изучением данной проблемы, отмечают, что основной чертой стереотипов является их детерминированность культурой – представления человека о мире формируются под влиянием культурного окружения, в котором он живет;

3) стереотипы разделяют большинство людей, но они могут меняться в зависимости от исторической, международной, а также внутрисполитической ситуации в той или иной стране;

4) многие ученые отмечают, что стереотипы в большинстве случаев бывают ложными;

5) стереотип – это не только ментальный образ, но и его вербальная оболочка, то есть стереотипы могут существовать и на языковом уровне – в виде нормы.

Таким образом, стереотип – это

– относительно устойчивый, обобщающий образ или ряд характеристик (нередко ложных), которые, по мнению большинства людей, свойственны представителям своего собственного культурного и языкового пространства, или представителям других наций;

– представление человека о мире, формирующееся под влиянием культурного окружения (другими словами, это культурно-детерминированное представление), существующее как в виде ментального образа, так и в виде вербальной оболочки;

– процесс и результат общения (поведения) согласно определенным семиотическим моделям. Стереотип (как родовое понятие) включает в себя стандарт, являющийся неязыковой реальностью, и норму, существующую на языковом уровне;

– как характеристики другого народа, так и все, что касается представлений одной нации о культуре другой нации в целом – общие понятия, нормы речевого общения, поведения, категории, мыслительные аналогии, предрассудки, суеверия, моральные и этикетные нормы, традиции, обычаи и т.п.

Тема VII

УРОВНИ ЯЗЫКА В КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Язык – гетерогенная система, то есть он представляет собой систему подсистем. Подсистема, или языковой уровень, выделяется на основе существования функциональной единицы. Традиционно говорят о пяти уровнях языка. Соотношение функциональных единиц языка и речи и уровней языка можно представить в виде таблицы.

Уровни языка и функциональные единицы

Уровни языка	Единица языка	Единица речи
Синтаксический	Модель словосочетания, предложения	Высказывание
Морфологический	Форма слова	Словоформа
Морфемный	Морфема	Морф
Лексико-семантический	Слово	Лексико-семантический вариант
Фонетический	Фонема	Звук

Лингвокультурология соотносится с каждой из подсистем языка. Можно выделить фонетическую лингвокультурологию, графическую лингвокультурологию, лексико-фразеологическую лингвокультурологию, грамматическую лингвокультурологию, лингвокультурологическую прагматику. Или, другими словами, говорить о культурных аспектах фонетики, графики, грамматики и т.д. Однако культурные особенности каждой из перечисленных разновидностей лингвокультурологии изучены не в одинаковой мере хорошо. Наиболее подробно исследованы средства и способы кодирования культуры в лексике и фразеологии. В этом учебнике мы рассмотрим именно лексико-семантический аспект лингвокультурологии и лишь обозначим культурогенные точки в каждом уровне языка.

Фонетика в культуроведческом аспекте

Фонетическая система включает в себя небогатый культурно маркированный материал. Это связано прежде всего с особенностями основной функциональной единицы этого языкового уровня – фонемы, которая в рамках традиционного языкознания считается одноплановой единицей, то есть единицей, не имеющей значения. В русистике представлена концепция звуко-символизма, однако данное направление пока не нашло одобрения в учёном мире в виду своей эскизности. Данная причина не даёт возможности сделать звуко-символическую теорию объектом лингвокультурологии. Однако это не означает, что фонетическая система во всех языках универсальна. Пожалуй, освоение фонетической системой чужого языка, выражающееся в правильном использовании интонационных конструкций, артикулировании отдельных звуков, является наиболее сложной задачей. Безусловно, при использовании языка как родного, человек самостоятельно овладевает всеми закономерностями фонетической системы, причём делает это стихийно, неосознанно.

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров отмечают: «В лингвистической литературе описано явление, получившее название критерия шибболета. Суть его проста: на основании некоторых... признаков в произношении говорящего окружающие судят о нём, получая сведения о его прошлом и настоящем...» [45, с. 185]. Очевидно, что указанные особенности произношения: *У нас в Рязани хрибы с хлазами: их ядят, а они хлядят / С Масквы, с пасада скалашнава ряда / Болого во Володимере стокан испить / Вяцкие ребята хвацкие / В Котельнице три мельнички: паровича, водяничка и ветриничка* – несут информацию о территориальной и социальной принадлежности человека. Фонетические особенности, просодические характеристики являются проявлением географической идентичности языковой личности.

Несомненно, культурогенны и такие орфоэпические факты, как:

В глуши, в деревне все вам скучно, А мы... ничем мы не блесним, Хоть вам и рады простодушно.	Скорее, путник одинокий, Закройся буркою широкой.
(А. Пушкин)	(М. Лермонтов)

Эй, Борис, Получи и распишись!	Столетье за столетьем пронеслося, Ещё никто не разрешил вопроса.
(С. Маршак)	(Ф. Тютчев)

В лоне площади пологой Пробивается трава, Месяц острый, круторогий, Башни – свечи божества...	Мой первый друг, мой друг бесценный! И я судьбу благословил, Когда мой двор уединенный, Печальным снегом занесенный, Твой колокольчик огласил.
(А. Блок)	(А. Пушкин)

Условия формирования, изменения старшей и младшей, московской и петербургской орфоэпических норм происходило под влиянием культурно-исторических факторов, а использование той или иной нормы может стать основанием для культурного портрета языковой личности.

Мы предполагаем, что и принцип восходящей звучности (закон открытого слога) в какой-то степени обусловлен особенностями русского ландшафта: бескрайней равниной, по которой разливаются звуки русских песен. В. Ключевский отмечал: «Трудно сказать, насколько степь широкая, раздольная, как величает её песня, своим простором, которому конца-краю нет, воспитывала в древнерусском южанине чувство шири и дали, представление о просторном горизонте, окоёме, как говорили в старину; во всяком случае, не лесная Россия образовала это представление» [цит. по 112]. Фонетическая система не менее (а может, даже более!) идиоматична в культурном аспекте, чем другие системы языка. Об этом свидетельствуют многочисленные каламбуры, которые на другой язык перевести невозможно.

Графика в культуроведческом аспекте

Графика любого языка характеризуется высокой степенью культурогенности. Алфавиты отражают систему ценностей лингвокультурной общности, продуцируют многообразные культурно-специфические единицы.

Н. Ф. Алефиренко отмечает: «Первая фраза, написанная человеческой рукой по-славянски, известна всему просвещённому славянскому миру: “Искони было Слово, и Слово к Богу, и Бог был Слово”. Так зазвучала славянская азбука, так начал своё триумфальное шествие третий литературный язык средневековой Европы» [15, с. 342].

Величие этой азбуки в том, что её организация, форма букв, их порядок, числовое значение и семантика имён представляют собой элементы единого славянского культурного космоса. Это нечто большее, чем простой буквенный ряд, бесстрастно составленный по подобию греческого алфавита. Это знаковая система, в основу которой положена оригинальная философия миропонимания, направленная на широкое приобщение славян-язычников к христианству, и отражение высокой лингвистической культуры, обеспечивавшее славянской азбуке уникальную поэтичность. Вместе с тем она приобщала славян к языку феодальной книжности, высокоразвитой греческой культуре, неисчерпаемой сокровищнице античной цивилизации.

Алфавит можно считать одной из самых идиоматичных языковых сущностей, поскольку носители языка давно утратили интерпретанту, позволяющую осознать культурный смысл алфавита. В художественной форме на это указала современная писательница Т. Толстая в романе «Кысь». Один из его героев говорит: «...Человек есть перекрёсток двух бездн, равно бездонных и непостижимых: мир внешний и мир внутренний. И подобно тому, как светила, кометы, туманности и прочие небесные тела движутся по законам нам мало известным, но строго предопределённым... так и нравственные законы, при всём нашем несовершенстве, предопределены, прочерчены алмазным резцом на скрижалях совести! Огненными буквами – в книге бытия! И пусть эта книга скрыта от наших близоруких глаз, пусть таится она в долине туманов, за семью воротами, пусть перепутаны её страницы, дик и невнятен алфавит, но всё же есть она... Жизнь наша... есть поиск этой книги, бессонный путь в глухом лесу, блуждание на ощупь, нечаянное обретение».

Названия букв кириллицы соотносятся со словами разных частей речи. Это позволяет утверждать, что азбука являлась своеобразным текстом, в котором были скрыты культурные ценности, истины, законы славянского социума. Эти представления отражены внутренней формой фразеологических единиц азбучная истина, держаться буквы закона.

Названия букв соотносятся с существительными, глаголами, наречиями и другими частями речи: *веди, глаголи, есть, живете, мыслите, рьци; азъ, нашъ, онъ; зело, како, тврѣдо; и, иже, отъ*. Названия букв можно объединить в отдельные словосочетания: *слово тврѣдо,*

нашъ онъ покои, грамматические основы: люди мыслите, живете земля, добро есть.

В то же время славянская азбука была своеобразной моделью славянских языков.

Очертания букв построены на трёх геометрических фигурах: кресте, треугольнике, круге. Крест символизирует Христа, его распятие, круг – единство, бесконечность, совершенство, треугольник – всевидящее око Бога. Первая буква глаголицы похожа на крест. В. А. Истрин отмечал, что такое начертание первой буквы указывало на то, что «изучение азбуки – богоугодное дело и поэтому должно начинаться с крестного знамения» [87, с. 79].

Учёные считают, что азбука имеет так называемые сакральные точки. Языковым выражением этой сакральности является повышенная активность названий букв к образованию от них устойчивых единиц. Такими сакральными точками азбуки являются буквы *азъ, буки, глаголь, фертъ, фита, ять, ижица* (начинать с азов, ни аза, азы науки... и др.). Значимость славянской азбуки подчёркивается тем, что часть названий букв славянских азбук стала основой для устойчивых выражений благодаря сходству своего внешнего вида с теми или иными явлениями действительности: *смотреть глаголем, на глагол лезет, миновать глаголя, стоять фертом, ходить фертом, перечеркнуть хером, старый юс, прописать ижицу.*

Буквы *ять, фита, ижица* стали символом обучения грамоте: *от фиты подвело животы; фита да ижица – к ленивому плеть движется; сам ни аза в глаза, а людей ижицей тычет; выучить на ять*, поскольку они были, по сути, буквами-дублетами. Постичь их употребление означало постичь секреты орфографии того времени. Таким образом, азбука концентрирует в себе вечные общечеловеческие истины.

Безусловно, культурный потенциал графики очерчивается не только алфавитом. Культурно значимыми могут быть особенности написания: справа налево, слева направо, сверху вниз. По мнению ряда учёных, этот факт обусловлен особенностями хозяйственных (направлением плуга при вспашке поля) и религиозных традиций (например, движением руки при крещении).

Важным показателем является употребление заглавной буквы. Так, в немецком языке с прописной буквы пишутся все существительные, что подчёркивает ценность предметности. В английском языке с большой буквы пишется местоимение *я – I*, что подчёркивает особый статус концепта *Privacy*. Графика является в высокой степени культурогенной и проецирует свой потенциал на лексику и фразеологию.

Лексика в культуроведческом аспекте

Лексический фонд языка называют верхним слоем лингвокультуры. Это связано с тем, что культурные смыслы в первую очередь покрывают лексическую и фразеологическую семантику и характеризуются относительной ясностью при их выявлении.

Лексические и фразеологические способы хранения культурной информации являются наиболее изученными. Это связано прежде всего с тем, что слово и фразеологизм, в отличие от фонемы, имеют очевидный план содержания, а культурная информация отражается прежде всего в семантике языковых единиц. Кроме того, слова, фразеологизмы, в отличие от текстов, отличаются компактностью, что, несомненно, упрощает их лингвокультурологическое описание.

Культурная маркированность лексического и фразеологического значения, значимости проявляется в том, что данные семантические величины способны как отражать те или иные культурные смыслы, так и интерпретировать универсальные кванты знания в соответствии с действующими культурными установками, стереотипами. Рассмотрим эти процессы. Решение поставленной задачи требует описания структуры лексического и фразеологического значения, отражающей процессы семантической категоризации.

Лексический фонд языка формирует его содержательное пространство, которое может рассматриваться в лингвокультурологическом аспекте, в соответствии с которым происходит расширение синхронно-системного описания семантики «за счет «приращений» культурно-маркированных смыслов к концептуальной экстенсии значения» [191, с. 96]. Несомое языковой единицей этнокультурное содержание, а также актуализируемые ею культурно-усредненные смыслы использованы в работе в качестве принципов классификации лексико-фразеологической системы языка на двух уровнях: на уровне языкового значения (поверхностный уровень) и на уровне концептуальной семантики (глубинный уровень). Выделение уровня концептуального содержания позволяет учитывать этнокультурные и когнитивные факторы формирования глубинной семантики языковых единиц.

На основании этого принципа можно определить три разряда единиц:

- ✓ общекультурная лексика/глубинная семантика,
- ✓ специфично-культурная лексика/глубинная семантика,
- ✓ уникально-культурная лексика/глубинная семантика.

На уровне языкового значения характер культурной отмеченности устанавливается в отношении лексических, фразеологических и паремиологических единиц, понимаемых как носители общепринятого в языковом коллективе, социально-обусловленного инвариантного

содержания, закрепленного за языковой единицей. Одновременно они выступают как языковые средства активации некоторой этнокультурной информации. На уровне глубинной семантики этнокультурная составляющая определяется в пределах концептуально-смысловых зон, образуемых отдельными значениями единиц. Результаты исследования единиц лексико-фразеологической системы на указанных уровнях не коррелируют друг с другом, поскольку их содержание функционирует в различных плоскостях. В содержании соотносимых единиц, устанавливаемых в статусе межъязыковых эквивалентов с учетом поверхностного «значенческого» уровня, могут быть выявлены на разной глубине концептуальной семантики элементы общекультурного, специфично-культурного и уникально-культурного осмысления опыта.

Общекультурное содержание соотносимых единиц определяется сходством в референциальном аспекте, то есть отнесенностью к сходным объектам действительности (предметный ряд), в одинаковом наборе компонентов и их организации в сигнификативно-денотативном блоке, сходных лексических коннотациях (семантический уровень), схожем взгляде на объект и его оценке (этнокультурный параметр). Границы общекультурной лексики целесообразно определять с учетом полевой организации лексической системы языка. Очевидно, что она совпадает с лексическим ядром языка, которое образуется основными значениями знаменательных частей речи, оцениваемыми по вышеуказанным параметрам.

Специфично-культурная лексика формируется на уровне неосновных значений соотносимых в двух языках единиц, которые лежат за пределами лексического ядра и обнаруживают расхождения по одному или нескольким из перечисленных выше параметров.

Уникально-культурная лексика представлена либо языковыми реалиями, либо не совпадающими значениями лексических соответствий, образующих периферию систем.

На уровне глубинной семантики, локализованной в концептуально-смысловых зонах в пределах отдельных значений соотносимых единиц, могут быть обнаружены черты полного или частичного сходства, а также случаи отсутствия сопоставимого сходства. Общекультурные смыслы могут быть локализованы на глубинном уровне содержания разных категорий единиц, включая так называемые закрытые объединения типа терминов родства. Так, например, сопоставление слов мать – *mother* на этом уровне показывает ряд сходств, а именно общекультурные смыслы (ср. дружески, всякая женщина в годах чествует матерью – *infirmused when speaking to an old woman*), схожие культурные ассоциации и образы (ср. свойственный матери, такой как у матери – *like or typical of a goodmother*: материнская любовь – *motherlove*; о том, что является родным, близким, дорогим:

мать (сыра) земля, Родина-мать – regarded a shaving maternal authority: mother-earth), культурные коннотации (в чем мать родила – mother naked).

Специфично-культурные смыслы также формируются на глубинном уровне отдельными значениями, но в отличие от общекультурных они обладают определенной спецификой, ср. специфично-культурные смыслы (крёстная мать – god-mother), культурно-ценностные ассоциации и образы (тещин язык – mother-in-law's tongue), культурные коннотации (всасывать с молоком матери – to learn at one's mother's breast).

Уникально-культурные смыслы присущи либо глубинной семантике языковых реалий, либо уникальным элементам образуемых соотносимыми в двух языках значениями концептуально-смысловых зон, которые обладают неповторимым этнокультурным своеобразием, ср. уникальные культурные смыслы (в русском языке мать – одиночка, мать – героиня, многодетная мать, матери Беслана – и в английском языке Mother's Day, mother country, every mother's son, mother and toddler group), уникальные культурные ассоциации и образы (мать родная не узнает, по матери ругаться – Want is the mother of industry, Mother Hubbard), уникальные культурные коннотации (катись к едреной матери, показать кузькину мать – the Mother of Presidents, the Mother of States, the Mother of Parliaments).

Таким образом, обсуждаемая нами классификация лексики лишней раз подтверждает важность исследования многоуровневой содержательной структуры слова, учитывая отношение к нему в культуре и роль слова в культуре, так как в нём на самом деле отражается «всё сущее». Выделение уровня концептуальной глубинной семантики позволяет получить более объемное знание об обозначаемом культурном феномене, чем поверхностный уровень семантики отражательной. На уровне глубинной семантики выделяются содержательные структуры, которые могут быть невербализованы, но они без труда активизируются, поскольку хранятся в нашем этнокультурном сознании. Более того, из глубин концептуальной семантики могут извлекаться этнокультурные смыслы, которые не входят в «светлое поле» сознания и связаны с «коллективным бессознательным». Не только многосмысловые, но и простые слова нередко понять трудно, поскольку необходимо, помимо понимания, ещё и осмысление как его очевидных (поверхностных), так и более глубинных, и, значит, менее очевидных смыслов, формирующихся на разных уровнях этнокультурного сознания. На самом деле, есть удивительный парадокс в том, что, на первый взгляд, слово кажется знакомым, доступным и открытым, но как часто его употребляют, особенно в межкультурном общении, не понимая его глубинных смыслов.

Лингвокультурологический подход к языку характеризуется пониманием значения как определённым образом категоризованной информации.

В настоящее время является общепризнанным представление лексического значения как системы, состоящей из двух блоков: денотативно-сигнификативного и прагматического.

Денотативный компонент значения, с одной стороны, несёт информацию об образе (представлении) типовой реалии (реалеме), которую обозначает данное слово, с другой – обеспечивает связь реалемы с конкретным референтом. Денотативный компонент объективирует экстенционал того или иного понятия, иными словами, указывает на класс явлений, в который входит данный референт, тем самым денотативный компонент показывает, с какой лексико-семантической группой соотносится то или иное значение. Из сказанного следует, что денотативный компонент значения отражает процессы структурирования языковой картины мира. Данные процессы культурно маркированы, поскольку соотношение явления с тем или иным лексико-семантическим классом слов может быть обусловлено идеологемами.

Проиллюстрируем это положение. Слово предприниматель ‘капиталист – владелец промышленного и торгового и т. п. предприятия’ [МАС] входит в лексико-семантическую группу «Общественный класс», на что указывает сема ‘капиталист’. Лексико-семантическая категоризация отражает советские идеологемы, направленные на чёткую классовую дифференциацию общества. В постсоветское время значение данного слова меняется: ‘тот, кто имеет своё дело, владеет предприятием или на свой риск занимается какой-либо экономической деятельностью, приносящей личный доход’ [ТСЯИ]. Данное словозначение включено в лексико-семантическую группу «Характеристика лица по способу осуществления трудовой деятельности». Если учесть, что экстенционал значения находит своё отражение в архисеме, то можно сделать вывод, что ряд значений имеет культурно маркированную родовую лексическую сему (архисему). Нетрудно заметить, что изменения в экстенционале обусловлены модификацией интенционала, воплощённого в сигнификативном компоненте значения.

Сигнификативный компонент включает в себя часть признаков понятия (представления) о реалии. Он объективирует не все признаки, а только те, с помощью которых возможно отличить одно явление от другого. Очевидно, что набор существенных признаков для той или иной лингвокультурной общности в определённое время может быть разным.

Выбор существенных признаков находится в зависимости от системы актуализированных в данное время ценностей. Так, слово кулак в XIX в. включало в сигнификат признаки ‘скупой’, ‘крепкий’,

‘перекупщик’ [СД]. Приведённые признаки отражают хозяйственный статус зажиточного крестьянина. В советское время смена культурных установок, парадигмы ценностей привела к актуализации иных признаков ‘богатый’, ‘собственник’, ‘эксплуататор’, указывающих на социальный статус. Интенционал находит своё отражение прежде всего в дифференциальных семмах. Из чего следует, что культурно маркированными могут быть дифференциальные семмы.

Приведённые примеры иллюстрируют интерпретирующую функцию архисеммы и дифференциальных семм. Архисемма и дифференциальные семмы могут отражать культурную информацию и иным способом. Данные семмы способны репрезентировать не имеющие эквивалентов, присущие только этой культуре смыслы. Семмы, выполняющие подобную функцию, мы находим в составе значений безэквивалентной лексики: барщина ‘даровой принудительный труд крестьян на помещика при крепостном праве’, трудодень ‘единица учёта труда в колхозах, определяющая долю колхозника в доходах’ [МАС] и др.

Помимо сигнификативного в денотативно-сигнификативный блок входят образный, оценочный, интенсивный компоненты.

Содержание образного компонента (внутренней формы) отсылает говорящего к тому или иному гештальту, сцене, сценарию, фрейму. Например, внутренняя форма фразеологических единиц рот на барщине соотносится с фреймом «барщина», снимать пенки – сценарием снятия пенки, раз плюнуть – сценой плевка, на холостом ходу – гештальтом «станок». Образность строится на развёртывании одного или нескольких сигнификативных признаков. Внутренняя форма номинации определяется тем признаком, который выбирается в качестве различительного и кладётся в основу наименования». Например, значение фразеологической единицы воротить горы включает в себя следующие сигнификативные признаки: ‘делать большое дело, требующее огромных усилий’ [ФСМ]. Внутренняя форма данной языковой единицы основана на развёртывании признаков ‘большой’, ‘огромные усилия’.

Процедура определения внутренней формы состоит в буквальном прочтении той или иной единицы. Д.О. Добровольский сравнил мир внутренних форм с «сюрреалистическим миром, обитатели которого толкут воду в ступе, бьются головой о стену». Совокупность однотипных внутренних форм позволяет реконструировать базовый образ, языковую репрезентацию концептуального гештальта, фрейма, скрипта и др. Например, буквальное прочтение языковых единиц: один и дома горюет, а двое и в поле воюют; один в поле не воин; отбомбиться, трудармия, труддесант – указывает на базовый образ «война». Базовые образы отражают тот или иной культурный код. Так, например, указанный базовый образ соответствует акционально-

му культурному коду, продуктивному во все периоды развития концепта «Труд», что, вероятно, обусловлено содержанием данного концепта.

Внутренние формы объективируют сложившиеся в лингвокультурной общности представления, вербализуют стереотипы осмысления тех или иных явлений. «Имя (слово, тело знака) – это та культурная рамка, которая накладывается на культурный опыт каждого человека, прошедшего социализацию в определённой культуре», – отмечает Н. В. Уфимцева [200, с. 90]. Так, русское сознание представляет работу в цветовой гамме: работа черна, да денежка бела; тёмное дело; белопашенный, чернопашенный. Стереотипом честной и вместе с тем выгодной работы является белый цвет; нечестной, тяжёлой, неприбыльной – чёрный. Такие стереотипы основывались на символическом значении белого и чёрного цвета: белый цвет был символом красоты, чистоты, света, в противоположность ему чёрный – символом безобразия, печали, ненависти, смерти, грязи [156, с. 28–31].

В. фон Гумбольдт подчёркивал важность внутренних форм в объективации когнитивных процессов: «Мы видим тут подлинную картину хода мысли и сцепления идей...» [66, с. 182].

Выбор внутренней формы культурно значим. Так, в русском языке лиса выступает квазистереотипом хитрости, в португальском – зла.

В русском языке свинья – грязный человек, в корейском – ленивый и обжорливый. Русские называли смородину по обонятельному признаку (от смердеть), белорусы – по локальному (произрастает на реке: парэчки).

Образ русской идиомы когда рак на горе свистнет соответствует английскому когда свиньи полетят, киргизскому – когда хвост ишака коснётся земли. М. Л. Ковшова считает, что «значимость тех или иных реалий для человека в его повседневной практике, служащей упорядочению мира, в его ритуальных действиях, создающих окультуренный ход жизни, послужила вовлечению этих реалий в систему культурных смыслов, и реалии стали носителями культурных смыслов. Именно это обусловило “попадание” образов данных реалий в тропеическую основу» языковой единицы [106, с.12].

С сигнификативным и образным тесно связан интенсивный компонент. Содержание этого компонента можно представить в виде шкалы, контрпунктами которой будут точки со значением ‘очень’ vs. ‘не очень’. Интенсификация обусловлена фоновыми знаниями членов лингвокультурной общности или внутренней формой. Это означает, что интенсификация связана со сложившимися в данной культуре представлениями и стереотипами, то есть интенсивная сема культурно

маркирована, а также что интенсивность может иметь как концептуальную, так и языковую природу.

Так, в русском языке существует около 40 фразеологических единиц, характеризующих различные степени интенсивности выполнения работы: засучив рукава, до упаду, высунув язык, без передышки, хоть разорвись и др. Степень интенсификации определяется содержанием внутренней формы, положенной в основу фразеологической номинации.

Наибольшей интенсификацией обладают фразеологизмы, внутренние формы которых объективируют физическую «надорванность»: до кровавого пота, семь потов сошло и др. Интенсивная сема данных языковых единиц имеет языковую природу и входит в зону коннотаций.

Интенсификация значений перетрудиться ‘продолжительной работой, трудом сильно утомиться’, предобрсовестный ‘очень добросовестный’ и др. [МАС] определяется коррелирующим с значением концептуальным содержанием.

Эмотивный, стилевой, коннотативный компоненты формируют прагматический макрокомпонент, который отражает результаты взаимодействия языкового знака и пользователя, выражает отношение говорящего к действительности, к содержанию сообщения, к адресату.

Эмотивный компонент непосредственно связан с оценочным и образным. Содержание эмотивного компонента составляет эмоциональная реакция на оценку или на оценку и образ. В самых общих чертах содержание эмотивности можно рассмотреть как шкалу ‘одобряю vs. не одобряю’.

Неоднородность оценки отражается эмотивностью – языковым выражением эмоциональности. Так, слова трудолюбивый и Золушка объективируют положительную реакцию на знак. Однако в первом случае эта реакция обусловлена положительной оценкой, являющейся результатом соотнесения дескрипции с указанными выше культурными установками. Во втором случае вербализуется не только реакция на положительную оценку, результат соотнесения дескрипции с культурными установками, но и эмоциональное переживание внутренней формы: Золушка вызывает у члена русской лингвокультурной общности эмоциональную реакцию одобрения, сочувствия, жалости.

Данный образ актуализирует в фоновых знаниях судьбу этого сказочного персонажа: Золушка терпит унижения от мачехи, много работает, но потом за свои труды вознаграждается. Таким образом, языковой символ Золушка имеет две эмотивные семы. Одну – основную, обусловленную дескриптивной оценкой, другую – коннотативную, обусловленную эмоциогенностью внутренней формы.

Эмотивность позволяет более точно охарактеризовать культурносемасиологическую природу оценки. Оценка в зависимости от сво-

ей природы обращена к стандартам или к стереотипам. Стандарт – это фиксированный набор типичных признаков того или иного явления. Образная репрезентация стандарта представляет собой стереотип явления или положения дел. Стереотипы могут размещаться на шкале оценок, то есть быть стереотипами хорошего или плохого, в этом случае они отражают нормы – нормы хорошего или плохого, поскольку норма «не есть отсутствие, ноль признака, нейтральная зона. Она соотнесена с той частью шкалы оценок, на которую помещается стереотипное представление о данном объекте с соответствующим признаком» [42, с. 54]. Денотативная оценка обращена к стандартам, коннотативная – к стереотипам.

Так, семантика слова пробатрачить ‘выполнять в течение какого-либо времени тяжёлую низкооплачиваемую работу’ [БАС] характеризуется оценочной двувёршинностью. Денотативная оценка данного слова апеллирует к стандарту: обычно человек выполняет посильную работу; как правило, размеры оплаты труда соответствуют затраченным усилиям.

Данный стандарт репрезентируется в языке внутренней формой батрак с опорой на мотивацию «человек, который выполняет тяжёлую низкооплачиваемую работу, подобен батраку», то есть батрак становится стереотипом указанного стандарта. Батрак воспринимается как норма плохого.

Фоновые знания (батраками обычно становились люди, не имеющие собственного хозяйства, они выполняли тяжёлую работу, зарабатывали только на хлеб и пр.) обуславливают отрицательное эмоциональное переживание внутренней формы. Таким образом, денотативная оценка направлена на презентацию признаков стандарта, коннотативная – на их эмотивную аранжировку.

Обусловленность эмотивности культурными установками, стандартами, стереотипами, оценкой определяет её культурную маркированность.

Стилевой компонент может быть детерминирован всеми рассмотренными выше компонентами. Стилевой компонент несёт информацию об уместности/неуместности употребления данного значения в той или иной речевой ситуации. Например, значение слова пачкун ‘неумелый, плохой работник’ [БАС] включает в свой состав стилевую сему ‘разг.’, которая определяет функционирование слова в неформальной речевой ситуации. Стилевая дифференциация языка уровнем развития духовной и материальной культуры. Языки имеют разнообразное количество стилей.

Стиль может соотноситься с парадигмой эпохи (если говорить о стилях определённого времени). В любом случае стиль отражает

сформированную в лингвокультурной общности манеру репрезентировать свои мысли, формы её выражения.

Впервые проблематика лингвострановедения и лингвострановедческого аспекта лексики была затронута в 1969–1971 гг. в публикациях Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. Лингвострановедение рассматривалось как методическое обоснование включения сведений о стране в учебный процесс. Первоначально оно понималось как «методика ознакомления иностранных школьников, студентов, стажеров с современной советской действительностью, культурой через посредство русского языка и в процессе его изучения» [46, с. 63]. Основные положения лингвострановедения изложены в работах Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова: «Язык и Культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного» [46] и «Лингвострановедческая теория слова» [45].

Базой лингвострановедческой теории является положение о том, что все языковые единицы обладают двумя планами – формой и содержанием. План выражения слова – это его звуковая (или графическая) оболочка.

План содержания слова – это не предмет или явление, а лексическое понятие, то есть набор признаков, с помощью которых люди определяют, можно ли назвать предмет данным словом. Например, *стол* ‘предмет мебели с горизонтальной поверхностью на трех или четырех ножках’; *конфета* ‘сладкое кондитерское изделие в виде небольшого кусочка, плиточки’. Эти признаки называются семантическими долями. Так, например, семантическими долями понятия *книга* являются: 1) *произведение* (следовательно, продукт, человеческой деятельности, а не природное явление) 2) *печати* в виде 3) бумажных листов 4) с печатным текстом (иначе получился бы альбом для рисования) 5) в переплете. Семантические доли, обеспечивающие правильное название предмета или явления, в совокупности и образуют лексическое понятие.

Слова, лексические понятия которых являются межъязыковыми, называются эквивалентными: они легко переводятся (*лес, поле, ложка*). Напротив, слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями, называются *безэквивалентными*.

Вокруг слова, особенно центрального, ключевого, складывается целый ореол всевозможных сведений. Так, мы без усилия припоминаем устойчивые выражения, пословицы и загадки, связанные с *книгами*: *Любите книгу – источник знаний; Книги имеют свою судьбу; Сшиты, да не рубаишка, с листьями, да не дерево, без языка, а рассказывает*. Цепь ассоциаций напомнит нам, как издается книга, где ее можно купить, как она выглядит, где хранится и кем пишется, кто из-

дал первую русскую книгу, и т.п.: книжное издательство, книготорговля, общество книголюбов, книжный знак (экслибрис), подписка, подписное издание, библиотека (научная, районная, домашняя), букинист, антикварная книга, книжный голод, первопечатник (Иван Федоров), «Библио-глобус» «Книжное обозрение». Если сюда прибавить и другие значения слова *книга*, то объём стоящих за словом знаний разрастается ещё больше: *бухгалтерские книги, родословная, метрическая, домовая книга, Книга почета, книга жалоб и предложения*. Все эти знания всплывают в сознании русского человека не сразу (понятийные уже присутствуют при номинации), а постепенно, благодаря происходящему во времени процессу ассоциаций.

Безусловно, непонятийные семантические доли многих эквивалентных слов в разных языках могут не совпадать. Всю совокупность непонятийных СД, относящихся к слову, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров называют его лексическим *фоном*. Термин является производным от термина «фоновые знания» (т.е. знания, потенциально присутствующие в сознании человека и той общности людей, к которой данный индивид принадлежит). Лексический фон это принадлежность языка (а не индивидуального сознания), явление массового, общественного, т.е. языкового сознания. Слово рассматривается, следовательно, как вместителище знаний. С опорой на такое понимание развивается и методическая семантизация содержания слова, реализуемая в лексикографии.

Таким образом, авторы этой теории делают акцент на рассмотрении проблем межкультурной коммуникации в методическом плане. Лингвострановедением они называют «аспект преподавания русского языка как иностранного (РКИ), в котором с целью обеспечения коммуникативности обучения и для решения общеобразовательных и гуманистических задач лингводидактически реализуется кумулятивная функция языка и проводится аккультурация адресата, причем методика преподавания имеет филологическую природу ознакомление проводится через посредство русского языка и в процессе его изучения» [46, с. 37].

Практической реализацией теории стало издание нескольких лингвострановедческих словарей (т. е. таких словарей, в которых «в качестве средств семантизации применяются как толкование номинативной сферы языковой единицы, так и изъяснение ее фоновой семантики): Народное образование в СССР / под ред. Денисова (1978); Т.Н. Чернявская. Художественная культура СССР. Лингвострановедческий словарь (1980); В.П. Фелицына, В.М. Мокиенко. Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь (1990); А.А. Акишина, Т.П. Акишина, Х. Кано, Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь. (1991)» [46].

Лингвострановедческий словарь объединяет в своей структуре элементы идеографического (тематического) словаря и словаря сочетаемости слов. Благодаря последнему иностранец, изучающий русский язык, одновременно овладевает как планом содержания, так и планом выражения; он узнаёт, что сказать и как сказать.

Словарная статья из лингвострановедческого словаря:

(1) **ЛЕЗТЬ НА РОЖОН**

(2) Идти/переть па рожон/против рожна; напороться на рожно.

(3) Рожно, -жна, – заостренная большая длинная крепкая палка (кол), шест. Слово и сейчас известно в русских говорах: рожном погоняют крупных домашних животных (волов, быков).

Выражение восходит к приему русской медвежьей охоты: будили в берлоге спящего медведя, охотник упирал тупой конец рожна в землю, а острый выставлял перед собой, разъяренный медведь лез на рожон и погибал.

(4) Предпринимать что-либо рискованное, с очень небольшими шансами на успех или заведомо

безуспешное, особенное необдуманно, сгоряча, забыв о последствиях, и в ситуациях, когда противодействие велико, непреодолимо.

Выражение разговорно-бытовое, а некоторые его варианты (переть/напороться на рожон) даже грубы.

Говорится неодобрительно с целью удержать человека от необдуманного поступка или осудить его действия.

(5) На площадке он только и занимался тем, что демонстрировал свою отвагу. Он лез на рожон, пытался прорваться в одиночку к чужим воротам, ввязывался во всякую драку (Майоров).

(6) Идти против течения, идти напролом.

(7) Против рожна не поперешь (РФ).

Несмотря на стройность и жизнеспособность теории, она встречает определенные возражения у различных исследователей. Так, например, спорными считаются следующие положения лингвострановедения:

1) излишняя идеологизированность направления: практика лингвострановедения была направлена не столько на изучение взаимодействия языка и культуры, на формирование культурной компетенции, сколько на пропаганду советского образа жизни;

2) аккультурация, то есть усвоение человеком, выросшим в одной национальной культуре, существенных фактов, норм и ценностей другой национальной культур, вызывает сомнения, так как преподаватель не должен ставить перед собой цель превращения иностранца в «русского», его полного вхождения в русскую культуру как «своего» (это и невозможно). Необходимо исходить из принципа учёта инофонном определённых категорий и моделей новой для него культуры и адекватного пользования ими;

3) жесткое разделение страноведения и лингвострановедения: лингвистам и методистам – лингвострановедение, страноведение – специалистам общественных наук, когда необходимо объединять страноведение, лингвострановедение и культуроведение;

4) невозможно не обратить внимания на то, что с одним и тем же экстенционалом у носителей разных языков и культур могут соотноситься разные интенционалы. Например: русская фраза «*Вот Обломов-то!*» иностранцу вряд ли будет понятна, даже если прочтет роман «Обломов». Русский имеет в виду порядочность, слабую волю, чувствительность и ранимость... И любой русский, даже не читавший роман, прекрасно поймет: лентяй. Сущностные атрибуты Кашея – бессмертие, властность, жестокость и т. д. Русские же выделяют главный понятийный признак – худоба, именно это имеется в виду, когда звучит реплика: «*Настоящий Кашей!*»

Представления о тех или иных феноменах, существующие в национальном культурном сознании, зачастую серьезно отличаются от тех представлений об этих феноменах, которые могут сложиться на основании сведений, добытых из энциклопедий и специальной литературы. Часто информация воспринимается по принципу яркости впечатления, поэтому ... в обыденном сознании довольно много несущественных, но ярких подробностей.

Таким образом, в лексическом составе любого языка выделяется так называемая безэквивалентная лексика, в основном это обозначения предметов и явлений, характерных для данной культуры и отсутствующих в культуре народа, носителя сопоставляемого языка. Безэквивалентная лексика отражает специфику национальной культуры народа, является хранителем национально-культурной семантики, передавая эстафету национальной культуры одного поколения другому и представляя тем самым большую трудность для переводчиков и преподавателей иностранного языка в процессе подбора ими эквивалентов и семантизации данной лексики.

Безэквивалентную лексику пристально изучают на протяжении многих десятилетий представители различных областей языкознания: лингвострановедения, теории и практики перевода, лексикографии, исследователи семасиологии и контрастивной лексикологии, преподаватели русского языка как иностранного (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Л.С. Бархударов, А.Д. Швейцер, Г.Д. Томахин, Я.И. Рецкер, С. Влахов, С. Флорин, В.С. Виноградов, А.О. Иванов, И.А. Стернин и др.).

Попытки лингвистического анализа этого типа лексических единиц предпринимались многими исследователями. Одним из первых термин «безэквивалентная лексика» ввел Г.В. Шатков, анализирувавший способы перевода безэквивалентных лексических единиц в советской публицистике на норвежский язык. Он относит к безэкви-

валентной лексике имена собственные, национальные реалии, слова с национально-экспрессивной окраской, лексику с суффиксами субъективной оценки, определяя их как слова или одно из его значений (прямое или переносное), не имеющие в данный исторический период «готового» точного соответствия в лексике другого языка.

Термин безэквивалентная лексика встречается у многих авторов, которые, впрочем, толкуют его по-разному: одни как синоним реалий, другие как слова, отсутствующие в иной культуре и в ином языке, третьи как слова, неперебиваемые на другой язык.

Все эти трактовки термина БЭЛ нельзя считать приемлемыми. Во-первых, в эту категорию входят не только одни реалии, а довольно значительное количество различных типов лексических единиц. Наиболее полный (но не исчерпывающий) перечень типов этого рода лексических единиц дают С.Влахос и С. Флорин. Они причисляют к безэквивалентной лексике следующие группы слов:

реалии – слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке, предметы материальной и духовной культуры:

1) географические реалии (долина или ущелье, поросшее лесом, лавр, финиковая пальма, пальмовая роща, сладкий рожок (плод) и др.);

2) этнографические (бузуки – ресторан с живой музыкой, чистый понедельник – первый день великого поста, греки-понтийцы – выходцы из России, драхма – денежная единица Греции, Карайозис – герой греческого театра теней, хацапикос – греческий танец, кифара – музыкальный инструмент др.);

3) общественно-политические (ном, дим – административно-территориальная единица Греции, Филики Этерия – тайное общество греков, существовавшее в начале XIX века, целью которого было создание независимого греческого государства и др.);

4) имена собственные, географические названия, названия учреждений, организаций, газет, пароходов и пр. (антропонимы: Йоргос, Казанзакис, Аристотель, Караманлис – экс-премьер-министр Греции; топонимы: Икария – остров в Эгейском море», Аттика – полуостров и область на юго-востоке средней Греции, Коринфский перешеек – перешеек, связывающий Пелопоннес с материковой Грецией и др.);

5) аббревиатуры (О.Т.Е. – Управление связи Греции, К.У. – Государственная служба, П.А.О. – Афинский спортивный клуб, У.Г. – Министерство сельского хозяйства, Ф.А.Е. – Либерально-демократический союз и др.)

6) термины;

7) фразеологизмы;

8) междометия, звукоподражания, экзотизмы, обращения и отступления от литературной нормы.

Безэквивалентная лексика выявляется только при сопоставлении конкретных культур и языков. То, что в одном языке является безэквивалентным по отношению к другому (сопоставляемому) языку, может существовать в каком-нибудь третьем языке. Например, украинские слова *квас*, *кутя*, *борщ* безэквивалентны по отношению к новогреческому языку, но не по отношению к русскому языку.

Не имея точных семантических соответствий в системе понятий и реалий сопоставляемого языка, безэквивалентные слова соотносятся в нем с приблизительными соответствиями, которые создаются (на контекстуальном уровне) компонентами группы слов; соответствия эти могут быть описательными, выражаясь целыми оборотами.

Так что безэквивалентная лексика – категория условная. Отсутствие эквивалента для какого-либо слова исходного языка не означает, что данное слово вообще не может быть передано на другой язык: с помощью описания и толкования любое слово одного языка может быть передано на другой язык, хотя нередко со значительными информационно-эмоциональными потерями, нарушениями узуса другого языка и т.д.

Следует отметить, что эта категория лексики не проста и не однозначна, она требует особого подхода при классификации и переводе.

Как отмечают некоторые исследователи, безэквивалентную лексику следует рассматривать в интерпретации специалистов по переводу и с точки зрения лингвострановедения.

Лингвострановедами безэквивалентная лексика характеризуется с иных, дидактических, позиций. Если теория перевода озабочена особенностями передачи этих слов на другой язык, то для лингвострановедения важнее их смысловое содержание, поскольку они являются важнейшим средством информации об истории, культуре, быте, традициях и обычаях народа и нуждаются в дополнительном комментировании. Лексика, столь важная с точки зрения дидактической в иностранной аудитории, так определяется Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым: «Слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо лексическими понятиями, называются безэквивалентными. Такие слова в строгом смысле непереводимы» [45, с. 42].

Лингвострановедческую классификацию безэквивалентной лексики дополняют Г.Д. Томахин, Ю.А. Сорокин, С.С. Волков и др.

К безэквивалентной лексике Л.С. Бархударов относит три больших разряда лексических единиц:

1. *Имена собственные, географические названия, названия учреждений, организаций, газет и т.д.*

Безэквивалентными являются не только малоизвестные имена и фамилии, но и имена, имеющие внутреннюю форму, то есть мотивированные, прежде всего, так называемые «говорящие имена»: *Молчалин, Скотинин, унтер Пришибеев*.

2. *Реалии* – слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке, например, названия блюд национальной кухни, виды народной одежды, то есть предметы материальной и духовной культуры;

3. *Случайные лакуны* – лексические единицы одного из языков, которым по каким-либо причинам нет соответствий в лексическом составе другого языка

Действительно, в словаре немецкого и французского языков нет лексической единицы, соответствующей по значению русскому *сутки*. Данное понятие приходится передавать на немецком и французском языках описательно: либо путем указания на количество часов, например, *24 Stunden*, либо, если подчеркивается непрерывность, круглосуточность действия, сочетаниями *Tag und Nacht*.

Причины существования безэквивалентной лексики:

1. Отсутствие предмета или явления в жизни народа
2. Отсутствие понятия в языке перевода – предмет есть, а слова нет (в русск.яз. *сутки* – в англ.яз. *day and night, 24 hours*)
3. Различие в языках лексико-стилистических характеристик (в русском развита система суффиксов: *дочь – дочка – доченька*, а в англ. такого нет)

К безэквивалентной лексике А.О. Иванов относит следующие группы слов:

1. *Референциально-безэквивалентная лексика*, то есть реалии; термины; фразеологизмы; индивидуальные авторские неологизмы; семантические (понятийные) лакуны; слова широкой семантики, употребленные в тексте в своем самом широком значении; сложные слова различных типов, значения которых могут быть переданы на языке перевода только путем описательного перевода или различных трансформаций.

2. *Прагматически-безэквивалентная лексика*, включающая в себя:

1) различного рода отклонения от общезыковой нормы языка, включая как территориальные, так и социальные диалекты, жаргоны, арго, табуированную лексику, архаизмы и другие коллективные отклонения от общей нормы языка, как в сторону понижения (диалектизмы, субстандартная лексика, вольности устной речи), так и в сторону повышения (архаизмы, поэтизмы);

2) иноязычные вкрапления, референциальное значение которых передать, как правило, не трудно в то время как их прагматическое значение передается далеко не всегда;

3) аббревиатуры, прагматика которых не всегда вписывается в структуру значения соответствия в языке перевода;

4) слова с суффиксами субъективной оценки;

5) междометия;

6) звукоподражания;

7) ассоциативные лакуны, то есть слова, имеющие в сознании носителей данного языка определенные дополнительные ассоциации, отсутствующие в сознании носителей другого языка, типа русских «ворона» в значении «разиня», или «гусь» - «ненадежный, плутоватый человек» и т.п.

Прагматическая безэквивалентность вызывается расхождением прагматического значения между соответствующими лексическими единицами двух языков, то есть несовпадением стилистических характеристик, регистра или эмоциональной окраски этих лексических единиц при совпадении их референциального значения.

3. *Альтернативно-безэквивалентная лексика*, состоящая из следующих групп: имена собственные (антропонимы, топонимы, фирменные названия, названия книг, фильмов т.д.), реалии и фразеологизмы, специфика которых заключается в том, что, в зависимости от избранного способа передачи в ПЯ, их безэквивалентность будет либо референциальной, либо прагматической.

Сравнивая переводческую и лингвострановедческую классификации безэквивалентной лексики, мы можем сделать вывод, что специалисты обеих областей филологии считают, что это сложный комплексный разряд лексики, включающий разнообразные группы слов. При этом лексические группы двух классификаций в основном совпадают. Таким образом, значения термина *безэквивалентная лексика* в переводоведении и лингвострановедении чрезвычайно близки. Различие в целях исследования этого вида лексических единиц и особенностях их функционирования.

Фразеология в культуроведческом аспекте

На современном этапе развития науки о языке исследование фразеологических единиц немислимо без изучения их национально-культурной специфики, без рассмотрения роли фразеологизмов в репрезентации культуры народа. «Особую роль в... трансляции культурно-национального самосознания народа и его идентификации как такового играет... фразеологический состав языка, так как в образном содержании его единиц воплощено... культурно-национальное миро-

видение» [188, с. 231]. Согласно В.Н. Телия, связь языка и культуры реализуется через культурную коннотацию, которая возникает как результат интерпретации ассоциативно-образного основания фразеологизма посредством соотнесения его с культурно-национальными эталонами и стереотипами, отражающими народный менталитет. Ученый выделяет как минимум два типа культурно-маркированных единиц в номинативном составе языка: единицы, в которых культурно значимая информация воплощается в денотативном аспекте значения (слова, обозначающие реалии материальной культуры или концепты духовной и социальной культуры), и единицы, в которых культурно значимая информация выражается в коннотативном аспекте значения (образно-мотивированное основание фразеологизмов). Интерпретация последних происходит на основе рефлексивного – бессознательного или осознанного – соотнесения их значения в конкретной речевой ситуации с известными говорящему культурными установками [188].

В.А. Маслова считает необходимым анализ языковых фактов не только с позиции активного носителя языка, но и с позиции внешнего наблюдателя – на основе изучения и анализа универсальных терминов культуры, извлекаемых из текстов разных времен и народов, при этом всякий фразеологизм – это текст, т.е. хранитель культурной информации. «Фразеологический компонент языка не только воспроизводит элементы и черты культурно-национального миропонимания, но и формирует их. И каждый фразеологизм, если он содержит культурную коннотацию, вносит свой вклад в общую мозаичную картину национальной культуры» [10, с. 87]. При этом не все фразеологические единицы являются культурно-специфичными в своей семантике. Наиболее «культурноносными», по мнению автора, являются образно-эмотивные единицы, которые восходят к неким прототипным ситуациям, лежащим в основе образного переосмысления, закрепившегося с течением времени за фразеологизмом, однако «следы» прототипа остаются во внутренней форме фразеологической единицы, одновременно кодируя и экспонируя определенную культурную информацию [9, с. 68, 82].

Е.Ф. Арсентьева в монографии «Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков)» рассматривает три уровня, на которых может проявляться национально-культурная специфика фразеологизмов: 1) в совокупном фразеологическом значении (безэквивалентные или лакунарные фразеологические единицы); 2) в значении отдельных лексических компонентов (фразеологизмы, имеющие в своем составе обозначение национально-культурной реалии); 3) в прямом значении свободного сочетания, которое было образно переосмыслено. Данный трехуровневый подход к выявлению культурно-национальной маркированности

ФЕ восходит к известному изданию Е.М. Верещагина и В.Г. Костома-рова «Язык и культура». Кроме того, Е.Ф. Арсентьева подчеркивает, что не следует преувеличивать роль национально-культурного компонента во фразеологической картине мира, поскольку в фразеологических единицах русского и английского языков существует значительное количество интернационализмов, а также фразеологизмов, связанных с общечеловеческим знанием о свойствах реального мира.

Взяв за основу данный подход, рассмотрим более подробно национально-культурный компонент значения на примерах английских и русских фразеологических единиц неантропоцентрической направленности. Данный корпус единиц представлен довольно широким диапазоном значений, в результате анализа которых нами были выделены около 250 фразеосемантических групп английских и около 150 групп русских единиц. Необходимо заметить, что данное деление носит весьма условный характер, так как некоторые фразеологизмы могут быть отнесены к нескольким группам.

В совокупном фразеологическом значении национально-культурная специфика фразеологизмов проявляется в безэквивалентных единицах. В широком смысле слова безэквивалентность наблюдается в наличии ряда фразеосемантических групп, не представленных в инвентаре сопоставляемого языка. В английском языке такие группы включают: «Атрибутика» (the Old Glory, the Stars and Stripes), «Выборы» (the Khaki Election, a faggot vote), «Одежда. Обувь» (Carnaby Street, glad rags), «Вероятность, возможность» (short odds, a Национально-культурная специфика фразеологизмов (на материале фразеологических единиц...) fair crack of the whip) и др. Группы «Застой» («житейское болото», «растительная жизнь»), «Растение» («анютины глазки», «венерины башмачки») и некоторые другие были обнаружены нами только в русском языке. Такое явление обусловлено прежде всего экстралингвистическими факторами возникновения фразеологизмов данных групп и свидетельствует о несовпадении в интерпретации определенных фрагментов действительности разными языковыми сообществами.

В узком смысле слова безэквивалентность наблюдается на уровне фразеологических единиц, имеющих в одном языке и отсутствующих в другом. При этом в отличие от хронологических экзотизмов и этнографизмов, представляющих собой заимствованные в чужой язык обозначения специфических явлений местной культуры и символизирующие ее, понятия, передающие семантику безэквивалентных единиц, как правило, присутствуют в картине мира народа – носителя соотносимого языка. Благодаря чему передача таких фразеологизмов на другой язык может осуществляться посредством лексического способа перевода и дескриптивно, а также в тех случаях, когда образ, на

основе которого построен фразеологизм исходного языка, понятен представителям языка-рецептора, – с помощью калькирования.

В качестве примеров можно назвать следующие фразеологические единицы: *a paper tiger* (о правительстве, армии или организации, которая не имеет реальной власти, силы), *a license to print money* (незаслуженно полученное преимущество, возможность легко заработать деньги), *fire water* – («огненная вода», спиртные напитки; амер. разг.), *это дело* (о пьянстве), *кровные деньги* (деньги, заработанные честным тяжелым трудом), *места не столь отдаленные* (места ссылки; тюремного заключения; часто ирон.).

Другим признаком национальной специфики фразеологического значения выступает культурно-маркированный компонент в составе фразеологической единицы – это либо обозначение каких-либо реалий, известных только носителям одной нации или нескольким нациям, связанным общностью культуры или религии, а также своеобразные топонимы, антропонимы, гидронимы, характерные для какой-то одной страны. Так, например, единица *the whole nine yards* (всё, все без исключения) имеет в составе компонент *yard*, обозначающий характерную для англоязычной культуры меру длины, и может переводиться на русский язык с помощью таких соответствий, как *всё и вся*, *весь свет*. Однако одноименный голливудский фильм, в котором по сюжету все главные герои оказываются вовлеченными в преступное дело, в русский прокат вышел под буквальным переводом «Все девять ярдов». Вероятно, переводчики предпочли кальку возможным русским соответствиям с целью создания некой интригующей иносказательности и оригинальности, однако такой перевод вряд ли мог быть адекватно понят российскими зрителями даже после просмотра фильма.

Шекспиризм *cakes and ale* (веселье, удовольствия, развлечения) основан на представлении британцев о веселом времяпровождении, о радостях жизни. Особая национально-культурная маркированность данной фразеологической единицы создается наличием в ее составе компонента *ale*, означающего английский национальный солодовый напиток. Частичным аналогом с равнозначной культурной маркированностью в русском языке может выступать фразеологизм *не житье, а масленица*, в состав которой входит русская национальная реалия *масленица* как старинный славянский праздник проводов зимы, во время которого пекутся блины и устраиваются увеселения.

Национальная специфика фразеологизма может отражать историю народа, своеобразные традиции, обычаи, явления, изначально заложенные в его прототипе. Рассмотрим примеры фразеологизмов, в которых национально-культурная специфика обусловлена внутренней формой, образом, лежащим в основе переосмысления исходного перемещенного словосочетания. Так, исконно русский фразеологизм *по-*

потемкинская деревня (показное, мнимое благополучие, показной блеск, очковтирательство) связан с именем князя Г.А. Потемкина, который приказал построить на пути следования Екатерины II, совершающей поездку по Крыму, бутафорские, показательные селения с расписными избами, в результате чего они получили название «потемкинских». Фразеологизм *сермяжная правда* (глубокая народная мудрость, часто шутил.-ирон.) обязана своим происхождением главному герою романа «Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петрова Остапу Бендеру. Сермяжный – одетый в сермягу, крестьянскую одежду из грубого домотканого сукна. Национально- культурная специфика фразеологизма обусловлена, во-первых, наличием национально-маркированного компонента *сермяжный*, во-вторых, происхождением фразеологизма. Представляется, что первый признак имеет доминирующее значение в трансляции культурного кода, заложенного в семантике фразеологизма. Английский фразеологизм *quaker(s) meeting* (собрание, на котором царит молчание или очень мало выступающих; компания, разговор в которой не клеится) имеет в своем составе компонент *quaker* (квакер, член религиозной христианской общины квакеров, основанной в сер. XVII в. в Англии, отвергающей институт священников и церковные таинства). В словаре Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language представлены два толкования выражения *Quaker meeting*: 1) a meeting of Quakers, at which all members, except those moved to speak, remain silent; 2) Informal a gathering at which there is considerable silence» [232, с. 1174]. Таким образом, в семантике данной фразеологической единицы заложена определенная культурная информация, актуализируемая посредством нескольких средств одновременно: 1) через лексему *quaker*; 2) через прототип – традиции общества квакеров; 3) данная единица не имеет соответствий на уровне фразеологии в русском языке, т. е. является безэквивалентной.

Анализ семантики фразеологических единиц неантропоцентрической направленности показывает, что национально-культурная специфика фразеологизмов чаще всего обусловлена одновременным наличием нескольких признаков. В связи с чем нам представляется правомерным говорить о той или иной мере интенсивности, с которой может проявляться культурно-национальная информация, законсервированная в значении фразеологизма. Так, в безэквивалентных фразеологических единицах, имеющих в своем составе национально-маркированный компонент, национальное содержание представлено относительно более интенсивно, чем в безэквивалентных фразеологизмах, не имеющих никаких специфических лексем. Например: *the almighty dollar* («всемогущий доллар»), *the King's* (или *the Queen's*) *peace* (общественный порядок, спокойствие, тишина), *and all that jazz* (*et cetera*), *муромский лес* (о притоне разбойников), *квасной патрио-*

тизм (ложно понимаемая любовь к отечеству, огульное восхваление всего своего, даже отсталого, и порицание всего чужого) – эти и другие фразеологические единицы, имеющие в своем составе культурно-специфический компонент, не находят фразеологических соответствий в сопоставляемом языке.

Следовательно, наиболее полно национальная специфика будет выражаться в случаях совокупного действия всех указанных выше признаков – безэквивалентности, культурно-маркированного компонента в составе единицы и национально-значимого прототипа, яркого образа, характерного только для одной лингвокультуры. Наличие всех этих признаков свидетельствует о максимальной насыщенности фразеологизма специфической информацией, эксплицитно или имплицитно выражающей историю и культуру на- рода, говорящего на языке. Так, фразеологическая единица *потемкинская деревня*, помимо прототипа, связанного с историческими именами и событиями, также имеет в своем составе лексему *потемкинская* – производное от известного носителям русскоязычной культуры антропонима, которое и сигнализирует о национальной специфике на формальном уровне. Примером английской единицы может служить выражение *Hobson's choice*: в составе есть антропоним *Hobson*, предположительно являющийся фамилией держателя конюшни в Кэмбридже, который давал коней внаем, предоставляя желающим на выбор либо двух одинаковых лошадей, либо отказывая вообще в каком-либо выборе. Выражение было популяризировано благодаря английскому писателю Дж. Мильтону. В данном случае мы также наблюдаем несколько признаков сразу: 1) наличие компонента, обозначающего английскую национальную реалию; 2) культурно-значимая этимология фразеологизма (прототип); 3) отсутствие соответствий в русской фразеологии.

Таким образом, основными признаками национальной маркированности фразеологических единиц являются: 1) яркий национальный образ, культурно-значимый прототип в основе фразеологического переосмысления; 2) специфические компоненты-наименования национальных реалий; 3) при сопоставительном изучении языков – отсутствие межъязыковых фразеологических соответствий.

Словообразование в культуроведческом аспекте

Словообразовательная система как средство выражения культурных смыслов имеет двойственное положение: с одной стороны, словообразовательные единицы репрезентируют грамматические концепты, с другой – лексические. Исследование культурного потенциала словообразовательных единиц осуществлялось в работах ряда учёных. Так, А. Вежбицкая изучала культурно-когнитивный потенциал они-

мов в английском, русском и польском языках. Используя метод семантических примитивов, исследовательница показала, что экспрессивные дериваты в указанных языках имеют разное количественное соотношение, прагматический потенциал. Основу этих различий учёный видит в архетипических структурах англо-саксонской и русской культур: рациональности первой и эмоциональности второй. Основным культурно-когнитивным показателем А. Вежбицкая считает количественный аспект.

В последнее десятилетие словообразовательные единицы попадают в поле пристального внимания когнитологии и лингвокультурологии: производное слово рассматривается как особый тип структуризации знаний, пропозициональная структура, как единица категоризации и под. При этом производное слово ещё не стало «испытанным» объектом лингвокультурологии.

Производное слово, в отличие от непроизводного, имеющего расчленённость. Это свойство отражает особенности процесса концептуализации, структуризации знаний. Производное слово соединяет два представления, актуализирует уже известные знания, подчёркивая тем самым их ценность, и на их основе формирует новые. Актуализация уже известных знаний происходит при соотношении, сопоставлении нового смысла со старым, уже обозначенным. В виду своей целостности, производное слово указывает на более высокую степень организации, оформленности знания, а значит, и на большую актуальность репрезентируемых смыслов.

Продуктом деривационных отношений между словами является словообразовательная значимость – один из видов парадигматической значимости. Словообразовательная деривационная значимость отражает преимущественно ценностную парадигму, функционирующую в той или иной лингвокультурной общности. В. И. Карасик отмечает: «...Различие между представлениями тех или иных концептов выражается большей частью не в наличии или отсутствии определённых признаков, а в частотности этих признаков и их специфической комбинаторике...» [92, с. 10]. Рассмотрим особенности воплощения данной информации в словообразовательные гнезда, типы и др., – в единицы, являющиеся материальным выражением деривационной значимости.

Совокупность однокоренных производных слов, упорядоченных отношениями словообразовательной мотивации, называется словообразовательным гнездом. Так, количество словообразовательных гнезд, репрезентирующих тот или иной концепт, свидетельствует о его значимости для лингвокультурной общности. Особый интерес для лингвокультурологии представляет явление множественности производности (кодеривации), при котором несколько производных слов, на-

ходящихся на одном этапе словообразования, имеют общую словообразовательную базу. Члены такой словообразовательной парадигмы образуют словообразовательные звенья. Отношения кодеривации указывают на высокую степень значимости вербально выраженного понятия. Так, в словообразовательном гнезде «Работать» насчитывается 36 словообразовательных парадигм, в гнезде «Трудиться» – 13, в гнезде «Делать» – 54. Наиболее многочисленными по количеству членов являются следующие: делать – 78 кодериватов, дело – 25, трудиться – 14, труд – 15, трудовой – 17, работать – 31, работа – 23, работник – 19, рабочий – 11, обрабатывающий – 19, обработка – 14. Таким образом, актуальными для языкового сознания являются названия действий, представляемых как процессно, так и посредством предметных и признаковых категорий, а также названия исполнителя деятельности.

Культурная информация, указывающая на ценностные аспекты, объективируется словообразовательными типами и моделями. Словообразовательные типы и модели представляют собой структурное уточнение словообразовательной категории. Словообразовательный тип выделяется на основе общности формантной части, модель – морфонологических явлений, которые сопровождают процессы деривации. Так, слова работник, труженик входят в один словообразовательный тип, так как мотивируются глагольной основой, имеют тождественное значение, одинаковый формант, но представляют разные морфонологические модели: работник – модель с усечением производящей основы, труженик – модель с усечением производящей основы и чередованием. Актуальность явлений подчёркивается многообразием словообразовательных типов, морфонологических моделей, используемых для репрезентации смыслов, так или иначе с ним связанных. Так, в рамках словообразовательного гнезда «Работать» используется более 60 словообразовательных типов, около 50 словообразовательных морфем, в гнезде «Делать» – около 80 словообразовательных типов и 66 морфем, в гнезде «Трудиться» – около 40 словообразовательных типов и 28 морфем.

Единицы разных словообразовательных гнёзд могут быть классифицированы – с точки зрения тождества словообразовательных значений, категориальной принадлежности, формантной части – в словообразовательные категории, типы, модели.

Наиболее проблемным основанием подобной классификации является словообразовательное значение. При определении словообразовательных значений в поле зрения попадают семантические отношения между производным и производящим. Продуктивные словообразовательные значения указывают на актуальные для лингвокультурной общности смыслы. Ономаσιологические структуры отражают

этапы языковой категоризации. Ономаσιологический базис указывает на процессы выделения реалии, подведения её под определённый класс явлений: процесс, лицо, инструмент и др. На когнитивном уровне ономаσιологический базис коррелирует с результатами процесса соотнесения смысла с тем или иным слотом. Например, ономаσιологический базис «лицо (человек)» соотносится со слотом «исполнитель деятельности»: работник, работничек, работяга, рабочий и др. Ономаσιологический признак предполагает сопоставление признаков этой реалии с признаками других, подобных реалий. Например, ономаσιологические признаки слов работничек, работяга представляют собой разную степень интенсификации, противоположную эмотивно-оценочную интерпретацию признака «осуществлять трудовую деятельность».

Единицы разных словообразовательных гнезд могут быть классифицированы – с точки зрения тождества словообразовательных значений, категориальной принадлежности, формантной части – в словообразовательные категории, типы, модели.

Наиболее проблемным основанием подобной классификации является словообразовательное значение.

Под словообразовательным значением следует понимать семантическое произведение отношений между ономаσιологическим признаком и базисом. Таким образом, словообразовательное значение репрезентируется не только словообразовательным формантом, но и производящей основой. Словообразовательное значение является составляющей плана содержания производной единицы и может выражаться как с помощью разных с формальной точки зрения производящих основ и формантов, так и с помощью тождественных. Дериваты, имеющие тождественное словообразовательное значение, формируют словообразовательную категорию.

При определении словообразовательных значений в поле зрения попадают семантические отношения между производным и производящим. Продуктивные словообразовательные значения указывают на актуальные для лингвокультурной общности смыслы. Ономаσιологические структуры отражают этапы языковой категоризации. Ономаσιологический базис указывает на процессы выделения реалии, подведения её под определённый класс явлений: процесс, лицо, инструмент и др. На когнитивном уровне ономаσιологический базис коррелирует с результатами процесса соотнесения смысла с тем или иным слотом. Например, ономаσιологический базис «лицо (человек)» соотносится со слотом «исполнитель деятельности»: работник, работничек, работяга, рабочий и др. Ономаσιологический признак предполагает сопоставление признаков этой реалии с признаками других, подобных реалий. Например, ономаσιологические признаки слов работ-

ничек, работяга представляют собой разную степень интенсификации, противоположную эмотивно-оценочную интерпретацию признака «осуществлять трудовую деятельность».

Словообразовательное значение играет важную роль в процессах языковой категоризации концептуальных структур, отражает их членение, особенности понимания, степень значимости.

Словообразовательное значение представляет собой произведение от соотношений производящей и производной основ. Многообразие подобных соотношений дает возможность выделить несколько типов отношений:

✓ отношения мутации (морфологической деривации, лексической деривации). Основным семантическим признаком этих отношений является существенное отличие в значении производного от семантики соответствующего производящего, что проявляется на семном уровне: меняется архисема, добавляются новые дифференциальные семы: работать → работник; трудиться → сотрудник;

✓ отношения модификации. Семантическую специфику этих отношений составляет несущественное отличие значения производного от значения производящего: производное обычно отличается от производящего одной дифференциальной семой: труженик → труженица, дело → дельце;

✓ отношения транспозиции (синтаксической деривации). Особенностью этих отношений является изменение категориальной принадлежности производного слова при сохранении лексического значения: на семном уровне это находит отражение на уровне граммем и лексико-грамматических сем: работа → работный, деловой → деловому;

✓ отношения эквивалентности. Семантических изменений в этом случае не происходит. Следует говорить только об изменении плана выражения, формального варьирования слова (сюда относятся, в частности, разные виды аббревиации): ответственный работник → ответработник.

Каков культурно-когнитивный потенциал этих отношений?

Мутационные отношения косвенно объективируют «глубину» разработки тех или иных концептуальных структур. Словообразовательные значения, входящие в этот тип, репрезентируют новые смыслы. Если концептуальный каркас можно сравнить с деревом, то словообразовательные значения, составляющие данный тип, – это ствол и наиболее толстые ветви этого дерева. Мутационные отношения – это центровая часть производных репрезентаций.

Отношения эквивалентности и транспозиции указывают на высокую степень значимости того или иного смысла. Указанные типы отношений, видоизменяя план выражения, подчёркивают важность

той или иной порции знаний. В частности, говоря об универбации, Е.С. Кубрякова замечает: «Цель таких процессов сохранить старый опыт и связать его с новым, донести в сжатом, компрессированном виде, но вместе с тем и в достаточно прозрачной форме, необходимую по тем или иным соображениям информацию» [117, с. 61]. Подобные репрезентации не просто выражают один и тот же смысл, но и расширяют вербальные возможности его трансляции.

Модификация объективирует разработку концептуальной структуры «вширь» и отражает не появление смыслов, а новую аранжировку, уточнение старых.

Соотношение типов словообразовательных значений в гнездах рассматриваемых глаголов отражает когнитивные стратегии, реализации которых они служат.

Итак, производное слово, словообразовательные макроединицы (типы, модели, гнезда, парадигмы) отражают ценностную направленность процесса номинации. Ценностный аспект культурной информации может выражаться количественным составом словообразовательных гнезд, продуктивностью ономаσιологических структур, типов словообразовательных значений, многообразием словообразовательных типов и моделей.

Словообразование в русском языке является ярким источником речевой экспрессии благодаря богатству и разнообразию оценочных аффиксов. У разных частей речи оценочность, создаваемая аффиксацией, проявляется по-разному. Наиболее сильной экспрессией обладают суффиксы субъективной оценки существительных.

От существительных, нейтральных в эмоционально-экспрессивном отношении, путем аффиксации можно образовать такие, которые имеют яркое оценочное значение: *дом - домик, домишко; брат - братец, браток, братишка; рука - ручка, рученька*. Подобные существительные получают уменьшительно-ласкательное значение, обычно с оттенком положительной оценки. Рядом с такими существительными часто используются оценочные прилагательные: одно слово как бы «заражает» (по выражению А.А. Потебни) другое – *маленький домик, седенький старичок*.

В составе размерно-оценочных суффиксов выделяются и увеличительные: *дом - домина, домище; детина, ножища*. Они, как правило, включают и оттенок негативной оценки.

Выделяются суффиксальные образования с устойчивой шутливой окраской: *бумаженция, книженция, старушенция*; собирательные существительные с характерными суффиксами, выражающими пренебрежение: *солдатня, матросня, пацаньё*; отвлеченные существительные, которые благодаря суффиксам получают отрицательное оценочное значение: *спанье, суетня, кислятина, пошлатина, галдеж*,

скулеж, скукота, смехота. Разнообразные экспрессивные оттенки негативной оценки выражают суффиксы, указывающие на категорию лица: *воображала, подпевала, гуляка, кривляка, слабак, чужак, вертун ловкач, рвач, разгильдяй, холуй*. Правда, у некоторых слов с такими суффиксами экспрессия стирается и сохраняется лишь разговорная окраска: *бородач, силач, грамотей, бродяга*.

В русском языке исключительным богатством экспрессивных оттенков отличаются суффиксальные образования существительных, обозначающих лицо: *девочка – девчурка – девчушка – девчонка – девчоночка – девонька – девулька – девка – деваха; старик – старичок – старикан – старикашка – старичишка*. Русское словообразование позволяет нанизывать аффиксы субъективной оценки, так что «экспрессивное напряжение слова может выразиться в удвоении, утроении суффиксов»: *дочурочка, бабуленция, крохотулечка, духотища, срамотища*.

Интересна в лингвокультурном плане и префиксация существительных. Ей обязаны своей выразительностью такие, например, слова, как *раскрасавица, сверхчеловек, суперколосс, ультрамода, экстросовершенство*. Однако префиксальный способ словообразования уступает суффиксальному и по количеству продуктивных моделей, и по богатству экспрессивных оттенков.

Для словообразования прилагательных также в высшей степени характерно выражение различных оценочных значений с помощью аффиксации. Разнообразны суффиксы субъективной оценки, имеющие положительную эмоциональную окраску: *маленький, малюсенький*, а также – отрицательную: *вертлявый, высоченный, заваливающий, холоднючий*. Экспрессивны приставочные образования прилагательных, указывающие на степень проявления признака: *всевластный, всеильный, предобрый, прескучный, развеселый, разудалый*. Особой выразительностью обладают и словообразовательные модели прилагательных типа *милый-милый, долгий-предолгий*, которые указывают на сильное проявление признака.

Числительные, как правило, не образуют экспрессивных форм с помощью аффиксации. Исключение составляют лишь те, которые совмещают значение числительных и других частей речи. Так, слова *тысяча, миллион, миллиард*, сохраняющие грамматические признаки имен существительных, образуют формы субъективной оценки: *тысчонка, миллиончик*.

В составе неопределенно-количественных слов, совмещающих функции числительных и наречий, суффиксальные экспрессивные образования не редкость: *немножко, немножечко, маленько, маленечко, многовато, маловато, столечко*.

Среди местоимений можно указать такие, которые благодаря суффиксам получают экспрессивную окраску: *всяческий, нашенский, ничегошеньки, никогошеньки, таковский*. Все они снижены; причем некоторые выражают иронию, пренебрежение.

В стилистическом словообразовании наречий отражаются закономерности аффиксации тех частей речи, с которыми они соотносительны, и прежде всего существительных и прилагательных: *рядком, вприкусочку, вприсядочку, давненько, недалечко, полегоньку, ранешеньку*, а также числительных: *помаленьку, нисколько и местоимений: по-свойски, по-нашенски*. Отдельные словообразовательные модели типичны только для наречий: опосля, впервой, вдругорядь.

Глагольное словообразование, для которого не характерны словообразовательные формы, уступает именному по силе экспрессии (ср. «странное» словечко у В. Хлебникова: *Кому сказатеньки, как важно жила барынька?*). Однако и среди глаголов можно выделить ряд интересных словообразовательных моделей с яркой стилистической окраской. Как правило, экспрессивны глаголы, образованные от местоимений: *якать, тыкать, выкать*; междометий: *ахать, охать, мукать, тьякать*, а также от существительных и качественных прилагательных, имеющих оценочное значение: *базарить, горланить, глупить, грубиянить, ловчить, жульничать, лентяйничать, подличать*.

Среди глагольных новообразований продуктивны сниженные глаголы на *-ничать*: *активничать, дипломатничать, насмешничать, подхалимничать, принципиальничать* и др. их дополнительные смысловые оттенки – неодобрение, порицание.

Другая продуктивная модель – глаголы на *-ить*, образованные от существительных: *бюллетенить, температурить*. Они также выделяются сниженной окраской. Разговорно-просторечный характер отличает глаголы типа *тормознуть, спекулировать*.

Для глагольного словообразования весьма характерно снижение стиля путем прибавления постфикса *-ся*, который в этом случае не влияет на залоговое значение глагола: *звониться, зеленеться, краснеться, маячиться, обещаться*.

В арсенале словообразовательных средств глагола большое место занимает префиксация, которая нередко вносит изменения не только в семантику слов, но и значительно усиливает их экспрессивную окраску, превращая глаголы межстилевые в разговорные и даже просторечные: *тратиться – поистратиться; франтить – прифрантиться – выфрантиться*.

Среди многочисленных приставочных образований глаголов особое внимание привлекают те, которые имеют сильную экспрессию, хотя образованы сочетанием нейтральных основ с нейтральными аффиксами: *добегаться, забегаться, отбегаться, уездиться, уходиться*,

обхохотаться, подзаработать, прихватить, попридержать и др. Именно приставки создают особую выразительность таких глаголов, указывая на высокую степень интенсивности действия или на разнообразные оттенки его проявления (исчерпанность, ограниченность и т.д.) и придавая словам сниженную, разговорную окраску.

Кроме знаменательных частей речи, стилистическую активность в процессе аффиксации проявляют междометия и частицы. Многие из них получают яркую экспрессию благодаря суффиксам: *баюшки, баюнюшки, охохонюшки, агушки, агунюшки, аиньки* (частица а), *нетушки, спасибочко* и др. К этим эмоционально окрашенным словам примыкают и изолированные формы изменяемых частей речи, трансформированные в результате экспрессивной суффиксации: *спать–спатеньки; потягушки, потягушеньки, потягунюшки*. Эти слова употребляются только в устной речи с экспрессией ласкательности, причем обычно при обращении к детям.

Обычно посредством уменьшительных аффиксов выражается субъективно-оценочное значение малого объема, размера. Такие слова и формы называются деминутивы (от лат. *deminutus* — «уменьшенный»). Языковые знаки относятся к различным языковым уровням — к лексическому и к синтаксическому, что обуславливает выделение в русском и в английском языке лексических и синтаксических деминутивов, которые могут быть образованы морфологическим (так же называемым синтетическим) и синтаксическим (так же называемым аналитическим) способами.

В синтетический способ в русском языке входят: аффиксация, внутренняя флексия, ударение, супплетивизм. Аффиксация является разновидностью морфологического способа — это образование новых слов путём при соединения к производящей основе или производящему слову тех или иных словообразовательных аффиксов. Суффиксальный способ — это образование новых слов путём присоединения к производящей основе суффиксов: *гордый — гордость, глаз — глазной*. Рассматривая деминутивы как слова, наращивающие деминутивную сему посредством добавления суффиксов, отмечаем, что многочисленные исследования продемонстрировали, что в русском языке превалирующим является морфологический способ, в то время как в английском языке морфологическая парадигма представляется значительно беднее. Анализ толково-словообразовательного словаря под ред. Т.Ф. Ефремовой и работ по проблемам деминутивов и деминутивности позволил нам выделить множество суффиксов с пометой «уменьшительно-ласкательный» или «уменьшительно-пренебрежительный», что предполагает наличие в коннотации деривата позитивной или негативной оценочной семы.

Маркером «ласкательный» отмечены в словаре и работах следующие суффиксы *-ашк-(а)* (*-яшк-(а)*)—*Шарик насупился и старательно хмурил брови, из-за чего его смешная мордашка становилась еще более комичной* (С. Гармашев. Древний, расплата); *-анёк*—*Есть предложение, товарищ Сабуров, обменяться опытом, — обращается ко мне куманёк. — С кого начнем? С вас? — Я бы просил, если вы не возражаете, начать с работы вашего партизанского совета.* (А.Н. Сабуров. Силы неисчисляемые); *-ат-(а)* (*-ят-(а)*)—*Так ведь тогда вы все мои были, все за мной по пятам ходили и за юбку дергали. А я еще сердачка: «Да отвяжитесь вы, пострелята, покоя от вас нет!» А теперь скучаю по малышам своим.* (И. Лазарев. Лось в облаке); *-енёк*—*Не успев даже малехонько обдумать предстоящие слова, муженёк выпалил: «Как же надоели эти проклятые выбоины на дорогах! Такое чувство, что едешь не по цивилизованным пространствам, а по сельхозным дорогам, сплошь и рядом разбитых навозными тракторами!»* (Д.В. Лодыга. Загадочное слово выбоина); *-ец*—*А журнал, это есть, братец ты мой, такие картинки, крашеные, и идут они сюда к здешним портным каждую субботу, по почте, из-за границы, с тем то есть, как кому одеваться, как мужскому, равномерно и женскому полу.* (Ф. Достоевский. Преступление и наказание); *-ечк-(а)*—*Этот заклад был, впрочем, вовсе не заклад, а просто деревянная, гладко обструганная дощечка, величиной и толщиной не более, как могла бы быть серебряная папиросочница.* (Ф. Достоевский. Преступление и наказание); *-ечк-(о)*—*Да... А все-таки хорошее было времечко! — прибавил старик с глубоким вздохом, потупился и умолк.* (И.С. Тургенев. Записки охотника); *-ешек*—*Шухов сел на скамейку у стены, на самый краешек, только-только чтоб не перекувырнуться вместе с ней.* (А. Солженицын. Один день из жизни Ивана Денисовича); *-ик*—*Крупный дождик закапал, она и его не замечала но он пошел все чаще, все сильнее, сверкнула молния, гром ударил.* (И.С. Тургенев. Накануне); *-инк-(а)*—*Мужик рассказывал нам все это с усмешкой, словно о другом речь шла; но на маленькие и съезженные его глазки навертывалась слезинка, губы его подергивало.* (И.С. Тургенев. Записки охотника); *-иц(а)*—*Довольно интересная вещьца, Прасковья Ивановна, и я уверен, что Лизавета Николаевна с любопытством выслушает, потому что тут много если не чудных, то причудливых вещей.* (Ф. Достоевский. Бесы); *-к-(о)*—*Ну что, как вам? — спросила сестра, своими тоненькими, нежными пальцами, на одном из которых, Володя заметил, было золотое колечко, поднимая его немного плешивую голову и поправляя подушку.* (Л.Н. Толстой. Севастопольские рассказы); *-ок-* (*-ёк*)—*Повели конвоиры Ева в тюрьму и говорят: «Если бы, браток, все такие были, как ты — добро!»* (А. Солженицын. Архипелаг

Гулаг); -онк-(а)–*Дети тоже обхватили со всех сторон Соню своими ручонками, а Полечка, –не совсем понимавшая, впрочем, в чем дело, – казалось, вся так и утонула в слезах, надрываясь от рыданий и спрятав свое распухшее от плача хорошенькое личико на плече Сони.* (Ф. Достоевский. Преступление и наказание); -ишечк- –*Тут, братишечка, из-за тебя такая полундра развернулась! – перешел с официального на доверительный тон командир строжевика.* (И. Булгарин. Миссия в Париже); -оночк- –*Углем на белой рубашончке автора пишем: «Нужно либо изображать что-то новое и неизведанное, несмотря на тот недоказанный факт, что оригинальных сюжетов с учетом бемолей и диезов всего двенадцать, либо быть гениальным импровизатором на любую избитую тему, используя при этом иные доступные выразительные средства.* (А. Чистович. Взгляд из-под лобка); -оньк-(а) (-оньк-(и), -еньк-(а), -еньк-(и)) и др. –*«Лисонька, посади меня» – говорит волк. «Садись, серый волк».* (русская народная сказка «Лисичка-сестричка и волк»).

По сравнению с этим лишь небольшая часть дериватов обладает маркером «уничжительный», как то: -ейк-(а)–*Ну и шейка. Если еще и ноги такие короткие – сложно ей придется* (П. Хром. Она); -ец- –*В самой в переносице был маленький изъянец.* (Н.С. Лесков. Воительница); -онк-(а)–*«По всем признакам злобная и мелко- надменная душонка» – пролетело в голове Миусова.* (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы); -(ю)ушк-(а)–*Невелика, – говорит,– эта краюшка, ну да ничего: досыта не наешься, зато и с голоду не умрешь!* (Литовские сказки. Дровосекова краюшка); -чик- –*Знакомый типчик, – ухмыльнулся Андрей.* (К. Казанцев. Неприкасаемый чин).

Деминутивы, образованные морфологическим способом, т.е. посредством присоединения суффикса к основе слова, являются лексическими деминутивами. Все приведённые выше деминутивы соответствуют требованиям, предъявляемым к этим языковым знакам, так как они обладают семой уменьшительной ласкательности или уменьшительной уничижительности и выполняют в предложениях коммуникативно-прагматические функции установления эффективного взаимодействия и произведение коммуникативного эффекта посредством реализации скрытых смыслов смягчения, сочувствия, критики, принижения и др.

В английском языке также выделены лексические деминутивы, однако, следует отметить, что некоторые зарубежные лингвисты определяют морфологическую парадигму английского языка ущербной: «productive diminutive word derivation hardly exists» (Едва ли существует продуктивный морфологический способ образования деминутивов). Действительно, по сравнению с морфологической парадиг-

мой в русском языке она действительно менее обширна. Однако изучение английской морфологической парадигмы, включающей суффиксы, позволяющие слову нарастить деминутивную сему, демонстрирует их достаточное многообразие, особенностью которого является продуктивность или непродуктивность английского суффикса.

Анализ материала по синтетическому способу образования деминутивов в современном английском языке позволил выделить шесть суффиксов, которые являются действительно продуктивными в современном языке.

К этим суффиксам относятся:

* *-ie, -i, -y*—*sweetie* (конфетка) от *sweet* (сладость), *birdie* (птичка) от *bird* (птица), *Johnny* (Джони) от *John* (Джон), *Betty* (Бетти) от *Bett* (Бэт), *doggy* (собачонка) от *dog* (собака), *kitty* (котенок) от *cat* (кошка), *mummy* (мамуля) от *mum* (мама), *daddy* (папуля) от *dad* (папа), *granny* (бабуля) от *grandmother* (бабушка), *sweety* (дорогуша) от *sweet* (сладость), *ducky* (голубушка) от *duck* (утка), *potty* (горшочек) от *pot* (горшок), *doggie* (собачка) от *dog* (собака), *laddie* (дамочка) от *laddy* (дама), *cookie* (печенька) от *cook* (готовить);

* *-et, -ette*—*dinette* (столовка) от *dining room* (столовая комната), *roomette* (комнатка) от *room* (комната), *kitchenette* (кухонька) от *kitchen* (кухня), *statuette* (небольшая статуэтка) от *statue* (статуя);

* *-ling*—*duckling* (утенок) от *duck* (утка), *catling* (котенок) от *cat* (кот), *gosling* (гусенок) от *goose* (гусь), *yeacling* (ягненок) от *yeap* (ягниться), *firstling* (первенец) от *first* (первый), *fledgling* (новичок) от *fledge* (оперять), *manling* (человечек) от *man* (человек), *fondling* (любимчик) от *fond* (нежный), *weakling* (слабачок) от *weak* (слабый);

* *-et*—*circlet* (кружок) от *circle* (круг), *owlet* (совенок) от *owl* (сова), * *-let*—*booklet* (книжонка) от *book* (книга), *starlet* (звездочка) от *star* (звезда), *ringlet* (колечко) от *ring* (кольцо), *toothlet* (зубик) от *tooth* (зуб), *cloudlet* (облачко) от *cloud* (облако);

* *-ish*—*mannish* (мужеподобный), *womanish* (женоподобный);

* *-sie(s) or -sy*— наиболее частые употребления этого суффикса встречаются в детской речи (*baby-talk*), например, *teensy-weensy* (утипути), *footsie* и *onesies*. Русских аналогов этим английским дериватам нет, однако можно образовать неослова из «языка нянь» («parentese»), который могли бы звучать — *ногулька, первульки*.

Следует отметить, что и в русском, и в английском языках особенно часто деминутивность проявляется в именах собственных (англ. — *Peteu* (от *Peter*), *Dougie* (от *Douglas*), *Johnny*, *Johnnie* или *Jony* (от *Jonathan*), и *Robbie* или *Robby* (от *Robert*); русск. — *Катенька* (от *Катя*), *Володенька* (от *Володя*), *Артемочка* (от *Артем*), *Дашенька* (от *Даша*), *Петенька* (от *Петя*), *Любочка* (от *Люба*), *Юленька* (от *Юля*), *Димочка* (от *Дима*), *Ванечка* (от *Ваня*), *Ирочка* (от *Ира*). Это представляется

вполне логичным, поскольку имена собственные чаще всего употребляются в обращениях, где они выполняют прагматическую функцию интимизации речи, привнося оттенки ласкательности. Существует гипотеза о том, что исторически именно деминутивность имен собственных положила начало развитию этой категории.

Отличительной характеристикой русских лексических деминутивов, образованных суффиксально, является наличие в них деминутивов-наречий и деминутивов-глаголов, которые отсутствуют в английском языке. Ср.: *-еньк-(оньк-)*—*Марья Николаевна засмеялась тихохонько и, встряхнув головою, откинула назад падавшие ей на щеки волосы.* (И.С. Тургенев. Вешние воды); *-к-*—*Выпейте-ка, да выпейте хоть немножечко!* (Ф. Достоевский. Преступление и наказание); *-очк-*—*Он чуточку идеализирует и меня и себя.* (А. Абрамов. Всадники из ниоткуда); *-ок-*—*Мнительный старик стал до того чуток и раздражителен, что, отвечай я ему теперь, что шел не к ним, он бы непременно обиделся и холод-но расстался со мной.* (Ф. Достоевский. Униженные и оскорбленные).

Ещё одной отличительной особенностью русского языка является наличие в нём сложных (двойных) деминутивов-наречий, таких как *быстренько-быстренько, аккуратненько-аккуратненько, тихонько-тихонько, маленько-маленько.* — *Так вот мы сейчас быстренько-быстренько пройдем контроль, причем ты не будешь привлекать внимания Иных на таможне.* (С. Лукьяненко. Последний дозор).

В английском языке синтаксические деминутивы могут быть представлены именными словосочетаниями с размерными прилагательными «*little*» и «*small*», «*tiny*» и лексемы «*baby*»: *лодочка* – *little boat* («маленькая лодка»), *a small house* (*домик*), *tiny bit* (граммулечка) и т. п. так же синтаксические деминутивы образуются через добавление к существительному лексемы «*baby*»: *a baby top* – *маечка*. *You know a little rosy baby boy at your bosom, and what husband's heart is not touched, seeing his wife nursing his child!* (Н. James. “The turn of the Screw”) – *Знаешь, розовенький такой мальчишка грудь тебе сосет, да у какого мужа сердце повернется на жену, глядя, как она с его ребенком сидит!* (Перевод: Н. Дарузес).

В русском языке нами также были выделены синтаксические деминутивы-предложения, реализующие необходимые коммуникативно-прагматические функции, свойственные деминутивам. К русским синтаксическим деминутивам-предложениям мы относим те знаки, которые обладают дополнительной смысловой нагрузкой, накладываемой семой деминутивности и выражающие скрытые смыслы смягчения просьбы, реализации фатичности, расположения к себе собеседника, но только те, в которые (предложения) не включены ни лексические деминутивы, ни деминутивы-словосочетания, так как в

противном случае сема деминутивности. В первую очередь, включена и реализуется именно в них. *Помоги самую малость. Просто подмогни.* (Из речи).

Таким образом, русская словообразовательная система позволяет варьировать речь за счет более широкого набора специализированных деминутивных суффиксов, чем в английском языке. Этот факт позволяет причислить деминутивность в русском языке к наиболее развитым категориям. Уменьшительность в русском языке является одной из семантических доминант, особенно в разговорной речи. В английском языке деминутивность носит более узкий характер по сравнению с русским языком. Английский язык не обладает такой богатой и развитой морфологической системой, как русский язык, тем не менее, и он находит возможности для передачи различных прагматических оттенков, так или иначе, компенсируя особенности морфологической парадигмы.

Если в русском языке в большей степени следует говорить о лексических деминутивах, то в английском языке, учитывая особенности морфологической парадигмы, следует говорить о функционировании категории деминутивности в прагматических конструкциях или сочетаниях, так как в нём превалирует аналитический способ формирования деминутивов в отличие от синтетического, преобладающего в русском языке.

Морфология в культуроведческом аспекте

В науке существует точка зрения, что культурная специфика языка охватывает только его лексический и фразеологический уровни. С таким утверждением согласиться нельзя. Грамматическое значение, ввиду своей высокой абстрактности, отражает категоризацию мира, которая формировалась столетия, начиная с формирования, развития и дальнейшего функционирования языка. Однако нельзя не согласиться с тем, что культурные аспекты в грамматике определяются значительно сложнее, чем в лексике и фразеологии. Можно выделить основные и вспомогательные лингвокультурные грамматические явления. Обозначим грамматические культурно маркированные координаты.

Явления, которые имеют культурно маркированные грамматические значения, мы относим к основным. Рассмотрим их.

Несомненно, особенности русского миропонимания отражены в категории одушевлённости имени существительного. Так, на этапе становления этой категории одушевлёнными были только существительные, обозначающие лиц мужского пола. Вероятно, на это влияли религиозные установки, отводившие женщине второстепенную роль. До сих пор в русском языке различаются по одушевлённости слова

покойник/труп, что опять же связано с религиозными представлениями о том, что душа не сразу покидает тело человека.

Культурно значима категория рода. Это подтверждает тот факт, что в разных языках слова могут не совпадать по этому признаку. Данный морфологический признак является категоризирующим для любого языка, в котором он имеется. В финском языке не дифференцируются по роду местоимения 3-го лица, что, безусловно, говорит о гендерной недифференцированности. С. А. Кошарная указывает на лингвокультурные причины грамматического выделения группы существительных на *-мя* [111, с. 204]. Эти существительные формируют своеобразный текст, кодирующий человеческие ценности.

Зарождение человека – бремя.

Рождение человека, его узнавание – знамя.

Обретение души – пламя.

Именованье его как обретение человеческой сущности – имя.

Вскармливание человека – вымя.

Обретение разума – темя.

Продолжение рода – семя.

Формирование рода – племя.

Жизнь человека – время.

Жизнь рода, его движение во времени – стремя.

Лингвокультурная специфика русского местоимения состоит в регулярном использовании неопределённых местоимений: кто-то, что-то, кое у кого, один и других, что отражает склонность русского сознания к неопределённости. В русской речи часто опускается местоимение, обозначающее принадлежность. Он надел шляпу, а не Он надел свою шляпу. Эта черта подчёркивает индифферентность русского сознания к собственности, склонность к коллективизму.

Для русской лингвокультуры большую значимость имеют местоимения *мы*, *наш*, которые репрезентируют представления об общности лиц, объединяемых по какому-либо признаку. Данные местоимения соотносятся с ментальной оппозицией «свой/чужой» и выражают положительные коннотации. Эти представления имеют архетипическую основу.

Ю. С. Степанов отмечал: «Мир в древнейших культурах индоевропейцев – это то место, где живут люди “моего племени”, “моего рода”, “мы”, место, хорошо обжитое, хорошо устроенное, где господствует “порядок”, “согласие между людьми”, “закон”; оно отделяется от того, что вне его, от других мест, вообще – от другого пространства» [179, с. 95].

Существует мнение, что артикль связан с категорией собственности, приватности, персональности. Как известно, эта ментальная сущ-

ность малопродуктивна в русской лингвокультуре, что объясняет отсутствие данной части речи в русской грамматике.

Русской лингвокультуре присуща категория безличности. Это объясняется свойственной русскому менталитету иррациональностью и неагентивностью (А. Вежицкая), неконтролируемостью, отсутствием ответственности за происходящее действие. Русские не признают логического объяснения жизни, на явления природы смотрят как на непостижимые и непредсказуемые, считают, что человеку не подвластна его собственная жизнь, что способность контролировать жизненные события ограничена. Эта ментальная категория находит своё выражение безличными глаголами и словами состояния: ему было холодно, живу дурно, мне живётся очень плохо, его переехало трамваем, его убило молнией.

Данные словоформы подчёркивают фатальность, стихийность действия, смиренность.

Грамматическая категория времени отражает представления о цикличности или линейности данного феномена. Д. С. Лихачёв отмечал: «Обычные представления о будущем связывают его с тем, что находится впереди (ср.: у него еще целая жизнь впереди или: наше будущее впереди). Обычные же представления о прошлом связываются с представлениями о том, что находится сзади (ср.: все страхи у него позади или: у него за плечами годы упорного труда). Настоящее, с точки зрения обычных представлений нового времени, находится между прошлым и будущим.

Иными были временны е представления в Древней Руси. Прошлое в X–XIII вв. (а частично и позднее, точные хронологические пределы установить вряд ли возможно) ассоциировалось прежде всего с тем, что в п е р е д и . «“Передний” означало “прежний, прошлый”; ср.: “Тое же зимы даша Изяславу Туров и Пинеск к Меньску, то бо бяшетъ его ослалося, передьние волости его” (Лавр. лет., под 1132 г.); или: “Како уставили переднии князи, тако платите дань” (Новг. I лет., под 1229 г.); или: “Прародители его по изначальству были в приятельстве и в любви с передними римскими цари, которые Рим отдали папе” (“Памятн. дипл. снош. России с держ. иностр.”, т. I. СПб., 1851, с. 17, под 1489 г.); или: “Ино то царь брат наш делаешь гораздо, что на своей правде крепко стоишь и нашу переднюю дружбу к себе помятуешь” (“Памятн. дипл. снош. Моск. государства с Крымом и Ногаями и Турциею”, т. II. СПб., 1895, с. 255, под 1516 г.). Так же точно одно из значений слова “переди” было “прежде, раньше”; ср.: “Томь же лете и Ладога погоре, переди Новагорода” (Новг. I лет., под 1194 г.); или: “О нем же переде сказахом” (Ипат. лет., под 1283 г.). С теми же представлениями о прошлом как о находящемся в п е р е д и какого-то определенного временно го ряда связано и одно из значений слова “пер-

вый” (ср. хотя бы в “Слове о полку Игореве”: “първых временъ усобицѣ”; “о, стонати Руской земли, помянувшѣ пръвую годину и пръвыхъ князей!”). Этимологические остатки этих древних представлений сохраняются отчасти и поныне (в слове “прежде” и др.), но как конкретные представления о прошлом они в новое время отсутствуют» [126, с. 255].

Предлоги отражают национальные представления о времени и пространстве. Например, в немецком языке указание на временные границы, которые имеют своё начало в прошлом, передаются предлогом *seit*, а в будущем – предлогом *av*. В русском языке эти отношения не дифференцируются и передаются одним предлогом – *с*, что свидетельствует о неактуальности для русской лингвокультурной общности этого временного параметра.

Существует мнение, что формирование троичных грамматических категорий: прошедшее – настоящее – будущее; первое – второе – третье 'лицо; и др. – так или иначе связано с формированием нового представления о пространстве как трёхмерной сфере, пониманием триединства божественной силы [111, с. 62].

Явления, которые не имеют культурно маркированной грамматической семантики, но описываются на основе грамматического признака, относятся к вспомогательным. Например, имена собственные характеризуются культурогенным лексическим значением, но выделение данной группы слов производится с опорой на грамматический признак. Рассмотрим некоторые из вспомогательных лингвокультурных грамматических явлений.

Каждый этап развития лингвокультуры популяризирует определённую группу имён собственных. Это может быть связано с актуализацией тех или иных мифологем, историй, легенд, событий. В некоторых случаях имена собственные отражают идеологемы. Например, имена *Октябрин(а)*, *Даздраперма*, *Вилен*, *Владлен(а)*, *Ренат(а)* отражают персоналии, символы, ценности советской лингвокультуры.

Многие русские фамилии хранят память о древних именах-оберегах, то есть явлениях, которые, по мнению русских, оберегали человека от нечистой силы. Судьба predeterminedена не только волей Господа, но и зависит от правильности выбора мирского имени: *Кручинин*, *Злобин*, *Распутин*, *Бестужев*, *Некрасов*, *Нелюбов*.

Большой лингвокультурный потенциал имеют прозвища. Обычно они репрезентируют наиболее яркий признак той или иной личности, оценку её деятельности. Так, добрая память о князе Владимире сохранилась в русском народе, который дал князю ласковое прозвище – *Владимир Красное Солнышко*.

Переход в имена нарицательные, формирование на их базе устойчивых единиц говорит об их высокой значимости для лингвокультуры.

турной общности: валять ваньку, Фома неверующий, во всю ивановскую и др.

Часто имя собственное выступает в роли нарицательного, называющего представителей той или иной национальности: русский – Иван, немец – Фриц, еврей – Мойша и др. Безусловно, что данные имена являются популярными в соответствующих культурах. Характерно, что типизируются мужские имена, что свидетельствует о маскулинности русской лингвокультуры.

Культурогенностью обладают качественные прилагательные, особенно те, которые являются цветообозначениями. А. Вежбицкая в своей книге «Язык. Культура. Познание» говорит о том, что «цвет – это не универсальное человеческое понятие...» [42, с. 231]. Действительно, в европейской культуре чёрный является цветом траура, а в восточной – белый.

Учёные такую интерпретацию цвета объясняют следующим образом:

«Не все люди знакомы с морем или снегом, земля не везде коричневая <...> и даже зелень травы зависит от количества в ней влаги и от расположения на открытом солнце...» [42, с. 234]. Национальную специфику имеют цветовые определения абстрактных существительных. Так, русские зелёный цвет связывают с тоской, а американцы – с ревностью. Каждая лингвокультурная группа создаёт уникальные названия оттенков основных цветов. Цвет может символизироваться. Например, в русской лингвокультуре *белый* является символом чистоты, *чёрный* – смерти, *зелёный* – неопытности, *серый* – заурядности.

Закрытость имени числительного как части речи обуславливает её высокую культурогенность. Так, с чётными числами связаны представления с завершённостью, конечностью, с нечётными – с незавершённостью и бесконечностью.

С числом тринадцать связаны представления о неудаче. Это находит научное объяснение: «...В двенадцати лунных месяцах было только триста пятьдесят четыре дня и время от времени приходилось вставлять добавочные месяцы, соответствующие тринадцатому знаку зодиака, ворону. Излишность их делала тринадцать несчастливым числом, да и ворон был птицей недоброй» [216].

Актуальность представлений, связанных с числами, подтверждает тот факт, что числительные становятся компонентами фразеологических единиц.

Русский коллективизм является причиной негативных коннотаций у числа один: *один в поле не воин; одному и у каши не спору; одному и топиться скучно; один, как медведь в берлоге*. Ср.: с положительной оценкой числа два: *ум хорошо, а два лучше; два одному рать*.

В то же время с этим числом связаны представления о неустойчивости, неясности, лживости: бабушка надвое сказала; слуга двух господ.

С числом четыре связаны представления об устройстве мира: *на все четыре стороны; четырём ветрам кланялся.*

Близкие представления связаны с числом семь. Семь лежит в основе устройства мира, времени, организации принципов человеческого общежития: *семь дней сотворения мира, семь основных тонов, семь цветов, семь смертных грехов (на седьмом небе от счастья, седмица 'неделя').*

С опорой на числа семь, восемь, девять и другие репрезентируются представления о чём-либо значительном, большом, далёком: *семи пядей во лбу; семеро одного не ждут; делай дело за семерых, а слушайся одного; в тридевятом, тридесятом царстве; сорок сороков и др.* Князя Ярослава Галицкого называли Осмомыслом, то есть очень мудрым.

Многие числа вербализуют религиозные представления: седьмой день на Бога (отражает одну из христианских заповедей). С числом девять, например, связаны представления о том, что на девятый день душа умершего человека попадает в потусторонний мир. Поэтому поминки назывались встарь девятинами.

Культурно-специфична система счёта и единиц измерения. Так, В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» пишет: «встарь считали сороками и девяностами». Месторасположение отмечалось от Москвы. Пядь 'предельное расстояние между концами указательного и большого пальцев руки', локоть 'две пяди', сажень 'расстояние между концами пальцев широко раскинутых рук', верста 'мера длины, равная 1,06 километра'. В русской культуре десятичную дробь принято отделять запятой, в английской – точкой. Русские выделяют тысячи пробелом, американцы – запятой. В России дата 12.01.01 означает 12 января 2001 года, в американской – 1 декабря 2001 года (то есть первые цифры обозначают месяц, а вторые – число).

Название многих русских числительных отражает особенности русского опыта. Так, числительное сорок по происхождению является существительным со значением 'рубаха'. Ср.: современное сорочка. В сорок можно было положить 40 шкурок соболей. Особенности национального мировосприятия отражены в названиях числительных тьма – 10 000, легион – 100 000, леорд – 1 000 000, ворон – 10 000 000.

Частицы, звукоподражания, междометия привязаны к той или иной культуре. Это проявляется в том, что каждый народ по-своему выражает свои эмоции, слышит окружающий его мир. Например, русские подзывают кошку звукоподражанием кыс-кыс, а немцы митце-митце. Русские скажут для выражения одобрения вот это да! Немцы – Alle Wetter! (что буквально переводится как вся погода). При выраже-

нии упрёка мы говорим не упрямясь! Немцы – Sei doch kein Frosch! (что буквально переводится как всё-таки не будь лягушкой). Междометные выражения не совпадают и по внешней, и по внутренней форме. Так, этимология междометия спасибо отражает религиозные представления русского человека, внутренняя форма слова пожалуйста отражает этикетные формулы и особенности структуры древнерусского общества.

Однако можно встретить подобные несовпадения и в содержании. Например, в одном языке междометие есть, в другом отсутствует. Сравним соответствия междометий в русском и английском языке:

Уф! / Phew!

Ай! / Ouch!

Фу! (отвращение) / Pee-you!

Оп-пля! / Whoops! Ooops!

Ау! / Hallo!

Тьфу! (отвращение, досада) / Nuts!

Синтаксис в культуроведческом аспекте

Специфика осмысления тех или иных сторон действительности может находить своё выражение в синтагматических связях слов. Г.С. Щур отмечает: «Синтагматические сочетания единиц обусловлены экстралингвистическими факторами и их отражают» [221, с. 90]. В.И. Карасик подчёркивает, что информационный потенциал слова «выявляется в более или менее широком контексте через сочетаемость слова» [95, с. 57]. Сочетаемостные свойства слов Н.Ф. Алефиренко отнёс к проявлению их синтагматических значимостей [15, с. 56]. Распространители (классификаторы) слов отражают особенности интерпретации явлений, обозначенных ключевыми словами. Ученый указывает на эффективность данной методики в лингвокультурологических исследованиях и предлагает проводить её через последовательное применение следующих операций: «1) выявление дистрибуции классифицируемых элементов; 2) определение и ограничение набора синтаксических позиций, замещаемых классифицируемыми элементами; 3) изучение признаковой семантики языковых единиц, выполняющих функцию классификатора существительных; 4) интерпретация собственной сочетаемости классификаторов; 5) отнесение существительного к тому или иному криптоклассу, выделенному на основании собственной сочетаемости классификатора» [15, с. 155]. Определение культурных аспектов синтагматической значимости состоит в моделировании лингвосемиотических рядов на основе выделения базовых образов классификаторов ключевых слов концепта, культурно-когнитивной интерпретации полученных лингвокультурем.

Наиболее ценную информацию об особенностях миропонимания несут косвенные номинации, что учитывается при отборе классификаторов.

Классификаторы анализируемых слов, характеризующиеся стёртой образностью, обнаруживают «ориентацию образа на отражаемую действительность в чистом виде...» [188, с. 25], без эмотивно-оценочных «наслоений». Инварианты образной семантики классификаторов вербализуют архетипические представления человека, определяющие особенности концептуализации действительности. Проиллюстрируем сформулированные выше положения на примере распространителей слова дело.

Так, классификаторы слова дело соотносятся с антропоморфным и фетишным культурными кодами.

«Дело-человек» наделяется целым рядом внутренних и внешних признаков. Оно имеет интересы (в интересах дела), ему можно быть преданным (предан делу), им можно увлечься (увлечься делом), его можно любить (любить дело), ему можно изменить или служить (изменить/служить делу). Семантика классификаторов показывает, что «Дело-человек» обладает ценностным статусом.

Оно имеет личностные черты: может быть подлым, великим, благородным, справедливым, скандальным, может требовать, терпеть (дело – подлое, великое, благородное, справедливое, скандальное, требует, терпит). Тем самым в сознании русской языковой личности «Дело-человек» предстаёт в эмоциональном ореоле: оно способно вызывать одобрение или порицание.

«Делу-человеку» приписывается ряд физиологических черт: половые различия (мужское дело, женское дело), голос («Учись, сынок, работать так, чтобы дело пело...» (В. Арыгин); «И пройдёт по устам Слава громким делам...» (А.И. Полежаев)); способность передвигаться (дело идёт, продвигается, остановилось, стало, спешное дело; «Начинаются комплименты,— сказал Кривицкий,— а дело будет стоять» (Д. Гранин)); питаться («...Дело, которое их поглощает...» (А. И. Герцен)).

Таким образом, можно утверждать, что данный образ характеризуется детальной проработкой: языковая личность представляет не только внутренний мир «Дела-человека», но и его внешний облик. Классификаторы этого типа актуализируют семы 'гендерная значимость', 'динамика'.

В рамках фетишного кода дело предстаёт как:

✓ предмет. Этот предмет можно потрогать (браться за дело), бросить, держать в руках (значит, он не очень большой: бросить дело; «Наше дело маленькое, слушай да подчиняйся» (Д. Гранин); «Весь рабочий персонал... выпустил дело из своих рук» (Ф. Гладков)), но может быть и большим (ср. также большое дело). В последнем случае

он, видимо, полый. В него можно войти: войти в дело, быть в деле, проявить себя в деле. Он может перемещаться: курс дела. Кроме этого «Дело-предмет» имеет пространственную характеристику: его можно поставить (поставить дело), к нему можно перейти, приступить (перейти к делу, приступить к делу), до него нужно добираться (бывать по делам). Оно имеет временную (может быть старым и новым) и утилитарную характеристику (может быть полезным и бесполезным). «Дело-предмет» можно перемещать: «...Повести дело энергично...» (А.С. Макаренко);

✓ вещество (масса дел). Это вещество клеящее (оторвать от дел, замешан в дело), текучее (дела текут), обладает жизнеобеспечивающей функцией: «Всяк живёт своим делом» (Ф. Гладков).

И как вещество, и как предмет дело может иметь характеристику по цвету, чистоте (тёмное дело, чистое дело, грязное дело).

Контекстное окружение позволяет сделать вывод, что «Дело-предмет» требует непосредственной причастности, включённости субъекта, характеризуется с точки зрения актуальности и этичности. Представая в нашем сознании в образах человека, предмета, вещества, дело имеет ценностную характеристику, в том числе и с точки зрения личной заинтересованности и оценки: своё дело, чужое дело, не моё дело, дорогое дело, защищать дело, отстаивать дело, бороться за дело; «Меня всегда терзает зависть, когда я вижу людей, занятых чем-нибудь, имеющих дело...» (А.И. Герцен); характеристику по весу: тяжёлое/лёгкое.

Итак, классификаторы слова дело в значении 'трудовая деятельность' соотносятся с тремя базовыми образами: человек, предмет, вещество – и эксплицируют следующие коннотации, отражающие особенности процесса концептуализации: 'ценность', 'эмотивность', 'гендерная значимость', 'динамика', 'непосредственная причастность', 'включённость', 'актуальность vs. неактуальность', 'этичность vs. неэтичность'.

Образы, продуцирующие данные коннотации, восходят к антропоморфным и фетишным архетипам.

Таким образом, одним из проявлений синтагматической значимости является экспликация коннотаций определяемого слова. Данные коннотации носят культурно обусловленный характер, так как они отражают традиции словоупотребления в русском языке. Косвенно-номинативные слова-распространители служат образной интерпретации явлений, обозначенных определяемыми словами, которая отвечает сложившимся в русской лингвокультурной общности представлениям, культурным установкам, стереотипам. На традиции словоупотребления немалое влияние оказывает этимология, содержание

семантического инварианта многозначного слова, семный состав значения.

Культурная специфика отражена в синтаксическом строе языка. Например, в сравнении с немецким языком, имеющим фиксированный порядок слов, передающий пунктуальность национального характера, русский язык отражает некую свободу грамматического выражения мысли. Культурная значимость может отражаться в продуктивности синтаксических явлений. Так, продуктивность односоставных предложений в русском языке отражает концентрированность русского сознания на действии, а не на субъекте: Стучу в дверь. Стучишь в дверь. В дверь стучат.

Фатализм, иррациональность, алогичность, страх перед непознанным отражает продуктивность безличных предложений. Так, А. Вежбицкая, рассматривая русский язык сквозь призму синтаксически и морфологически скудного английского, видит в безличности неконтролируемость и иррациональность русского менталитета, пассивную ориентацию русского синтаксиса, которая является следствием взгляда на мир как на совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому разумению [41, с. 55–76]. По мнению С.Г. Тер-Минасовой, одним из объяснений этого синтаксического явления русского языка может быть коллективизм менталитета его носителей, стремление не представлять себя в качестве активного действующего индивидуума, желание снять с себя ответственность за происходящее.

В тех случаях, когда в русском языке употребляются безличные синтаксические модели, в английском языке имеют место личные формы: думается, что – I think; есть охота – I am hungry; холодает – It's getting cold; мне холодно – I am cold; мне не спится – I don't feel like sleeping. Отсюда возникает вывод о том, что в английском языке человек берет на себя и действие, и ответственность за него, а в русском языке и действия, и ответственность безличны, индивидуум растворен в коллективе, в природе, в стихии, в неизвестных, необозначенных силах [192, с. 528–529].

Склонность русских писателей к использованию полипредикативных предложений отражает тенденции русского сознания к анализу, морализации, дидактизму.

Таким образом, грамматика, хотя и в меньшей степени, чем лексический и фразеологический уровни, отражает особенности национальной культуры.

БЛОК ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

Тема 1

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

1. Методология и методы лингвокультурологии.
2. Методика исследования коррелятивных связей языка и культуры: 1) культурологический подход к фактам языка (от культуры к языку), основанный на культурных концептах.
3. Методика исследования коррелятивных связей языка и культуры: 2) лингвистический подход к явлениям культуры (от языка к культуре) с использованием собственно лингвистических методов.
4. Методика исследования коррелятивных связей языка и культуры: 3) комплексный подход, реализующийся в понятии лингвокультурологического поля.

Задание 1. Приведите все возможные контексты употребления слов *культура / язык / цивилизация*.

Прокомментируйте, какие сущностные характеристики приведенных понятий нашли отражение в языке и речи. Почему?

Задание 2. Заполните пробелы в изложении вопроса «Значение культуры для человечества»

Развитие общества предполагает прохождение им определенных этапов. Развитие человеческой истории изучается с помощью фиксации различных явлений. Одним из таких явлений выступает культура.

В истории общественной мысли существовали различные оценки значения культуры для общества и человека. Одни ученые называли культуру _____, превращения его в достойного члена общества, а этапы развития культуры — ступенями прогрессивного развития человечества. Другие считали, что культура есть зло, которое служит подавлению и порабощению человека. Несмотря на различные оценки влияния культуры на жизнь людей, практически все мыслители признавали, что культура играет _____, являясь _____ средством _____, хранения и передачи накопленного человечеством опыта, одной из важнейших характеристик жизнедеятельности общества в целом и отдельной личности.

Традиционно культуру принято подразделять на:

- _____;
- _____.

К достижениям (результатам развития) материальной культуры относят технику, технологию, материальные ценности, которые в совокупности составляют искусственные условия и средства человеческого существования. Достижениями духовной культуры считают науку, _____.

Каждая из перечисленных форм, в свою очередь, состоит из совокупности многих элементов: нормы и эталоны поведения, законы, обычаи, традиции, знания, идеи, образы, символы и язык. Разграничение материального и духовного в культуре весьма условно, поскольку касается не сущности культуры, а ее форм воплощения. Они могут влиять друг на друга и даже вступать в конфликты, но только в совокупности они составляют программы общественных отношений.

Задание 3. Охарактеризуйте научные парадигмы по схеме.

<i>Название</i>	<i>Хронологический отрезок</i>	<i>Основная идея</i>	<i>Исследования и персоналии исследователей</i>

Задание 4. Соотнесите научные дисциплины антропоцентрической парадигмы в соответствии с установленными параметрами.

<i>Название дисциплины</i>	<i>Когнитивная лингвистика</i>	<i>Этнолингвистика</i>	<i>Лингвострановедение</i>	<i>Лингвокультурология</i>
<i>Параметр сопоставления</i>				
<i>Объект и предмет изучения</i>				
<i>Цель / цели изучения</i>				
<i>Место формирования</i>				

<i>Персоналии ученых</i>				
<i>Знаковые исследования</i>				

Задание 5. Определите, с какими научными дисциплинами связана лингвокультурология. Установите характер связи.

	<i>философия</i>	<i>культурология</i>	<i>этнолингвистика</i>
<i>языкознание</i>	<i>палеонтология</i>	<i>биология</i>	<i>антропология</i>
<i>этнография</i>	<i>география</i>	<i>фольклористика</i>	

Задание 6. Восстановите пропущенные элементы

Методология всякой науки (в том числе и лингвокультурологии) включает в себя три уровня:	философскую, общенаучную и частную методологию (учение о методах научного исследования)
?	система принципов и способов организации теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе
?	определенный подход к изучаемому явлению, определенный комплекс приемов, применение которых дает возможность изучить данное явление
Философская методология – самый высокий уровень	для него важны законы, принципы и категории диалектики, сформулированные еще Гераклитом, Платоном, Кантом, Фихте, Шеллингом и др. Это закон единства и борьбы противоположностей, закон перехода количества в качество, закон отрицания отрицания; категории общего, частного и отдельного, необходимости и случайности и т.д.

?	обобщение методов и принципов изучения явлений разными науками, это наблюдение, эксперимент, моделирование, интерпретация
Частная методология	?
Методы лингвокультурологии	?
Лингвокультурология – интегративная область знания, вбирающая в себя результаты исследования в культурологии и языкознании, этнолингвистике и культурной антропологии	поэтому применяется комплекс познавательных методов и установок, группирующихся вокруг смыслового центра «язык и культура»
Лингвистические, а также культурологические и социологические методы	?
Методы полевой этнографии – это	?
Метод открытых интервью применяется не только в лингвокультурологии	?

Задание 7. Установите, основные характеристики каких методов приведены в задании:

- 1) метод, при котором исследователь вживается изучаемую среду;
- 2) метод сбора первичной информации;
- 3) метод, при котором не проводится личная беседа, а информация собирается с помощью заранее подготовленной формы;
- 4) личная беседа с использованием вопросника;
- 5) изучение различных явлений, которые еще остались у народа, но потеряли свое прежнее значение;
- 6) позволяет путем сравнения выявить общее в развитии народов;

7) источником информации являются представители различных социальных групп, профессиональная деятельность которых непосредственно не связана с предметом анализа;

8) установление родственных связей между языками и восстановление их общего праязыка;

9) прием, направленный на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте.

Задание 8. Сконструируйте условную модель ассоциативного поля слова-стимула *зима*, демонстрируя такие аспекты, как:

- 1) реализацию денотативного значения слова - стимула;
- 2) актуализацию референта;
- 3) актуализацию некоторого наглядного образа или представления;
- 4) эмоциональный компонент значения;
- 5) оценочный компонент значения;
- 6) стилистический аспект;
- 7) реализацию сочетательных потенций исходного слова.

Задание 9. Установите, результаты применения какого метода лингвокультурологии иллюстрирует приведенная таблица. Аргументируйте свой ответ.

	Дискурс Б. Обамы	Графика
Бог		Мессия Пророк Мухаммед
Человек	путник семьянин помощник борец с внутренними пробелами человек, открытый миру строитель врач продавец	путник странный муж боец, боец с внутренними проблемами человек открытый миру врач продавец (+аукционист) строитель спортсмен игрок (в азартные игры), в том числе и неудачливый неудачник (алкоголик, калека, дурак, обманутый, бедняк) обманщик циркач мечтатель ребенок супермен вампир

		плохой солдат самоубийца высокомерный тип чернорабочий мот повар цензор музыкант
Природа		животное (обезьяна, конь, мышь) растение птица (утка, голубь) пресмыкающееся (змея) солнце
Артефакты		кукла (марионетка, робот, статуя)

Задание 10. Установите соответствие содержания левого и правого столбцов.

<i>Аккультурация</i>	аспект преподавания иностранного языка, который предусматривает аккультурацию адресата в процессе обучения языку
<i>Антропология</i>	выявление значения слова
<i>Архетип</i>	древнее народное сказание о легендарных героях, богах, о происхождении явлений природы
<i>Безэквивалентные слова</i>	знания, потенциально присутствующие в сознании человека и той общности людей, к которой данный индивид принадлежит
<i>Заполнение лакун</i>	лакуны, связанные с невербальными средствами коммуникации
<i>Интенционал в семантике</i>	наука, изучающая общие проблемы культурного развития человечества
<i>Кинесические лакуны</i>	наука, изучающая проблемы взаимодействия культуры и языка в процессе его функционирования
<i>Компенсация</i>	общепринятый порядок, традиционно установившиеся правила общественного поведения
<i>Лингвокультурология</i>	первичная форма, образец

<i>Лингвострановедение</i>	процесс раскрытия смысла некоторого понимания, принадлежащего незнакомой реципиенту культуре
<i>Миф</i>	процесс устранения лакуны путём введения в текст в той или иной форме специфического элемента культуры реципиента
<i>Обряд</i>	слова, лексические понятия которых являются межъязыковыми
<i>Обычай</i>	слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями
<i>Паремнологический фонд</i>	совокупность пословиц и поговорок
<i>Семантизация</i>	совокупность предметов внешнего мира, которые определяются совокупностью признаков слова
<i>Символ</i>	совокупность семантических признаков слова
<i>Традиция</i>	совокупность установленных обычаев действий, в которых воплощаются какие-либо религиозные представления или бытовые традиции
<i>Фоновые знания</i>	то, что перешло от одного поколения к другому, что унаследовано от предшествующих поколений (вкусы, взгляды, идеи и т. п.)
<i>Эквивалентные слова</i>	то, что служит условным обозначением какого-нибудь понятия, чего-нибудь отвлеченного
<i>Экстенционал в семантике</i>	усвоение человеком, выросшим в одной национальной культуре, существенных фактов, норм и ценностей другой национальной культуры

Тема 2

ТЕОРИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

1. Лингвокультурное моделирование картины мира / фрагмента картины мира.
2. Прецедентные феномены.
3. Система стереотипов.
4. Понятие фрейма.

Задание 1. Составьте глоссарий вопроса «Лингвокультурное моделирование картины мира»

Во второй половине XX века в ряду новых научных парадигм интеграционного образования особо привлекательной и загадочной оказалась лингвистическая синергетика. Ее важнейшей задачей является междисциплинарное моделирование динамической картины мира – предмета философии, психологии, культурологии и лингвистики. Главными идееносителями разрабатываемой теории выступают понятия «модель мира», «образ мира», «языковая картина мира» и «языковое сознание».

Понятие «картина мира», впервые использованное Л. Витгенштейном в философских трактатах, в лингвосомиотику перенес Лео Вайсгербер. И с того времени оно стало предметом спора и в философии, и в лингвистике. К сожалению, не обретя строго терминологического значения, словосочетание *картина мира* нередко употребляется в качестве научной метафоры с размытым и завуалированным содержанием. И тем не менее оно не теряет своей привлекательности, прежде всего для исследователей так называемого человеческого фактора в языке. Для получения статуса истинно терминологического значения в его содержании необходимо отразить, по крайней мере, три синергетически связанных момента: а) когнитивную составляющую понятия «картина мира», б) ее интерпретационный потенциал и в) семиотическую природу.

Когнитивная сущность данного понятия заключается в том, что оно является обобщенным (итоговым) результатом отражения физической картины мира (ФКМ) в коллективном сознании того или иного сообщества. При этом отражение действительности представляет собой не зеркальное отображение, а результат двуединого процесса – логического и чувственного познания, что и определяет его творческий, преобразующий и интерпретирующий характер, представленный в картине мира социума (КМ).

Преобладание первого или второго аспекта познания обуславливает семиотическую природу средств репрезентации понятия «картина мира». Здесь следует исходить из того, что это нерасчлененный «логико-словесный конструкт» (Г.А. Брутян). Но в исследовательских целях такой нерасчлененный конструкт целесообразно представить в виде двух относительно самостоятельных картин – логической (ЛКМ) и языковой (ЯКМ). В основе ЯКМ лежит достаточно спорная категория – языковое сознание. Так ли это? Попытаемся найти «разумные основания» их сосуществования. Особенно это важно для когнитивно-дискурсивного исследования. С одной стороны, оно позволяет осмыслить истинную роль языка в структурировании единой КМ, а с другой – выявить смыслогенерирующую функцию мыслительных операций в процессе формирования семантики типологически разных языковых знаков (слов, фразеологизмов, паремий и т.п.), т.е. знаков прямой и непрямой (вторичной и косвенно-производной номинации).

Синергетика ФКМ, ЛКМ и ЯКМ порождается сложными и неоднозначными отношениями. Поскольку они выделяются условно в едином логико-лингвальном конструкте, их расхождение одновременно и минимально, и значимо. Изображение их в виде трех эйлеровских кругов и наложение друг на друга показывает, что отдельными своими частями они совпадают. Особенно это очевидно при наложении на ЛКМ нескольких ЯКМ: ЛКМ оказывается общей для всех сопоставляемых ЯКМ. И все же за пределами этих совпадений существуют весьма существенные по своей национально-культурной специфике зоны, что имеет исключительно важное значение для понимания природы языковой семантики в целом и косвенно-производной семантики в частности.

С точки зрения когнитивной лингвистики, важно выяснить характер информации, представляющей в языковой семантике соответствующие элементы ЛКМ и ЯКМ. Иногда утверждают, что ЛКМ продуцирует логическую семантику, а ЯКМ – языковую. На наш взгляд, генератором и носителем как логической (универсальной), так и идиоэтнической информации является язык, точнее, языковая семантика. При этом следует помнить, что соотношение в семантической структуре универсального и идиоэтнического обуславливается характером когнитивной категории, лежащей в основе семантики языкового знака, что, в свою очередь, определяет тип языкового знака.

Логико-предметное содержание элементов ЯКМ соотносится с *понятиями*, а экспрессивно-образное и эмотивно-оценочное содержание ЯКМ генетически связано с *представлениями*. Первые вербализованы терминами, терминосочетаниями и прямо-номинативной лексикой, а вторые – знаками вторичной и косвенно-производной номинации (метафорами, фразеологизмами, паремиями). Первые – суть

объективно формируемого сознания, вторые представляют собой элементы субъективно сложившегося обыденного сознания, отфильтрованные в идиоэтническом десигнате соответствующего языкового знака.

Особую культурологическую значимость имеют те языковые знаки, в основе которых лежат когнитивные категории, совмещающие в себе универсальные и идиоэтнические обобщения действительности, реальные и ментальные (возможные) миры. Знания о реальном мире образуют такие разновидности ЛКМ, как физическая, натуралистическая, геополитическая картины мира и др. Знания об идиоэтнических, по своей сути ментальных, мирах образуют ЯКМ – своеобразную сферу существования культуры. Formой существования культуры служат особые ментальные образования – концепты, которые формируются в результате своеобразного членения ЯКМ на некие микромиры, соответствующие всем возможным ситуациям, известным человеку и поэтому называемым «возможными мирами». Им соответствует семасиологическое понятие «семантика возможных миров», где основной единицей выступает *слово-концепт* – имя того или иного семантического поля и тот речемыслительный эпицентр, вокруг которого порождается дискурс.

Таким образом, концептообразовательные возможности дискурса обуславливаются самой его природой: образование дискурса обычно концентрируется вокруг некоторого общего понятия, в результате чего создается определенный смысловой контекст, включающий в себя информацию о субъекте / – ах речемышления, объектах, обстоятельствах и о пространственно-временных координатах. Исходной структурой дискурса служат последовательно выстроенные элементарные пропозиции, связанные между собой логическими отношениями конъюнкции (объединения с помощью логического союза «и»), дизъюнкции (объединения с помощью логического союза «или») и т. п. Элементами дискурса являются уже упомянутые события, их участники, перформативная информация и обстоятельства, сопровождающие события. За дискурсом, следовательно, стоит особый мир. Более того, по Ю.С. Степанову, дискурс – это один из «возможных миров» многосложной структуры.

С точки зрения структуры, дискурс, как справедливо полагает И.П. Сусов, – двустороннее образование, имеющее план выражения и план содержания. План выражения дискурса представляет собой связную последовательность языковых единиц, созданную в определенное время в определенном месте с определенной целью. Дискурсивным этносознанием в означаемом дискурсе выделяются ключевые слова-концепты, вобравшие в себя смысловую и экспрессивно-оценочную энергетику всего коммуникативного события. Именно эти слова-

концепты становятся, как правило, смысловым центром образования культурно маркированных знаков. Значения же таких знаков заключают в себе свернутые модели дискурсивной деятельности. План содержания дискурса образуют его семантика и прагматика. Семантическая структура дискурса представляет собой триединство следующих аспектов: а) реляционного, отражающего строение факта в виде признаков отношений между предметами; б) референциального, соотносящего аргументы пропозиции с предметами; в) предикационного, фиксирующего приписываемые семантическому субъекту признаки.

В результате сложнейших лингвокогнитивных преобразований дискурса (редукции и перестройки плана выражения, с одной стороны, и образной конденсации плана содержания в процессе образования новых метафорических концептов – с другой) лингвокреативное мышление способно породить знаки не только номинативно-производной, но и косвенно-производной номинации (метафорические сравнения, метафорические и метонимические сочетания, фразеологизмы). Возникнув в определенном дискурсивном пространстве, они характеризуются единой логико-культурно-языковой синергетикой, что выражается в асимметрическом дуализме формы и содержания, когда *смысловое содержание означаемого знака не вытекает непосредственно из линейно организованного смысла означающего*. Асимметрический дуализм знаков косвенной номинации обуславливается самой их генетической природой: они порождаются потребностью речемышления в образно-прагматических средствах – в вербализации чувств, эмоциональных оценок, способов эмоционального воздействия, ярких и метких характеристик человека, предметов и явлений.

Когнитивная сущность дискурсивного знакообразования впервые была определена М. Лацарусом и А.А. Потебней как «сгущение мысли», когда появление на основе дискурсивного мышления новой внутренней формы и сама апперцепция в формирующемся знаке «сгущает чувственный образ, заменяя все его стихии одним представлением...». При этом происходит ослабление или даже забвение внутренних форм слов и их дискурсивного переосмысления.

В результате таких дискурсивно-когнитивных преобразований развивается несоответствие означаемого означающему дискурсивно обусловленного сочетания. В соответствии с концепцией структурной асимметрии языкового знака Ш. Балли, при возникновении знака косвенно-производной номинации нарушение взаимно однозначных отношений между означаемым и означающим дискурса приводит к их асимметрии.

Синтагматическая асимметрия проявляется в том, что целостная мыслительная структура (концепт, гештальт, фрейм) представляется в

знаках образной номинации, как правило, расчлененно, в виде многокомпонентного означающего. Ср.: *тише воды, ниже травы* – робкий (стеснительный, скромный, незаметный); *одним миром мазаны* – одинаковы. Парадигматическая синтагматика знака приводит к несоответствию ее смыслового содержания означающему (в его прямономинативном восприятии). Например: *открывать Америку* – говорить, сообщать то, что всем давно известно (насмешливо, пренебрежительно); *рубить сплеча* – поступать необдуманно, сгоряча; говорить резко, грубо. Такого рода знаки можно рассматривать как лингвокультуремы особого рода. Что они представляют собой?

Лингвокультурема есть единица лингвокультурологии. Ее отличие состоит в парадоксальном, на первый взгляд, устройстве, сущность которого можно раскрыть при помощи популярного ныне рекламного выражения «два в одном». Обозначающим культуремы является языковой знак в его билатеральном (двустороннем) единстве, а обозначаемым – именуемая реалья: номинируемый фрагмент действительности, предмет или ситуация. Под обозначаемым культуремы понимается все то, что относится к культуре: артефакты (лат. *arte* искусственно + *factus* сделанный), т. е. искусственно изготовленные предметы, функции, обычаи, речеповеденческие тактики и этнокультурно-прагматические ситуации.

Асимметрия культурам обнаруживается при их сопоставлении в разных лингвокультурах, когда синтагматические и парадигматические несоответствия проявляются между знаками и обозначаемыми реальями. Особенно важно (хотя и крайне сложно!) выявить структурную асимметрию культурем в близкородственных лингвокультурах. Ср.: рус. *мелкая сошка* – незначительный человек, с которым никто не считается; никудышный человек; блр. *абсеваку полі* – ничего не стоящий человек, хуже других, заслуживающий презрения; укр. *не вартій (ломаного) гроша (шага, шеляга, фунта, клочья)* – никчемный, хуже всех. В иной коммуникативно-прагматической ситуации, когда требуется выразить иронически-презрительное отношение к человеку, который сам о себе много мнит, переоценивает свое общественное положение, в русской лингвокультуре используется идиома *ишишка на ровном месте*, а в украинской – *чи й не пуп землі* или *не велике цабе* (*чи й не цабе*), где *цабе* – погонный окрик для быков, запряженных в телегу.

Как видим, не прямые номинации обладают языковыми, когнитивными и культурными признаками. Они сохраняют (в явном или скрытом виде) синергетику генетического родства с дискурсом (событийным текстом, ситуацией), ее породившим. Их когнитивную сущность определяют: (а) способность кодировать и сохранять знания; (б) герменевтическая функция трансформировать, интерпретиро-

вать и обогащать исходную информацию; (в) концептуализация и категоризация вербализованного мира.

Культурный компонент знаков непрямого номинации создается их семиотичностью, символичностью и связью с этнокультурным сознанием народа. Культурно-прагматическое содержание дискурса включает в себя достаточно широкий смысловой спектр: интенциональный, ориентационный (дейктический), пресуппозиционный, импликационный, экспрессивно-оценочный, субкодовый (функционально-стилистический), модальный и коммуникативно-информационный (фокальный) компоненты, которые, собственно, и определяют коммуникативно-прагматические свойства языковых знаков и, соответственно, своеобразие языкового сознания и ЯКМ.

Таким образом, в процессе лингвистического моделирования КМ выстраивается следующая синергетическая пирамида когнитивно-дискурсивного характера:

ФКМ – типовая ситуация (этномикромир) – (картина мира)
КМ – дискурс – культурема – концепт – языковое сознание (ЯС) – (языковая картина мира) ЯКМ.

Картина мира (КМ) в ряду названных понятий выступает основополагающим понятием при исследовании взаимоотношений человека с окружающей действительностью, рассматривается как компонент его мировидения, является результатом общечеловеческого и индивидуального знания о мире. Общечеловеческая КМ опирается на эмпирический и теоретический материал, устоявшиеся философские представления и принятую систему знаний. Индивидуальная КМ складывается в процессе освоения человеком знаний о мире, накопления индивидуального опыта, является результатом различных влияний.

Обыденная картина мира может быть коллективной и индивидуальной. Современная картина мира представлена системой естест-

венных, общественных и гуманитарных знаний о природе, обществе и человеке, объективирующей определенный ее сегмент присущими ей способами.

Наряду с понятием *картина мира* используется понятие *модель мира*, которая понимается как «сетка координат», при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира в своем сознании. Следуя логике таких рассуждений, можно предполагать, что «сетка координат» может быть одинаковой у разных людей, но КМ, создаваемая ими в этих рамках, будет различна, что определяется различными экстралингвистическими факторами (коммуникативными, когнитивными, прагматическими, социокультурными), влияющими на ее формирование.

Физическую картину мира рассматривают лишь как один из способов описания мира. Понимая, что мир не фрагментарен, каким представляется в физической КМ, а многообразен, многолик, сложен, следует говорить, что, наряду с физическим, существует натуралистическое представление о природе.

С понятием *картина мира* и *модель мира* соотносится введенное А.Н. Леонтьевым понятие *образ мира*, рассматриваемое как отображение предметного мира в психике человека (Леонтьев, 1983). Образ мира – это целостное единство взаимосвязанных образов действительности, отображающих в этнокультурном сознании определенное восприятие мира. Этнокультурный образ мира обуславливается особой матрицей, сеткой координат, сквозь которую народ воспринимает и интерпретирует окружающую его действительность. Всеобъемлющей характеристикой образа мира можно считать, на наш взгляд, высказывание В.И. Постоваловой, в работе которой специально не акцентируется внимание на разграничении понятий «картина мира» и «образ мира»:

«Человек ощущает мир, созерцает его, постигает, познает, осмысляет, интерпретирует, отражает и отображает, пребывает в нем, воображает, представляет себе «возможные миры». Образ мира возникает в различных актах мироощущения, мирочувствия, мирозерцания, мировосприятия, мировидения, миропонимания, миропредставления, мирооценки, мироуяснения, в актах переживания мира как целостности. А.А. Леонтьев в книге «Деятельный ум» характеризует взгляды различных ученых (А.Н. Леонтьева, С.Д. Смирнова, Е.Ю. Артемьевой и др.), представляющих образ мира как самоотражение мира, систему прогнозов и экстраполяции, интегратор следов взаимодействия человека (и человечества!) с объективной действительностью. Ученый приходит к заключению, что в образе мира переплетаются непосредственное ситуативное отображение действительности и сознательное (рефлексивное)».

А.А. Залевская, по мнению которой «картину мира нельзя отождествлять с образом мира», считает, что «образ мира как достояние индивида симультанен, голографичен и многолик, функционирует на разных уровнях осознаваемости при обязательном сочетании «знания» и «переживания» и лишь в неполной мере поддается вербальному описанию».

Осознавая, что дифференциация понятий *картина мира* и *образ мира* возможна лишь в научных целях, мы, основываясь на их характеристиках, считаем, что понятие *картина мира* шире понятия *образ мира*. Образ мира – это больше, чем представления о мире, связанные с когнитивным опытом, рефлексией, эмоциональными переживаниями индивидуума, куда входят размышления об отдельных явлениях, выражается согласие или несогласие с чем-либо, проявляется интуиция и т. д. Образ мира складывается в процессе всей жизни человека, его отношений с природой и обществом. Это действующая, пульсирующая картина мира, способная изменяться в результате работы «деятельного ума», это систематизированная совокупность образов, через которые осознается не только сам мир, но и характер ценностей, особенности миропонимания, оценка событий, объектов отображаемой действительности субъектом.

Соотношение понятий *модель мира – картина мира – образ мира* прокомментируем следующим образом. Модель мира представляет собой схему, которая заполняется отображенными в сознании объектами окружающей действительности, другими словами, включает содержание картины мира. В процессе работы «деятельного ума» фрагменты образного мира переплетаются, строятся новые догадки, появляются неожиданные ассоциации, производятся срезы современных знаний и т. д. В результате меняется рельеф образа мира, расширяется картина мира, а значит, изменяется ее каркас, модель мира. И так далее, по спирали.

Ядром образа мира является *научная картина мира*. В отличие от образа мира, который составляют научные и ненаучные знания и представления о мире, научная картина мира выступает формой систематизации научных знаний, признанных определенными научными сообществами (С.В. Ракитина).

С точки зрения когнитивной лингвокультурологии, ядро (инвариант) «образа мира» составляют языковые значения, единые для всего этнокультурного сообщества. В основе семантического пространства родного языка, которым человек овладевает с раннего детства, лежит целостный образ этнокультуры. Состоит он из двух взаимосвязанных слоев: *бытийного*, включающего чувственные образы и обыденную предметную деятельность, осуществляющуюся, как правило, бессознательно, и *рефлексивного* (см.: Зинченко, 1991), сознательного,

поскольку он включает значение и смысл языковых знаков, именуемых познаваемые предметы и явления культуры.

Представление о модели мира, описание картины мира, отображение образа мира происходит с помощью зафиксированных, хранящихся определенным сообществом или индивидуумом знаний, объективированных в языке. Такая совокупность знаний о мире, запечатленных номинативными, грамматическими, функциональными и другими средствами языка, соотносится с распространенным в лингвистических исследованиях понятием «языковая картина мира» и рассматривается Е.С. Кубряковой как особое образование, участвующее в познании мира, задающее образцы интерпретации воспринимаемого в динамической ретроспективе. В русле такого подхода рассматривает эту категорию и А. Киклевич: «Каждая ЯКМ должна быть соотнесена с определенным историческим контекстом, а теория ЯКМ должна быть дисциплиной диахронической». Понимание ЯКМ как диахронической категории позволяет обсуждать проблему этнокультурной специфики слова.

Задание 2. Определите, о какой картине мира идет речь.

1. Осмысливает мироздание в плане взаимоотношений человека и мира во всех ракурсах – онтологическом, познавательном, ценностном и деятельностном. Эти картины мира не похожи одна на другую. Для этой картины мира свойственен теоретический способ освоения мира. Этот способ характеризуется тем, что человек познает мир в понятиях, умозрительно (в мысли, в слове). Это знание живого человека, поэтому наряду со знанием о мире эта картина мира отражает и формирует ценностное отношение к нему.
2. Обобщает опыт людей по определению границ и соотношения повседневной эмпирии и потустороннего. Земное и небесное, человеческое и божественное – предмет размышлений человека. Причем тот мир, мир божественного, определяет людей и в их физическом бытии, и в бытии духовном. Центральный пункт этой картины мира – образ Бога (богов) как высшей истинной реальности. Она выражает иерархическую упорядоченность сотворенного Богом мира и место человека в нем, в зависимости от его отношения к Богу.
3. Складывается в результате синтеза объективных знаний и содержит общие представления о мире, вырабатываемые на соответствующих стадиях исторического развития. В этом значении ее именуют общей картиной мира, которая включает представления как о природе, так и о жизни общества. Это целостная система представлений об общих свойствах и закономерностях действительности, построенная в результате обобщения и синтеза фундаментальных понятий и принципов, а также методология полу-

чения научного знания. В процессе развития знания происходит постоянное обновление идей и концепций, более ранние представления становятся частными случаями новых теорий.

Какие еще картины мира не нашли отражения в приведенных описаниях?

Определите их существенные характеристики.

Задание 3. Создайте модель фрагмента языковой картины мира «Природа» из приведенных конструктов.

<i>Временные зоны</i>		
<i>прошлое = опыт</i>	<i>настоящее = происходящее</i>	<i>будущее = ожидания</i>

Климат, ландшафт, время суток; флора и фауна; физиологические потребности (необходимые для поддержания жизни); угрозы для жизни; сексуальный опыт; более старший возраст генетическое наследование (физические особенности); темперамент, особенности характера; погодные и природные условия, экология; дата рождения; воспоминания о полученных физических чувствах, болезнях, болевых ощущениях, периодах более раннего возраста; прогноз погоды, идеальное место для жизни; смерть; потребность в размножении; состояние здоровья, красота, внешность; настроение; текущая солнечная и лунная активность, испытываемое чувство (физическое); самочувствие; текущий возраст; смена сезона, продолжение рода; хронические заболевания; поднятие настроения; расположение планет (солнца, луны); ожидаемое чувство (физическое); страх боли, ран.

Задание 4. Создайте модель фрагмента языковой картины мира «Человек» из приведенных конструктов.

<i>Временные зоны</i>		
<i>прошлое = опыт</i>	<i>настоящее = происходящее</i>	<i>будущее = ожидания</i>

Бывшие друзья; родной язык; семейные ценности, род, влияние семьи; опыт жизни в деревне, городе, вышедшее из моды; дистанция с прежним социальным окружением; уже не интересное; социальный

статус; национальность, родина; угрозы; новые знакомства; новые языки; новые члены семьи; пожелания по социальному окружению в идеальном месте для жизни; нормы поведения в обществе; желание понравиться, ожидаемое чувство; данные обязательства; тренды; неизвестность; опыт самореализации; круг общения; язык общения; семья; условия жизни (деревня, город, мегаполис); социальные нормы, система общественного управления; испытываемое чувство (социальное); выполнение обязательств; мода; дистанция с текущим социальным окружением; увлечения, интересы; соответствие социальному статусу; страна проживания; безопасность; известность, признание; самоактуализация; дистанция с идеальным социальным окружением; интересное, но недоступное; более высокий социальный статус; мегаполисе; социальное наследование (обычаи, традиции и ритуалы); прошлое чувство (социальное); выполненные обязательства; желание жить в другой стране; интересное, но недоступное; уважение; самореализация.

Задание 5. Создайте модель фрагмента языковой картины мира «Культура» из приведенных конструктов.

<i>Временные зоны</i>		
<i>прошлое = опыт</i>	<i>настоящее = происходящее</i>	<i>будущее = ожидания</i>

Гендерные различия; изучаемое; вера; современность; субкультура; прослушиваемое; просматриваемое; читаемое; используемые вещи; профессия/занятость; досуг; логика / эмоции, представления о силе и слабости; образовательный уровень; представление о жизни после смерти; скорость изменений в обществе; другие культуры и субкультуры; любопытное для прослушивания; любопытное для просмотра; любопытное для чтения; новые технологии; новая специальность; планируемые события; интерес к пониманию, желание узнать истину; полученное образование; религия, представление о боге; историческая эпоха; культурное наследие; прослушанное; просмотренное; прочитанное; использованные вещи; квалификация, профессиональный опыт; увлечения, интересы.

Задание 6. Найдите в тексте лингвокультурологические единицы, характеризующие русскую национальную языковую картину мира.

Таков мирный уголок, где вдруг очутился наш герой.

Небо там ближе жметя к земле, но не с тем, чтоб метать сильнее стрелы, а разве только, чтоб обнять ее покрепче, с любовью: оно

распростерлось так невысоко над головой, как родительская надежная кровля, чтоб убересть, кажется, избранный уголок от всяких невзгод.

Солнце там ярко и жарко светит около полугода и потом удаляется оттуда не вдруг, точно нехотя, как будто оборачивается назад взглянуть еще раз или два на любимое место и подарить ему осень, среди ненастья, ясный, теплый день.

Горы там как будто только модели тех страшных где-то воздвигнутых гор, которые ужасают воображение. Это ряд отлогих холмов, с которых приятно кататься, резвась, на спине или, сидя на них, смотреть в раздумье на заходящее солнце.

Река бежит весело, шая и играя; она то разольется в широкий пруд, то стремится быстрой нитью, или присмирееет, будто задумавшись, и чуть-чуть ползет по камешкам, выпуская из себя по сторонам резвые ручьи, под журчанье которых сладко дремлет.

Весь уголок верст на пятнадцать или двадцать вокруг представляет ряд живописных этюдов, веселых, улыбающихся пейзажей. Песчаные и отлогие берега светлой речки, подбирающийся с холма к воде мелкий кустарник, искривленный овраг с ручьем на дне и березовая роща – все как будто было нарочно прибрано одно к одному и мастерски нарисовано.

Измученное волнениями или вовсе незнакомое с ними сердце так и просится спрятаться в этот забытый всеми уголок и жить никому не ведомым счастьем. Все сулит там покойную, долговременную жизнь до желтизны волос и незаметную, сну подобную смерть.

Правильно и невозмутимо совершается там годовой круг.

По указанию календаря наступит в марте весна, побегут грязные ручьи с холмов, оттаит земля и задымится теплым паром; скинет крестьянин полушубок, выйдет в одной рубашке на воздух и, прикрыв глаза рукой, долго любуется солнцем, с удовольствием пожимая плечами; потом он потянет опрокинутую вверх дном телегу то за одну, то за другую оглоблю или осмотрит и ударит ногой празднично лежащую под навесом соху, готовясь к обычным трудам.

Не возвращаются внезапные вьюги весной, не засыпают поля и не ломают снегом деревья.

Зима, как неприступная, холодная красавица, выдерживает свой характер вплоть до указанной поры тепла; не дразнит неожиданными оттепелями и не гнет в три дуги неслыханными морозами; все идет обычным, предписанным природой общим порядком.

В ноябре начинается снег и мороз, который к Крещенью усиливается до того, что крестьянин, выйдя на минуту из избы, воротится непременно с инеем на бороде; а в феврале чуткий нос уже чувствует в воздухе мягкое веянье близкой весны.

Но лето, лето особенно упоительно в том краю. Там надо искать свежего, сухого воздуха, напоенного – не лимоном и не лавром, а просто запахом полыни, сосны и черемухи; там искать ясных дней, слегка жгучих, но не палящих лучей солнца и почти в течение трех месяцев безоблачного неба.

Как пойдут ясные дни, то и длятся недели три-четыре; и вечер тепел там, и ночь душна. Звезды так приветливо, так дружески мигают с небес.

Дождь ли пойдет – какой благотворный летний дождь! Хлынет бойко, обильно, весело запрыгает, точно крупные и жаркие слезы внезапно обрадованного человека; а только перестанет – солнце уже опять с ясной улыбкой любви осматривает и сушит поля и пригорки: и вся страна опять улыбается счастьем в ответ солнцу.

Радостно приветствует дождь крестьянин: «Дождичек вымочит, солнышко высушит!» – говорит он, подставляя с наслаждением под теплый ливень лицо, плечи и спину.

Грозы не страшны, а только благотворны там: бывают постоянно в одно и то же установленное время, не забывая почти никогда Ильина дня, как будто для того, чтоб поддержать известное предание в народе. И число и сила ударов, кажется, всякий год одни и те же, точно как будто из казны отпускалась на год на весь край известная мера электричества.

Ни страшных бурь, ни разрушений не слыхать в том краю.

В газетах ни разу никому не случилось прочесть чего-нибудь подобного об этом благословенном богом уголке. <...>

Бог знает, удовольствовался ли бы поэт или мечтатель природой мирного уголка. Эти господа, как известно, любят засматриваться на луну да слушать щелканье соловьев. Любят они луну-кокетку, которая бы наряжалась в палевые облака да сквозила таинственно через ветви дерев или сыпала снопы серебряных лучей в глаза своим поклонникам.

А в этом краю никто и не знал, что за луна такая, – все называли ее месяцем. Она как-то добродушно, во все глаза смотрела на деревни и поле и очень походила на медный вычищенный таз.

Напрасно поэт стал бы глядеть восторженными глазами на нее: она так же бы простодушно глядела и на поэта, как круглолицая деревенская красавица глядит в ответ на страстные и красноречивые взгляды городского волокиты. <...>

Как все тихо, все сонно в трех-четырех деревеньках, составляющих этот уголок! Они лежали недалеко друг от друга и были как будто случайно брошены гигантской рукой и рассыпались в разные стороны, да так с тех пор и остались.

И.А. Гончаров. «Обломов»

Задание 7. Установите соответствия.

<i>Прецедентные феномены</i>		
<i>социумно-прецедентные</i>	<i>национально-прецедентные</i>	<i>универсально-прецедентные</i>

1. Известные любому среднестатистическому представителю определенного национально-лингвокультурного сообщества, например; носителю русского языка не надо объяснять смысл фразы «Она ведет себя как тургеневская девушка. Такие феномены могут быть непонятными представителям иной культуры
2. Известные любому среднестатистическому представителю современной цивилизации: упоминание Наполеона; Гамлета или Бейкер Стрит будет понятно любому образованному человеку вне зависимости от его социумной или национальной принадлежности
3. Известные любому среднестатистическому представителю определенного социума; которые могут и не зависеть от общенациональной культуры, например; общие для всех юристов «профессиональный социум» или для всех православных «конфессиональный социум». В среде работников СМИ прецедентным является слово морда как главная страница интернет-издания; «повесить на морду» означает расположить новость на главной странице сайта

Задание 8. Проиллюстрируйте примерами классификацию прецедентных феноменов.

<i>Прецедентные феномены</i>		
<i>социумно-прецедентные</i>	<i>национально-прецедентные</i>	<i>универсально-прецедентные</i>

Каин и Авель, петь Лазаря, змей-искуситель, Фома Неверующий (Thomas), tabula rasa, vide supra, ibid., op.cit, ultima ratio, casus belli, per se, pro et contra, ab initio, in vivo, ad hoc, in vitro, in situ, улыбка Джонконды, «Троица» Рублева, Статуя Свободы, Колумб, Иван Сусанин, Данко, Прометей, William the Conquer, Martin Eden, David Copperfield, Judas kiss, поцелуй Иуды, 30 сребренников, как швед под Полтавой, Мамаево побоище, Свобода, равенство, братство, Пролетарии всех стран, объединяйтесь! We, the people..., Только без рук! Студентка, комсомолка, спортсменка, “Kings Arthur and his Knights”. Shakespeare, W.Blake, E.Dickinson, «Очи черные».

Задание 9. Установите источники прецедентных текстов (лозунги советского времени, литературные цитаты и т.д.).

Великий и могучий, Болтун – находка для шпиона, Не думай о «Газелях» свысока, Ветеран - это звучит гордо, Вся наша жизнь – бюджет, Закон – dura, А воз и ныне там, Собака бывает кусачей, Первый шаг - он трудный самый, Все флаги в гости, Комар носа не подточит, Не спи, а то зарежут, Важней всего погода в доме, Зачем вы, девушки, парней ругаете?, В полку КВН прибыло, Ну, за ВВП, Девушки предпочитают колючки, Естественно, но безобразно.

Задание 10. Установите типы феноменов, характеризующих русскую национальную картину мира, в соответствии с классификацией В.В. Красных.

мужик-лапотник	самовар	соха
лапти	русская баня	добрая, преданная со-
балалайка	гармошка	бака
русская рулетка	печь – печка	стенка на стенку
изба	сарафан	ярмарка
коромысло	терем	родственники
хоромы	водка	пашня
блины	самогон	селедка
хлеб, каравай	соленые огурцы	пирог
хлеб да соль	сушки	тещины блины
картошка в мундире	пряники	щи
каша	даль бескрайняя	береза, березовая роща
мороз	корова – коровушка	степь
просторы	сугробы	страда
соловей	Христос воскрес!	воробей
ромашки	простота хуже воров-	кто с мечом к нам
Жди меня, и я вер-	ства	придет, от меча и
нусь!	каша из топора	погибнет
Умом Россию не по-	Вставай, страна огром-	домострой
нять, аршином об-	ная, вставай на	Война и мир
щим не измерить	смертный бой!	анекдоты
тише едешь – дальше	былины	скоморох
будешь	Преступление и нака-	дед Мороз и снегурочка
частушки	зание	Емеля на печи
Евгений Онегин	Отче наш	Обломов
Калина красная	курочка-ряба	Родина
добрый молодец	Иван-дурак	лень
домовой	русалки	отзывчивость, доброду-
Василиса прекрасная	колобок	шие
трудолюбие	выносливость	Вера, надежда, любовь
гордость	веселье	конь
друг – дружба	гостеприимство	Есенин
щедрая душа	доброта	Петр 1
русское поле	зима – зимушка	Киса Воробьянинов
тройка	авось	царь-батюшка

Иван-да-Марья
Менделеев
Чебурашка и крокодил
Гена
Ломоносов
валенки
церковь
удаль молодецкая
коллективизм
бесшабашность

Пушкин
Гагарин
Остап Бендер
застолье
деревянные ложки
пропить последнюю
копейку
находчивость
широкая Масленица
Иваново
русая коса

избушка
хоровод
покорность судьбе
душа – духовность
Иван Сусанин
ряженые
Москва

Тема 3

КОНЦЕПТОСФЕРА РУССКОГО ЯЗЫКА

1. Ключевые концепты (константы) русской культуры.
2. Общность концептосфер русского и белорусского языков как языков одного «лингвокультурного типа» (Б.М. Гаспаров).
3. Концепция лингвокультурной общности восточнославянских языков.
4. Интерпретация концептов с лингвистической точки зрения.

Задание 1. Разработайте структуру презентации и наполнение ее слайдов, используя приведенный материал.

С. Г. Воркачев

ПОСТУЛАТЫ ЛИНГВОКОНЦЕПТОЛОГИИ

Общая направленность лингвистической науки на установление соответствий между структурой универсальных логических и специфических языковых (главным образом грамматических) категорий с антропоцентрической переориентацией парадигмы гуманитарного знания сменилась направленностью на выявление различий семантики инвариантных категорий философии и психологии и их вариативных реализаций в лексике конкретных этнических языков.

«Концепт» в лингвокультурологических текстах – это вербализованный культурный смысл, и он «по умолчанию» является *лингвокультурным* концептом (лингвоконцептом) – семантической единицей

«языка» культуры, план выражения которой представляет двусторонний языковой знак, линейная протяженность которого, в принципе, ничем не ограничена. Определяющим в понимании лингвоконцепта выступает представление о культуре как о «символической Вселенной», конкретные проявления которой в каком-то «интервале абстракции» (в сопоставлении с инокультурой) обязательно этноспецифичны. Тем самым, ведущим отличительным признаком лингвоконцепта является его этнокультурная отмеченность. Внимание к языковому, знаковому «телу» концепта и отличает его лингвокультурологическое понимание от всех прочих.

Концепт – синтезирующее лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену представлению (образу), понятию и значению и включившее их в себя в «снятом», редуцированном виде. В качестве «законного наследника» этих семиотических категорий лингвоконцепт характеризуется гетерогенностью и многопризнаковостью, принимая от понятия дискурсивность представления смысла, от образа – метафоричность и эмотивность этого представления, а от значения – включенность его имени в лексическую систему языка.

Лингвокультурная концептология выделилась из лингвокультурологии в ходе переакцентуации и модификации компонентов в составе намеченной Эмилем Бенвенистом триады «язык, культура, человеческая личность», в которой «человеческая личность» приравнивается сознанию, точнее совокупности образующих его «сгустков смысла» – концептов.

Несмотря на то, что лингвоконцептологи к настоящему времени относительно едины в понимании объекта своего научного интереса как некоего культурного смысла, отмеченного этнической специфичностью и находящего языковое выражение, разновидности л-концептов в пределах дефиниционной формулировки постоянно растут, что не в последнюю очередь объясняется тем, что сам дефиниционный признак «этнокультурная специфика» отнюдь не однозначен и допускает множество толкований в зависимости от того, распространяется ли эта специфика лишь на семантику концепта или же она затрагивает также и способы его вербализации, в зависимости от того, как определяется статус «внутренней формы» лексических единиц, «оязыковляющих» концепт, и включается ли концепт в число формант ментальности в целом или же менталитета как части последней.

В самом первом приближении, неопределенность дефиниционного признака приводит к «узкому» и «широкому» пониманию л-концепта.

В узком «содержательном» понимании л-концепты – это «понятия жизненной философии», «обыденные аналоги мировоззренческих

терминов», закрепленные в лексике естественных языков и обеспечивающие стабильность и преемственность духовной культуры этноса.

В узком «формальном» понимании л-концепты – это семантические образования, стоящие за словами, которые не находят однословных эквивалентов при переводе на другие языки.

К л-концептам в широком «содержательном» понимании можно отнести любой вербализованный культурный смысл, в какой-то мере отмеченный этнической спецификой вне зависимости от её значимости для национального характера.

К л-концептам в широком «формальном» понимании относятся культурные смыслы, закрепленные за именем, обладающим специфической «внутренней формой» – признаком, положенным в основу номинации, в реализации которого наблюдается серийность, массовидность.

Расширение предметной области л-концептологии может идти по пути изучения социокультурной (гендерной, возрастной и пр.), дискурсной, речевжанровой и идиостилевой вариативности л-концептов, а также за счет изучения дискурсной кластеризации – их семантических объединений в определенной «области бытования».

Л-концепты относятся к числу единиц ментальности/менталитета – категорий, через которые описывается национальный (этнический) характер. Если ментальность – это способ видения мира вообще, то менталитет – набор специфических когнитивных, эмотивных и поведенческих стереотипов нации. Особенно существенно влияние на национальный характер «дублетных л-концептов», не имеющих аналогов в других языках, таких, как «правда» и «истина», «совесть» и «сознание», «воля» и «свобода» и др.

Становление л-концептологии как научной дисциплины, изучающей культурные концепты, опредмеченные в языке, и межкультурной коммуникации, занимающейся, проблемами общения языковых личностей, принадлежащих к различным культурным социумам, видимо не случайно совпадает с общей антропоцентрической переориентацией парадигмы гуманитарного знания. Предметные области л-концептологии и межкультурной коммуникации частично пересекаются: у них общий объект исследования – этнический менталитет носителей определенных естественных языков, но различные целевые установки: если интерес первой направлен на выявление лингвоспецифических характеристик этого менталитета через анализ его семантических составляющих – концептов, то интерес второй сфокусирован на преодолении лингвокультурной специфики и возможного её непонимания в межъязыковом общении.

В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин

БАЗОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ

К числу важнейших характеристик лингвокультурных концептов представляется возможным отнести следующие.

1. **Комплексность бытования.** Лингвокультурный концепт – это условная ментальная единица, направленная на комплексное изучение языка, сознания и культуры. Сознание – это область пребывания концепта, культура детерминирует концепт (концепт – ментальная проекция элементов культуры), язык – это сфера, в которой лингвокультурный концепт опредмечивается (овеществляется). Концепты могут овеществляться и в иных сферах (например, художественные концепты – в образах музыки, живописи, скульптуры, театра и кинематографии).

2. **Ментальная природа.** Лингвокультурный концепт отличается от других единиц, используемых в лингвокультурологии, своей ментальной природой. Если предлагаемая Е.М.Верещагиным и В.Г.Костомаровым (2000) логоэпистема является по сути элементом значения слова и локализуется в языке, а введенная В.В.Воробьевым (1997) лингвокультурема определяется как единица межуровневая, т.е. не имеющая определенной локализации, то концепт находится в сознании. Именно в сознании осуществляется взаимодействие языка и культуры, поэтому любое лингвокультурологическое исследование есть одновременно и когнитивное исследование.

3. **Ценностность.** Лингвокультурный концепт отличается от других ментальных единиц, используемых в различных областях науки (например, когнитивный концепт, фрейм, сценарий, скрипт, понятие, образ, архетип, гештальт, мнема, стереотип), акцентуацией ценностного элемента. Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип. Показателем наличия ценностного отношения является применимость оценочных предикатов. Если о каком-либо феномене носители культуры могут сказать «это хорошо» (плохо, интересно, скучно и т.д.), этот феномен формирует в данной культуре концепт.

4. **Условность и размытость.** Лингвокультурный концепт – это условная единица в том смысле, что сознание синкретично и его членение производится в исследовательских целях. Концепт группируется вокруг некой «сильной» (т.е. ценностно акцентированной) точки сознания, от которой расходятся ассоциативные векторы. Наиболее актуальные для носителей языка ассоциации составляют ядро концепта, менее значимые – периферию. Четких границ концепт не имеет.

Языковая единица, которой актуализируется центральная точка концепта, служит именем концепта.

5. Изменчивость. В ходе жизни языкового коллектива актуальность концептов (т.е. интенсивность оценки) может меняться. Концепт даже может менять оценочный знак с отрицательного на положительный или с положительного на отрицательный. Меняются также образная и понятийная (фактуальная) составляющие концепта. Так, в советское время в русский лингвокультурный концепт «инженер» входил не только признак «специалист с высшим техническим образованием», но и признак «долго учившийся, но мало зарабатывающий человек».

6. Ограниченность сознанием носителя. Лингвокультурный концепт существует в индивидуальном или коллективном сознании. Можно выделить индивидуальные, групповые (социокультурные), этнокультурные и общечеловеческие концепты. Индивидуальные концепты богаче и разнообразнее, чем любые коллективные, от микрогрупповых до общечеловеческих, поскольку коллективное сознание и коллективный опыт есть условная производная от сознания и опыта отдельных индивидов, входящих в коллектив. Эта производная образуется путем редукции всего уникального в персональном опыте и суммирования совпадений.

7. Трехкомпонентность. В составе лингвокультурного концепта можно выделить ценностный, образный (образно-перцептивный и образно-метафорический) и понятийный (фактуальный) компоненты. Фактуальный компонент концепта хранится в сознании в вербальной форме (это то, как мы можем обозначить концепт, раскрыть его место в системе концептов). Образный же компонент невербален и поддается лишь описанию и интерпретации.

8. Полиапеллируемость. Существует много способов языковой апелляции к любому лингвокультурному концепту («входов в концепт»). К одному и тому же концепту можно апеллировать при помощи языковых единиц различных уровней: лексем, фразеологизмов, свободных словосочетаний, предложений. Можно использовать и невербальные средства для апелляции к определенным концептам (например, «красота», «любовь», «деньги»). В различных коммуникативных контекстах одна и та же единица может быть входом в разные концепты. Способы апелляции к одному и тому же концепту в различных культурах, как правило, различны, и это составляет основную трудность межкультурной коммуникации.

9. Многомерность. Лингвокультурный концепт многомерен. Традиционные единицы когнитивистики (фрейм, сценарий, скрипт и т.д.), обладая более четкой, нежели концепт, структурой, могут использоваться исследователями для моделирования концепта (часто

используются фреймы и концептуальные метафоры для моделирования концептов).

10. Методологическая открытость и поликлассифицируемость. Лингвокультурология – научная отрасль междисциплинарного характера, поэтому в ее рамках приветствуется использование как лингвистических, так и нелингвистических методов. Противопоставление языка и речи в рамках лингвокультурологии не является релевантным. Лингвокультурные концепты могут классифицироваться по различным основаниям, например, по тематике, по носителям, по типам дискурса, по типам транслируемости.

Верещагин, Е.М. Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция логоэпистемы / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Гос. институт русск. яз. им. А.С. Пушкина, Изд-во ИКАР, 2000. – 124 с.

Воробьев, В.В. Лингвокультурология: учебное пособие / В.В. Воробьев. – М.: Изд-во РУДН, 2008. – 340 с.

Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: дис... на соискание уч. ст. док-ра филол. наук: 10.02.19 / Г.Г. Слышкин: Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2004. – 105 с.

Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

Задание 2. Установите, какое из определений принадлежит концепту. Аргументируйте свой выбор.

- ✓ Культурно-ментально-языковое образование, сгусток культуры в человеческом сознании.
- ✓ Сформулированное представление идеального понятия, отражающее видение носителем языка окружающей действительности, которая определяется традициями данной культуры.
- ✓ Обобщенное представление о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ.
- ✓ Комплексная межуровневая единица, представляющая собой диалектическое единство лингвистического (знак, значение) и экстралингвистического (понятие, предмет). Будучи единицей более глубокого уровня, чем слово, лингвокультурема аккумулирует в себе как собственно языковое представление («форма мысли»), так и тесно связанную с ней внеязыковую культурную среду.
- ✓ Многостороннее смысловое образование, в котором можно выделить ценностную, образную и понятийную стороны.
- ✓ Обусловленные культурой основные элементы картины мира, которые обладают значимостью и для языковой личности, и для лингвокультурного сообщества.

- ✓ Упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании.
- ✓ Мироззренческая матрица, картина мира в сознании человека и его вписанность в эту картину, специфическое соотношение между рациональным и эмоциональным в совершении действий, а также между особенностью мышления национально-этнической группы по отношению к общности в целом, между стремлениями к инновациям и сохранению культурного потенциала прошлого.

Задание 3. Назовите понятия, которые входят в проблемное поле темы «*Концептосфера русского языка*». Обоснуйте свой выбор.

Антропоцентризм, гендер, идеологема, концептуальный анализ языка, культурная коннотация, культурный код, культурный концепт, ментальность, менталитет, национальный характер, мифологема, научная картина мира, национальная специфика языка, образ человека по данным языка, парадигма культурная, прагмема, субъективность языка, тезаурус культуры, «человеческий фактор» в языке, эгоцентризм языка, культурный код, культурная парадигма, языковая картина мира, языковая личность, константа культуры, концептосфера, культурная сема, культурный фон, культурный фонд, культурная универсалия, лакуна, модель мира, культурное пространство, лингвокультурный типаж, когнитивная база этноса, стереотипы, прецедентные феномены, лингвокультурный тип, тезаурус, идиолект, речевая личность.

Задание 4. Определите приведенные концепты как 1) универсальные; 2) национально-культурные. Ответ оформите в виде таблицы.

<i>Концепты универсальные</i>	<i>Концепты национальные</i>

Мир, свои-чужие, интернационализм, космополитизм, Русь, Россия, русские, родная земля, странники, изгнанники, время, язык, огонь, вода, хлеб, действие, ремесло, слово, вера, правда, истина, любовь, радость, знание, наука, софия, число, счет, письмо, алфавит, деньги, закон, двоеверие, тайная власть, цивилизация, славянофилы, западники, гражданское общество, мир, община, город, торговый посад, мещанство, интеллигенция, декадентство, толпа, человек, личность, душа, ипостась, гений, ангел, табель о рангах, совесть, нравственный закон, мораль, отцы, дети, матери, дом, уют, вечность, Кашей Бессмертный, Баба-Яга, святое, скверна, святые, праведники, черт, бес, страх, тоска, грех, блуд, грусть, печаль, абсурд, мир-театр.

Задание 5. Языковеды и культурологи практически едины во мнении, что говорящие на разных языках являются носителями так называемого единого схожего концептуального каркаса, состоящего из ряда основополагающих концептов, что обусловлено основными параметрами мира, общими свойствами восприятия человеком действительности, положением человека в жизненном пространстве и др. Таким образом, факт существования концептуальных универсалий не вызывает сомнения. Описывая базовые концепты, обладающие экзистенциальной значимостью для всего человечества, исследователи, опираются на различные основания. Назовём некоторые из них:

- представленность во всех языках/культурах;
- лексическая разработанность;
- связь с другими концептами;
- способность формировать наиболее общие, основополагающие представления о мире;
- грамматическая репрезентативность;
- семантическая неразложимость.

Пользуясь перечисленными основаниями как схемой, докажите универсальность концептов *время, пространство, место, подобие, причина, долг, истина, правда, искренность, правильность, ложь, милосердие, свобода, судьба, память, язык, человек*

Задание 6. Прочитайте словарную статью из работы Ю.С. Степанова «Константы: словарь русской культуры».

Установите этапы и механизмы формирования и описания концепта.

КАЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ. В контексте русской культуры этот – уже не только образ, но концепт – противостоит радости и красоте жизни. Иногда, особенно для не очень верующего человека, во всяком случае вне православной обрядности, в быту, это символ дьявола. Так его понимал М.М. Пришвин (роман «Кашеева цепь», – см. *ВЕЧНОЕ, ВЕЧНОСТЬ*). Но прежде всего, конечно, Кашей, Кощей – это персонаж русских сказок – главный антагонист героя, злобный старик-колдун.

Внутренняя языковая форма имени Кашей, или Кощей. В этом имени соединилось несколько слов и выражаемых ими представлений. 1) Наиболее явное, бросающееся в глаза сближение – др.-рус. *кощеи* «отрок, мальчик, младший отрок княжеский, пленник, раб» (Срезн. II, 1307); это слово, прежде всего в значении «пленник», несомненно является заимствованием из тюркских языков – *кошси* «раб, невольник». К Кашею как персонажу русского фольклора это слово имеет побочное отношение, оно как бы влилось в основной концепт,

став обозначением одной ипостаси Кашея, – той именно, когда он предстает жалким пленником, узником в какой-либо каморке, избе – вообще в грязном, заброшенном, затаянном паутиной месте, – но зато так почти во всех сказках, где фигурирует Кашей (см.: Новиков Н.В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л.: Наука, Ленингр. отдел., 1974, с. 212).

2) Возможно также еще и *касть* «пакость, мерзость, скверна» (Даль II, 95) (см. *СВЯТОЕ И СКВЕРНА*).

3) Основной концепт, конечно, связан с «костью» – ст.-сл., др.-рус. *кость* (праслав. *коз!Т); *Кощей* из прилагательного *kosti (краткая форма *kostjъ – *кощъ*) «костлявый, худой»; поскольку это прилагательное – относительное, а не качественное, то его первоначальное значение – просто «имеющий отношение к кости, к костям» (так же, как *рыбий* в отличие от *рыбный*), – в отличие от *костлявый, костистый, костяной*. В таком случае закономерная форма имени должна была бы быть **Кощий*, – но она нигде не засвидетельствована. Поэтому мы должны предположить системное преобразование **Кощий* → *Кощей* (*Кащей* – просто акающая форма того же имени), как *славий* ⇒ *соловей, книгъчий* ⇒ *книгочей* и т.п.

Однако мы выдвигаем и другую этимологию: "коз1;ь-зѣ1ь «костосей», «тот, кто сеет кости». В плане формы это слово является образованием того же типа, что *книгочей*, др.-рус. *книгъчий*, но конечное *-jъ* здесь является суффиксом при корне *sē- «сеять». Производные от этого корня с этим суффиксом в значении имени действия «сев» сохранились в литовском языке. Эта этимология в области формы легко объясняет и конечное ударение, и саму форму конечного элемента. Далее, с выпадением редуцированного *-ь-* в середине слова оно должно было принять вид *Коссей* или *Косцей*. Последняя форма действительно находится: *Косцей*. Однако есть еще и *Косте'й*, как *Иван* – *Ивантей* – *Ивантеевка*. Поэтому *Косцей* может быть просто разновидностью *Костей*, но только в западнорусском (близком к белорусскому) произношении. (Вообще, кроме названных, отмечены еще: *Кащ, Каща, Кошшуй*, а также подставные имена: *Кот Бессмертный, Козел Бессмертный, Козьолок Бессмертный, Корчун Бессмертный, Корачун*.)

В плане семантики «тот, кто сеет кости» соответствует обряду посева костей, сохраненному в русских сказках. «Так, например, в сказке рассказывается, что девушка закапывает кости коровы в саду и поливает их водой. Такой обычай или обряд действительно имелся. Кости животных почему-то не съедались и не уничтожались, а закапывались. Если бы нам удалось показать, какие мотивы восходят к подобным обрядам, то происхождение этих мотивов до известной степени уже было бы объяснено.

В настоящее время благодаря многочисленным исследованиям первобытной культуры, в частности археологическим раскопкам, мы можем объяснить этот обряд. Он связан с древнейшими представлениями о единстве человека и животного мира: человек и животные – одно великое целое, один мир, и, убивая и поедая животных, человек нарушает гармонию этого мира. Гармония должна быть восстановлена путем посева костей животных. Посеянные кости дадут всход, животные возродятся к жизни, род животных не исчезнет – в мире сохранится гармония, а у человека снова будет пища. Но именно поэтому кости нельзя ломать, рубить или сжигать. Эти представления восходят к верхнему палеолиту, как можно заключить на основании найденных аккуратно сложенных костей и, иногда отдельно, черепов. Причем в черепах опасных для человека животных, например, медведя, клыки и резцы оказываются спиленными. В настоящее время подобные обряды засвидетельствованы у гиляков на Сахалине, айнов на острове Езо в Японии и в других культурах. В европейской культуре этот обряд отражен, помимо славянской сказки, в скандинавском мифе о козлах бога Тора: после того как вечером козлов зарезали и съели, бог наутро воскресил их из костей.

Но вернемся к Кашею. Он, по-нашему предположению, и был в восточнославянской протокультуре (так как ни у западных, ни у южных славян его как «бессмертного» нет) тем лицом племени, подобным современному шаману, который ведал посевом костей, был «костосеем». А следовательно, в то же время и посредником между миром людей и миром мертвых. Поэтому в славянском фольклоре Кашей связан со смертью.

В сказках Кашей взаимозаменяем как персонаж с Бабой-Ягой (см.) и со Змеем. Но две черты отличают его от них и, напротив, сближают с предположенным нами в прототипе образом шаман-костосея: Кашей никогда не употребляет человеческого мяса, как это делают Баба-Яга и Змей, и очень тесно связан с животными.

Но – эту черту еще предстоит истолковать – животные выступают всегда помощниками противника Кашея, помощниками героя сказки, и помогают ему погубить Кашея. Животные же эти (в убывающем порядке их частотности в сказках): щука, собака, медведь, ястреб (коршун), рак, волк, сокол (кречет, соколица), баран, орел, ворон, селезень, заяц, рыба, лиса, парсюк, кошка, сова, леоедка (Новиков, с. 209).

Функция Кашея в сказках – выступать антагонистом героя, главным образом тем, что Кашей похищает его жену (или суженую), держит ее у себя и добивается ее любви. Здесь Кашей выступает аналогом греческого Аида, главы и владыки царства мертвых. Тогда по-

хищаемая женщина или девушка – аналог Персефоны, похищаемой Аидом. От имени последнего происходит ст.-сл. и рус. слово *адъ, ад*.

Но здесь возникает в сказках новый поворот сюжета о Кашее: он в конечном счете оказывается, вопреки своему имени, побежденным или вообще убитым, но смерть его достигается благодаря помощи как раз той женщины, любви которой он домогается. Она выведывает у него тайну, где хранится его смерть (в некоторых сказках – душа; т.е. применительно к Кашею «смерть» и «душа» в некотором смысле синонимы). Хранится же она вот где: «На море на океане есть остров, на том острове дуб стоит, под дубом сундук зарыт, в сундуке – заяц, в зайце – утка, в утке – яйцо, в яйце – моя смерть». Этот текст представляет собой формулу, в неизменной форме и с неизменным ритмом она повторяется в русских, украинских и белорусских сказках о Кашее.

Но иногда описание места, где хранится смерть-душа Кашея варьируется: им оказываются рога – быка, барана, коровы, козла (снова мотив кости животного), а иногда еще и короб. Мотив короба связывает сказки о Кашее с германскими и романскими народными поверьями о корзине-коробе, которая (или который) выступает символом «удачи, богатства», особенно если преподносится с символическими дарами, или же напротив – символом разрыва любовных отношений, расторгжением помолвки и даже символом штрафа, если у корзины отсутствует днище (см. «Словарь немецких народных суеверий»).

Еще одна интересная деталь: во многих сказках (иногда они даже выделяются по этому основанию в особую группу) Кашей принимает смерть от коня — либо тем, что падает с него, либо от удара копытом в лоб. Если принять гипотезу о Кашее-костосее, то эта деталь прямо соотносится с этим прототипом, но опять-таки как бы в «зеркальном», или «обратном» отражении: ведь конь никогда не убивался человеком с целью охоты или поедания. Таким образом, животное, которое никогда не убивалось нарочно, выступает прямой причиной смерти Кашея, а упомянутые выше животные, которые как раз могли быть предметом охоты и/или поедания человеком (кроме, конечно, собаки и кошки, – но это животные домашние), напротив, прямо не трогают Кашея, но помогают герою победить его. С другой стороны, и сам Кашей – нареченный Бессмертным – как раз и является объектом преследования со стороны героя, причем заранее ясна цель преследования – смерть. Вся эта «зеркальность», «обратное отражение» еще ждут объяснения. Возможно, принцип объяснения заключен в том, что Кашей – представитель «того», загробного, мира, а в нем – все обратно земному.

3) Наконец, можно предположить еще одну этимологию слова Кощей, не противоречащую предыдущей, но представляющую собой ее более отдаленное продолжение в предысторию. Эта этимология будет опираться на этимологию другого восточнославянского имени мифологического существа — Макошь или Мокошь, выдвинутую акад. Б.А. Рыбаковым. Макошь упоминается в летописном списке так называемых «богов Владимира», т.е. идолов, поставленных этим князем в Киеве в 980г. Макошь//Мокошь представлялась в виде женского существа страшного вида, с длинными руками. Возможно, что она отождествлялась с Великой матерью, Матерью-землей. Но в более позднюю историческую эпоху следует считать ее, как показывает Б.А. Рыбаков, «очень древним земледельческим божеством» «матерью урожая», богиней жизненных благ и изобилия». В русской ритуальной вышивке на полотенцах вплоть до XIX в. Макошь изображалась в виде женщины с воздетыми к небу руками, как бы молящей верховное небесное божество об орошении полей дождем. По этимологии Рыбакова, Макошь — слово, составленное из элемента *Ма-* «мать» + *кошь* «удел, судьба, доля». Элемент *кошь* в свою очередь представлен в древнерусском языке отдельным словом, точнее двумя словами — *къшь* «жребий» (Срезн., II, 1416) и *кошь* «корзина» (Срезн., II, 1306), — но по Рыбакову, это одно и то же слово на разных этапах его развития. *Кошь* (ранее *къшь*) «корзина» так же развивает значение *къшь* «жребий, удел», как «доля» (добычи или урожая) развивает значение «доля-судьба». В наиболее древнем значении *къшь* «корзина» относилось к корзине для снопов, для урожая и могло означать также плетеный возок для снопов (известный по археологическим данным от эпохи энеолита). Таким образом, *Ма-кошь* значит букв. «Мать хорошего урожая» и соответствует греческой богине случая Тихе (им. падеж Тиха) и римской Фортуне. Дальше Макошь «снижается» в ранге и начинает обозначать «Невидимую пряжу», получает соответствие Параскеве Пятнице.

Вот к элементу *-кошь//къшь* и можно, гипотетически, возвести корень слова *Кощей*. Исследователь русского фольклора В.П. Аникин уже выделял в этом имени корень *кош-*, но отождествлял его с тюрк, словом, означающим «главу семьи». Теперь молено отождествить *кош-* как «жребий, судьба».

Таким образом, у Кощея три ипостаси: одна главная — «тот, кто имеет отношение к костям», возможно «костосей»; и две побочные — «пленник» и «распорядитель судьбы, жребия»; у всех трех ипостасей три разных источника — три разных слова и три разных концепта, сливающихся в одном персонаже.

Однако между концептом «костный» и концептом «распорядитель судьбы» есть связь. Она восстанавливается по косвенным данным – по обряду гадания, предсказания судьбы по костям, распространённому в разных культурах. Кроме того, особые связи обнаруживаются по данным китайской культуры. Начиная с 1900-х гг. в Китае в районе Ан-ян (провинция Хынань) были обнаружены большие количества костей (лопаток) овец и коров, а также панцирей черепах, покрытых надписями. Они относятся ко времени династии Шанг (1765–1123 гг. до н.э.) и представляют собой царские архивы, в которых подобно хеттским и микенским глиняным табличкам материалом для записей служили кости. Таким образом, в целом «кость» в архаической культуре можно определить как «носитель информации».

Задание 7. Соотнесите содержимое столбцов

<i>Натурфактные концепты</i>	развиваются из номинаций общественных отношений
<i>Мифологические концепты</i>	формируются из абстрактных универсальных понятий, со временем приобретающих интерпретационные признаки, которыми их наделяют различные этносы, культуры, социумы и субкультуры
<i>«Социальные» концепты</i>	представляют собой природные явления и объекты
<i>Концепты бытийного (экзистенциального) типа</i>	имеют денотат, номинирующий вымышленные существа, наделённые качествами человека или животных

Задание 8. Определите тип приведенных концептов религиозной христианской концептосферы русского языка

Свеча (первоначально – палочка из воска или жира с фитилем внутри, предназначенная для освещения); *хлеб* (исходное значение – продукт питания, изделие из муки); *крест* (в одном из первых утилитарных назначений в древнеримской культуре являлся орудием казни), *церковь*, *икона*, *Бог* – с одной стороны антропоморфен, а с другой стороны – это идеальное существо, которое никто никогда не видел, *вода* – это не просто природная стихия и вещество; в христианской интерпретации вода отражает духовное начало: она сотворена Богом, это источник жизни и очищение человека от греха, *небо* – в религиозном представлении – место обитания Бога, там расположено Царствие Божие (рай, Царство Небесное), души умерших праведников возносятся на небеса; в связи с таким осмыслением небо входит в номинативные поля других концептов (смерть – «отправиться на небеса», «Царство ему небесное»; счастье, радость – «на седьмом небе», «в раю» и т. п.); *зерно/семя*, помимо объекта природного происхождения, символизирует в христианской интерпретации нравственные категории: зерно веры/добра/вражды, *семья*, *вера*, *молитва*, *грех*.

Задание 9. Опишите гиперконцепт *семья/family – дом/home* по приведенной схеме.

1. Основываясь на материале словарных статей, установите 1) лексико-семантические составляющие концептуального поля (семья, род (клан), племя, нация); 2) на основе типов отношений внутри семьи, выделите вертикальные отношения между поколениями и горизонтальные – между родственниками на определенной стадии развития семьи, а также на основе типологических свойств семьи – семья нуклеарная и сложная (русский и английский концепты *Семья/Family* имеют одинаковую структуру вертикального родства по схеме: *семья/family – род/line – клан/clan – племя/tribe – нация/nation*, где семья служит фундаментом иерархической системы, отражающей путь становления социальных отношений от отдельной ячейки общества до целого государства).
2. Проанализируйте семантические поля составляющих концепта *Семья* (муж, жена, сын, дочь и т.п.), их синонимических и ассоциативных рядов, а также их символической значимости с учетом национальной и культурной специфики, что позволяет выявить большой спектр концептуальных признаков.
3. Установите этимологию слов, представляющих поле концепта.
4. Выявите лексемы синтагматического и парадигматического контекстов.
5. Общий вывод о структуре и национальной специфике концепта.

Задание 10. Опишите концепт *дружба* по приведенной схеме.

Тема 4

ЧЕЛОВЕК КАК НОСИТЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ И ЯЗЫКА

1. Язык и индивид. Место теории языковой личности в антропоцентрической лингвистике.
2. Языковая личность: область компетенции, структура, типы, аспекты изучения. Трехмерная модель личности (Ю.Н. Караулов).
3. Концепция вторичной языковой личности. Тезаурус. Идиолект.
4. Языковая и речевая личности: соотношение понятий. Универсальное, национальное, социально-групповое и индивидуальное в языковой личности.
5. Национально-детерминированная специфика русской языковой личности.
6. Лингвистическое портретирование.

Задание 1. Назовите понятия, которые входят в проблемное поле темы «*Человек как носитель национальной ментальности и языка*». Обоснуйте свой выбор.

Антропоцентризм, гендер, идеологема, концептуальный анализ языка, культурная коннотация, культурный код, культурный концепт, ментальность, менталитет, национальный характер, мифологема, научная картина мира, национальная специфика языка, образ человека по данным языка, парадигма культурная, прагмема, субъективность языка, тезаурус культуры, «человеческий фактор» в языке, эгоцентризм языка, культурный код, культурная парадигма, языковая картина мира, языковая личность, константа культуры, концептосфера, культурная сема, культурный фон, культурный фонд, культурная универсалия, лакуна, модель мира, культурное пространство, лингвокультурный типаж, когнитивная база этноса, стереотипы, прецедентные феномены, лингвокультурный тип, тезаурус, идиолект, речевая личность.

Задание 2. Из «Словаря синонимов русского языка» З.Е. Александровой выпишите синонимы к слову *худой*. Определите коннотацию этих слов.

Задание 3. Основываясь на исследовании А.Фенько «Трактат об уме», изложите представления о понятии *умный* в разных культурах,

обратив особое внимание на соответствующий материал русских народных сказок.

Задание 4. Используя «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А.И. Молоткова, «Фразеологический словарь русского литературного языка» под ред. А.И. Фёдорова найдите и выпишите все фразеологизмы с компонентами «голова» и «нога».

Какие оценочные компоненты значения обнаруживаются в семантике этих фразеологических единиц? Почему?

Задание 5. Используя «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А.И. Молоткова, «Фразеологический словарь русского литературного языка» под ред. А.И. Фёдорова найдите и выпишите все фразеологизмы с компонентами «сердце» и «душа».

Какие мифологемы лежат в основе обнаруженных фразеологизмов?

Задание 6. Установите основные приемы продуцирования текстов языковой личностью и особенности индивидуальной картины мира, отраженные в приведенных текстах.

Федор Тютчев

* * *

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть!..
Зловещий блеск и пестрота деревьев,
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею,
И, как предвестье близящихся бурь,
Порывистый и ясный ветер порою...
Ущерб, изнеможенье – и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья.

* * *

Есть в осень первоначальной
Короткая, но дивная пора –
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...
Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто все – простор везде –
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.
Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь –
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле...

Эдуард Багрицкий. Осень.

Литавры лебедей замолкли вдалеке,
Затихли журавли за топкими лугами,
Лишь ястреба кружат над рыжими стогами,
Да осень шелестит в прибрежном тростнике.

На сломанных плетнях завился гибкий хмель,
И никнет яблоня, и утром пахнет слива,
В веселых кабачках разлито в бочки пиво,
И в тихой мгле полей, дрожа, звучит свирель.

Над прудом облака жемчужны и легки,
На западе огни прозрачны и лиловы.
Запрятавшись в кусты, мальчишки-птицеловы
В тени зеленых хвой расставили силки.

Из золотых полей, где синий дым встает,
Проходят девушки за грузными возами,
Их бедра зыблются под тонкими холстами,
На их щеках загар, как золотистый мед.

В осенние луга, в безудержный простор
Спешат охотники под кружевом тумана.
И в зыбкой сырости пронзительно и странно
Звучит дрожащий лай нашедших зверя свор.

И Осень пьяная бредет из темных чащ,
Натянут темный лук холодными руками,
И в Лето целится и пляшет над лугами,
На смуглое плечо накинув желтый плащ.

И поздняя заря на алтарях лесов
Сжигает темный нард и брызжет алой кровью,
И к дерну летнему, к сырому изголовью
Летит холодный шум спадающих плодов.

Сергей Есенин

* * *

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.
Дремлет взрытая дорога,
Ей сегодня примечталось,
Что совсем-совсем немного
Ждать зимы седой осталось.
Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане –
Рыжий месяц жеребенком
Запрягался в наши сани.

Иван Бунин. Листопад (отрывок)

* * *

Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Веселой, пестрою стеной
Стоит над светлою поляной.
Березы желтою резьбой
Блестят в лазури голубой,
Как вышки, елочки темнеют,
А между кленами синеют

То там, то здесь в листве сквозной
 Просветы в небо, что оконца.
 Лес пахнет дубом и сосной,
 За лето высох он от солнца,
 И Осень тихую вдовой
 Вступает в пестрый терем свой...
 Последние мгновенья счастья!
 Уж знает Осень, что такой
 Глубокий и немой покой –
 Предвестник долгого ненастья.
 Глубоко, странно лес молчал
 И на заре, когда с заката
 Пурпурный блеск огня и злата
 Пожаром терем освещал.
 Потом угрюмо в нем стемнело.
 Луна восходит, а в лесу
 Ложатся тени на росу...
 Вот стало холодно и бело
 Среди полян, среди сквозной
 Осенней чащи помертвелой,
 И жутко Осени одной в пустынной тишине ночной...

Задание 7. Установите связи между содержанием столбцов таблицы.

<i>Языковая личность и ее структурная модель (по Ю.Н. Караулову)</i>		
Языковая личность	вербально-семантический	слова как единицы вербально ассоциативной сети
Первый уровень	мотивационный уровень	понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой личности в более или менее упорядоченную картину мира, отражающую иерархию ценностей
Второй уровень	единицы уровня ориентированы на прагматику и проявляются в коммуникативно-деятельностных потребностях личности	совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений

Третий уровень	лингвокогнитивный	изучающие овладевают структурно-системными связями изучаемого языка в параметрах системообразующей функции языка, направленной на решение коммуникативных задач.
----------------	-------------------	--

Задание 8. Установите основные факты, а также характеристики языковой и речевой личностей.

<i>Языковая личность</i>	<i>Речевая личность</i>

1. В реальной речевой деятельности личность предстает как парадигма речевых личностей, представляет собой обобщенный, типизированный инвариант составляющих ее параметров.

2. В современной лингвистике проблема этого типа личности разрабатывается в основном в трех направлениях – структурном, коммуникативном и стратегическом.

3. Личность во многом определяется ее принадлежностью к определенной социальной группе, так как разные социальные группы характеризуются различными традициями дискурсивных практик, т.е. именно принадлежность к той или иной социальной группе определяет вид дискурса. А он через жанровые требования формирует законы конструирования личности в рамках этого дискурса.

4. Личности, принадлежащие одному культурному сообществу, но разным социальным группам, имеют одинаковую когнитивную базу, но разные коллективные коммуникативные пространства.

5. Личность, проявляющая себя в речевой деятельности, обладающая определенной совокупностью знаний и представлений.

6. Личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения.

7. Сложный феномен, вбирающий в себя социально отфильтрованное и индивидуальное знание языка и владение им.

8. Существует в пространстве культуры, отраженной в языке, в формах общественного сознания на разных уровнях (научном, бытовом и др.), в поведенческих стереотипах и нормах, в предметах материальной культуры и т. д.

Задание 9. Выделите ключевое понятие и его составные элементы, отраженные в приведенном фрагменте.

Менталитетные свойства русской языковой личности в зеркале словаря, грамматики и морфемной структуры слова

При изучении русского языка важно учитывать, кто будет учеником – француз или китаец, так как, при всех отличиях русского и французского языков, менталитетные стороны французской и русской языковых личностей будут, без сомнения, более близкими, чем менталитетные стороны китайской и русской языковых личностей из-за того, что культуры Франции и России принадлежат одному культурному ареалу, определенному влиянием Греции и Рима, с одной стороны, и влиянием христианства, с другой стороны, а различие культур Китая и России огромно из-за вхождения культур русского и китайского народов в разные культурные ареалы.

Особенности России – огромные территории в Европе и Азии, многочисленные колонизированные в разные исторические периоды народы, отличия Православия от других разновидностей Христианства, само место церкви и государственной власти в восприятии гражданина России – объективно существующие особенности, интуитивно осознаваемые каждым русским человеком и сформулированные в национальных философских школах, в трудах российских философов как представление об особом пути, особом предназначении России. Например, Л.Н. Гумилев определял Россию и русских как евразийский суперэтнос, и особенности национального типа русских, специфичность исторического пути России объяснял необъятностью русской земли, ее порубежным состоянием.

Наша задача, **как** в доступной для учащегося, в том числе русского, форме методически обоснованно преподнести эти сведения, **как** научить понимать русскую языковую личность, а значит, и понять собственную языковую личность.

Характерные черты русской языковой личности, проявляющиеся в текстах художественной литературы, в лексике, морфемике и в грамматике

Темы классической русской литературы: 1) тема фатализма, 2) тема свободы и воли, 3) тема маленького человека, 4) тема греха и покаяния, 5) тема страдания – проявляются указанные темы в сознании русской языковой личности, а значит – в словаре и грамматике русского языка.

В качестве материала используются произведения классической русской литературы XIX века, произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А.А. Фета, Ф.И. Тютчева, и произведения русских писателей XX века – Б.Л. Пастернака, О.С. Мандельштама, М.А. Булгакова.

Склонность русского человека к эмоциональности, к фатализму, пессимизму, иррационализму, моральным суждениям, детерминизму, анархизму, патернализму, фрустрация как черты менталитета русского человека пере-

даются в русском языке определенными языковыми средствами. Конфликтность национального характера русского человека, представление о фатальной предопределенности саморазрушения со стороны русского человека в создаваемой им же, по собственному почину, конфликтной ситуации, антиномия таких черт, как патернализм и социальная фрустрация – черты самосознания русского человека, проявляющиеся в беллетристике и в русском языке.

Примеры из произведений Лермонтова, Достоевского и Булгакова демонстрируют особенности русской языковой личности, для которой исключительно важной оказываются выражение оценки причинно-следственных отношений с подчеркиванием таких характеристик причины, как ее внутренний характер по отношению к объекту рассуждения, неспособность человека сопротивляться воздействию причины, существование потусторонних сил, управляющих поступками человека – объекта рассуждения, – то есть фатальный детерминизм русской языковой личности, что проявляется в системе языковых средств, выражающих причинно-следственные отношения, и в русских односоставных безличных предложениях. Стремление не выразить субъект действия формой именительного падежа в активной конструкции, не выразить субъект действия вообще, бессубъектные безличные односоставные предложения не просто составляют особую трудность при изучении русского языка как иностранного – эта черта менталитета русского человека, черта русского национального характера.

Отличительные черты морфемных структур слова в русском языке с семантической и формальной стороны, особенности значений, реализующихся в составе производного слова, взаимоотношение частей речи в словообразовании, иерархия семантических компонентов в составе лексического значения производного слова – примеры проявления национальных черт языковой личности в области лексики и морфемной структуры слова. Проявление русской языковой личности в морфологии и синтаксисе рассматривается на примерах формальной, семантической и коммуникативной сторон русского предложения, представляется система запретов и приоритетов, определяющих выбор из ряда синонимических синтаксических конструкций.

Задание 10. Вставьте пропущенные элементы.

Слово _____ включено в словарь лингвистических терминов и уже нередко встречается в названиях лингвистических работ (статей, книг и диссертаций). Знакомство с такими работами показывает, что за этим термином стоит особая стратегия лингвистических исследований – стратегия _____.

Первые работы, терминология которых включает _____, выходят в самом конце 1980-х. Интересна в этом отношении книга «Язык и личность», в которой, как считает Е.А. Земская, «даны индивидуальные и коллективные речевые _____». Хотя термина _____ нет ни в ее названии, ни в заголовках разделов, ни во вводных – теоретических – фрагментах, он появляется, на-

пример, в разделе «Опыт описания языковой личности А.А. Реформатского», где во вступительных замечаниях идёт речь о языковом _____.

В 1990 году выходят статьи со словом _____ уже в названии: Е.А. Земская в упомянутой статье предъявляет речевой _____ *ребёнка*, а Т.И. Ерофеева – _____ *говорящего*. В первой из них отмечается, что идея создания речевых _____ выдвинута М.В. Пановым и блестяще реализована им в книге, завершённой в 1970 г., а опубликованной – в 1990-м; в ней помещено около 20 речевых _____ – от Петра I до Андрея Вознесенского.

Все упомянутые работы объединяет один тип объекта лингвистического _____ – это языковая личность – человек говорящий/пишущий и оказывающийся объектом лингвистического наблюдения. Такого рода исследования скоро осмысляются как особое направление лингвистики – лингвоперсонология. Важно отметить, что в его рамках термин *речевой (языковой, социолингвистический)* _____ оказывается в ряду таких, как *языковая личность, лингвокультурный типаж, модельная личность, роль, стереотип, ампула, персонаж, имидж*.

Вторым типом объекта _____ можно назвать город. В этом направлении термин _____ оказывается в одном ряду с терминами *языковой облик* и *лингвистический ландшафт города*.

Объекты _____ третьего типа – словесные: это может быть и словечко, и жанр. Здесь ещё трудно говорить о значительной традиции. И предпочтительным в этом случае кажется термин *стилистический* _____, поскольку осуществляется в речи – привилегия человека или человеческих коллективов, а слово или словесное произведение характеризуют реализации возможностей стилистического воплощения.

Итак, мы видим, что в отношении объекта _____ наблюдается расширение: от персоны к типажу, а затем к более широким общностям людей – вплоть до региона и страны, с одной стороны, и – с другой, к текстовым реальностям как продуктам речевой деятельности людей. Для полноты картины следует сказать, что стратегия _____ используется и в других гуманитарных науках, в первую очередь, в социологии; во многих регионах работают по типовой программе «Социокультурный _____ региона», публикуя результаты в разных жанрах – от тезисов до монографий.

Кажется вполне логичным включить в круг объектов лингвистического _____ периодическое издание как гипертекст и видеть в этом расширение понятия, но не нарушение его терминологического смысла. Портрет при этом, как и в случае с жанром, будет стилистическим.

Тема 5

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

1. Вербальное, паравербальное и невербальное общение.
2. Понятие речевого общения и речевого поведения. Структура и специфика стандартов коммуникации.
3. Речеповеденческие тактики и стратегии общения.
4. Этнокультурные аспекты речевого общения. Национально-культурная специфика организации речевого общения.
5. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения. Национально-культурная специфика русского речевого общения.

Задание 1. Назовите понятия, которые входят в проблемное поле темы «*Национально-культурная специфика речевого общения*». Обоснуйте свой выбор.

Антропоцентризм, гендер, идеологема, концептуальный анализ языка, культурная коннотация, культурный код, культурный концепт, ментальность, менталитет, национальный характер, мифологема, научная картина мира, национальная специфика языка, образ человека по данным языка, парадигма культурная, прагмема, субъективность языка, тезаурус культуры, «человеческий фактор» в языке, эгоцентризм языка, культурный код, культурная парадигма, языковая картина мира, языковая личность, константа культуры, концептосфера, культурная сема, культурный фон, культурный фонд, культурная универсалия, лакуна, модель мира, культурное пространство, лингвокультурный типаж, когнитивная база этноса, стереотипы, прецедентные феномены, лингвокультурный тип, тезаурус, идиолект, речевая личность.

Задание 2. Заполните таблицу недостающими элементами.

<i>Виды общения по средствам</i>		
вербальное		паравербальное
	общение происходит с помощью мимики, жестов и пантомимики, через прямые сенсорные или телесные контакты (так-	

	тильные, зрительные, слуховые, обонятельные и другие ощущения и образы, получаемые от другого лица); присуще не только человеку, но и некоторым животным (собакам, обезьянам и дельфинам)			
<i>Виды общения по содержанию</i>				
материальное	когнитивное	кондиционное	деятельностное	мотивационное
		обмен психическими или физиологическими состояниями, оказание влияния друг на друга, рассчитанное на то, чтобы привести человека в определенное физическое или психическое состояние		

Задание 3. Определите, чем отличаются речеповеденческие тактики выражения отношения к пунктуальности героев романа «Обломов» И.А. Гончарова.

Андрей Иванович Штольц	Илья Ильич Обломов
«Он шел твердо, бодро; жил по бюджету, стараясь тратить каждый день как каждый рубль, с ежеминутным, никогда не дремлющим контролем издержанного времени, труда, сил души и сердца»	«Русский человек выберет что-нибудь одно, да и то еще не спеша, потихоньку да полегоньку, кое-как, а то на-ко, поди!»
«Время тратить нечего, надо засветло приехать». Такое поведение говорит не о том, что человек не аккуратен, а лишь о том, что к поставленной цели нужно двигаться, как намечено, не отвлекаясь ни на что другое»	«Они вели счет времени по праздникам, по временам года, по разным семейным и домашним случаям, не ссылаясь никогда ни на месяцы, ни на числа»

Мать Штольца «в немецком характере не замечала никакой мягкости, деликатности, снисхождения, ничего того, что делает жизнь так приятно в хорошем свете, с чем можно было обойти какое-нибудь правило, нарушить общий обычай, не подчиниться уставу»	
	
<i>Ценности = ...</i>	<i>Ценности = ...</i>
<i>Культурные концепты = ...</i>	<i>Культурные концепты = ...</i>

Задание 4. Приведите и охарактеризуйте невербальную составляющую речеповеденческой ситуации приветствия.

	Вербальная составляющая	Невербальная составляющая
<i>Русская речеповеденческая тактика</i>	Как дела?	?
	Ответ	
<i>Французская речеповеденческая тактика</i>	Ga va?	поцелуй в щеку
	Ga va (ответ необязателен)	+ ?

Задание 5. Приведите примеры этикетных формул, которые используются в разных коммуникативных ситуациях в русской и английской лингвокультурах.

Коммуникативная ситуация	Русская лингвокультура	Английская лингвокультура
<i>Приветствия</i>	Добрый день (утро, вечер)! Здравствуйте!	?
<i>Формулы прощания</i>	До свидания! Всего доброго! Всего хорошего! До встречи! (если назначена встреча) Позвольте попрощаться! Счастливого пути (отъезжающему)	?
<i>Формулы благодарности</i>	Спасибо! Очень признателен Вам...	?

	Благодарю! Большое спасибо! Сердечно благодарю (благодарен)! Разрешите поблаго- дарить Вас! Очень Вам признате- лен!	
<i>Просьба</i>	?	?
<i>Извинение</i>	?	?
<i>Предложение</i>	?	?
<i>Приглашение</i>	?	?

Задание 6. Найдите и исправьте фактические ошибки.

В литературе, посвященной проблемам коммуникативной лингвистики, прагмалингвистики, теории речевой деятельности, опровергается, что любое межличностное общение – от непринужденного бытового до достаточно формализованного делового – опирается на веками отработанные формы дискурса. Последние позволяют участникам коммуникации ориентироваться в процессах общения, породить и понимать прямые и косвенные речевые акты, узнавать типы речевых жанров, следить за изменениями стратегий и тактик собеседников и т.п.

Анализ коммуникативных девиаций, а также «нормального» диалогового общения позволил выделить и сформулировать ряд законов так называемого «коммуникативного кодекса», представляющего собой систему принципов, которые регулируют речевое поведение говорящих и в свою очередь опираются на совокупность максим и постулатов. Важнейшими составляющими «коммуникативного кодекса» выступают принципы кооперации (сотрудничества) и этикетности (вежливости).

Принцип кооперации содержит в себе максимы полноты информации, ее качества, релевантности и манеры представления адресату. Важнейшими максимами принципа этикетности являются максимы такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия, симпатии и, добавим от себя, откровенности, а также позитивного имиджа говорящего (так называемый закон «сохранения собственного лица»). Эти максимы общения (дискурсивные максимы) были сформулированы их авторами как универсалии межличностного общения, общечеловеческие константы коммуникации. Однако со временем стало понятно, что природа и наполнение последних в большой мере зависят от этнокультурных и социальных аспектов личностей коммуникантов. А это выводит их изучение в сферу этнографии и позволяет включить в проблемное поле сопоставительных и контрастивных исследований межкультурной коммуникации. Понятно, что речь идет,

прежде всего, об изучении меры, способов, условий и т. п. проявлений отмеченных универсальных принципов и максимумов общения в разных языковых общностях, а не о каких-то особых максимумах общения.

В научной литературе специфика проявления некоторых аспектов принципа этикетности общения в разных языках представлена достаточно полно, чего нельзя сказать о составляющих принципа кооперации. Как свидетельствуют наблюдения, последние, в свою очередь, определяются этническими, культурными, региональными особенностями. Так, например, максима количества (полноты) информации, согласно которой вклад говорящих в информативность коммуникации должна быть не большей и не меньшей, чем этого требует конкретная конситуация, по-разному воплощается в речевых стратегиях представителей различных этносов. В частности, даже используя достаточно регламентированное деловое общение, носители языков и культур Азии и Европы понятие количества информации воспринимают неодинаково (прежде всего в аспекте различной меры проявления).

Есть все основания говорить о том, что иные максимумы общения не имеют ни этнической, ни региональной специфики. Иными словами, принятые в разных культурах правила использования максимумов кооперативного общения проявляются по-разному. Для их изучения необходимы широкие полевые исследования с применением значительного массива данных из разных сфер «человековедения».

Некоторые методики и приемы выявления национальных особенностей использования принципов (законов) и максимумов общения:

1. Анализ фольклорных, прежде всего паремийных, средств разных языков, в которых отражены своеобразные «народные» принципы и максимумы общения.
2. Записи «живой» коммуникации носителей изучаемых языков в разных конситуациях.
3. Анализ значительного корпуса художественных текстов, отражающих общение героев – носителей определённой культуры.
4. Изучение коммуникативного поведения исключительных языковых личностей, «гроссмейстеров общения».
5. Анализ разнообразных коммуникативных девиаций в целом и в сфере межкультурного общения – в частности.
6. Использование данных нейролингвистического программирования

Задание 7. Установите, какие особенности коммуникативного поведения носителей русского и украинского языков отражены в приведенных паремиях.

На грубое слово не сердись, на ласковое не сдавайся; нехай буде гречка, аби не суперечка.

Для красного словца не пощадит ни матери, ни отца; много знай, да мало бай!; кстати промолчать, что большое слово сказать; лучше не договорить, чем переговорить; меньше говори – більше вчуєш.

Язык мой – враг мой: прежде ума рыщет, беды себе ищет; лезет с языком, что с пирогом; язык до добра не доведет.

Что на уме, то и на языке.

Начал во здравие, закончил за упокой; мелет день до вечера, а послушать нечего; язык болтает, а голова не знает; нести окоlesiцу.

Говори, та не проговорися; говори, та назад оглядайся.

Задание 8. Изучив фактуальное наполнение слайдов презентации на тему «*Невербальные средства общения в английском языке*», предложите направления улучшения качества ее материала.

Гипотезы:

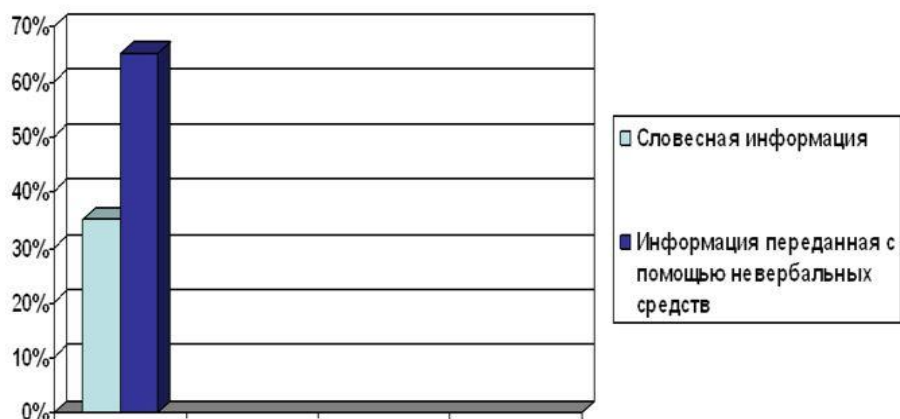
- Невербальные средства общения могут иметь национальный и общечеловеческий характер.
- Невербальные символы могут быть восприняты по разному представителями разных культур.

 MyShared

- *«Неправильное понимание невербального поведения – один из самых огорчительных источников разногласий между людьми, без которого вполне можно было бы обойтись»*

Дж. Миллер

 MyShared

Соотношение вербальных и невербальных средств в беседе по данным исследования профессора Бердвислла

Интонация

- Вербальные символы (слова) являются основным средством кодирования и передачи информации. Разновидность невербальной коммуникации формируется тем, как мы произносим слова. Имеются в виду интонация, модуляция голоса, плавность речи и т.п. Как известно из опыта, то, как мы произносим слова, может существенно изменять их смысл. Согласно последним исследованиям, значительная часть речевой информации (38%), при обмене воспринимается через интонацию и модуляцию голоса.

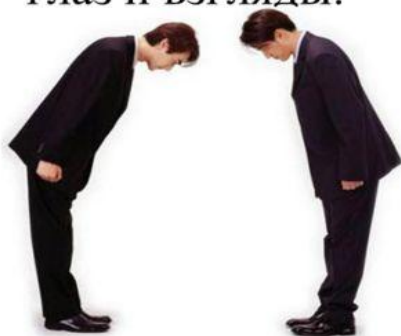

- Как известно, в английском языке в зависимости от типа вопроса (общий или специальный) интонация должна быть восходящей или нисходящей. В русском языке четкой дифференциации типов вопросов и интонации нет, поэтому использование восходящего тона в русской речи может иметь различную психо-эмоциональную окраску:
 - - крайнее удивление;
 - - негативное отношение к предмету разговора.

Кинесика у представителей русской и английской культуры

К кинесике относят выражение лица, мимику, жестикуляцию, позы, движение глаз и взгляды.

Пожимание плечами

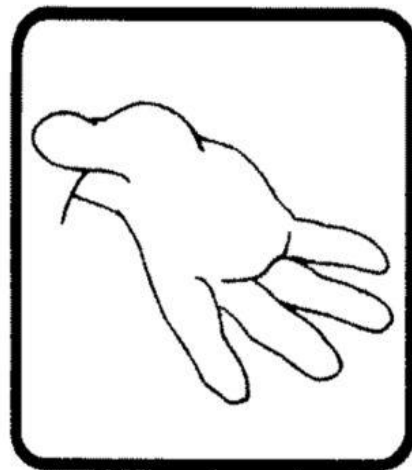
- Такой жест общепризнан у представителей как русской, так и английской культуры.
- Обозначает непонимание собеседника либо незнание информации.

 MyShared

«Ладонь вверх» (palms up)

Равносильно неуверенности говорящего, этот жест сопровождается фразами «I think», «I suppose» и дополняется смыслом «в сказанном я неуверен»

 MyShared

«Ладонь вниз» (*palms down*)

Сигнализирует об уверенности и напористости говорящего, подчеркивая уверенность собеседника в высказываемой информации.

 MyShared

Поднятый вверх *большой палец*

- у русских обозначает «все в порядке», является символом власти и превосходства.
- У представителей английской и американской культуры:
 - используется при голосовании на дороге;
 - обозначает «все в порядке»;
 - нецензурное ругательство (если большой палец выбрасывается резко вверх);
 - является символом власти и превосходства.

 MyShared

V образный знак пальцами

- Появился в русском общении благодаря У. Черчиллю и обозначает победу.
- Однако первоначально V-образный знак пальцами обращенный тыльной стороной ладони к собеседнику имел такое значение.
- У представителей английской культуры этот знак, обращенный ладонью к собеседнику, обозначает грубое «заткнись».

 MyShared

Рукопожатие.

- Обмен рукопожатиями в отличие от русских у англичан принят только на первой встрече, в дальнейшем англичане обмениваются только простыми устными приветствиями.

 MyShared

Мимика.

«Лучше увидеть лицо, чем услышать его имя»

Конфуций

Задание 9. Разработайте план презентации на тему **«Национальные особенности невербального общения»**

Во всем мире основные коммуникационные жесты и мимика лица не очень отличаются друг от друга. Счастливые люди улыбаются, печальные хмурятся, злым также присуща особая мимика. Пожимание плечами является прекрасным примером универсального жеста, используемого повсеместно. Оно означает, что человек не знает или не понимает, о чем идет речь.

В современном мире обязательным элементом любой встречи и прощания является рукопожатие. Оно тоже несет в себе массу информации о чувствах, намерениях и отношениях человека. Эта информация передается, например, через положение рук, а также интенсивность или продолжительность рукопожатия.

Невербальный язык, как и вербальный, может меняться в зависимости от типа культуры, нации, социального слоя и т. п. Так, например, кивание головой во многих странах означает «да» или утверждение, но в Болгарии это жест отрицания или несогласия. В Индии значение «да» передается совсем другим жестом – покачиванием головы в разные стороны, что в России будет означать осуждение, неодобрение.

В основном отличия наблюдаются среди символических жестов. Такие жесты, как правило, связаны с абстракцией, поэтому их содержание может быть понятно только какой-то отдельной нации или группе людей, коллективу. К таким знакам можно отнести приветствие, прощание, призыв к молчанию, предвкушение чего-либо приятного и др. Например, приветствие может быть передано поклоном, протянутой вперед рукой, прикосновением к земле у ног другого человека, прижиманием руки к сердцу или лбу,

рукопожатием, складыванием рук в замок и поднятием их над головой и т.д. У студентов или закадычных друзей могут быть свои собственные придуманные формы приветствия.

В произведении И.С. Тургенева «Новь» описываются два разных жеста прощания, характерных для России и Франции: «Нежданов наклонил голову, а Сипягин простился с ним на французский манер, несколько раз сряду быстро поднес руку к собственным губам и носу, и пошел далее, бойко размахивая тростью и посвистывая».

V-образный жест пальцами в разных странах тоже воспринимается по-разному. В большинстве стран Европы этот жест является знаком победы. В Австралии, Новой Зеландии и Великобритании подобная интерпретация характерна только для жеста, в котором ладонь с двумя разведенными пальцами (указательный и средний) повернута от себя. Но если ладонь повернуть к себе, этот жест приобретает оскорбительное значение вроде «Заткнись!» или «А иди ты подальше!». В некоторых странах этот жест также означает цифру «2».

Непонимание подобных тонкостей национальной символики может привести к недоразумениям. Например, англичанин, оставшийся недовольным обслуживанием в ресторане, выразить свое возмущение, показывает бармену-европейцу два пальца с повернутой ладонью к себе, а бармен, по своему интерпретируя этот жест, наливает две кружки пива.

Другим жестом, который может привести к недоразумению во время зарубежной поездки, является жест, изображающий собой кружок, образуемый указательным и большим пальцами и означающий слово «о'кей!».

Этот жест появился в Америке в начале XIX в. Значение этого жеста во всех англоязычных странах, а также в некоторых странах Европы и Азии – «все в порядке» или «все отлично». Однако во Франции он имеет значение «ноль» или «ничего», в Японии – «деньги», а в некоторых странах Средиземноморского бассейна этот жест используют для обозначения гомосексуальности мужчины. Как видно, довольно легко попасть в неприятное положение из-за неправильно понятого жеста. Поэтому, будучи за границей, следует проявлять осторожность в мимике и жестах.

Еще одним примером, иллюстрирующим изменение смысла в зависимости от культурных особенностей, является поднятый вверх большой палец. В России он имеет одно значение: «отлично», «классно». В Америке, Англии, Австралии и Новой Зеландии, помимо этого значения, имеется еще два: просьба об остановке при голосовании на дороге и нецензурное ругательство, при этом большой палец резко выбрасывается вверх.

Один человек, впервые в жизни погрузившись под воду с аквалангом, был очарован красотой открывшегося мира и в знак восхищения показал инструктору поднятый вверх большой палец. В результате его тут же насильно подняли на поверхность, так как подобный жест на языке подводников означает «срочное всплытие».

В Греции этот же знак означает «Заткнись!». Поэтому голосовать на греческих дорогах на американский манер не только безрезультатно, но и опасно. В Италии этот жест используется как обозначение цифры «1», а американцы и англичане большим пальцем обозначают уже цифру «5».

Поднятие большого пальца вверх в сочетании с другими жестами обычно используется для обозначения власти, превосходства и т.п. Его можно использовать и для обозначения выражения «раздавить пальцем» по отношению к какому-либо человеку.

Когда европеец говорит о себе, он показывает рукой на грудь, а японец – на нос. Постукиванием по собственной голове француз или итальянец дает понять, что он считает какую-либо идею глупой. Британец или испанец, шлепая себя ладонью по лбу, показывает окружающим, что очень доволен собой. Немец этим же жестом будет выражать крайнее возмущение кем-либо. Ну а голландец, стуча по лбу и при этом вытягивая указательный палец, дает понять, что идея ему понравилась, но он считает ее чуть-чуть сумасшедшей.

Поворот указательного пальца у виска во многих странах означает, что у кого-то «не все дома», а в Голландии этим жестом человек показывает, что в разговоре была сказана остроумная фраза.

Поднятие бровей в Германии означает восхищение, а в Англии – скептицизм. Постукиванием указательным пальцем по носу в Италии выражают недоверие к собеседнику, а в Голландии этот жест говорит о том, что говорящий или тот, о ком говорят, находится в состоянии алкогольного опьянения.

В некоторых африканских странах смех означает не радость, а изумление или замешательство.

Француз выражает свое восхищение чем-либо, соединив кончики трех пальцев, которые он затем подносит к губам и, высоко подняв подбородок, посылает в воздух нежный поцелуй. Недоверие у французов выражается потиранием основания носа указательным пальцем.

Иногда жест изменяется и утрачивает национальную окраску. Например, жест прощания, который раньше на Руси представлял собой махание кистью руки вперед-назад, теперь изменился на движение руки или ее кисти влево-вправо в одной плоскости с ладонью, обращенной к уходящим. Такая форма жеста была заимствована на Западе. Между тем дети до сих пор прощаются так, как это было принято в старину.

Задание 10. Подготовьте презентацию на тему «*Национально-культурная специфика жестов приветствия и прощания*»

Тема 6

УРОВНИ ЯЗЫКА В КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ СИНТАКСИС

1. Роль синтаксиса в языковой картине мира, в реализации актуальных культурологических тенденций.
2. Методика контрастивно- культурологического описания синтаксиса.
3. Синтаксемы со значением лица, критерия оценки и социальной характеристики лица.
4. Словосочетания как продукт компрессии фоновой информации.
5. Типы фоновых глаголов- предикатов.
6. Предложение в аспекте культурологии. Национально- культурная традиция в текстообразовании.

Задание 1. Назовите понятия, которые входят в проблемное поле темы «Уровни языка в культуроведческом аспекте. Синтаксис». Обоснуйте свой выбор.

Антропоцентризм, гендер, идеологема, концептуальный анализ языка, культурная коннотация, культурный код, культурный концепт, ментальность, менталитет, национальный характер, мифологема, научная картина мира, национальная специфика языка, образ человека по данным языка, парадигма культурная, прагмема, субъективность языка, тезаурус культуры, «человеческий фактор» в языке, эгоцентризм языка, культурный код, культурная парадигма, языковая картина мира, языковая личность, константа культуры, концептосфера, культурная сема, культурный фон, культурный фонд, культурная универсалия, лакуна, модель мира, культурное пространство, лингвокультурный типаж, когнитивная база этноса, стереотипы, прецедентные феномены, лингвокультурный тип, тезаурус, идиолект, речевая личность.

Какие принципиально важные понятия темы следует добавить к полученному перечню?

Задание 2. Составьте глоссарий приведенного текста.

ПРОПОЗИЦИЯ И СИТУАЦИЯ

Люди имеют дело с бесконечно разнообразными ситуациями. Но, познавая действительность, они конкретные, единичные ситуации сводят в

классы, относят их к определенным структурным типам. И в этом процессе категоризации положений дел значительная роль принадлежит языку, который в процессе своей эволюции вырабатывает соответствующие конструктивные схемы.

Отдельным элементам ситуаций (как предметам, так и объединяющим их отношениям) в семантической сфере языка ставятся в соответствие *семантемы*. Это единицы значения, являющиеся по своей природе односторонними. Они выступают в качестве означаемых таких элементарных знаков, как, с одной стороны, лексемы и фразеологизмы, и, с другой стороны, синтаксемы, представляющие собой элементарные значимые единицы в составе синтаксических конструкций.

Внеязыковая ситуация отображается семантической конструкцией, или конфигурацией. Ее ядром служит семантема, отображающая признак, т.е. отношение или свойство. Это ядерная семантема, или признаковая семантема, или предикатная семантема, или семантический предикат. Предикатная семантема, обладая определенным валентностным потенциалом, стремится создать свое окружение, в которое входят семантемы, отображающие участников ситуации. Это предметные семантемы, или актантные семантемы, или семантические актанты. Актанты квалифицируются в зависимости от той роли, которые играют в описываемых ситуациях их предметные участники. Им приписываются семантические роли агента (производителя действия), объектива (объекта действия), инструмента и т.п. Семантическую конфигурацию часто называют пропозицией. В принципе пропозиция, или семантическая конфигурация, не линейна, т.е. составляющие ее семантемы не следуют друг за другом. Предикат пропозиции главенствует над своими актантами.

Пропозиция выступает как начальный способ «упаковки» информации, которая подлжет передаче посредством высказывания. Одна пропозиция или соединение ряда пропозиций образует семантическую основу предложения, его глубинную (или смысловую) структуру.

Пропозиция есть означаемое элементарной синтаксической конструкции, или конфигурации. Учитывая семантическое содержание каждой синтаксемы, точнее было бы говорить о синтаксико-семантической конфигурации. Ядром этой конфигурации является синтаксема, имеющая свои означаемым предикатную семантему. Это ядерная синтаксема, или предикатная синтаксема, или синтаксический предикат (некоторые исследователи говорят в этом случае о реляторе, функторе и т.п. и избегают термина *предикат* при описании структуры предложения в номинативном аспекте). Ее окружение образуют синтаксемы, означаемыми которых выступают актантные семантемы (актантные синтаксемы, или синтаксические актанты). Валентностный потенциал предикатной синтаксемы предопределяется прежде всего валентностным потенциалом предикатной семантемы. Синтаксическая конфигурация также в принципе не линейна.

Одна или несколько объединенных друг с другом пропозиций образуют пропозициональную структуру, которая выступает как фундамент организации смысла в предложении и, по сути дела, предопределяет набор всех

основных конститuentов предложения и иерархический характер отношений между ними, при условии доминирующей роли предиката. Иерархическую структуру предложения воспроизводит, в частности, вербоцентрическая модель, принадлежащая Люсьену Теньеру. Выше приводится пример построенной в его духе стеммы для предложения *Вчера Антон подарил маме красивые цветы*. Здесь *A1* – первый актант (подлежащее) *Антон*, *A2* – второй актант (прямое дополнение) *цветы*, *A3* – третий актант (косвенное дополнение) *маме*, *C* – сирконстант (обстоятельство) *вчера*, *Attr* – атрибут (определение) *красивые*.

Предикатные семантемы и предикатные синтаксемы обладают свойством *активной валентности* (т.е. сочетательной потенции). Благодаря своим валентностным свойствам именно они и выступают ядрами тех или иных конструкций. Предметным (актантным) семантемам и синтаксемам присуща в принципе *пассивная валентность*. Это означает, что они входят в сочетания, лишь реализуя валентности предикатных компонентов и образуя их окружения. Отсюда вытекает семантически господствующая роль предикатного компонента в том или ином сочетании и семантически подчиненная роль предметного (непредикатного) компонента. Валентность может быть *обязательной*, т.е. предполагать необходимость замещения вакантных позиций при данном предикатном компоненте. Она может быть и *необязательной*, факультативной, и реализующие ее компоненты не входят в необходимое и достаточное окружение ядерного компонента.

Возможности группировки внеязыковых ситуаций и, соответственно, семантических конфигураций (пропозиций) в классы заключаются в том, что:

- во-первых, тот или иной участник ситуации по отношению к другим ее участникам и по отношению к ситуации в целом выступает носителем какой-то типовой роли; например, в ситуации дарения (а это типовая ситуация с тремя партиципантами) роли распределяются следующим образом: <даритель>, <получатель подарка>, <объект дарения> (в более обобщенном описании вторая роль характеризуется как <бенефициант/бенефициатив>);
- во-вторых, в соответствующей семантической конфигурации дарения предикатная семантема проявляет себя как ее активный элемент, в котором как бы уже содержится схема развертывания конфигурации, где каждому потенциальному актанту задается семантическая роль или «даритель», или «получатель подарка», или «объект дарения»;
- в-третьих, предикатная семантема по числу ее распространителей (иначе по мощности необходимого и достаточного окружения) может квалифицироваться как одноместная (одновалентная) или многоместная (многовалентная);
- в-четвертых, число возможных семантических ролей актантов в принципе не очень велико, хотя об их числе пока не приходится определенно говорить (одни лингвисты говорят о 8, у других этот список превышает 40 ролей).

Соответствующие семантические роли (или функции) приписываются и синтаксическим актантам, выступая в качестве их важнейшей содержательной характеристики. Предикат пропозиции включает в свою рамку актанты с указанием присущих им семантических ролей (в терминологии Ч. Филлмора, глубинных падежей). Например, глагол *открывать* создает при себе следующую рамку: *открывать* (Объектив, Инструмент, Агенс). Используя подобные схемы, можно построить типологию синтаксических конфигураций (и лежащих в их глубинной основе пропозиций).

Как сам синтаксический предикат, так и каждая из семантических ролей синтаксических актантов в принципе кодируются определенными, стандартными для данного языка формальными показателями.

При описании посредством предложения или же текста сложных денотативных ситуаций элементарные пропозиции могут соединяться в семантические блоки, в соответствие которым ставятся блоки пропозиций. В синтаксических блоках образующие их элементарные конструкции могут просто присоединяться одна к другой или включаться (иногда после определенных трансформаций, в частности прономинализации, номинализации и т.д.) одна в другую (включающая синтаксическая конструкция выступает как матричная). Аналогично (путем соединения элементарных пропозиций в сложную пропозицию и менее сложных пропозиций в еще более сложную) строится пропозициональная структура текста (его макроструктура). Например:

Пришел Максим. Он (Максим) принес компакт-диск. Схема: <прийти (Максим) + принести (Максим, компакт-диск), Максим => прономинализация: он>;

Пришел Максим. Его приход (= то, что он пришел) всех обрадовал. Схема: <прийти (Максим) + радовать (р (= Максим пришел), всех), Максим => его>; здесь пропозиция *р* в номинализованной форме включается в состав матричной пропозиции в качестве ее актанта;

Пришел Максим. Мы его ждали. Он принес взятый у меня компакт-диск. Схема: <прийти (Максим) + ждать (мы, Максим), Максим => его + принести (Максим, компакт-диск), Максим => + взять (Максим, компакт-диск, у меня), Максим => опущение, компакт-диск => опущение>.

Связанные в одном тексте предложения должны отвечать принципу релевантности, т.е. относиться к одной и той описываемой ситуации, к одному положению дел, к теме (содержанию) данного текста. Тема текста может быть репрезентирована одной элементарной пропозицией. Так, все содержание новеллы, рассказывающей о том, как А. Пушкин познакомился с Натальей Гончаровой, как он ухаживал за ней, как делал предложение, как он приводил в порядок свои хозяйственные дела, чтобы изыскать средства для содержания семьи, как проходила свадьба и как стала складываться в самом начале его семейная жизнь, можно свести к пропозиции *Пушкин женится на Наталье Гончаровой* (в результате номинализации та же пропозиция выступает следующим образом: *Женитьба Пушкина на Наталье Гончаровой*). Номинализации пропозиций часто используются в качестве заголовков текстов.

Некоторые семантические конфигурации или их отдельные элементы могут не найти соответствия в синтаксической структуре, т.е. остаться не выраженными, скрытыми, имплицитными, что, однако, не всегда препятствует пониманию (так, например, при восприятии высказывания *Даже он не смог перевести этот текст* мы можем достаточно легко восстановить так называемую пресуппозицию ‘Я не ожидал этого’; осознание пресуппозиций как раз и позволяет лучше понимать воспринятое высказывание).

Итак, семантическая конфигурация (пропозиция) моделирует внеязыковую (денотативную) ситуацию в основных ее элементах и отношениях. Синтаксическая структура языка располагает набором конструктивных возможностей для номинации фактов действительности и сведения необозримого множества конкретных элементарных ситуаций к относительно небольшому числу их схем. Такие схемы пропозитивной номинации заложены в самой природе предложения. Воспроизводимы не схемы распространенных и усложненных предложений, а схемы элементарных синтаксико-семантических конструкций и правила их развертывания и преобразования при конструировании предложений. На этом и основана трактовка предложения как ведущей единицы синтаксической (конструктивной) номинации. При развертывании текста (дискурса) происходит сцепление пропозициональных структур отдельных предложений в пропозициональную структуру текста (макроструктуру).

Задание 3. Сформируйте план-конспект вопроса «Семантическая специфика имен лица и имен предметов»

Семантические характеристики относятся к уже определившимся, сформировавшимся, приспособившимся к разным коммуникативным функциям классам слов (прежде всего, существительным и качественным прилагательным). Однако связь значения слова с привычной для него ролью в коммуникации, а следовательно, и семантическое своеобразие слов с разной «специальностью» прослеживается и среди членов одного лексико-грамматического класса, способного к выполнению обоих коммуникативных заданий. Таким классом, как известно, являются существительные.

Хотя все существительные (имена нарицательные) могут в принципе быть и субъектом и предикатом суждения, для одних из них более естественна идентифицирующая, а для других – предикатная роль. Наблюдения показывают, что распределение существительных между идентифицирующими и предикатными именами неодинаково в разных семантических рядах. Оно прежде всего различно у имен лица и имен предмета.

Одно и то же лицо может получать в языке множество разнообразных номинаций. Так, например, герой пьесы Н. В. Гоголя «Ревизор» отвечает многим дескрипциям – *молодой человек, сын помещика, дворянин, чиновник, наглец, хвастун, картежник, мот, лгун, шарлатан, самозванец, фантазер, хозяин Осипа, жених Марии Антоновны* и, возможно, *автор «другого Юрия Милославского»*. В тексте комедии он обозначается как *уполномоченная особа, ревизор, чиновник, молодой человек, именитый гость, важный гость, вельможа, генерал*, и даже *генералиссимус, столичная штучка*,

тонкая штучка, такая особа, важная персона, важная птица, сочинитель, государственный человек, высокий посетитель. Для Анны Андреевны – он образованный, светский, высшего тона человек и милашка; прекрасный, воспитанный человек самых благородных правил, для Осипа – барин, хотя и елистратишка простой, для трактирщика – мошенник, плут, подлец и широмыжник, для городничего – дьявол («Фу ты, канальство, с каким дьяволом породнились»), а после разоблачения – сосулька, тряпка, вертопрах, скверный мальчишка.

Большинство приведенных номинаций по существу своему, по своей основной функции в сообщении предикаты: они используются не столько для идентификации предмета речи (не для того, чтобы назвать), сколько для того, чтобы дать о референте некоторую информацию или выразить к нему свое отношение (для того, чтобы обозначить или обозвать). Использование качественных и оценочных имен лица единственно с целью отождествления предмета сообщения в общем случае неуместно. А. Вержбицкая справедливо указывает, что обозначения лица типа *подлинный художник, отличный оратор, хороший пловец* непригодны для целей идентификации, т.е. не могут фигурировать в роли субъекта предложения. Автор обращает на себя внимание, что в русском языке отрицательная характеристика лица тяготеет к выражению существительными, в то время как одобрительность предпочтительно передается прилагательными. Сравните: *Подлец он такой, вертлявый такой, лизун, Голядкин он этакой... Ну, вот он подлец, а я буду честный, и скажут, что вот этот Голядкин подлец, на него не смотрите и его с другими не мешайте, а этот вот честный, добродетельный, кроткий, незлобивый, весьма достойный по службе и к повышению чином достойный; вот оно как* (Ф. Достоевский). Сравните также различие в коннотациях прилагательных *добрый, умный, простой, тихий*, и существительных *добряк, умник, простак, тихоня*.

Основная часть их семантического содержания указывает не на объективные признаки лица (референта имени), а на отношение к нему говорящего. Все субъективно-оценочные элементы (прагматические операторы, по У. Вейнрейху) связаны с предикатом, а не с субъектом, что особенно очевидно на примере гипокористик (уменьшительно-ласкательных форм имен), столь характерных для славянских языков. Функционируя в сфере собственных имен, т.е. слов, специально служащих для идентификации референта, оценочная деривация лишает имя идентифицирующей функции, переводя на роль обращения.

При необходимости уяснить собеседнику, о ком идет речь, говорящие прибегают к имени собственному – *Иван Александрович Хлестаков*, пользуются дескрипциями, фиксирующими статус референта по отношению к автору или адресату речи (например, *барин* в речи Осипа, *важный гость* в репликах членов семьи городничего) или прибегают к функциональному обозначению – *ревизор*. Обычно именно эти три категории имен лица – имя собственное, имя реляционное (*шеф, мать, барин, начальник*) и имя функциональное, обозначающее жизненные «амплуа» (*водопроводчик, дворник, лифтер, монтер, редактор, милиционер, министр*) используются

для идентификации «предмета сообщения». В этих же целях применяются обозначения, построенные на окказиональном опознавательном признаке, выводимом из конкретной ситуации и легко развертывающемся в относительное придаточное. Сравните: *преступник* тот, кто совершил преступление; *пришедший* – тот кто пришел; *потерпевший* – тот, кто понес ущерб; *больной* тот, кто страдает каким-либо недугом или, точнее, тот, кто обращается за помощью к врачу, лежит в больнице или лечится в санатории; *укушенный* (в известном скетче) – тот, кого укусила собака.

Таким образом, выбор обозначения лица в большой степени зависит от той функции, которая ему отведена в сообщении. Сравните: *Иван Александрович Хлестаков (хозяин Осипа, гость городничего, приезжий, живущий под лестницей, ревизор)* – *наглец (лгун, шарлатан)*. В разряде названий лица на одном полюсе сосредоточены имена собственные, способные только удостоверить личность референта, на другом – имена качественные, приспособленные к предикативности. Между ними расположены другие номинации, в том числе имена функциональные, реляционные и окказиональные, пригодные к выполнению как идентифицирующей, так и предикатной роли в высказывании, а следовательно, обладающие как более обобщенным, так и более конкретным, ориентированным на денотат или класс денотатов, значением.

Среди имен предметов функциональная специализация не столь явственна. Предметы обычно называются одинаково – своим «родовым» именем. У них есть «фамилия», отображающая их «фамильное сходство», но нет имени-отчества. Различие в коммуникативной функции имени предмета отмечается актуализаторами – артиклем, указательными и притяжательными местоимениями. Имена собственные, как известно, присваиваются лишь членам немногих классов реалий – географическим понятиям, топографии населенных пунктов, общественным местам, учреждениям, небесным телам и т.п. «Чистые» предикаты (обычно они имеют эмоционально-оценочный характер) применимы также к немногим категориям предметов. Сравните: *бурда, отравы, помои* (о невкусной еде), *забегаловка* (о плохом ресторане, столовой и пр.), *сарай* (о неудобной комнате), *конюшня, хлев, свинарник, стойло* (о грязном помещении), *барахло, дребедень, дрянь* (о плохой вещи), *хлам* (о старых и ненужных вещах), *рухлядь* (часто о старой, сломанной мебели), *дыра* (о захудалом населенном пункте), *махина* (о большом, часто нелепом предмете или сооружении) и т.п. Сравните: *Он, господа, стоит в уголку, забившись в местечко хоть не теплее, но зато закрывшись отчасти огромным шкафом и старыми ширмами, между всяким дрязгом, хламом и рухлядью* (Ф. Достоевский).

В качестве предикатной номинации, обслуживающей имена событий и предметов (реже лиц), могут использоваться названия отвлеченного качества: *прелесть, пакость, мерзость, безвкусица, загляденье, объединение, одно*. Все это вполне естественно: человек получает в языке множество разнообразных обозначений. Он может быть назван по своим общественным функциям, взглядам, моральному облику, нравственным склонностям и вкусам, по своим поступкам и поведению, семейному статусу, родственным

связям, внешнему виду, участию в тех или иных событиях и происшествиях, отношению к нему говорящего и многому другому. Возможности номинации предметов более ограничены: они обозначаются либо по своей функции в жизни человека, либо по какой-либо внешней черте, реже по тому, как они оцениваются говорящим.

Потребность индивидуализации человека постоянна и настоятельна. Лишь члены толпы или функционального коллектива иногда воспринимаются обезличенно – хористы, статисты, зеваки, легионеры, воины, кинозрители, покупатели, прохожие, пассажиры. Напротив, необходимость в выделении отдельного предмета крайне мала. Она практически сведена к нулю применительно к элементам «дискретной массы» – травинкам, песчинкам, кирпичам, любым крупинкам, кускам сахара, шпалам, кафельным плиткам, изюминкам, вишенкам, листочкам, еловым шишкам, доскам, волоскам, конвертам, снежинкам и т.п. Здесь важно однако подчеркнуть не столько социальные причины этого явления (они очевидны), сколько различие в семантической природе номинации разных категорий реалий: среди имен лица наблюдается достаточно определенная соотношенность между коммуникативной функцией и способом номинации, среди названий предметов в общем случае такая связь ослаблена. Обозначения предметов менее коммуникативно заострены, менее связаны с речевым заданием.

Указанное общее различие ведет к тому, что семантические свойства имен нарицательных в классах названий лица и предмета оказываются тоже различными. Использование большинства имен предметов для называния (денотации), а не обозначения (сигнификации) семантически сближает их с именами собственными.

Приведенные ранее соображения о семантической элементарности предикатов и семантической комплексности идентифицирующих дескрипций остаются в силе и применительно к нарицательным именам лица и предмета. Они, в частности, подтверждаются наблюдениями над развитием значения некоторых номинаций, опирающихся на метафору.

Образные характеристики лица типа *заяц*, *обезьяна*, *медведь*, *осел* и пр., подобно классическим предикатам, стремятся к моносемности. Перенесенные на человека, эти названия животных обычно сохраняют в своем значении только один качественно-оценочный признак: *заяц* – трусливый, *осел* – глупый или упрямый, *обезьяна* – склонный к подражанию, *медведь* – неуклюжий. Напротив, порожденные совершенно аналогичной метафорой названия предметов – *быки* (моста), *собачка* (огнестрельного оружия), *журавль* (колодца), *кукушка* (поезд), *кошка* (вид якоря, обувь с острыми шипами) и т.п. – быстро утрачивают свою образность и их понятийное содержание обогащается большим или меньшим количеством идущих от денотата признаков, необходимых для отождествления соответствующих предметов. Признаки одного класса реалий заменяются признаками другого класса.

Итак, по своему семантическому типу нарицательные названия конкретных предметов близки именам собственным. Те и другие, восходя нередко к метафоре, основанной на одном опознавательном признаке, вскоре

передают забвению первоначальный образ, заменяя его «портретом» референта (ср.: имена собственные *Кошка*, *Кукушкин*) или класса референтов (ср.: имена нарицательные *кошка*, *кукушка*).

Задание 4. Соотнесите приведенные высказывания с ключевыми идеями русской культуры:

1) *непрогнозируемость результата*, в том числе собственных действий; *фатальность*, в соответствии с которой «с человеком нечто происходит как бы само собой, и не стоит прилагать усилия, чтобы нечто сделать, потому что в конечном счете от нас ничего не зависит»; *непредсказуемость мира*, которая «обращивается непредсказуемостью результата – в том числе, собственных действий»;

2) *незавершенность*, за которой стоит «представление, что главное – собраться, т.е. чтобы что-то реализовать, необходимо прежде всего мобилизовать свои внутренние ресурсы, а это зачастую бывает трудно и непросто сделать»;

3) *смирение, покорность*, через призму которой воспринимается «недостаточная выделенность индивида как автономного агента, как лица, стремящегося к своей цели и пытающегося ее достичь, как контролера событий»; *«непостижимость и неконтролируемость жизни»*, что объясняет «пассивность и ощущение того, что человеку неподвластна его собственная жизнь, что его способность контролировать жизненные позиции ограничена»; *неопределенность*;

4) *пассивность, неволюнтативность чувства, отсутствие контроля над чувствами*;

5) *коллективизм, соборность*, которая зачастую имеет своей «обратной стороной потенциальный инфантилизм» членов языкового сообщества и как следствие «возможность снять с себя ответственность за собственные действия».

(1) Оля! **Нельзя быть такой глупой!** Мне очень нужно сказать тебе, что я тебя люблю, понимаешь? (О. Зуева)

(2) Если соус будет недостаточно острым, то **можно добавить** красный молотый перец. («Рецепты национальных кухонь: Скандинавская кухня»)

(3) **Желательно оставить** приглашение на вечеринку без ответа. (Что нас ждет в августе)

(4) **Грешно не вспомнить** и о женщинах-помощницах, которые еще и украшали арену своим присутствием. (И.Э. Кио. «Иллюзии без иллюзий»)

(5) Во-вторых, вряд ли **дозволительно стилизовать** все Печерское благочестие под стать этой «мрачной доктрины» и **сводить** все Печерские подвиги к изуверству. (Г. Флоровский «Пути русского богословия»)

(6) — А потому и **поговорить**, значит, **можно и дозволительно**, к чему ведет этот приказ. (П.Н. Краснов «От Двуглавого Орла к красному знамени»)

(7) Но если продолжать мысль, то **позволительно спросить**: а что же будет с черепом, специально обработанным с целью удалить

полностью или частично кальциевые соли? (Ю.О. Домбровский «Обезьяна приходит за своим черепом»)

(8) Почаще **помышлять** о смерти **должно** и о прочих горестях. (Г. Сковорода «Толкование из Плутарха о тишине сердца»)

(9) — Да нет, тут **смеяться нечего**, — сказал он сердито. (Ю.О. Домбровский «Хранитель древностей»)

(10) Ему **потребно снасть**, как шить ф сфете. (Д.И. Фонвизин «Недоросль»)

(11) **Необходимо помнить**, что нормальному ребёнку всегда можно помочь, стоит только приложить определенные усилия. (А. Луговская «Если ребенок боится ходить в школу»)

(12) Как хочется спать растущему организму. Но **надо вставать**. Это проклятое слово — надо. (В. Токарева «Своя правда»)

(13) **Надобно** тебе **пристроиться**, пока есть еще время; **найти** опору в новых связях, **вступить** в союз с русским боярством. (А.С. Пушкин «Арап Петра Великого»)

(14) Чтобы что-то разрушить, его **надобно** сперва **построить**. (М. Шишкин «Всех ожидает одна ночь»)

(15) Если же растений много, а времени на уход за ними не хватает, **нужно купить** систему полива для комнатных растений. (Татьяна Булгакова «Цветочная “косметичка”»)

Задание 5. Проанализируйте примеры компрессии текста при переводе. Установите их тип и причину

<i>Kuran Grewal, 21, another suitemate, bumped into Mr Cho in the bathroom. Not a word. Mr. Cho dabbed moisturizer on his eyes and slid in contact lenses. He brushed his teeth.</i>	Другой сосед по комнате Куран Груэл натолкнулся на Санг-Ху Чо в ванной комнате. Тот не проронил ни слова. Как обычно, он попрыскал увлажняющей жидкостью глаза, вставил контактные линзы и почистил зубы.
<i>He felt he knew nothing.</i>	Он почувствовал, что ничего не знает.
<i>Shortly after 7 a.m., she was killed by bullets from Mr. Cho's gun.</i>	В самом начале восьмого Санг-Ху Чо застрелил ее из своего ручного автомата
<i>The police service is taking effective action to improve performance and standards.</i>	Служба полиции предпринимает действенные меры для повышения качества своей работы.
<i>Any dispute, controversy or claim arising out of or in connection oith this Agreement, including those arising in relation</i>	Любой спор, разногласие или иск, возникающий в связи с настоящим Соглашением, включая все споры, разногласия и иски,

<i>to the performance, breach, termination or invalidity of this Agreement, shall be referred to the International Commercial Arbitration Court at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation for resolution in accordance with its rules.</i>	возникающие в связи с его исполнением, нарушением, расторжением или признанием Соглашения недействительным будет разрешаться в Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации в соответствии с его регламентом.
<i>Taken together, traffic jams cost drivers nearly 11 hours per month of lost time.</i>	Простаивая во всех этих пробках, водители теряют до одиннадцати часов в месяц.

1. Опушения, вызванные регулярными языковыми несоответствиями.
2. Опушение признаков предметной ситуации, семантически избыточных по нормам русского языка.
3. Опушение компонентов высказывания, дублирующих друг друга.
4. Свертывание придаточного предложения в слово или словосочетание / свертывание словосочетания в слово или более короткое словосочетание.

Задание 6. Прочитайте приведенный текст. Приведите свои примеры каждого типа компрессии.

Информационная компрессия – это сжатие плана означающего при сохранении плана означаемого. Для определения предела сжатия существует понятие текстовой нормы. В разных текстах она будет разной, однако есть и общий показатель у этой нормы: речевая единица не должна утрачивать своего коммуникативного смысла.

Вопрос о текстовой норме особенно жестко стоит в деловой и справочной литературе, во вторичной научной литературе (реферат, аннотация, тезисы).

Существует ряд мотивов, которые обуславливают компрессию информации, в частности следующие:

- 1) требования языковой прагматики;
- 2) требования эстетические и требования жанра;
- 3) требования стилистические.

В первом случае, например, показательно применение терминов, дающих максимальное свертывание информации. Во втором случае компрессия информации диктуется жанровыми установками текста, например в афористике. Третий случай связан с применением особых сти-

листических приемов, например умышленное умолчание, недоговоренность.

Существуют семиотические и коммуникативные способы информационной компрессии.

К *семиотическим* (знаковым, языковым) относятся: лексическая компрессия, синтаксическая компрессия и формирование речевых стереотипов.

К *коммуникативным* (собственно текстовым) относятся: свертывание информации и применение повторной номинации.

Идеальным примером лексической компрессии считается употребление термина без его определения, так как термин номинирует понятие в предельно свернутом виде.

Синтаксическая компрессия предусматривает сжатие знаковой структуры путем эллиптирования, грамматической неполноты, бессоюзия, синтаксической асимметрии (пропуска логических звеньев высказывания).

Речевой стереотип рождается из-за частого употребления в определенной ситуации. Например, в деловом тексте может быть не реализована валентность управления: *Предметом договора является право подъезда (подъезд к чему?)*. Или: *Телеграмма с номером, датой и суммой банковского авизо* (вместо: *телеграмма с указанием номера, даты...*). Подобные сокращения допускаются иногда при использовании больших по объему терминов, когда опускаются условно какие-то его части или термин-словосочетание заменяется одиночным термином, например: *обменная операция – обмен; принесение протеста – опротестование; осужденное лицо – осужденный; текст целого произведения – целый текст; средства выражения смысла – средства выражения*.

Примеры на синтаксическую компрессию: – *Да, музыкальная одаренность Скрябина обнаружилась очень рано, но музыкальная одаренность вообще проявляется рано* (А. Рекемчук). В этом предложении опущено логико-смысловое звено на уровне означающего, ср.: *Да, музыкальная одаренность Скрябина обнаружилась очень рано, но* [в этом нет ничего удивительно, потому что] *музыкальная одаренность вообще проявляется рано*.

В одной из сказок Андерсена засохший розовый куст покрылся среди жестокой зимы белыми душистыми цветами (К. Паустовский). – *В одной из сказок Андерсена* [рассказывается, как] *засохший розовый куст покрылся...*

Гоголь был странным созданием, но гений всегда странен: только здоровая посредственность кажется благородному читателю мудрым, старым другом, обогащающим его, читателя, представление о жизни. Великая литература идет по краю иррационального (В. Набоков. Николай Гоголь). – *Гоголь был странным созданием, но* [это и не удивительно, так как] *гений всегда странен...*

Коммуникативные способы компрессии информации связаны со свертыванием информации, например, в реферате опускается система доказательств и аргументации, полно и широко поданная в первоисточнике. К этому же типу относится и использование средств повторной номинации – лаконичных, замещающих пространные куски текста, часто это только указательные слова или сочетания вроде «этот вопрос», «в таких случаях», «данные сведения» и т.п.

В любом случае – и при семиотических способах компрессии, и при коммуникативных способах – наблюдается сокращение текстового пространства за счет преобладания объема означаемого над объемом означающего.

Но условия речевой прагматики часто ограничивают компрессионные возможности. Например, в научно-популярном тексте использование терминов как семиотического средства компрессии часто оказывается невозможным, так как это отрицательно сказывается на восприятии текста. Непонятное должно быть объяснено и достаточно пространно. Не объясняются лишь термины, известные читателю, например: термины-понятия, включенные в школьную программу (*радиоволны, цепная реакция*); термины, часто употребляемые в печати, в быту (*инфаркт миокарда, СПИД, ОРЗ*), например, в следующем отрывке не требуются определения, так как используемые термины доступны среднеобразованному человеку: *Связь между психикой и телом осуществляется через вегетативную нервную систему и проявляется в виде различных вегетативно-сосудистых реакций* (Домашний доктор). В других случаях введение термина ориентировано на ближайшее известное понятие, например: *Деформация шейки бедра проявляется «утиной походкой», поясничным лордозом (**выбуханием**), ограничением отведения и ротации (**поворота**) в тазобедренном суставе* (Домашний доктор). Определения и замены могут сочетаться в одном тексте: *Психосоматические болезни – это болезни нарушенной адаптации (приспособления, защиты) организма. Человек постоянно существует в условиях стресса, так как он не изолирован от влияния окружающей среды* (Домашний доктор). В данном примере имеется и определение термина, и отсылка к известному понятию, и введение термина (*стресс*) без пояснения. Требуют пояснения и термины, значения которых разошлись с общелитературным (например, «озонная дыра» – уменьшение слоя стратосферного озона).

В целом информационная компрессия приводит к лаконизации текста, степень которой зависит от коммуникативной ситуации. Лаконизация в таком случае не есть сокращение текста за счет снятия части информации, но сокращение с сохранением полного объема информации. Следовательно, информационная компрессия – это один из способов повышения информативности вербальных средств выражения (речевых единиц). И способ этот в общем виде сводится к следующему: добиться

построения такого текста, в котором был бы максимально выражен необходимый смысл при минимальной затрате речевых средств.

Валгина Н.С. Теория текста

Задание 7. Установите, тип синтаксической компрессии в тексте и ее причину.

D.J. Bisset

Many windows

Many floors

Many people

Many stores

Many streets

And many hangings

Many whistles

Many clanging

Many, many, many, many –

Many of everything, many of any.

Задание 8. Рассмотрите правила формирования предложения в английском языке.

Подлежащее + сказуемое + прямое дополнение

В обычном утвердительном предложении подлежащее ставится непосредственно перед сказуемым (глаголом). Прямое дополнение, когда оно есть, идет сразу после глагола. Например:

1. They bought a car. – Они купили машину.
2. We can't do that. – Мы не можем этого сделать.
3. The girl in a blue dress was playing the piano. – Девочка в синем платье играла на фортепиано.

Предикат

Заметьте, что под подлежащим мы здесь подразумеваем не только главное существительное или местоимение, но и прилагательные или описательные фразы, которые к нему относятся. Остальная часть предложения, которая не относится к подлежащему, называется предикатом. Например:

The girl in a blue dress was playing the piano.

Косвенные дополнения и обстоятельства

Если в предложении есть еще какие-либо части – косвенные дополнения или обстоятельства – они обычно занимают строго определенное место.

Позиция косвенного дополнения

Косвенное дополнение ставится *после* прямого дополнения, если оно содержит предлог *to*.

Косвенное дополнение ставится *перед* прямым дополнением, когда *to* отсутствует. Например:

1. The teacher gave dictionaries to the pupils. — Учитель раздал словари ученикам.
2. The teacher gave them dictionaries. — Учитель раздал им словари.

Позиция обстоятельства

Обстоятельство может ставиться в трех местах:

Перед подлежащим (обычно это обстоятельства времени)

1. In the morning he was reading a book. — Утром он читал книгу.

После дополнения (сюда можно поставить практически любое наречие или обстоятельственный оборот):

2. He was reading a book at the library. — Он читал книгу в библиотеке.

Между вспомогательным и основным глаголом (как правило, это короткие наречия):

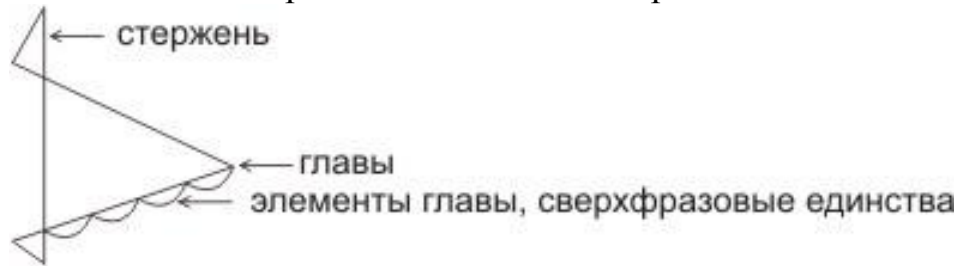
3. He has already read this book. — Он уже прочел книгу.

Соотнесите эти позиции с требованиями к строению предложения в русском языке.

Задание 9. Установите содержание понятия *нестандартный порядок слов* применительно к английскому и русскому языкам.

Английский язык	Русский язык
Обычно в стандартном английском между подлежащим и сказуемым или между сказуемым и дополнением не ставится других слов. Но есть несколько исключений. Вот самые важные из них: Наречия частоты действия и косвенные дополнения без предлога <i>to</i> 1. I <i>sometimes</i> drink coffee in the morning. — Я <i>иногда</i> пью кофе по утрам. 2. He showed <i>the driver</i> his bus pass. — Он показал <i>водителю</i> свой проездной на автобус.	?

Задание 10. Построение текста можно представить в виде схемы

Охарактеризуйте каждый компонент, проиллюстрировав примерами.

Образец: стержень – это та основная мысль, которая пронизывает весь текст и ...

Текст эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир» (изначально название эпопеи Л.Н. Толстого писалось следующим образом – «Война и миръ», где миръ имело значение «все люди, весь свет, род человеческий») также содержит основную мысль, стержень, отражённый в названии: война и народ, человек, человечество. Каждая из глав посвящена более конкретной теме, но она так или иначе связана с основной идеей романа-эпопеи.

Тема 7

УРОВНИ ЯЗЫКА В КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ТЕКСТ

1. Культурологический аспект текста. Национально-культурный компонент текста.
2. Прагматичные и проективные тексты.
3. Прецедентные тексты и прецедентные высказывания.
4. Роль фоновых знаний в восприятии социокультурной информативности текста.

Задание 1. Назовите понятия, которые входят в проблемное поле темы «Уровни языка в культуроведческом аспекте. Текст». Обоснуйте свой выбор.

Антропоцентризм, гендер, идеологема, концептуальный анализ языка, культурная коннотация, культурный код, культурный концепт, ментальность, менталитет, национальный характер, мифологема, научная картина мира, национальная специфика языка, образ человека по данным языка, парадигма культурная, прагмема, субъективность языка, тезаурус культуры, «человеческий фактор» в языке, эгоцентризм языка, культурный код, культурная парадигма, языковая картина мира, языко-

вая личность, константа культуры, концептосфера, культурная сема, культурный фон, культурный фонд, культурная универсалия, лакуна, модель мира, культурное пространство, лингвокультурный типаж, когнитивная база этноса, стереотипы, прецедентные феномены, лингвокультурный тип, тезаурус, идиолект, речевая личность.

Какие принципиально важные понятия темы следует добавить к полученному перечню?

Задание 2. Установите смысловые связи соответствия между понятиями и их дефинициями.

<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>Прагматический текст</i> 2. <i>Проективный текст</i> 3. <i>Первое измерение (линия)</i> 4. <i>Второе измерение (площадь)</i> 5. <i>Третье измерение (глубина)</i> 6. <i>Четвертое измерение (время)</i> 7. <i>Текст культуры</i> 	<ol style="list-style-type: none"> а) эксплицитный текст, в котором мысль автора ясно выражена словами в тексте б) имплицитный текст, т.е. с подтекстовой информацией, мысль автора или не полностью выражена, или совсем не выражена, автор хочет, чтобы читатель или слушатель сам ее понял или угадал в) линейность речи, для восприятия текста необходимо соотнесение с контекстом, ведь компоненты текста, слово за словом, фраза за фразой, грамматически и логически связаны и подчинены общей теме и главной идее текста. Данное измерение учитывается, главным образом, при переводе текста информации г) речевая ситуация, текст воспринимается с учетом соответствующей речевой ситуации, и буквальный перевод иногда не выполняет коммуникативной задачи. Например, на прощание китайцы говорят «您慢走» – буквальный перевод «Идите медленно» не годится, а лучше «До свидания» или «Всего доброго»; при встрече гостей издалека китайцы говорят «一路辛苦了» – буквальный перевод – «Вам было нелегко в пути», лучший перевод – «Как доехали?» д) подтекстовая мысль, которая имплицитно выражается с помощью языковых средств, таких как омонимы, паронимы, трансформация фразеологии, языковая игра и т.д., и фоновых знаний культуры. Например: «Многие реформаторы учились в американских учебных заведениях... решали не менее главную задачу – превращение мощи нашей армии просто в мощи»
--	---

	<p>е) время цитаты и выдержки из чего-то не-сходно со временем повествования текста. Например: «Режиссер говорит артисту, у которого месяц дома не было горячей воды, и он долго не мылся: “Раз у тебя месяц нет горячей воды – будешь играть Отелло”».</p> <p>Для правильного восприятия четвертого измерения текста необходимы фоновые знания культуры</p> <p>ж) текст со вторым, третьим или четвертым измерением</p>
--	--

Задание 3. Определите, каким социокультурным потенциалом обладают приведенные англоязычные прагматические тексты.

1. Madam Tussaud’s

This wax museum has an incredible collection. There are famous people from history from Napoleon to Winston Churchill, and modern celebrities from the worlds of sport, pop and films. Open: 10 a.m. – 5.30 p.m. (Monday – Saturday). Marylebone Street (Tube: Baker Street). Adults: £ 13.50; children: £10.00

2. The British Museum

One of the great museums in the world. There are famous exhibitions from ancient Egypt, Rome, Greece and other parts of the world. Open: 10 a.m. – 5 p.m. (Monday – Saturday) and 2.30 p.m. – 6 p.m. (Sunday). Great Russel Street (Tube: Holborn). Free entrance.

3. The Natural History Museum

The museum is in a beautiful old building and has interactive exhibitions. See ‘live’ dinosaurs and learn about animal and plant life on our planet! Open: 10 a.m. – 6 p.m. (Monday – Saturday) and 12 a.m. – 6 p.m. (Sunday). Cromwell Road (Tube: South Kensington). Free entrance.

4. The Globe Theatre

Visit the replica of the old theatre. Learn about the life and plays of Shakespeare. Open: 9 a.m. – 12 a.m. (Monday – Friday). New Globe Walk (Tube: Southwark). Adults: £7.50; children £4.50

Задание 4. Создайте собственный прагматический текст одного из типов – меню, рецепта, проспекта, афиши, путеводителя, брошюры.

Для справок. Прагматические тексты насыщены языковыми реалиями, безэквивалентной лексикой, содержат большое количество страноведческих знаний и знаний, связанных с ценностным восприятием окружающего мира. Например, в таких типах текста, как меню и рецепт, встречается безэквивалентная лексика, связанная с названиями блюд и кухни страны. На афишах, в проспектах можно наблюдать за тем, какие ценности и традиции существуют в странах изучаемого языка. В путеводителях встречаются географические реалии, имена видных деятелей, реалии, связанные с общественно-политической системой, системой образования и культуры. На картах и схемах проезда можно увидеть большое количество топонимов.

Задание 5. Установите, какие типы безэквивалентной лексики иллюстрируют приведенные примеры: этнографическая лексика; онама-

стическая лексика; общественно-политическая лексика; рекламная лексика; географическая лексика

1. Артезианская вода «Веда» будет Вам полезна.
2. Без дранников нельзя вообразить нашу жизнь.
3. Бублики к чаю.
4. В Гродненском зоопарке зубры дали потомство впервые за последние пять лет.
5. В День Победы дарили цветы.
6. В зачетке поставили оценку.
7. В фильме «Старые клячи» была та же история.
8. Заседание городского исполнительного комитета прошло успешно.
9. Иванова участвовала в конкурсе.
10. Изба в лесу.
11. Каравай был очень вкусным.
12. Люди бодро шагали по улице Ленина.
13. Максим Богданович здесь писал свои творения.
14. Маленький хозмаг.
15. Мы были в парке культуры.
16. Мы пошли в закусочную.
17. Общежитие находилось рядом.
18. Он был в валенках.
19. Поехал старенький «Запорожец».
20. Появилась новая блинная
21. Появились первые пролески.
22. Сирень цвела в саду.
23. Субботник прошел успешно.
24. У Варвары Ивановны в хозяйстве было три хрюшки, а также несколько кур-несушек.
25. У них борщ всегда на столе.

Задание 6. Приведите развернутый лингвокультурологический комментарий текста, отметив:

а) представленность в нем лингвокультурных единиц, характеризующих русскую национальную языковую картину мира (ментальные факты);

б) элементы индивидуально-авторской картины мира (индивидуальные метафоры, эпитеты, сравнения, символы, образы и др. литературно-художественные приёмы, создающие неповторимый авторский стиль).

Александр Пушкин. Евгений Онегин (отрывок)

Татьяна верила преданьям
Простонародной старины,
И снам, и карточным гаданьям,
И предсказаниям луны.
Ее тревожили приметы;
Таинственно ей все предметы
Провозглашали что-нибудь,
Предчувствия теснили грудь.
Жеманный кот, на печке сидя,
Мурлыча, лапкой рыльце мыл:
То несомненно знак ей был,
Что едут гости. Вдруг увидя
Младой двурогий лик луны
На небе с левой стороны,

Она дрожала и бледнела.
Когда ж падучая звезда
По небу темному летела
И рассыпалась, – тогда
В смятенье Таня торопилась,
Пока звезда еще катилась,
Желанье сердца ей шепнуть

Когда случалось где-нибудь
Ей встретить черного монаха
Иль быстрый заяц меж полей
Перебегал дорогу ей,
Не зная, что начать со страха,
Предчувствий горестных полна,
Ждала несчастья уж она.
Что ж? Тайну прелесть находила
И в самом ужасе она:
Так нас природа сотворила,
К противоречию склонна.
Настали святки. То-то радость!
Гадает ветренная младость,
Которой ничего не жаль,
Перед которой жизни даль
Лежит светла, необозрима;
Гадает старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потеряв невозвратно;
И все равно: надежда им
Лжет детским лепетом своим.

Задание 7. Приведите развернутый лингвокультурологический комментарий текста, отметив:

а) представленность в нем лингвокультурных единиц, характеризующих русскую национальную языковую картину мира (ментальные факты);

б) элементы индивидуально-авторской картины мира (индивидуальные метафоры, эпитеты, сравнения, символы, образы и др. литературно-художественные приёмы, создающие неповторимый авторский стиль).

Николай Гоголь. Мертвые души (отрывок)

Лошадки расшевелились и понесли, как пух, легонькую бричку. Селифан только помахивал да покрикивал, плавно подсакивая на козлах, по мере того как тройка то взлетала на пригорок, то неслась духом с пригорка, которыми была усеяна вся столбовая дорога, стремившаяся чуть заметным накатом вниз. Чичиков только улыбался, слегка подлетывая на своей кожаной подушке, ибо любил быструю езду. И какой же русский не любит быстрой езды? Его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: «черт побери все!» – его ли душе не любить ее? Ее ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно-чудное? Кажись, неведомая сила подхватила бы тебя на крыло к себе, и сам летишь, и все летит: летят версты, летят навстречу купцы на облучках своих кибиток, летит с обеих сто-

рон лес с темными строями елей и сосен, с топорным стуком и вороньим криком, летит вся дорога невесть куда в пропадающую даль, и что-то страшное заключено в сем быстром мельканье, где не успевает означиться пропадающий предмет, – и только небо над головою, да легкие тучи, да продирающийся месяц одни кажутся недвижны. Эх, тройка! Птица тройка, кто тебя выдумал? Знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарябит тебе в очи. И не хитрый, кажись, дорожный снаряд, не железным схвачен винтом, а наскоро живьем с одним топором да долотом снарядил и собрал тебя ярославский расторопный мужик. Не в немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы, и сидит черт знает на чем; а привстал, да замахнулся, да затянул песню – кони вихрем, спицы в колесах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога, да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход – и вон она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вон уже видно вдали, как что-то пылит и сверлит воздух.

Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади. Остановился пораженным божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? Что значит это наводящее ужас движение? И что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях? Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Заслышали с вышины знакомую песню, дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится вся вдохновенная Богом!.. Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земли, и, косясь, посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства.

Задание 8. Приведите развернутый лингвокультурологический комментарий текста, отметив:

а) представленность в нем лингвокультурных единиц, характеризующих русскую национальную языковую картину мира (ментальные факты);

б) элементы индивидуально-авторской картины мира (индивидуальные метафоры, эпитеты, сравнения, символы, образы и др. литературно-художественные приёмы, создающие неповторимый авторский стиль).

Константин Бальмонт. Безглагольность

Есть в русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящие дали.

Приди на рассвете на склон косогора, –
Над зябкой рекою дымится прохлада,
Чернеет громада застывшего бора,
И сердцу так больно, и сердце не радо.

Недвижный камыш. Не трепещет осока.

Глубокая тишь. Безглагольность покоя.

Луга убегают далеко-далеко,

Во всем утомленье, глухое, немое.

Войди на закате, как в свежие волны,

В прохладную глушь деревенского сада, –

Деревья так сумрачно-странно-безмолвны,

И сердцу так грустно, и сердце не радо.

Как будто душа о желанном просила,

И сделали ей незаслуженно-больно.

И сердце простило, но сердце застыло,

И плачет, и плачет, и плачет невольно.

Задание 9. Приведите развернутый лингвокультурологический комментарий текста, отметив:

а) представленность в нем лингвокультурных единиц, характеризующих русскую национальную языковую картину мира (ментальные факты);

б) элементы индивидуально-авторской картины мира (индивидуальные метафоры, эпитеты, сравнения, символы, образы и др. литературно-художественные приёмы, создающие неповторимый авторский стиль).

Осип Мандельштам

Умывался ночью на дворе, –

Твердь сияла голубыми звёздами.

Звёздный луч – как соль на топоре,

Стынет бочка с полными краями

За замок закрыты воротá,

И земля по совести сурова, –

Чище правды свежего холста

Вряд ли где отыщется основа.

Тает в бочке, словно соль, звезда,

И вода студёная чернее,

Чище смерть, солёнее беда,

И земля правдивей и страшнее.

Задание 10. Приведите развернутый лингвокультурологический комментарий текста, отметив:

а) представленность в нем лингвокультурных единиц, характеризующих русскую национальную языковую картину мира (ментальные факты);

б) элементы индивидуально-авторской картины мира (индивидуальные метафоры, эпитеты, сравнения, символы, образы и др. литературно-художественные приёмы, создающие неповторимый авторский стиль).

Сергей Есенин

Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот – и веселый свист.
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.
 Ах! Какая смешная потеря!
 Много в жизни смешных потерь.
 Стыдно мне, что я в Бога не верил.
 Горько мне, что не верю теперь.
Золотые далекие дали!
Все сжигает житейская мреть.
И похабничал я и скандалил
Для того, чтобы ярче гореть.
 Дар поэта – ласкать и корябать,
 Роковая на нем печать.
 Розу белую с черной жабой
 Я хотел на земле повенчать.
Пусть не сладились, пусть не сбылись
Эти помыслы розовых дней.
Но коль черти в душе гнездились –
Значит, ангелы жили в ней.
 Вот за это веселие мути,
 Отправляясь с ней в край иной,
 Я хочу при последней минуте
 Попросить тех, кто будет со мной, –
Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.

БЛОК КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ

Контрольные вопросы по тематике лекционного блока

1. Сколько научных парадигм с начала XIX века традиционно выделяют в истории лингвистики? Перечислите их.
2. Какая научная парадигма хронологически и фактически была первой и почему?
3. В рамках какой парадигмы выполнена работа Вильгельма фон Гумбольдта «О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития» 1820 г.?
4. Чью научную теорию и в рамках какой парадигмы развивает академик Виктор Владимирович Виноградов в классическом труде «Русский язык. Грамматическое учение о слове» (1947 г.)?
5. Какие образы предложил Ю.С. Степанов, чтобы отразить сложную сущность языка?
6. Какой образ языка становится определяющим для лингвокультурологии как науки?
7. С какими научными дисциплинами и каким образом связана лингвокультурология?
8. Как связаны язык, культура и цивилизация?
9. Какие ученые в начале XIX в. рассматривали проблему взаимоотношения языка, культуры и этноса?
10. Какой вклад в решение проблемы взаимоотношения языка, культуры и этноса внес А.Н. Афанасьев?
11. Какое положение теории В. фон Гумбольдта связано с понятием внутренней формы языка и особенно актуально для лингвокультурологии?
12. Каково прецедентное высказывание В. фон Гумбольдта, указывающее на несходство языков и, как результат, на разное восприятие мира людьми разных культур?
13. В чем состоит теория лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа?

14. Какие, согласно монографии Б. Уорфа «Отношение норм поведения и мышления к языку», устанавливаются отношения между культурой и языком?
15. Каковы теоретические положения лингвокультурологии?
16. Какая картина мира имеется в виду, если речь идет об отражении реальной картины мира через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через коллективное и индивидуальное сознание?
17. Какие формы общественного сознания выделяют в науке?
18. Как называется набор устойчивых представлений о национальном характере народа и как он формируется?
19. Что представляет собой национальная картина мира?
20. Какие отношения связывают дискурс, язык и речь?
21. Какие примеры национально-культурной специфики построения дискурса можно привести?
22. Какие существуют межкультурные различия в демонстрации эмоций?
23. Каковы основные признаки культурных концептов?
24. Что представляет собой универсальный слой концепта?
25. Какую информацию содержит культурный слой концепта?
26. Какие разновидности культуры, по мнению Н.И. Толстого, можно выделить?
27. Возможно ли существование в сознании субъекта нескольких концептосфер? Если да, то почему?
28. Какими смыслами структурирован концепт культуры?
29. Что такое идеологемы?
30. При помощи каких механизмов в лингвокультурологии устанавливаются основные черты русского характера?

Контрольные задания по тематике лекционного блока

1. Сформируйте состав ключевых слов темы I.
2. Составьте глоссарий для материала темы II.
3. Для материала темы III напишите план.
4. Составьте план-конспект темы IV.
5. Сформируйте опорную схему материала темы.
6. Продумайте последовательность и наполнение слайдов презентации по материалу темы VI.
7. Подберите иллюстративный материал к содержанию темы VII.

Темы исследовательских проектов

1. Культура и традиция: взаимодействие и сосуществование.
2. Мифологема как предмет исследования в лингвокультурологии.
3. Мужчина и женщина в обществе, культуре и языке.
4. Национальное коммуникативное поведение как предмет лингвокультурологического описания.
5. Понятие о менталитете и ментальности. Этническая ментальность.
6. Система ценностей русской культуры.
7. Текст как транслятор и хранитель культурной информации.
8. Типология культурных концептов.
9. Фразеологизмы как «свернутые тексты» культуры.
10. Языковые модели формирования картины мира (словообразовательные, морфологические, лексические, синтаксические).
11. Отражение языка в культуре и культуры в языке: концепция В. фон Гумбольдта.
12. Константы русской культуры как отражение ментальных воззрений.
13. Невербальные средства межкультурной коммуникации.
14. Прецедентные феномены в массово-информационном дискурсе.
15. Картина мира и репрезентирующие ее концепты в дискурсе масс-медиа.
16. Символы в национальной культуре.
17. Прецедентные феномены в художественном тексте.
18. Интертекст в художественном тексте.
19. Прецедентность текста русской народной сказки.
20. Прецедентные феномены в публицистическом тексте.
21. Основные концепты русской культуры в современном языке.
22. Стереотип: преграда коммуникации или ее успешное осуществление?
23. Языковая картина мира: «круг, выйти за пределы которого можно, только в другой круг» (В. фон Гумбольдт)?
24. Культурные темы в русской культуре и языке: эмоциональность (по А. Вежбицкой)
25. Культурные темы в русской культуре и языке: неконтролируемость (по А. Вежбицкой)
26. Культурные темы в русской культуре и языке: иррациональность (по А. Вежбицкой)
27. Культурные темы в русской культуре и языке: категорические моральные суждения (по А. Вежбицкой)
28. Прототипы и инварианты (по А. Вежбицкой)
29. Обозначение цвета и универсалии зрительного восприятия (по А. Вежбицкой)
30. Концептуальные основы психологии культуры (по А. Вежбицкой)

Тестовые задания по тематике блока практических занятий

1. Лингвокультурология получила научное обоснование
 - 1) в XVIII в.
 - 2) в XIX в.
 - 3) в XX в.
 - 4) в XXI в.
2. Важнейшее понятие концепции Т.Куна – это понятие
 - 1) парадигмы
 - 2) синтагмы
 - 3) прагматики
 - 4) паралекса
3. В смысловую структуру понятия парадигма включаются компоненты:
 - 1) научное достижение
 - 2) совокупность научных достижений
 - 3) признанные всем научным сообществом
 - 4) в определенный период времени
4. Науку, развивающуюся в рамках современной парадигмы, Т. Кун называет
 - 1) нормальной
 - 2) аномальной
 - 3) обычной
 - 4) характерной
5. Т. Кун называет головоломками
 - 1) особый характер научных проблем, для которых существует гарантированное решение
 - 2) научные проблемы, для которых не существует гарантированного решения
 - 3) научные исследования, выполняемые на базе исследовательского центра
 - 4) лингвистические оппозиции
6. Исторически второй научной парадигмой была
 - 1) сравнительно-историческая парадигма
 - 2) структурно-системная парадигма
 - 3) антропоцентрическая парадигма
 - 4) неоклассическая парадигма
7. Первой научной парадигмой в лингвистике была сравнительно-историческая, так как
 - 1) лингвистика преимущественно использовала метод сравнения при изучении языковых фактов

- 2) историческая наука была в авангарде системы научного знания
 - 3) сравнительно-исторический метод был первым специальным методом исследования языка
 - 4) лингвистика изучала историю того этноса, язык которого подвергался изучению
8. Традиционно в истории лингвистики в XIX–XX вв. выделяются парадигмы
- 1) сравнительно-историческая
 - 2) системно-структурная
 - 3) антропоцентрическая
 - 4) антропологическая
9. Возникновение сравнительно-исторического языкознания связывают со знакомством европейских лингвистов в конце XVIII века
- 1) с санскритом
 - 2) с латинским языком
 - 3) с древнегреческим языком
 - 4) с полабским языком
10. Ведущим принципом истолкования фактов в науке конца XVIII в. – начала XIX в. был
- 1) историзм
 - 2) теоцентризм
 - 3) идеализм
 - 4) позитивизм
11. Главными фигурами революции в сравнительно-историческом языкознании, которая привела к созданию сравнительно-исторической грамматики, были
- 1) Ф. Бопп
 - 2) Р. К. Раск
 - 3) Я. Grimm
 - 4) И.Г. Гердер
12. Против распространенных тезисов об исконности языка, его божественном происхождении и неизменяемости выступил
- 1) Ф. Бопп
 - 2) Р. К. Раск
 - 3) Я. Grimm
 - 4) И.Г. Гердер
13. Ввел термин сравнительная грамматика, подчеркнул роль грамматических элементов при установлении языкового родства
- 1) Ф. Бопп
 - 2) Ф. фон Шлегель
 - 3) Я. Grimm
 - 4) И.Г. Гердер

14. Первый опыт типологической классификации языков связан с именем

- 1) Ф. фон Шлегеля
- 2) Ф. Боппа
- 3) Я. Гримм
- 4) И.Г. Гердер

15. Внес достойный вклад в становление российского языкознания как редактор первого в империи словаря языков разных народов

- 1) П.С. Паллас
- 2) Н.И. Крушевский
- 3) И.А. Бодуэн де Куртенэ
- 4) М.В. Ломоносов

16. Один из самых ярких русских филологов середины XIX в., искусствовед, палеограф, специалист в области славянского и русского языкознания, древнерусской литературы и фольклора, истории древнерусского языка, древнерусского изобразительного искусства, блестящий педагог и лектор

- 1) Ф.И. Буслаев
- 2) А.Н. Афанасьев
- 3) В.И. Даль
- 4) М.В. Ломоносов

17. Историк и фольклорист, широко известный как издатель «Народных русских сказок», глубокий исследователь славянских преданий, верований и обычаев

- 1) Ф.И. Буслаев
- 2) А.Н. Афанасьев
- 3) В.И. Даль
- 4) М.В. Ломоносов

18. Автор «Толкового словаря живого великорусского языка»

- 1) Ф.И. Буслаев
- 2) А.Н. Афанасьев
- 3) В.И. Даль
- 4) М.В. Ломоносов

19. Одним из первых всячески подчеркивал неразрывную связь и взаимопроникновение языка и мышления

- 1) В. Фон Гумбольдт
- 2) Я.Гримм
- 3) Э.Сепир
- 4) Б. Уорф

20. Понимал язык как деятельность, в то время как распространена была точка зрения на язык как на застывший продукт человеческой деятельности

- 1) В. фон Гумбольдт

- 2) Я.Гримм
 - 3) Э.Сепир
 - 4) Б. Уорф
21. Поскольку языки несходны, разным будет и восприятие мира людьми разных культур – один из ключевых тезисов теории
- 1) В. фон Гумбольдта
 - 2) Я. Гримма
 - 3) Э.Сепира
 - 4) Б. Уорфа
22. Основой этой теории послужили взгляды В. фон Гумбольдта
- 1) теории непрерывности исторического развития
 - 2) теории исторического развития языка
 - 3) теории межкультурных коммуникаций
 - 4) теории лингвистической относительности
23. «Поведение людей объясняется лингвистическими факторами» – так считал
- 1) В. фон Гумбольдт
 - 2) Я.Гримм
 - 3) Э.Сепир
 - 4) Б. Уорф
24. В конце XX в. в России сложились
- 1) 4 лингвокультурологические школы
 - 2) 3 лингвокультурологические школы
 - 3) 2 лингвокультурологические школы
 - 4) 5 лингвокультурологических школ
25. Школами лингвокультурологии являются
- 1) школа лингвокультурологии Юрия Сергеевича Степанова
 - 2) школа Нины Давыдовны Арутюновой
 - 3) школа Вероники Николаевны Телия
 - 4) школа Дмитрия Сергеевича Лихачева
26. Методы лингвокультурологии
- 1) методы полевой этнографии: описание, классификация
 - 2) ареальный метод
 - 3) метод лингвистической реконструкции культуры
 - 4) ассоциативный эксперимент
27. Окружающий человека мир предстает в формах:
- 1) реальная картина мира
 - 2) культурная, понятийная или концептуальная картина мира
 - 3) языковая картина мира
 - 4) искусственная картина мира
28. Объективная внечеловеческая данность, мир, окружающий человека – это
- 1) реальная картина мира

- 2) культурная, понятийная или концептуальная картина мира
 - 3) языковая картина мира
 - 4) индивидуально авторская картина мира
29. Отражение реальной картины мира через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его коллективное и индивидуальное сознание – это
- 1) реальная картина мира
 - 2) культурная, понятийная или концептуальная картина мира
 - 3) языковая картина мира
 - 4) индивидуально авторская картина мира
30. Термин *картина мира* в антропологию, семиотику и лингвистику был введен
- 1) Исааком Ньютоном
 - 2) Людвигом Витгенштейном
 - 3) Лео Вайсгербером
 - 4) Бенджамином Уорфом
31. Сфера человеческой деятельности, функцией которой является обработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности – это
- 1) наука
 - 2) искусство
 - 3) философия
 - 4) религия
32. Обобщенная система взглядов на мир и место в нем человека, на бытие и познание, на отношение человека к миру, на всеобщие законы развития природы, общества и мышления – это
- 1) философская картина мира
 - 2) религиозная картина мира
 - 3) языковая картина мира
 - 4) национальная картина мира
33. Мифопоэтическая модель мира, или мифологическая картина мира
- 1) предполагает тождество, особую связанность, зависимость макрокосма и микрокосма
 - 2) зависимость природы и человека
 - 3) мировоззрение и мироощущение, которые основываются на вере в существование «священного», той или иной разновидности сверхъестественного
 - 4) есть обобщение и синтез основных естественнонаучных понятий и принципов
34. Вся информация о внешнем и внутреннем мире, закрепленная средствами живых разговорных языков, – это
- 1) философская картина мира

- 2) религиозная картина мира
 - 3) языковая картина мира
 - 4) национальная картина мира
35. Совокупность специфических психологических черт нации, ставших свойственными для людей данной национальности составляет
- 1) национальный характер
 - 2) ментальность
 - 3) менталитет
 - 4) речеповеденческие тактики
36. О наличии у людей представлений о различных национальных особенностях, присущих каждому народу, свидетельствуют данные
- 1) ассоциативных экспериментов
 - 2) открытых интервью
 - 3) лингвокультурного анализа метафоры
 - 4) лингвистической реконструкции культуры
37. Стереотип – это
- 1) схематический, стандартизованный образ
 - 2) представление о социальном явлении или объекте
 - 3) обычно эмоционально окрашенный
 - 4) не обладающий устойчивостью
38. Наиболее популярным источником стереотипных представлений о национальных характерах являются
- 1) международные анекдоты
 - 2) международные симпозиумы
 - 3) сеть интернет
 - 4) лингвистические словари
39. Известная монография немецкого языковеда Лео Вайсгербера «Родной язык и формирование духа» (1929) положила начало разработке концепции
- 1) национальной языковой картины мира
 - 2) концептуальной картины мира
 - 3) научной картины мира
 - 4) языковой картины мира
40. Разновидность, видоизменение концептуальной картины мира в соответствии с особенностями социально-исторического, ментального, психологического и культурного развития народа – это
- 1) национальная языковая картина мира
 - 2) религиозная картина мира
 - 3) научная картина мира
 - 4) образная картина мира
41. Основную культурную нагрузку несет
- 1) лексический состав языка
 - 2) фразеологическая система языка

- 3) фонетическая система языка
 - 4) синтаксическая система языка
42. Общая духовная настроенность, относительно целостная совокупность мыслей, верований, навыков духа, которая создает национальную картину мира и скрепляет единство культурной традиции какого-либо сообщества – это
- 1) менталитет
 - 2) ментальность
 - 3) национальный характер
 - 4) убеждения
43. Основными показателями национальной специфики языка являются
- 1) морфемика
 - 2) лексика
 - 3) фонетика
 - 4) синтаксис
44. Прецедентная ситуация – это
- 1) некая «эталонная», «идеальная» ситуация
 - 2) связанная с набором определенных коннотаций
 - 3) признаки которой входят в когнитивную базу этноса
 - 4) возникающая в сознании носителя языка
45. Постоянно воспроизводимая в речи речемыслительная единица – сложный знак, значение которого шире его первоначального смысла
- 1) прецедентные имена
 - 2) прецедентные высказывания
 - 3) прецедентные ситуации
 - 4) прецедентные тексты
46. Тише едешь – дальше будешь, Кто виноват?, Что делать? – это
- 1) прецедентные имена
 - 2) прецедентные высказывания
 - 3) прецедентные ситуации
 - 4) прецедентные тексты
47. Индивидуальный культурный опыт, запас знаний и навыков каждого человека определяют
- 1) богатство значений слова
 - 2) богатство концептов этих значений
 - 3) бедность значений слова
 - 4) начитанность
48. Фундаментальной для человеческой культуры является
- 1) оппозиция «мужской – женский»
 - 2) оппозиция «восточный – западный»
 - 3) оппозиция «свой – чужой»
 - 4) оппозиция «правда – истина»

49. Национально-культурная специфика построения дискурса непосредственно связана с

- 1) этнопсихолингвистическим предопределением речевой деятельности
- 2) особенностями языкового сознания
- 3) этнолингвистическими особенностями общения
- 4) сложностью текста

50. Универсальный слой концепта включает в себя

- 1) конструкты знания, обладающие ценностью и истинностью для всего человечества
- 2) научные и обыденные понятия, культурные установки и стереотипы
- 3) речь vs. язык, искусство, мифология, наука, религия, семья, собственность, правительство, война
- 4) национально специфические знания, которые продуцируются лингвокультурной общностью

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Основные

1. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
2. Верещагин, Е.М. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Рус. яз., 1983. – 269 с.
3. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филол. науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
4. Воробьев, В.В. Лингвокультурология: теория и методы / В.В. Воробьев. – М.: Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 1997. – 332 с.
5. Воробьев, В.В. Лингвокультурология: монография / В.В. Воробьев. – М.: РУДН, 2008. – 336 с.
6. Иванова, С.В. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения: монография / С.В. Иванова, З.З. Чанышева. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – 366 с.
7. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
8. Лассан, Э. Лингвокультурология. Очерк русской концептологии: учеб. пособие / Э. Лассан. – Вильнюс: Вильнюс, пед. ун-т, 2008. – 140 с.
9. Маслова, В.А. Введение в лингвокультурологию: учеб. пособие / В.А. Маслова. – М.: Наследие, 1997. – 208 с.
10. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 183 с.
11. Прохоров, Ю.Е. Лингвострановедение. Культуроведение. Страноведение. Теория и практика обучения русскому языку как иностранному / Ю.Е. Прохоров. – М.: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1998. – 108 с.
12. Токарев, Г.В. Лингвокультурология: учебное пособие / Г.В. Токарев. – Тула: Изд-во ТГПУ имени Л.Н. Толстого, 2009. – 135 с.
13. Тхорик, В.И. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: учеб. пособие / В.И. Тхорик, Н.Ю. Фанян. – 2-е изд. – М.: ГИС, 2006. – 260 с.
14. Хроленко, А.Т. Основы лингвокультурологии: учеб. пособие / А.Т. Хроленко; под ред. В.Д. Бондалетова. – 5-е изд. – М.: Флинта: Наука – 2009. – 184 с.

Дополнительные

15. Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания, культуры / Н.Ф. Алефиренко.— М.: Academia, 2002. — 391 с.
16. Алпатов, В.М. Некоторые заметки из истории лингвистики // Типология и теория языка: От описания к объяснению. К 60-летию А.Е. Кибрика / В.М. Алпатов; ред. Е.В. Рахилина, Я.П. Тестелец. — М.: «Языки русской культуры», 1999. — С. 19–26.
17. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика / Ю.Д. Апресян. — М.: Школа «Языки русской культуры», Изд. «Восточная литература» РАН, 1995. — 472 с.
18. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. — 767 с.
19. Арсентьева, Е.Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков) / Е.Ф. Арсентьева. — Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2006. — 172 с.
20. Арутюнова, Н.Д. Наивные размышления о наивной картине языка // Язык о языке / Н.Д. Арутюнова [и др.]; под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 7 – 19.
21. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 896 с.
22. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. — М.: Academia, 1997. — С. 267–279.
23. Аюпова, С.Б. Дискурс художественной литературы и языковая художественная картина мира / С.Б. Аюпова // Дискурс: проблемы функционирования, анализа, интерпретации: Мат-лы Междунар. заочной науч. конф. (г. Караганда, 20 апреля 2009 г.). — Караганда: Центр гуманитарных исследований, 2009. — С. 83–87.
24. Баранов, А.Н. Аспекты теории фразеологии / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский.— М.: Знак, 2008.— 657 с.
25. Бахтин, М.М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук / М.М. Бахтин. — СПб.: Азбука, 2000. — 205 с.
26. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. — М.: Искусство, 1986. — 445 с.
27. Бельчиков, Ю.А. Лексическая стилистика: проблемы изучения и обучения / Ю.А. Бельчиков.— М., 1988.— 157 с.
28. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э.Бенвенист. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — 448 с.
29. Березович, Л.К. этнолингвистической интерпретации семантиче-

- ских полей / Л.К. Березович // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 3–24.
30. Бирих, А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А.К. Бирих. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель, 2007. – 926 с.
 31. Бирюкова, С.К. Словарь культуроведческой лексики русской классики / С.К. Бирюкова. – М., 1999. – 201 с.
 32. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / С.Ю. Солодовников [и др.]; под общ. ред. С.Ю. Солодовникова. – Минск: 2002. – 1007 с.
 33. Брагина, А.А. Лексика языка и культура страны / А.А. Брагина. – М., 1986. – 151 с.
 34. Бромлей, Ю.В. Свод этнографических понятий и терминов / Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1989. – 224 с.
 35. Бромлей, Ю.В. Человечество – это народы / Ю.В. Бромлей, Р.Г. Подольный. – М.: «Мысль», 1990. – 391 с.
 36. Бромлей, Ю.В. Этнос и этнография / Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1973. – 283 с.
 37. Будагов, Р.А. Язык и культура. Хрестоматия: в 3 ч. Учебное пособие. Ч. 1: Теория и практика / Р.А. Будагов; сост.: А.А. Брагина, Т.Ю. Загрязкина. – М.: Добросвет – 2000, 2001. – 192 с.
 38. Булич, С.К. Очерк истории языкознания в России XIII–XIX вв. / С.К. Булич. – М.: УРСС, 2013. – 380 с.
 39. Булыгина, Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 576 с.
 40. Вайсгербер, Й.Л. Родной язык и формирование духа / Й.Л. Вайсгербер. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. – 223 с.
 41. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 776 с.
 42. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая; пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
 43. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
 44. Верещагин, Е.М. Мирознание вне и посредством языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: гипотеза (лого)эпистемы / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Гос. Институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2002. – 168 с.
 45. Верещагин, Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М., 1980. – 320 с.

46. Верещагин, Е.М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1990. – 246 с.
47. Верещагин, Е.М. Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция логоэпистемы / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Гос. институт русск. яз. им. А.С. Пушкина, Изд-во ИКАР, 2000. – 124 с.
48. Виноградов, В.А. Язык и культура в их соотношении и взаимодействии / В.А. Виноградов // Материалы II Международной научной конференции «Язык и культура». – М., 2003 – С. 18–19.
49. Виноградов, В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 432 с.
50. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Высшая школа, 1986. – 416 с.
51. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки, 2001. – 224 с.
52. Воркачев, С.Г. Методологические основания / С.Г. Воркачев // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж, 2002. – 150 с.
53. Воркачев, С.Г. Постулаты лингвоконцептологии / С.Г. Воркачев; Карасик В.И., Стернин И.А. (ред.). – Т. 1. – Волгоград: Парадигма, 2005. – 325 с.
54. Воркачев, С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 236 с.
55. Воробьев, В.В. Общее и специфическое в лингвострановедении и лингвокультурологии / В.В. Воробьев // Слово и текст в диалоге культур. Юбилейный сборник к 70-летию В.Г. Костомарова. – М.: МАПРЯЛ, Гос. институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2000. – С. 83–92.
56. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Выготский Л.С. // Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Педагогика. – Т. 2. – 1982. – С. 5–361.
57. Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
58. Гак, В.Г. Язык как форма самовыражения народа / В.Г. Гак // Язык как средство трансляции культуры. – М.: Наука, 2000. – С. 54–68.
59. Гачев, Г. Книга удивлений, или естествознание глазами гуманитария, или образы в науке / Г. Гачев. – М.: Педагогика, 1991. – 272 с.
60. Гачев, Г. Национальные образы мира / Г. Гачев. – М.: Советский писатель, 1988. – 448 с.

61. Герстнер Г. Братья Гримм [Электронный ресурс] / Г. Герстнер. – Режим доступа: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/gerstner-bratya-grimm/shevchenko-predislovie.htm>
62. Гилязева, Э.Н. Лингвокультурологические особенности ФЕ с компонентом «предмет быта» в татарском и немецком языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Э.Н. Гилязева. – Казань, 2006. – 27 с.
63. Горбунова, М.Ю. Социальная психология / М.Ю. Горбунова. – М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2006. — 223 с.
64. Громов, И. А. Западная социология / И.А. Громов, И.А. Мацкевич, В.А. Семенов. – СПб.: ООО «Издательство ДНК», 2003. – 537 с.
65. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.
66. Гумбольдт, фон В. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – С. 35–84, 303–306, 307–323.
67. Гумбольдт, фон В. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985.–452 с.
68. Гумилев, Л.Н. Этносфера: история людей и история природы / Л.Н. Гумилев. – СПб.: ООО «Издат. Дом “Кристалл”», 2002. – 576 с.
69. Гумилёв, Л.Н., Панченко А. Чтобы свеча не погасла: Диалог / Л.Н. Гумилев, А. Панченко. – Ленинград: Советский писатель, 1990. – 128 с.
70. Гумилёв, Л.Н. Этногенез и биосфера земли / Л.Н. Гумилев. – М., 1992. – 135 с.
71. Десницкая, А.В. Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX века / А.В. Десницкая. – Ленинград, «Наука», 1984. – 304 с.
72. Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем / М. Джонсон, Дж. Лакофф // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 387–415.
73. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века: монография / О.А. Дмитриева. – Волгоград: Перемена, 2007. – 307 с.
74. Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж с позиции культурных ценностей / О.А. Дмитриева // Известия ВГПУ. № 2 (15), серия социально-экономические науки и искусство, 2006. – 423 с.
75. Добровольский, Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии / Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1997. – № 6. – С. 37–49.
76. Ешич, М.Б. Этничность и Этнос / М.Б. Ешич // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультур-

- турном аспекте) / Науч. совет по истории мировой культуры. – М.: Наука, 2002. – С. 7–70.
77. Залевская, А.А. «Образ мира» vs «языковая картина мира» / А.А. Залевская // Картина мира и способы ее репрезентации: научные доклады конференции «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование» (21–24 апреля 2003 г., Курск) / ред. Л.И. Гришаева, М.К. Попова. – Воронеж: ВГУ, 2003. – С. 41–47.
 78. Звегинцев, В.А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа / В.А. Звегинцев // Новое в лингвистике. Выпуск 1 / составление, редакция и вступительные статьи В.А. Звегинцева. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – С. 111–134.
 79. Звегинцев, В.А. Язык и знание / В.А. Звегинцев // Вопросы философии. 1982. — № 1. – С. 71 – 81.
 80. Звегинцев, В.А. Язык и лингвистическая теория / В.А. Звегинцев. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 248 с.
 81. Зинченко, В.П. Миры сознания и структура сознания / В.П. Зинченко // Вопросы психологии. – 1991. – № 2. – С. 15 – 34.
 82. Иванова, С.В. Культурологический аспект языковых единиц / С.В. Иванова. – Уфа: РИО БашГУ, 2002. – 114 с.
 83. Иванова, С.В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм: учебное пособие / С.В. Иванова. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 152 с.
 84. Икономиди, И.Я. Фразеологические единицы с национально-специфичным компонентом значения в русском и новогреческом языках: дис. на соис. учен. степени канд. филол. наук: 10.02.01 / И.Я. Икономиди. – Краснодар, 2005. – 241 с.
 85. Ильин, В.В. Язык – Понимание – Культура / В.В. Ильин // Язык и культура: Факты и ценности: к 70-летию Ю.С. Степанова / Е.С. Кубрякова [отв. ред.], Т.Е. Янко. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 267–272.
 86. Исаев, М.И. Словарь этнолингвистических понятий и терминов / М.И. Исаев. – М.: Флинта, 2001. – 196 с.
 87. Истрин, В.А. 1100 лет славянской азбуке / В.А. Истрин. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
 88. Прохоров, Ю.Е. К проблеме концепта и концептосферы / Ю.Е. Прохоров // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / В.В. Красных [отв. ред.], А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2005. – Вып. 30. – 260 с.
 89. Кабакова, С.В. Идиомы как «коллективные представления» / С.В. Кабакова // Семантика языковых единиц: докл. 4-й междунар. конф. – М., 1994. – Ч. 2. – С. 36–38.

90. Кабакчи, В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации / В.В. Кабакчи. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. – 232 с.
91. Карасик, В.И. Антология концептов / В.И. Карасик; под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Том 1. – Волгоград: Парадигма, 2005. – 352 с.
92. Карасик, В.И. Культурные концепты: проблема ценностей / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. – Волгоград, «Перемена», 1996. – 370 с.
93. Карасик, В.И. Лингвокультурный типаж: к определению понятия / В.И. Карасик // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – 310 с.
94. Карасик, В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М.: ИЯЗ; Волгоград: Перемена, 1992. – 330 с.
95. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
96. Карасик, В.И. Фанат как типаж современной культуры / В.И. Карасик // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 269–282.
97. Карасик, В.И. Лингвокультурный типаж: к определению понятия / В.И. Карасик, О.А. Дмитриева // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж: сб. науч. тр. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 5–25.
98. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
99. Караулов, Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю.Н. Караулов // Язык и личность. – М., 1989. – 301 с.
100. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М., 1987. – 243 с.
101. Касевич, В.Б. О когнитивной лингвистике / В.Б. Касевич // Общее языкознание и теория грамматики. – СПб, 1998. – С. 28–46.
102. Кибрик, А.А. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания / А.А. Кибрик. – М.: УРСС, 2002. – 333 с.
103. Кобозева, И.М. Интенциональный и когнитивный аспекты смысла высказывания: дис. в виде науч. докл. ... докт. филол. наук / И.М. Кобозева. – М., 2003. – 92 с.
104. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
105. Ковшова, М.Л. «Ум» и «голова» как ключевые слова в составе фразеологических единиц: опыт сравнения / М.Л. Ковшова // Прагматика. Семантика. Грамматика: материалы конф. науч. сотрудников и аспирантов. – М., 1993. – С. 60–63.

106. Ковшова, М.Л. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц: когнитивные аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 0/ М.Л. Ковшова; Ин-т языкознания. РАН. – М., 1996. – 22 с.
107. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1990. – 108 с.
108. Комлев, Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова / Н.Г. Комлев. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 192 с.
109. Корнилов, О.А. Языковые картины как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов.– М., 1999.– 329 с.
110. Костомаров, В.Г., Виноградов В.В. О русском языке как явлении мировой культуры / В.Г. Костомаров, В.В. Виноградов // Изв. РАН, СЛЯ. – Т. 54. –1995. – № 3. – С. 49–55.
111. Кошарная, С. А. Миф и язык / С. А. Кошарная. – Белгород: Изд-во БГУ, 2002. – 287 с.
112. Красных, В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001.– 270 с.
113. Кронгауз, М.А. Семантика / М.А. Кронгауз. – М.: Academia, 2005. – 351 с.
114. Кубрякова, Е.С. Концепт//Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков [и др.]. – М., Изд-во МГУ, 1996. – 210 с.
115. Кубрякова, Е.С. Обеспечение речевой деятельности и проблема внутреннего лексикона / Е.С. Кубрякова // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. – М., 1991. – С. 82–140.
116. Кубрякова, Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е.С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б.А. Серебренников[отв. ред.]– М.: Наука, 1988. – С. 141–172
117. Кубрякова, Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 340 с.
118. Культурология: учебное пособие / под ред. проф. Г.В. Драча. – М.: Альфа – М., 2003. – 432 с.
119. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. пос. для институтов и фак. иностр. яз. / А.В. Кунин. – Дубна: Феникс+, 2005. –488 с.
120. Кушнир, О.Н. Эпистемологические основания лингвоконцептологии / О.Н. Кушнир // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: материалы VII Всероссийской научно-теоретической конференции (Сыктывкар, 28 марта 2008 г.): в 3 ч. – Сыктывкар: КРАГСИУ, 2008. – Ч. III. – 243 с.

121. Ладо, Р. Лингвистика поверх границ культур / Р. Ладо // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 32–62.
122. Лебедева, Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию: университетский учебник / Н.М. Лебедева. – М.: Ключ-С, 1999. – 224 с.
123. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003. – 287 с.
124. Лескина, С.В. Представленность разноуровневых диминутивов в русском и английском языке / [Электронный ресурс] / С.В. Лескина, Ю.В. Слабко. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/predstavlennost-raznourovnevnyhdiminutivov-vrusskom-i-angliyskom-yazyke.html>
125. Липпман, У. Общественное мнение / У. Липпман, пер. с англ. Т.В. Барчунова; под ред. К.А. Левинсон, К. В. Петренко. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 328 с.
126. Лихачёв, Д.С. Заметки и наблюдения: из записных книжек разных лет / Д.С. Лихачев. – Ленинград: Сов. писатель, 1980. – 608 с.
127. Лихачёв, Д.С. Заметки о русском. Природа, родник, родина, просто доброта / Д.С. Лихачев // Новый мир. – 1980. – № 3. – С. 11–36.
128. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 280–287.
129. Лосев, А.Ф. Бытие. Имя. Космос / А.Ф. Лосов. – М.: Мысль, 1993. – 958 с.
130. Лосев, А.Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию / А.Ф. Лосов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. – 480 с.
131. Лосев А.Ф. Философия имени. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 269 с.
132. Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – нач. XIX века) / Ю.М. Лотман. – СПб., 1994. – 399с.
133. Лотман, Ю.М. Несколько мыслей о типологии культур / Ю.М. Лотман // Языки культуры и проблемы переводимости. – М.: Наука, 1987. – С. 3 – 11.
134. Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб., 2001.– 412 с.
135. Лурия, А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия. – М., 1975. – 301 с.
136. Лурье, С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы / С.В. Лурье. – М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 624 с.
137. Мамардашвили, М.К. Стрела познания / М.К. Мамардашвили. – М.: «Языки русской культуры», 1997. – С. 299–304.

138. Маркарян, Э.С. Теория культуры и современная наука / Э.С. Маркарян. – М., 1983. – 186 с.
139. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие / В.А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2005. – 256 с.
140. Мейлах, Б. С. Философия искусства и художественная картина мира / Б.С. Мейлах // Вопросы философии. – 1983. – №7. – С. 116–125.
141. Мельникова, А. Язык и национальный характер / А. Мельникова. – СПб., 2003. – М.: Речь, 2003. – 317 с.
142. Миллер, Л. В. Художественная картина мира и мир художественных текстов / Л.В. Миллер. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2003. – 156 с.
143. Миронова, И. Б. Символика древних славянских букв / И. Б. Миронова // Кирилло-Мефодиевские чтения. – Самара, 1991. – 136 с.
144. Морковкин, В.В. Русские агнонимы / В.В. Морковкин, А.В. Морковкина. – М., 1996. – 415 с.
145. Мурзинова, И.А. Лингвокультурные типажи: признаки, характеристики, ценности: коллективная монография / под ред. О.А. Дмитриевой. – Волгоград: Парадигма, 2010. – 228 с.
146. Никитина, С.Е. Устная народная культура и языковое сознание / С.Е. Никитина. – М., 1993. – 188с.
147. Николаева, Т.М. От звука к тексту / Т.М. Николаева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 680 с.
148. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2000. – 944 с.
149. Опарина, Е.О. Концептуальная метафора / Е.О. Опарина // Метафора в языке и тексте. – М., 1988. – С 65–77.
150. Опарина, Е.О. Фразеология и коллективная культурная идентичность / Е.О. Опарина, И.И. Сандомирская // Profilowanie w jezyku i w tekscie. – Lublin, 1998. – S. 373–379.
151. Павилёнис, Р.И. Проблема смысла (современный логико-философский анализ языка)/ Р.И. Павилёнис. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
152. Падучева, Е.В. Феномен Анны Вежбицкой / Е.В. Падучева // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – С. 5–32.
153. Половникова, В.И. Лексический аспект в преподавании русского языка как иностранного на продвинутом этапе / В.И. Половникова. – М., 1988. – 308 с.
154. Попова, З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2006. – 156 с.
155. Постовалова, В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и

- картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 8–69.
156. Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – К.: СИНТО, 1993. – 192 с.
157. Почепцов, Г.Г. Имиджелогия / Г.Г. Почепцов. – М., 2000. – 286 с.
158. Прохоров, Ю.С. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю.С. Прохоров. – М., 2003. – 201 с.
159. Радченко, О. А. Понятие языковой картины мира в немецкой филологии языка XX века / О.А. Радченко // Вопросы языкознания. – 2002. – № 6. – С. 140–160.
160. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др.; Б.А. Серебренников [отв. ред.]. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
161. Руденко, Е.Н. Введение в германскую филологию: курс лекций / Е.Н. Руденко [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/3243569/page:2/>
162. Русский язык: энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2003. – 704 с.
163. Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь / Д.Б. Гудков [и др.]. – М., 2004. – 320 с.
164. Садохин, А.П. Теория и практика межкультурной коммуникации: учебное пособие / А.П. Садохин – М.: ЮНИТИ – ДАНА, 2004. – 271 с.
165. Садохин, А.П. Этнология: учебное пособие / А.П. Садохин. – М.: Альфа – М.: ИНФРА – М., 2004. – 352 с.
166. Сафонова, О.В. Изучение языков межкультурного общения в контексте диалога культур и цивилизаций / О.В. Сафонова. – Воронеж, 1996. – 162 с.
167. Седых, А. П. Языковая картина мира и национальная концептосфера / А.П. Седых // Этнокультурные константы в русской языковой картине мира: генезис и функционирование: материалы Междунар. науч. конф. / под ред. д-ра филол. наук, проф. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – С. 118–121.
168. Селифонова, Е.Д. Этнокультурный аспект отражения картины мира (на примере русских и английских фразеологизмов с моносемными компонентами) / Е.Д. Селифонова // Фразеология и межкультурная коммуникация. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2002. – Ч. 2. – С. 65–68
169. Семейн, Л.Ю. Когнитивные аспекты лингвокультурологии / Л.Ю. Семейн, И.А. Тарасова. – Омск, 2005. – 72 с.

170. Сенокосов, Ю.П. Призвание философа: вместо послесловия к книге / Ю.П. Сенокосов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001103/st002.shtml>
171. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 2001. – 652 с.
172. Сепир, Э. Статус лингвистики как науки / Э. Сепир // Языки как образ мира. – М.: ООО Изд-во «Аст»; СПб.: TerraFantastica, 2003. – С. 127–138.
173. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление / отв. ред. В.М. Солнцев. М.: Наука, 1998. – 244 с.
174. Синергетика языка, сознания, культуры. – М.: Academia, 2002. – 285 с.
175. Скурту, Н.П. Искусство и картина мира / Н.П. Скурту. – Кишинев: Штиинца, 1990. – 86 с.
176. Словарь образных выражений русского языка / Аристова Т.С., Ковшова М.Л., Рысева Е.А. [и др.]; под ред. Телия В.Н. – М., 1995. – 368 с.
177. Словарь устойчивых словосочетаний русского языка: Мир человека / Телия В.Н., Брагина Н.Г., Опарина Е.О., Сандомирская И.И. // Словарь и культура: Материалы междунар. конф. – М., 1995. – С. 106–108.
178. Сорокин, Ю. А. Две дискуссионные реплики по поводу когнитивного «бума» / Ю.А. Сорокин // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста. – Ч. 1. – Волгоград, 2003. – 356 с.
179. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт, исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1997. – 824 с.
180. Степанов, Ю.С. Язык и культура как «центр интереса» для конференции / Ю.С. Степанов // Материалы II Международной научной конференции «Язык и культура». – М.: Институт ин. языков, Президиум РАН, 2003. – С. 27 – 28.
181. Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология / Т.Г. Стефаненко. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 368 с.
182. Стефаненко, Т.Г. Язык, этническая идентичность и межэтническое взаимодействие // Межкультурный диалог / Т.Г. Стефаненко; под ред. М.Ю. Мартыновой, В.А. Тишкова, Н.М. Лебедевой. – М.: Изд-во РУДН, 2003. – С. 367 – 404.
183. Сурина, В. Н. Понятие концепта и концептосферы / В.Н. Сурина // Молодой ученый. – 2010. – № 5. – Т. 2. — С. 43–46.
184. Сусов, И.П. История языкознания / И.П. Сусов [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://litlife.club/br/?b=69810&p=40>

185. Тарасов, Е.Ф. Диалог культур в зеркале языка / Е.Ф. Тарасов // Встречи этнических культур в зеркале языка. – М.: Наука, 2002. – С. 110–121.
186. Тарасов, Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры / Е.Ф. Тарасов // Текст как явление культуры; под ред. Г.А.Антипова, О.А. Донских [и др.]. – Новосибирск: Наука. Сиб. Отделение, 1989. – 194 с.
187. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 144 с.
188. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 288 с.
189. Телия, В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов: от мировидения к миропониманию / В.Н. Телия // Славянское языкознание: Докл. рос. делегации. – М., 1993. – С. 302–314.
190. Телия, В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В.Н. Телия // Метафора в языке и тексте. – М., 1988. – С. 26–52.
191. Телия, В.Н. Объект лингвокультурологии между Сциллой лингвокреативной техники языка и Харибдой культуры (к проблеме частной эпистемологии лингвокультурологии) / В.Н. Телия // С любовью к языку: сб. науч. трудов. – М. – Воронеж: ИЯ РАН, Воронеж. ГУ, 1998. – С. 89–97.
192. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 624 с.
193. Типология и теория языка: от описания к объяснению. К 60-летию А.Е. Кибрика / ред. Е.В. Рахилина, Я.П. Тестелец. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 640 с.
194. Толстой, Н.И. Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики / Н.И. Толстой // Изв. АН СССР, СЛЯ. – 1982. – № 5. – С. 397 – 405.
195. Толстой, И.И. О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса / И.И. Толстой // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Язык и этнос. – Л., 1983. – С. 181–190.
196. Томахин, Г.Д. Реалии-американизмы: пособие по страноведению / Г.Д. Томахин. – М.: Высшая школа, 1988. – 239 с.
197. Уорф, Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б.Л. Уорф // Зарубежная лингвистика, I: пер. с англ. / общ. ред. В.А. Звегинцева и Н.С. Чемоданова. – М.: Прогресс, 1999. – С. 58–91.
198. Уорф, Б.Л. Лингвистика и логика / Б.Л. Уорф // Лингвистика XX века: система и структура языка: Хрестоматия. Ч. I; сост. Е.А. Красина. – М.: Изд-во РУДН, 2004. – С. 156-169.

199. Уфимцева, А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира / А.А. Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 108–140.
200. Уфимцева, Н.В. Культура и проблема заимствования / Н.В. Уфимцева // Встречи этнических культур в зеркале языка. – М.: Наука, 2002. – С. 152–171.
201. Уфимцева, Н.В. Этнические и культурные стереотипы: кросс-культурные исследования / Н.В. Уфимцева // Изв. РАН, СЛЯ. – Т. 54. – 1995. – № 3. – С. 55–62.
202. Феоктистова, А.Б. Роль образного основания в формировании семантики и прагматики идиом и его функции. На материале идиом, обозначающих чувства / А.Б. Феоктистова // Семантика языковых единиц: докл. 4-й междунар. конф. – М., 1994. – Ч. 2. – С. 82–86.
203. Фрейденберг, О.М. Поэтика сюжета и жанра / О.М. Фрейденберг. – М., 1997. – 448 с.
204. Фрумкина, Р.М. Культурологическая семантика в ракурсе эпистемологии / Р.М. Фрумкина // Изв. РАН СЛЯ. – Т. 58. – 1999. – №1. – С. 3–10.
205. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. – М.: Издат. центр «Академия», 2001. – 320 с.
206. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – М.: «Прогресс», 1977. – 489 с.
207. Хакимова, Г.Ш. Гендерный фактор в английских поговорках в сопоставлении с русскими: автореф. ... дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Г.Ш. Хакимова. – Уфа, 2003. – 24 с.
208. Холодная, М.А. Интегральные структуры понятийного мышления / М.А. Холодная. – Томск, Изд-во ТомГУ, 1983. – 114 с.
209. Черданцева, Т.З. Идиоматика и культура: постановка вопроса / Т.З. Черданцева // Вопр. языкознания. – М., 1996. – № 1. – С. 58–70.
210. Чернышова, Т.А. Художественная картина мира, экологическая ниша и научная фантастика / Т.А. Чернышова // Художественное творчество. Вопросы комплексного изучения. Л.: Наука, 1986. – С. 55–74.
211. Чикина, Е.Е. Выявление национально-культурной специфики фразеологизмов: современные подходы / Е.Е. Чикина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.my-luni.ru/>
212. Чумак, Л.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного / Л.Н. Чумак. – Минск, 2009. – 304 с.

213. Чумак, Л.Н. Синтаксис русского и белорусского языков в контексте культурологии / Л.Н. Чумак. – Минск, 1997. – 136 с.
214. Шахранович, А.М. Языковая личность и языковая способность / А.М. Шахранович // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: сб. ст. / Ин-т русс. яз. РАН. – М., 1995. – 314 с.
215. Шведова, Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» / Н.Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 1999. – № 1. – С. 3–16.
216. Шейнина, Е. Я. Энциклопедия символов / Е. Я. Шейнина. – М.: АСТ; Харьков: Торсинг, 2006. – 521 с.
217. Шмелев, А. Д. Русская языковая модель мира (материалы к словарю) / А.Д. Шмелев. – М.: «Языки славянской культуры», 2002. – 224 с.
218. Шмелёв, Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д.Н. Шмелев. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 244 с.
219. Шмелёва, Т.В. Идиомы и поговорки «кириллического происхождения» / Т.В. Шмелева // Фразеологизм и слово в языке и речи. – Великий Новгород: НГУ им. Ярослава Мудрого, 2007. – С. 281–287.
220. Шухардт, Г. Избранные статьи по языкознанию: пер. с нем. / Г. Шухардт; ред., предисл. и примеч. Р.А. Будагова. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 296 с.
221. Щур, Г.С. Теории поля в лингвистике / Г.С. Щур. – М.: Наука, 1974. – 289 с.
222. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко; перев. с итал. В.Г. Резник, А.Г. Погоняйло. – СПб.: «Симпозиум», 2004. – 544 с.
223. Этнопсихолингвистика / Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина, А.Н. Крюков. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
224. Юнг, К. Г. Психология бессознательного / К.Г. Юнг; перев. с нем. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 400 с.
225. Юхнева, С.А. Лингвистическая концепция Расмуса Раска / С.А. Юхнева // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2013/01/2235>.
226. Язык и культура. II Международная научная конференция. Тезисы докладов. – М.: Институт иностранных языков, Президиум РАН, 2003. – 700 с.
227. Язык и культура: учеб. пособие по спецкурсу / отв. ред. Л.Г. Саяхова. – Уфа, 1995. – 168 с.
228. Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова / отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. – М.: Языки славянской

- культуры, 2001– 600 с. Язык и наука 1995 – Язык и наука конца XX века. – М.: Издательский центр РГ РУ, ИЯ РАН, 1995. – 420 с.
229. Bowerman, M. The Origins of Children's Spatial Semantic Categories: Cognitive versus Linguistic Determinants / M. Bowerman // *Rethinking Linguistic Relativity* / Ed. by J.J.Gumperz and S.C. Levinson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – P. 145–176.
230. Gumperz, J.J. *Rethinking Linguistic Relativity* / ed. by J.J. Gumperz, S.C. Levinson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 488 p.
231. Online Etymological Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.etymonline.org](http://www.etymonline.org)
232. *The Linguistics Encyclopedia* / ed. by K. Malmkjær. – London & New York: Routledge, 1995. – XX, 575 p.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- (СЯС) Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка совдепии. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.
- (БСЖ) Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. – СПб.: Норинт, 2000. – 717 с.
- (НРС) Немецко-русский словарь / сост. Н. В. Глен-Шестакова, В. Б. Лиднер, А. О. Орлова, И. В. Рахманова. – 31-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 528 с.
- (СОШ) Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – 13-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1981. – 816 с.
- (РЭС) Россия: Энциклопедический словарь / под ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. – СПб.: Лениздат, 1991. – 878 с.
- (РФ) В. П. Фелицына, В. М. Мокиенко. Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь (1990).
- (МАС) Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1981.
- (ССЕ) Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Л.: Наука, 1970.
- (БАС) Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.
- (СРНГ) Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. – М.; Л.: Наука, 1965.
- (СДЯ) Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. – М.: Гос. изд-во иностранных и нац. словарей, 1958.
- (ТСЯИ) Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые изменения. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.
- (ФСМ) Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Сов. энциклопедия, 1967. – 543 с.
- (САП) 500 English proverbs and sayings. – Moscow: Higher school publishing house, 1966. – 32 p.
- (ККМ) Концептуальная картина мира.
- (ФКМ) Физическая картина мира.
- (ЯКМ) Языковая картина мира.

В. фон Гумбольдт

О СРАВНИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К РАЗЛИЧНЫМ ЭПОХАМ ИХ РАЗВИТИЯ

(Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – С. 307–323)

1. Сравнительное изучение языков только в том случае может привести к верным и существенным выводам о языке, если развитию народов и становлении человека, если оно станет самостоятельным предметом, направленным на выполнение своих задач и преследующим свои цели. Но такое изучение даже одного языка будет весьма затруднительным: если общее впечатление о каждом языке и легко уловимо, то при стремлении установить, из чего же оно складывается, теряешься среди бесконечного множества подробностей, которые кажутся совершенно незначительными, и скоро обнаруживаешь, что действие языков зависит не столько от неких больших и решающих своеобразий, сколько от отдельных, едва различимых следов соразмерности строения элементов этих языков. Именно здесь всеохватывающее изучение и станет средством постижения тонкого организма (*feingewebten Organismus*) языка, так как прозрачность в общем всегда одинаковой формы облегчает исследование многоликой структуры языка.

2. Как земной шар, который прошёл через грандиозные катаклизмы до того, пока моря, горы и реки обрели свой настоящий рельеф, с тех пор остался почти без изменений, так и языки имеют некий предел своей завершенности, после достижения которого уже не подвергаются никаким изменениям ни их органическое строение, ни их прочная структура. Зато именно в них, как в живых созданиях духа (*Geist*) могут в пределах установленных границ происходить более тонкие образования языка. Если язык обрёл свою структуру, то основные грамматические формы не претерпевают никаких изменений; тот язык, который не знает различий в роде, падеже, страдательном или среднем залоге, этих пробелов уже не восполнит; большие семьи слов также мало пополняются основными видами производных. Однако посредством созданных для выражения более тонких ответвлений понятий, их сложения, внутренней перестройки структуры слов, осмысленного соединения и прихотливого использования их первоначального значения, точно схваченного выделения известных форм, искоренения лишнего, сглаживания резких звучаний язык, который в момент своего формирования довольно примитивен и слабо развит, мо-

жет обрести новый мир понятий и доселе неизвестный ему блеск красноречия, если судьба одарит его своей благосклонностью.

3. Достойным упоминания является то обстоятельство, что ещё не было обнаружено ни одного языка, находящегося за пределами сложившегося грамматического строения. Никогда ни один язык не был застигнут в момент становления его форм. Для того, чтобы проверить историческую достоверность этого утверждения, необходимо основной своей целью сделать изучение языков первобытных народов и попытаться определить низшее состояние в становлении языка, с тем, чтобы познать из опыта хотя бы первую ступень в иерархии языковой организации. Весь мой предшествующий опыт показал, что даже так называемые "грубые" и "варварские" диалекты обладают всем необходимым для совершенного употребления и что они являются теми формами, где, подобно самым высокоразвитым и наиболее замечательным языкам, с течением времени мог бы выкристаллизироваться весь характер языка, пригодный для того, чтобы более или менее совершенно выразить любую мысль.

4. Язык не может возникнуть иначе как сразу и вдруг, или, точнее говоря, языку в каждый момент его бытия должно быть свойственно всё, благодаря чему он становится единым целым. Как непосредственная эманация органической сущности в её чувственной (*sinnlich*) и духовной значимости язык разделяет природу всего органического, где одно проявляется через другое, общее в частном и где благодаря всепроникающей силе образуется целое. Сущность языка непрерывно повторяется и концентрически проявляется в нём самом; уже в простом предложении, поскольку оно основано на грамматической форме, видно её завершённое единство, и так как соединение простейших понятий побуждает к действию всю ткань категорий мышления, - где положительное влечёт за собой отрицательное, часть - целое, единичное - множество, следствие - причину, случайное - необходимое, относительное - абсолютное, где одно измерение пространства и времени требует другого, где одно ощущение находит себе отклик в другом, близлежащем ощущении, - то, как только достигается ясность и определённость простейшего соединения мыслей, а также соответствующее обилие слов, цельность языка налицо. Каждое высказанное участвует в формировании ещё невысказанного, или его подготавливает.

5. Таким образом, две области совмещаются в человеке, каждая из которых может члениваться на обозримое количество конечных элементов, и обладает способностью к их бесконечному соединению, где своеобразии природы отдельного всегда выявляется всегда через отношение его составляющих. Человек наделён способностью как разграничивать эти области - духовно - посредством рефлексии, физиче-

ски - произносительным членением (Articulation), - так и вновь воссоединять их части: духовно - синтезом рассудка, физически - ударением, посредством которого слоги соединяются в слова, а из них составляется речь. Поэтому, как только его сознание настолько окрепло, чтобы в обе области проникнуть с помощью той же силы, которая может вызвать такую же способность проникновения у слушающего, — он овладел уже их целым. Их обоюдное взаимопроникновение может осуществляться лишь одной и той же силой, и её направлять может только рассудок. Способность человека произносить членораздельные звуки - пропасть, лежащая между бессловесностью животного и человеческой речью, также не может быть объяснена чисто физически. Только сила самосознания способна чётко расчленить материальную природу языка и выделить отдельные звуки - осуществить процесс, который мы называем артикуляцией.

6. Сомнительно, чтобы более тонкое совершенствование языка можно было связывать с начальным этапом его становления. Это совершенствование предполагает такое состояние, которого народы достигают лишь за долгие годы своего развития, и в этом процессе они обычно испытывают на себе перекрёстное влияние других народов. Такое скрещивание диалектов является одним из важнейших моментов в становлении языков; оно происходит тогда, когда вновь образующийся язык, смешиваясь с другими, воспринимает от них более или менее значимые элементы или когда, как это происходит при огрублении и вырождении культурных языков, немногие чуждые элементы нарушают течение их спокойного развития, и существующая форма перестаёт осознаваться, искажается, начинает переосмысливаться и употребляться по другим законам.

7. Едва ли можно оспаривать мысль о возможности независимо друг от друга возникновения нескольких языков. И обратно, нет никакого основания отбросить гипотетическое допущение всеобщей взаимосвязанности языков. Ни один из самых отдалённых уголков земли не является настолько недоступным, чтобы население и язык не могли появиться там откуда-то извне; мы не располагаем никакими данными для того, чтобы оспаривать существование рельефа материков и морей, отличного от теперешнего. Природа самого языка и состояние человеческого рода до тех пор, пока он ещё не сформировался, способствуют такой связи. Потребность быть понятым вынуждает обращаться к уже наличествующему, понятному, и прежде чем цивилизация сплотит народы, языки долго будут оставаться достоянием мелких племён, которые также мало склонны утверждать право на место своего поселения, как и неспособны успешно защитить его; они часто вытесняют друг друга, угнетают друг друга, смешиваются друг с другом, что, бесспорно, сказывается и на их языках. Если даже не

соглашаться с мыслью о первоначальной общности происхождения языков, то едва ли можно найти племенной язык, сохранивший свою чистоту в процессе развития. Поэтому основным принципом при исследовании языка должен считаться тот, который требует устанавливать связи различных языков до тех пор, пока их можно проследить, и в каждом отдельном языке точно проверять, образовался ли он самостоятельно или же на его грамматическом и лексическом составе заметны следы смешения с чужим языком и каким именно.

8. Таким образом, при проверочном анализе языка следует различать три момента:

- первичное, но полностью завершённое, органическое строение языка;

- изменения, вызываемые посторонними примесями, вплоть до вновь приобретённого состояния стабильности;

- внутреннее и более тонкое совершенствование (*innere Ausbildung*) языка, когда его отграничение от других языков, а также его строение в целом остаются неизменными.

Два первых пункта ещё трудно разграничить. Но выделение третьего основывается на существенном и решающем отличии. Границей, отделяющей его от других, является так законченность организации, когда язык обретает все свои функции, свободно используя их; за пределами этой границы присущее языку строение уже не претерпевает никаких изменений. На фактах дочерних языков, развившихся из латинского, новогреческого и английского, которые служат поучительным примером и являются благодатным материалом для исследования возможности возникновения языка из весьма разнородных элементов, период становления языка можно проследить исторически и до известной степени определить заключительный момент этого процесса; в греческом языке при его появлении мы находим такую высокую степень завершённости, которая не свойственна никакому другому языку; но и с этого момента - от Гомера до александрийцев - греческий продолжает идти по пути дальнейшего совершенствования; мы видим, как римский язык в течение нескольких десятилетий находился в состоянии покоя, прежде чем в нём стали проступать следы более тонкой и развитой культуры.

9. Приведённая ранее попытка разграничения очерчивает две различные части сравнительного языкознания, от соразмерности трактовки которых зависит степень их законченности. Различие языков является темой, которую следует разработать, исходя из данных опыта и с помощью истории, рассматривая это различие в своих причинах и следствиях, в своём отношении к природе, судьбам и целям человечества. Однако различие языков проявляется двояким образом: во-первых, в форме естественно-исторического явления как неизбежное

следствие племенных различий и обособлений, как препятствие непосредственному общению народов; затем как явление интеллектуально-телеологическое, как средство формирования наций, как орудие создания более многообразной и индивидуально-своеобразной интеллектуальной продукции, как творец такой общности народов, которая основывается на чувстве общности культуры и связывает духовными узами наиболее образованную часть человечества. Последняя форма проявления языка свойственна только новому времени, в древности она прослеживалась лишь в общности греческой и римской литератур, и так как расцвет последних не совпадал во времени, то наши сведения о ней не являются достаточно полными.

10. Ради краткости изложения я хочу, безотносительно к одной небольшой неточности, которая заключается в том, что образование, конечно, оказывает влияние на уже сформировавшийся организм языка, а также в том, что последний, ещё до того, как он обрёл это состояние, бесспорно подвергался влиянию образования, рассмотренные выше части сравнительного языкознания назвать:

- изучением организма языков;
- изучением языков в состоянии их развития.

Организм языка возникает из присущей человеку способности и потребности говорить; в его формировании участвует весь народ; культура каждого народа зависит от его особых способностей и судьбы, её основой является большей частью деятельность отдельных личностей, вновь и вновь появляющихся в народе. Организм языка относится к области физиологии интеллектуального человека, культура к области исторического развития. Анализ организма языка ведёт к измерению и проверке и области языковой способности человека; исследование более высокого уровня образования ведёт к познанию того, каких вершин человеческих устремлений можно достичь посредством языка. Изучение организма языка требует, насколько это возможно, широких сопоставлений, а проникновение в ход развития культуры - сосредоточения на одном языке, изучения его самых тонких своеобразий - отсюда и широта охвата и глубина исследований. Следовательно, тот, кто действительно хочет сочетать изучение этих обоих разделов языкознания, должен, занимаясь очень многими, различными, а по возможности и всеми языками, всегда исходить из точного знания одного-единственного или немногих языков. Отсутствие такой точности ощутимо сказывается в пробелах никогда не достигаемой полноты исследований. Проведённое таким образом сравнение языков может показать, каким различным образом человек создал язык и какую часть мира мыслей ему удалось перенести в него, как индивидуальность народа влияла на язык и какое обратное влияние оказывал язык на неё. Ибо язык и постигаемые через него цели чело-

века вообще, род человеческий в его поступательном развитии и отдельные народы являются теми четырьмя объектами, которые в их взаимной связи и должны изучаться в сравнительном языкознании.

11. Я оставляю всё, что относится к организму языков для более обстоятельного труда, который я предпринял на материале американских языков. Языки огромного континента, заселённого и исхоженного массой различных народностей, о связях которого с другими материками мы ничего не можем утверждать, являются благодатным объектом для этого раздела языкознания. Даже если обратиться только к тем языкам, о которых у нас имеются достаточно точные сведения, то обнаруживается, что по крайней мере около 30 из них следует отнести к языкам совершенно неизвестным, которые можно рассматривать именно как столько же новых естественных разновидностей языка, а к этим языкам следует присоединить ещё большее количество таких, данные о которых не являются достаточно полными. Поэтому очень важно точно расклассифицировать все эти языки. При таком состоянии языкознания, когда ещё недостаточно глубоко исследованы отдельные языки, сравнение целого ряда таких языков может очень мало помочь. Принято считать, что вполне достаточно фиксировать отдельные грамматические своеобразия языка и составлять более или менее обширные ряды слов. Но даже самый примитивный язык - слишком благородное творение для того, чтобы подвергать его столь произвольному членению и фрагментарному описанию. Он - живой организм, и с ним следует обращаться как с таковым. Поэтому основным правилом должно стать изучение каждого отдельного языка в его внутренней целостности и систематизация всех обнаруженных в нём аналогий, с тем чтобы овладеть знаниями способов грамматического соединения мыслей, объёмом обозначенных понятий, природой их обозначения, а также постичь тенденцию к развитию и совершенствованию, свойственную в большей или меньшей степени каждому языку. Кроме таких монографий о всех языках в целом, для сравнительного языкознания необходимы также исследования отдельных частей языкового строения, например исследования глагола во всех языках. В таких исследованиях должны быть обнаружены и соединены в единое целое все связующие нити, одни из которых через однородные части всех языков тянутся как бы вширь, а другие, через различные части каждого языка, - как бы вглубь. Тожественность языковой потребности и языковой способности всех народов определяет направление первых, индивидуальность каждого отдельного - последних. Лишь путём изучения такой двойкой связи можно установить, насколько развивается человеческий род и какова последовательность образования языка у каждого отдельного народа; оба - и язык вообще, и языковой характер народа - проявляются в более ярком свете, если идею языка

вообще, реализованную в столь разнообразных индивидуальных формах, поставить в соотношение с характером нации и её языка, противопоставляя одновременно общее частному. Исчерпывающий ответ на важный вопрос о том, подразделяются ли языки и каким образом по своему внутреннему строению на классы, подобно семействам растений, и как именно, можно получить лишь этим путём. Однако, как бы убедительно не было всё сказанное до сих пор, но без строгой фактической проверки остаётся лишь догадкой. Наука о языке, о которой здесь идёт речь, может опираться только на реальные, а не на односторонние или случайно подобранные факты. Также, для того, чтобы судить о происхождении народов друг от друга на основе их языков, необходимо точно определить принципы всё ещё недостающего точного анализа языков и диалектов, родство которых доказано исторически. Пока в этой области исследователи не продвигаются от известного к неизвестному, они остаются на скользком и опасном пути.

12. Но как бы полно и обстоятельно ни был изучен языковой организм, судить о его функционировании можно только по употреблению (*Gebrauch*) языка. Всё то, что целесообразное употребление языка черпает из понятийной сферы, оказывает на него обратное влияние обогащая и формируя язык. Поэтому лишь исследования, выполненные на материале развитых языков, обладают исчерпывающей полнотой и пригодны для достижения человеческих целей. Следовательно, здесь находится завершающий этап лингвистики - точка соединения её с наукой и искусством. Если исследования не проводить подобным образом, не рассматривать различий в языковом организме и тем самым не постигать языковую способность в её высочайших и многообразнейших применениях, то знание многих языков может быть полезным в лучшем случае для установления общих законов строения языка вообще и для отдельных исторических исследований; оно не без оснований отпугнёт разум (*Geist*) от изучения множества форм и звуков, которые в конечном итоге приводят к одной и той же цели и обозначают одни и те же понятия с помощью различных звучаний. Помимо непосредственного живого употребления, сохраняет значение исследование лишь тех языков, у которых есть литература, и такое исследование будет находиться в зависимости от учёта последней в соответствии с правильно понятыми задачами филологии, поскольку эта последняя противопоставляется общему языкознанию - науке, которая носит такое название потому, что стремится постигнуть язык вообще, а не потому, что желает охватить все языки, к чему её вынуждает лишь эта задача.

13. При таком подходе к развитым языкам прежде всего возникает вопрос: способен ли каждый язык постичь всеобщую или какую-либо одну значительную культуру или, быть может, существуют язы-

ковые формы, которые неизбежно должны быть разрушены, прежде чем народы окажутся в состоянии достичь посредством речи более высоких целей? Последнее является наиболее вероятным. Язык следует рассматривать, по моему глубокому убеждению, как непосредственно заложенный в человеке, ибо сознательным творением человеческого рассудка язык объяснить невозможно. Мы ничего не достигнем, если отодвинем создание языка на многие тысячелетия назад. Язык невозможно было бы придумать, если бы его тип не был уже заложен в человеческом рассудке. Чтобы человек мог постичь хотя бы одно слово не просто как чувственное побуждение, а как членораздельный звук, обозначающий понятие, весь язык полностью и во всех своих взаимосвязях уже должен быть заложен в нём. В языке нет ничего единичного, каждый отдельный его элемент проявляет себя лишь как часть целого. Каким бы естественным ни казалось предположение о постепенном образовании языков, они могли возникнуть лишь сразу. Человек является человеком только благодаря языку, а для того чтобы создать язык, он уже должен быть человеком. Когда предполагают, что этот процесс происходил постепенно, последовательно и как бы поочередно, что с каждой новой частью обретённого языка человек всё больше становился человеком и, совершенствуясь таким образом, мог снова придумывать новые элементы языка, то упускают из виду нераздельность человеческого сознания и человеческого языка, не понимают природу действия рассудка, необходимого для постижения отдельного слова и вместе с тем достаточного для понимания всего языка. Поэтому язык невозможно представить себе как нечто заранее данное, ибо в таком случае совершенно непостижимо, каким образом человек мог понять эту данность и заставить её служить себе. Язык с необходимостью возникает из человека, и, конечно, мало-помалу, но так, что его организм не лежит в виде мёртвой массы в потёмках души, а в качестве закона обуславливает (*bedingt*) функции мыслительной силы человека; следовательно, первое слово уже предполагает существование всего языка. Если эту ни с чем не сравнимую способность попытаться сравнить с чем-либо другим, то придётся вспомнить о природном инстинкте (*Naturinstinct*) у животных и назвать язык интеллектуальным инстинктом разума. Как инстинкт животных невозможно объяснить их духовными задатками, так и создание языка нельзя выводить из понятий и мыслительных способностей диких и варварских племён, являющихся его творцами. Поэтому я никогда не мог представить себе, что столь последовательное и в своём многообразии искусное строение языка должно предполагать колоссальные мыслительные усилия и будто бы является доказательством существования ныне исчезнувших культур. Именно из самого первобытного природного состояния может возникнуть такой язык, который сам

есть творение природы - природы человеческого разума. Последовательность, единообразие формы даже при сложном строении несут на себе всюду отпечаток творения этой природы, и суть вопроса вовсе не в трудности создания языка. Подлинная трудность создания языка заключается не столько в установлении иерархии бесконечного множества взаимосвязанных отношений, сколько в непостижимой глубине простого действия рассудка, которое необходимо для понимания и порождения языка даже в единичных его элементах. Если это налицо, то само собой приходит и всё остальное, этому невозможно научиться, это должно быть изначально присуще человеку. Однако инстинкт человека менее связан, а потому представляет больше свободы индивидууму. Поэтому продукт инстинкта разума может достигать разной степени совершенства, тогда как проявление животного инстинкта всегда сохраняет постоянное единообразие, и понятию языка совсем не противоречит то обстоятельство, что некоторые из языков, в том виде, как они дошли до нас, по своему состоянию ещё не достигли полного расцвета. Опыт перевода с весьма различных языков, а также использование самого примитивного и неразвитого языка при посвящении в самые тайные религиозные откровения показывают, что, пусть даже с различной степенью удачи, каждая идея может быть выражена в любом языке. Однако, это является следствием не только всеобщего родства языков, гибкости понятий и их словесных знаков. Для самих языков и их влияний на народы доказательным является лишь то, что из них естественно следует; не то, что им можно навязать, а то, к чему они сами предрасположены и на что вдохновляют.

14. Причины несовершенства отдельных языков могут быть подробно изучены в исторических исследованиях. Но в связи с этим я хотел бы рассмотреть такой вопрос: может ли какой-нибудь язык достичь завершённости, минуя некоторые средние стадии развития, и именно те, на которых первоначальные способы представления нарушены так, что первичные значения элементов уже больше не уяснимы? Примечательный факт, что характерной особенностью первобытных языков является последовательность, а развитых языков - аномалия во многих частях их строения, так же, как и факты, почерпнутые из самой природы вещей, допускают такую вероятность. Господствующим принципом в языке является артикуляция: важное преимущество постоянной и лёгкой членимости; это в свою очередь предполагает наличие простых и далее нечленимых элементов. Сущность языка состоит в том, чтобы отливать в форму мыслей материю мира вещей и явлений. В своём функционировании язык стремится стать формальным, и так как слова замещают предметы, то и словам, как и материи, должна быть придана форма, которой они подчиняются. Но именно первобытные языки нагромождают массы определений

в одной слоговой группе, и им явно недостаёт власти формы. Простой секрет этих языков, который и указывает путь к расшифровке, таков: полностью забыв нашу грамматику, надо прежде всего попытаться выстроить ряды значений. При этом форма понимается мысленно или через само по себе значимое слово, которое и рассматривается как материал. На второй значительной ступени развития материальное значение приобретает формальное употребление, и таким образом возникают склонение и слова, имеющие грамматическое, то есть формальное значение. Но форма намечается только там, где этого требуют отдельные обстоятельства, связанные с материей и относящиеся к сфере речи, но отнюдь не там, где она формально необходима для соединения представлений. Множественное число мыслится как множественность, но единственное - не обязательно как единичное, а как понятие вообще; глаголы и существительные совпадают в тех случаях, когда лицо или число не обозначаются чётко - грамматика ещё не управляет языком, а проявляет себя только в необходимых случаях. И только тогда, когда уже ни один элемент не мыслится вне формы, а сам материал в речи становится полностью формой, язык достигает третьей ступени. Однако этой третьей ступени, даже если форма каждого элемента фиксируется слухом, едва ли достигают наиболее развитые языки, хотя именно на ней основывается архитектурная эвритмия в построении периодов. Мне также неизвестен язык, на грамматических формах которого, даже в их наивысшей завершённости, были бы заметны неизгладимые следы первоначальной слоговой агглютинации. Пока на ранних ступенях развития язык прибегает к описанию и слово ещё не является модифицированным в своей простоте, отсутствует лёгкость членения на элементы, дух (Geist) бывает угнетён тяжеловесностью значений, которыми перегружена каждая частичка, отсутствием чувства формы и не пробуждается к формальному мышлению. Человек, близкий к первобытному состоянию, излишне последователен в привычном способе представлений, мыслит каждый предмет и каждое действие со всеми сопутствующими подробностями, переносит всё это в язык, и затем, поскольку живое понятие, обретя субстанцию, в нём застывает, оказывается в плену у языка. Скрещивание языков и народов является весьма действенным средством для введения их в определенные рамки и ограничения сферы материально значимого. Новые способы представлений присоединяются к уже существующим, в процессе смешения отдельные племена могут и не знать сложных соединений чужих диалектов и воспринимать их лишь в качестве формул в целом. При возможности выбора неудобное и тяжеловесное исчезает, заменяясь более лёгким и гибким, и поскольку дух и язык уже не связаны односторонней связью, то дух оказывает более свободное воздействие на язык. Первоначальный организм языка, ко-

нечно, разрушается, но вновь появившаяся сила также органична, и таким образом, процесс не прекращается, а продолжается непрерывно, разрастаясь и становясь многосторонним. И так первобытное состояние древних племён, кажущееся весьма хаотичным и беспорядочным, уже подготовило расцвет речи и пения на многие столетия вперёд.

15. Не будем задерживаться здесь на несовершенстве некоторых языков. Лишь при сопоставлении одинаково совершенных языков или таких, различия которых не могут измеряться лишь степенью совершенства, можно ответить на общий вопрос о том, как всё многообразие языков вообще связано с процессом формирования человеческого рода. Не является ли это обстоятельство случайно сопутствующим жизни народов? Нельзя ли им легко и умело воспользоваться? Или оно является необходимым, ничем другим не заменимым средством формирования мира представлений (Ideengebiet), ибо к этому, подобно сходящимся лучам, стремятся все языки, и их отношение к миру представлений, являющимся их общим содержанием, и есть конечная цель наших исследований. Если это содержание независимо от языка или языковое выражение безразлично к этому содержанию, то выявление и изучение различий языков занимает зависимое и подчинённое положение, а в противном случае приобретает непреложное и решающее значение.

16. Наиболее отчётливо это выявляется при сопоставлении простого слова с простым понятием. Слово ещё не исчерпывает языка, хотя является его самой важной частью, так же как индивидуум в живом мире. Безусловно, также далеко не безразлично, использует ли один язык описательные средства там, где другой язык выражает это одним словом; это относится и к грамматическим формам, так как последние при описании выступают по отношению к понятию чистой формой, и уже не как модифицированные идеи, а как способы модификации, но это относится и к обозначению понятий. Закон членения неизбежно будет нарушен, если то, что в понятии представляется как единство, не проявляется таковым в выражении, и всё живое действие отдельного слова как индивида пропадает для понятия, которому недостаёт такого выражения. Акту рассудка, в котором создаётся единство понятия, соответствует единство слова, как чувственного знака, и оба единства должны быть в мышлении и через посредство речи как можно более приближены друг к другу. Как мыслительным анализом производится членение и выделение звуков путём артикуляции, так и обратно эта артикуляция должна оказывать расчленяющее и выделяющее действие на материал мысли и, переходя от одного нерасчлennного комплекса к другому, через членение пролагать путь к достижению абсолютного единства.

17. Но мышление не просто зависит от языка вообще, - оно до известной степени обусловлено также каждым отдельным языком. Правда, предпринимались попытки заменить слова различных языков общепринятыми знаками по примеру математики, где налицо взаимно-однозначные соответствия между фигурами, числами и алгебраическими уравнениями. Однако такими знаками можно исчерпать лишь очень незначительную часть всего мыслимого, поскольку по самой своей природе эти знаки пригодны только для тех понятий, которые образованы лишь путём конструкции либо создаются только рассудком. Но там, где на материал внутреннего восприятия и ощущения должна быть наложена печать понятия, мы имеем дело с индивидуальным способом представлений человека, от которого неотделим его язык. Все попытки свести многообразие различного и отдельного к общему знаку, доступному зрению или слуху, являются лишь сокращёнными методами перевода, и было бы чистым безумием льстить себе мыслью, что таким способом можно выйти за пределы, я не говорю уже всех языков, но хотя бы одной определённой и узкой области своего языка. Вместе с тем такую серединную точку (Mittelpunkt) всех языков следует искать, и её действительно можно найти и не упускать из виду, также при сравнительном изучении языков - как их грамматической, так и лексической частей. Как в той, так и в другой имеется целый ряд элементов, которые могут быть определены совершенно априорно и отграничены от всех условий каждого отдельного языка. И напротив, существует гораздо большее количество понятий, а также своеобразных грамматических особенностей, которые так органически сплетены со своим языком, что не могут быть общим достоянием всех языков и без искажения не могут быть перенесены в другие языки. Значительная часть содержания каждого языка находится поэтому в неоспоримой зависимости от этого языка, и их содержание не может оставаться безразличным к своему языковому выражению.

18. Слово, которое одно способно сделать понятие самостоятельной единицей в мире мыслей, прибавляет к нему многое от себя. Идея, приобретая благодаря слову определённость, вводится одновременно в известные границы. Из звуков слова, его близости с другими сходными по значению словами, из сохранившегося в нём, хотя и переносимого на новые предметы, понятия и из его побочных отношений к ощущению и восприятию создаётся определённое впечатление, которое, становясь привычным, привносит новый момент в индивидуализацию самого по себе определённого, но и более свободного понятия. Таким образом, к каждому значимому слову присоединяются все вновь и вновь вызываемые им чувства, произвольно возбуждаемые образы и представления, и различные слова сохраняют между собой отношения в той мере, в какой воздействуют друг на друга. Так

же как слово вызывает представление о предмете, оно затрагивает, в соответствии с особенностями своей природы и вместе с тем с особенностями объекта, хотя часто и незаметно, также соответствующее своей природе и объекту ощущение, и непрерывный ход мысли человека сопровождается такой же непрерывной последовательностью восприятий, которые по степени и по оттенку определяются прежде всего представляемыми объектами, согласно природе слов и языка. Объект, появлению которого в сознании всякий раз сопутствует такое постоянно повторяющееся впечатление, индивидуализированное языком, тем самым представляется в модифицированном виде. В отдельном это малозаметно, но власть воздействия в целом основана на соразмерности и постоянной повторяемости впечатления. Характер языка запечатлён в каждом выражении и в каждом соединении выражений, и поэтому вся масса выражений получает свойственный языку колорит.

19. Однако язык не является произвольным творением отдельного человека, а всегда принадлежит целому народу; позднейшие поколения получают его от поколений предшествующих. В результате того, что в нём смешиваются, очищаются, преобразуются способы представлений всех возрастов, каждого пола, сословия, характера и духовного различия данного племени, в результате того, что народы обмениваются словами и языками, создавая в конечном счёте человеческий род в целом, язык становится великим средством преобразования субъективного в объективное, переходя от всегда ограниченного индивидуального к всеобъемлющему бытию. Открытие никогда ранее не улавливаемого звукового знака мыслимо лишь при признании происхождения языков, выходящего за пределы всякого человеческого опыта. Там, где человек из поколения в поколение сохраняет какие-либо звуки, обладающие значением, - там он создаёт из них язык и формирует свой диалект в соответствии с ними. Это заложено в потребности быть понятым, в свойственной каждому языку связности всех частей и элементов, в одинаковости языковых способностей. Даже при собственно грамматических разъяснениях важно твёрдо помнить, что племенам, которые создавали дошедшие до нас языки, было нелегко их изобретать и, действуя самостоятельно, они только членили и использовали ими обнаруженное. Лишь таким путём можно объяснить появление многих тонких нюансов у грамматических форм. Ведь было бы очень сложно изобретать для них различные обозначения; и обратно, вполне естественно неодинаковым образом употреблять уже существующие различные формы. Преимущественно слова как основные элементы языка перекочёвывают от народа к народу. Для грамматических форм возможность перехода более затруднительна, поскольку они ввиду своей тонкой интеллектуальной природы

существуют скорее в уме, чем материально, и, выявляя себя, закрепляются в звуках. Между извечно сменяющимися поколениями людей и миром отображаемых объектов существует бесконечное количество слов, которые, если даже они изначально созданы по законам свободы и в таком же виде продолжают употребляться, следует рассматривать как независимые сущности (Wesen), объяснимые лишь исторически и созданные постепенно посредством объединения усилий природы, человека и событий. Следы слов теряются во тьме предыстории, так что установить начало уже не представляется возможным; их разветвление охватывает всё человечество, как бы далеки люди друг от друга ни были: их непрекращающееся действие и постоянное возникновение могли бы обрести конец только в том случае, если будут истреблены все ныне живущие поколения и разом перерезаны все каналы связи. Пока народы пользуются существовавшими до них элементами языка, пока они вмешиваются в отображение объектов, выражение не безразлично для понятия, и понятия не бывают независимыми от языка. Но зависящий от языка человек оказывает на него обратное воздействие, и поэтому каждый отдельный язык есть результат трёх различных, но взаимосвязанных воздействий: реальной природы вещей, поскольку она оказывает влияние на душу (Gem&uumk;th), субъективной природы народа, своеобразной природы языка, где инородные (fremd) примеси к основной материи языка и всё усвоенное языком, первоначально даже свободно созданное, допускают образования по аналогии только в известных пределах.

20. Из взаимообусловленной зависимости мысли и слова явствует, что языки являются не только средством выражения уже познанной истины, но и, более того, средством открытия ранее неизвестной. Их различие состоит не только в отличиях звуков и знаков, но и в различиях самих мировидений. В этом заключается основная и конечная цель всякого исследования языка. Совокупность познаваемого - как целина, которую надлежит обработать человеческой мысли, - лежит между всеми языками и независима от них. Человек может приблизиться к этой чисто объективной сфере не иначе как присущим ему способом познания и восприятия, следовательно, только субъективным путём. Именно там, где достигается вершина и глубина исследования, прекращается механическое и логическое действие рассудка (Verstandesgebrauch), наиболее легко отделимого от каждого своеобразия, и наступает процесс внутреннего восприятия и творчества, из которого и становится совершенно очевидным, что объективная истина проистекает из полноты сил субъективно индивидуального. Это возможно только посредством языка и через язык. Но язык как продукт народа и прошлого является для человека чем-то чуждым; поэтому человек, с одной стороны, связан, но, с другой стороны, обога-

щён, укреплён и вдохновлён наследием, оставленным в языке ушедшими поколениями. Являясь по отношению к познаваемому субъективным, язык по отношению к человеку объективен, ибо каждый язык есть отзвук общей природы человека. Если же совокупность языков никогда не сможет стать совершенной копией субъективного характера человечества, то они всё же непрерывно приближаются к этой цели. Субъективный характер всего человечества снова становится сам по себе чем-то объективным. Первоначальное соответствие (*Übereinstimmung*) между вселенной и человеком, на котором основывается возможность всякого познания истины, таким образом вновь обретается частично и постепенно на пути её обнаружения. Ибо объективное является тем, что, собственно, и должно быть постигнуто, и, когда человек через особенности языкового своеобразия приближается к этому, он должен приложить новые усилия для того, чтобы отделить субъективное и чётко вычленить из него объект - пусть даже через смешение одной языковой субъективности с другой.

21. Если сравнивать в различных языках способы выражения предметов, не воспринимаемых чувственно, то окажется, что одинаково значимыми будут лишь те, которые, являясь чистыми построениями, не могут содержать ничего другого, кроме того, что в них вложено. Все остальные пересекаются различным образом в лежащей в их центре области (если так можно назвать обозначаемый ими предмет) и имеют различные значения. Выражения для чувственно воспринимаемых предметов в той мере одинаково значимы, в какой в них мыслится один и тот же предмет, но поскольку они выражают различный способ его представления, то они могут расходиться в значениях. Ибо воздействие индивидуального представления о предмете на образование слова определяет, пока такое представление живо, и то, как словом вызывается предмет. Но множество слов возникает из соединения выражений чувственно воспринимаемых и чувственно невоспринимаемых предметов или же из умственной переработки первых, и поэтому все они несут на себе неповторимый индивидуальный отпечаток этой переработки, если даже с течением времени он исчезает у первых. Так как язык одновременно есть и отражение и знак, а не целиком продукт впечатления о предметах и произвольное творение говорящего, то каждый отдельный язык в каждом своём элементе несёт на себе отпечаток первого из обозначенных свойств, но распознавание его следа, кроме присущей ему отчётливости, основывается в каждом случае на склонности духа воспринимать слово главным образом как отражение или как знак. Душа (*Gemüth*), располагая властью абстракции, способна добраться до знака, но она также может, проявив всю свою восприимчивость, ощутить полноту воздействия своеобразного материала языка. Говорящий может выбрать любую из этих возмож-

ностей, и часто употребление поэтического, не свойственного прозе оборота речи не имеет никакого другого воздействия, кроме как настроить душу на то, чтобы не рассматривать язык в качестве знака. Если это двоякое употребление языка рассмотреть как две разновидности и попытаться их отграничить более чётко, нежели это может иметь место в действительности, то одну из них можно назвать научной, а другую - речевой. Первая является одновременно и деловой, тогда как вторая - повседневной, естественной, ибо свободное общение способствует раскованности и восприимчивости духа. Научное употребление в принятом здесь смысле используется лишь в науках, оперирующих чисто логическими построениями, а также в некоторых областях и методах естественных наук; в каждом акте познания, который требует нераздельного действия сил человека, выступает речевое употребление.

Именно от этого вида познания излучается свет и тепло на все другие; только на нём основывается поступательное движение всеобщего духовного образования, и народ, который не ищет и не обретает вершин этого познания в поэзии, философии и истории, лишается благотворного обратного воздействия языка, потому что он по своей вине не питает его более материалом, который один может сохранить в языке свежесть и выразительность, блеск и красоту. Это уже область красноречия, если, правда, понимать под красноречием в самом широком и не совсем обычном смысле такую трактовку языка, согласно которой он оказывает существенное воздействие на отображение объектов или сознательно употребляется для этой цели. В последнем случае красноречие с полным основанием (или без всякого основания) может войти как в научное, так и в деловое употребление. Научное употребление, в свою очередь, должно быть отграничено от конвенционального употребления. Обе разновидности относятся к одному классу, поскольку каждая из них стремится, истребляя своеобразие языкового материала, использовать последний только как знак. Но при научном употреблении язык применяется в той области, где это уместно, что и достигается устранением субъективного характера каждого выражения или, скорее, стремлением настроить душу целиком на объективный лад. Того же принципа придерживается спокойное и рассудительное деловое употребление языка. Конвенциональное употребление переносит трактовку языка в область, где возникает нужда в свободе восприимчивости; оно каждому выражению придаёт особую по степени и колориту субъективность и стремится вызвать соответствующее настроение у человека. Таким путём слово переходит в область речевого употребления и восстанавливает утраченные красноречие и поэзию. Существуют народы, которые вследствие особенностей своего характера пошли по одному из не-

верных путей развития языка или односторонне двигались по указанному правильному пути; есть и такие, которым в большей или меньшей степени сопутствовала удача в их обращении с языком. И если судьба благоприятствует тому, что народ, имеющий склонность к разговору, пению и музыке, достигает наивысшего расцвета своего организма, то создаются чудесные языки, вызывающие всеобщее восхищение во все времена. Только такой счастливой удачей можно объяснить происхождение греческого языка.

22. Это последнее и наиболее важное применение языка не может быть чуждый первоначальному его организму. В нём заложен зародыш дальнейшего развития, и нами разделённые ранее части сравнительного языкознания здесь сливаются. На основе исследования грамматики и словарного состава всех народов (в той мере, в какой мы располагаем возможностями для этого), а также на основе изучения письменных памятников развитых языков должно быть осуществлено связное и ясное изложение вида и степени образования идей (*Ideenerzeugung*), достигнутого человеческими языками, и выявлена в их строении доля влияния различных качеств языков на их завершенность.

23. Моим намерением было обозрение сравнительного изучения языков в целом, установление цели этого изучения, а также доказательство того, что для достижения этой цели необходимо совместное рассмотрение происхождения и процесса завершения языков. Только в том случае, если мы будем проводить наше исследование в этом направлении, мы будем испытывать всё меньше склонности толковать языки как произвольные знаки и, проникая вглубь, в духовную жизнь, обнаружим в своеобразии их строения средство изучения и познания истины, а также форму становления сознания и характер. Если языкам, достигшим высоких степеней совершенства, свойственны собственные мировоззрения (*Weltansichten*), то должны существовать не только их отношения друг к другу, но и их отношения к тотальности всего мыслимого. С языками происходит то же, что и с людскими характерами, или, если использовать для сравнения более простой пример, - с идеалами богов в изобразительном искусстве, которым в равной мере свойственна и тотальность и индивидуальность, поскольку каждое изображение как одновременное воплощение всех совершенств не является индивидуализированным идеалом с одной определённой стороны. Но не следует рассчитывать на то, что в каком-нибудь языке будут в чистом виде обнаружены такие преимущества, и попытка подобного представления (исторических) различий характеров и языков была бы искажением истинного положения вещей. Можно говорить лишь об известной предрасположенности языка и её нечётко прослеживаемой направленности. Становление же характера

человека, равно как народа и языка (под которым следует понимать не подчинение различных проявлений одному закону, а приближение сущности к какому-либо идеалу), невозможно себе представить, если мы стоим на том пути, направление которого, данное посредством представления об идеале, подразумевает другие направления, со всех сторон исчерпывающие идеал. Состояние народов, к языкам которых это приложимо, является наивысшим и завершающим для племенных различий. Оно предполагает относительно большое количество людских масс, которые необходимы для того, чтобы языки могли достичь своей завершенности. В основе этого лежит низшее, откуда мы и происходим. Оно возникает из неизбежной разобщенности и разветвленности рода человеческого. Этому состоянию языки обязаны своим происхождением. Оно предполагает множество небольших людских общностей, в которых легче возникнуть языкам, многие из них должны были смешаться и слиться, чтобы возникли богатые и пластичные языки. В обоих состояниях сохранилось всё то, что было открыто к сохранению на земле поколениями людей; возникая из природных и физических потребностей, оба приобретают в процессе развития высшее духовное назначение.

Е. С. Кубрякова

О КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ И СЕМАНТИКЕ ТЕРМИНА «КОГНИТИВНЫЙ»

(Кубрякова, Е.С. О коогнитивно лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2001. – С. 4–10)

Как всякая новая парадигма научного знания, когнитивная парадигма в лингвистике пробивает себе дорогу не без сопротивления, и если в специальной литературе выступления против нее редко носят открытый характер, то критические нападки на нее на разного рода встречах, круглых столах и конференциях встречаются гораздо чаще. В целом такое положение дел вполне понятно: всегда проходит какое-то время, прежде чем новая парадигма знания утвердится и найдет своих сторонников. Тем удивительнее, что уже и сейчас в области когнитивной лингвистики работает так много ученых, и уже сейчас можно было бы назвать немало интересных работ, свидетельствующих о том, что у нас складывается своя собственная школа когнитологов.

Поскольку к настоящему времени когнитивная лингвистика представлена в мире несколькими мощными направлениями, каждое из которых отличается своими установками, своей областью анализа и особыми процедурами анализа, а поток зарубежных исследований, выполненных в когнитивном ключе, по-прежнему не иссякает, наличие термина “когнитивный” в составе многочисленных с ним словосочетаний еще не означает по сути дела, что соответствующая работа выполнена в рамках когнитивной парадигмы и, тем более, того, что сам этот термин понимается тождественным образом.

Подобное положение дел осложняется, несомненно, и тем, что сама когнитивная наука, под эгидой которой возникла когнитивная лингвистика, все больше дробится не только на разные школы, но и на разные когнитивные науки - когнитивную психологию, нейронауки, антропологию и т.п. Разными учеными даются разные определения понятию “когнитивный” и здесь, а в появившихся “Введениях” в разные когнитивные науки его объяснения связываются, конечно, и с тем, в какой конкретной науке он используется, и какой конкретно группой ученых он характеризуется.

При быстром развитии всех современных наук и даже всех парадигм научного знания тридцать-тридцать пять лет их существования в XX веке - срок немалый и даже за этот короткий период фактические изменения в том и в другом достаточно существенны. Менялись частично и исходные допущения когнитивной науки, и сферы ее интересов, и конкретные ставящиеся в ней задачи, а все это вместе взятое не могло не отразиться и на облике когнитивной лингвистики.

Взяв, например, знаменитую книгу А. Пейвио (середина 80-х гг.) о двойном кодировании знаний в голове человека (образном и вербальном), мы могли бы удостовериться в том, что сам вопрос о том, как представлено знание в ментальном лексиконе, - это по-прежнему важнейшая проблема всей когнитивной науки. И все же вряд ли мы могли бы согласиться с тем, что проблема ментальных репрезентаций - это и сегодня центральная проблема всей когнитивной науки (см. Paivio 1986: 3-4). Но меняются цели когнитивной науки, меняется частично и содержание характеризующего ее термина.

Приведем еще один пример. Стремясь отразить, как происходит развитие ребенка, психологи до 60-х гг. ориентировались, прежде всего, на изучение мышления и выделение в становлении ребенка разных этапов осуществляемой им предметно-познавательной деятельности. С появлением когнитивной психологии и распространением взглядов на человека как обладающего особой когнитивной системой, служащей обработке и переработке информации, ее хранению и т.п., ракурс рассмотрения того, как протекает умственное развитие ребенка, тоже изменился. И здесь первоначально акцент делался на том, как форми-

руются у ребенка ментальные репрезентации мира и в каком виде они существуют в его сознании; но постепенно под когнитивным развитием ребенка (cognitive development) начинает пониматься более широкий круг явлений, связанных с овладением ребенком средствами и способами обращения с информацией, со становлением самой когнитивной системы со всеми такими ее составляющими, как восприятие, воображение, умение рассуждать и решать проблемы и т.п. Центральным становится вопрос о роли языка во всех этих процессах, о его врожденности или же приобретаемости во время научения. В то же время отмечается, что сам термин “когнитивная система”, как, впрочем, и термин “информация” (т.е. термины, ключевые для описания всего процесса развития ребенка!), используются без точного определения того, что ими обозначается! (ср. McShane 1991: 9). У многих специалистов складывается впечатление, что термин “когнитивный” выступает как размытый и что по этой причине он зачастую “пуст” (ср. Фрумкина 1996: 55). Встречаются и еще более неожиданные утверждения. Рассуждая о вкладе когнитивной лингвистики в современное языкознание, В.Б. Касевич подводит итоги своего анализа, заключая, что разработанные здесь подходы и результаты, хотя и обогащают языкознание, “никак не создают ни нового объекта (точнее, предмета) исследования, ни даже нового метода” и что поэтому “правомерно полагать, что когнитивной лингвистики не существует (подчеркнуто В.Б.К.) - уже потому, что не существует некогнитивной (психо)лингвистики” (Касевич 1998: 20). Мне бы хотелось настоящей работой подчеркнуть ОБРАТНОЕ: когнитивная лингвистика, конечно, существует (как существует и некогнитивная - например, структурная), а в ее рамках складывается и особое понимание интересующего нас термина, который и превращаясь в многозначный, не становится, тем не менее обратить внимание и на иные оценки самой когнитивной лингвистики у нас и за рубежом. Так, характеризуя теорию и метод в лингвистике конца XX века как свидетельства “мятежа” и “переворотов”, П.Б. Паршин в качестве одного из них (как наиболее показательного) приводит в пример именно когнитивную лингвистику. В ней, - подчеркивает автор, - и это “может считаться основой ее определения - в качестве модельных конструкторов выступают когнитивные структуры и процессы, будь то когнитивные структуры типа фреймов (М. Минский), к нуждам лингвистики это понятие было адаптировано Ч. Филлмором), идеализированной когнитивной модели (Дж. Лакофф) или ментальных пространств (Ж. Фоконье); 2 1/2 мерного наброска (Р. Джакендофф); семантико-грамматических суперкатегорий наподобие конфигурационной структуры, динамики сил, распределения влияния, “цепции” и т.д. (Л. Талми); комплексных многоаспектных конструкций (в специальном значении этого термина, предложенном Ч. Фил-

лмором и П. Кейем); когнитивных операций типа правил концептуального вывода (Шенк 1980) или же особого уровня изучения интеллектуальных систем - постулированного А. Ньюэллом отличного от символического 'уровня знаний' (Newell 1982)" (см. Паршин 1996: 30-31). Я нарочно привела эту развернутую формулировку, чтобы показать, что когнитивная лингвистика не только реально СУЩЕСТВУЕТ, но и характеризуется исключительно широким кругом изучаемых проблем, притом - при всем их разнообразии - рассматриваемых в рамках единого подхода и единых теоретических установок.

Приведу еще один фрагмент общей оценки когнитивной лингвистики [1]. "Если посмотреть на когнитивную лингвистику не со стороны того, что стимулировало ее появление (изучение мышления и познавательной деятельности, когниции), а с точки зрения ее предметного места в системе языковых уровней языка, то обнаружится, что она в целом занимается исследованием содержательных параметров языка. Это области когнитивной семантики, пространственной семантики, фреймовой семантики. Это изучение категорий и категоризации, концептов и концептуализации, метафоры и метафоризации, референции, информационных аспектов речевой деятельности (выдвижение, активация, фигура-фон), ментального языка и др." (Правикова 1999: 37-38). Еще важнее, что в этой же работе автор правильно указывает на то, что "в отечественном языкознании когнитивная лингвистика имеет отчетливую линию своего развития. Если в зарубежной лингвистике когнитивное направление возникло в связи с изучением различных типов обыденных семантик, то в нашей стране когнитивные идеи были высказаны, на наш взгляд, в связи с исследованиями в области номинации... В этой теории рассматривалась взаимосвязь языковой формы и языкового содержания на семасиологическом и ономасиологическом уровнях" (Правикова 1999: 39-40).

В 1999 г. в серии исследований по когнитивной лингвистике (Cognitive Linguistics Research) выходит специальный том, посвященный основаниям когнитивной лингвистики, диапазону ее проблем и методологии (см. Cognitive Linguistics: Foundations, Scope and Methodology 1999), в отдельных публикациях которого крупнейшие современные когнитологи подводят итоги ее разработкам, а также намечают пути развития когнитивной лингвистики. Статья Р. Ленекера так и называется: "Оценивая значимость когнитивного направления" (см. Langacker 1999), и в ней и круг проблем, характерных для этого направления (с.17), и неправомерность и несправедливость его критики по целому ряду обстоятельств (с. 20); перечисляются главные методологические принципы когнитивизма (с. 23 и сл.). Но главное, что здесь защищается, - это положение о том, что именно когнитивно-функциональные соображения о любых изучаемых явлениях языка

дают гораздо больше, по сравнению с формальным описанием тех же явлений.

По сути дела, о том же пишет и В. Крофт (Croft 1999), подчеркивая исключительную ценность когнитивных данных в типологических исследованиях языка. Но особенно высокую оценку когнитивизму дает Ж. Фоконье: “поразительную успешность” его он связывает с тем, что “по всей вероятности (здесь) впервые начали связывать подлинную науку о конструировании значения и его динамику”, и что хотя в когнитивной лингвистике разделяется старый как мир взгляд на язык как на орудие (формирования и передачи) значения, все ее методы и результаты совершенно новы (Fauconnier 1999: 96-98).

Нельзя упомянуть, наконец, и о последней монографии Дж. Лакоффа и М. Джонсона (Lakoff, Johnson 1999), где подчеркивается, что когнитивная наука и когнитивная лингвистика бросают вызов всей западной философии и ставят под сомнение многие ее постулаты, демонстрируя огромный прорыв в сфере познания человеческого разума и главных механизмов его ментальной деятельности.

Полагая вместе с другими когнитологами, что главное развитие когнитивной (или же когнитивно-функциональной, когнитивно-дискурсивной) парадигмы мы будем наблюдать в начале следующего века и что с этим развитием будет связано возрастающее влияние самой лингвистики на другие фундаментальные науки, мы считаем тем более важным разъяснить уже сейчас подлинный смысл этой науки, а, значит, и смысл того прилагательного, которое выделяет эту лингвистику из всего круга других “лингвистик”.

Примечательно, что и на последней встрече когнитологов в Стокгольме летом 1999 г. Б. Петерс подчеркивал необходимость решения этой задачи - разъяснения семантики термина “когнитивный”, - хотя ему и кажется, что в сочетании “когнитивная лингвистика” прилагательное имеет скорее идентифицирующее, нежели дескриптивное значение (Peeters 1999: 52).

Хотела бы отметить также, что в момент составления и написания “Краткого словаря когнитивных терминов” нам и в голову не приходила мысль о том, чтобы посвятить термину “когнитивный” отдельную статью: предполагалось “по умолчанию” (by default), что смысл его вполне ясен благодаря трактовке тех терминов, в составе которых он принимает на себя главную функциональную нагрузку. В настоящее время, однако, ситуация действительно изменилась (ср., например, появление рядом с ним термина “концептуальный” в значениях, близких “когнитивному”, но в то же время далеко ему не тождественных). Иными словами, наступило, по всей видимости, время, когда рассматриваемый нами термин должен получить отдельное объяснение.

В этой статье я не излагаю ИСТОРИЮ термина, - я лишь стремлюсь продемонстрировать некоторый диапазон его современного употребления, а также исключить как “неправильные” те случаи использования, которые мне представляются недостаточно оправданными и которые никак не могут считаться общепризнанными. Это, во-первых, отождествление его с термином “обыденный” [2], - при возможном подчеркивании внутри ряда концептов, из которых слагается представление о том, что есть КОГНИЦИЯ, концепта обыденного познания (см. также ниже). Это, во-вторых, отождествление его и разъяснение его через приравнивание прилагательного “когнитивный” прилагательному “нейрологический”, т.е. полученный в ходе применения нейрологических наблюдений и экспериментов (так, например, в Peeters 1999). Это, наконец, в-третьих, такое употребление термина, при котором он лишается реального содержания и выражает одно только желание использовавшего его автора следовать моде или соответствовать по тематике наиболее престижным направлениям своего времени (такое употребление, безусловно, бессодержательно и делает сам термин действительно “пустым”).

Вообще говоря, слово “когнитивный” в значении “познавательный” или “соответствующий познанию” встречалось уже давно в философской литературе (см. ФЭС 1983: 263), и в ней не заменялось такой калькой, как “познавательный”, т.е. правильно считали, что указанные понятия разошлись. Поскольку этот термин существовал в психологии еще до появления когнитивной психологии, в русском языке его нередко переводили, считая, что его значение - типичное значение относительного прилагательного (т.е. ‘относящийся к познанию’) и, конечно, в этом значении, как и в значении ‘относящийся к процессам познания’, он часто используется и сейчас. Но с созданием когнитивной психологии, которую определяли как “изучение ментальных процессов” (ср. Ellis, Hunt 1993: 2 и сл.) и с исследованием многих новых аспектов этих процессов, происходящих в голове человека, да и в связи с новыми подходами к рассмотрению самих процессов (восприятия, внимания, запоминания, мышления и т.д.) как характеризующих МЕНТАЛЬНУЮ деятельность человека, термин “когнитивный” значительно обогащается [3]. “Когнитивная теория, - подчеркивает Рэй Джакендофф в своей знаменитой книге, выдержавшей чуть ли ни семь изданий - ...это исследование ментальной информации”, т.е. информации, хранящейся в ментальном лексиконе ВНУТРИ мозга и составляющей базу человеческого сознания (ср. Jackendoff 1993: 35; первое издание книги - 1983 г.).

Поскольку и в когнитивной науке как таковой в фокусе влияния оказываются МЕНТАЛЬНЫЕ СУЩНОСТИ, термин “когнитивный” начинает использоваться как синоним терминам и “ментальный”, и

“внутренний”, “интериоризированный”, и “умственный”, “мыслительный”, и в известном смысле такое употребление не может считаться “неправильным” (ср. все эти термины в сочетании со словами *состояние, операция* и пр.). А поскольку естественно рассмотрение всех когнитивных процессов как ПСИХИЧЕСКИХ (а отсюда - тоже как интериоризованных в его сознании), нередко отождествление всех перечисленных нами терминов, т.е. их понимание как обладающих признаками “семейного сходства”. Но как только в конкретном эксперименте или же исследовании термины эти надо развести, это происходит без всякого труда, - понятно, какую именно сторону явления МОЖЕТ охарактеризовать и выделить каждый их них. Во всяком случае, “когнитивный” осмысливается в его прототипических значениях.

Образующим второй круг значений может быть признано значение, связывающее термин-прилагательное с мотивировавшим его источником, т.е. существительным “когниция”, по поводу которого тоже следует высказать несколько соображений. Кажется не случайным, что при наличии в русском языке слова “познание” наряду с ним было введено и транслитерирующее англ. *cognition* “когниция”, ибо указанные слова, казалось бы, фактические синонимы, на самом деле обозначают разные сущности.

Ключевое для всей когнитивной науки понятие когниции относится, прежде всего, к познанию ОБЫДЕННОМУ, КАЖДОДНЕВНОМУ, так сказать, непосредственному, важному для взаимодействия человека с миром его обычной жизни.

Когниция, - пишет Ст. Рид, - обычно определяется как получение или приобретение знаний, но это и их использование, и овладение множеством разных практических навыков и умений; как указал У. Нейсеер, она связана со всеми процессами, посредством которых сенсорные данные на входе трансформируются, свертываются и развертываются, уточняются и развиваются, хранятся и используются (ср. Reed 1996: 4). Когниция – это манипуляции со знаниями, работа с информацией.

Когнитивная наука и все когнитивное направление (*cognitive movement*), – отмечает А. Андерсон, – стремится к созданию когнитивной теории повседневной жизни (Anderson 1996).

В одном из последних введений в когнитивную науку также подчеркивается, что, изучая человеческий разум и происходящие в нем процессы, ученые должны прежде всего преследовать цель понять основы того, как люди ДУМАЮТ, и в этом смысле изучать когницию, осуществляемую ЧЕЛОВЕКОМ (Thagard 1996: 17). Главной составляющей когниции является язык, а проблемам соотношения когниции и языка посвящены сегодня буквально десятки работ (см., например,

М. Schwarz 1995: 359 и сл., где акцент тоже делается на познании мира человеком; ср. также подчеркивание значимости актуального протекания познавательной активности человека в когнитивной психологии у Б.М. Величковского - Величковский 1983, и др.). Можно было бы привести и другие определения когниции, но и сказанного, думается, достаточно, чтобы отметить, с одной стороны, что когнитологи всегда имеют в виду противопоставление НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ мира и постоянно протекающей ЕСТЕСТВЕННОЙ когниции как направленной на простое взаимодействие с миром в сфере нашего каждодневного и повседневного опыта. Все исследования по категоризации и концептуализации действительности в когнитивной науке относятся, в первую очередь, именно к обычному опыту и обычному поведению человека. Да и язык отражает результаты когниции как процесса, ориентированного на решение практических задач по приспособлению человека к окружающей среде, по его выживанию, по классификации данных непосредственного восприятия, по членению потока информации и т.д. и т.п.

Характеризуя эти аспекты когниции, иногда говорят о противопоставлении научного и обыденного познания (Лазарев 1999), отмечая, что первое ориентировано на получение ИСТИНЫ, а второе - на чисто прагматические цели. Можно было бы говорить и о том, что в этих случаях противопоставляется достижение знания versus деятельность с информацией и ее простейшей переработкой, но сам смысл оппозиции достаточно ясен: когниция характеризует жизнь любого человека вне его собственно научных интересов и решения специально ставящихся в процессе научной деятельности задач. “Когнитивность” часто поэтому значит ‘естественно постигаемый’, ‘познаваемый в ходе обычного опыта’, и т.д. Структуры знания, фиксируемые в языке, - это прежде всего “естественные” структуры, структуры опыта, осмысления и оценок мира, разделяемые всеми членами данного языкового сообщества и потому входящие в область так называемого “разделенного знания” (shared knowledge).

Следовало бы, наверное, особо остановиться и на том, как связаны между собой в когнитивной науке и когнитивной лингвистике понятия когниции, знания и информации (ведь это существенно, например, для понимания того, как интерпретируется в интерпретируется в указанных науках понятие значения), но это увело бы нас несколько от основной темы статьи, в завершении которой мы рассмотрим вопрос еще об одном, последнем, круге значений термина “когнитивный”. Эти частые значения связаны с таким употреблением термина, при котором он вводит своим появлением связанные с ним СОЧЕТАНИЯ, такие как *когнитивная наука*, *когнитивный подход*, *ког-*

нитивное направление. В конструкциях типа *cognitive scientists* или же рус. *когнитивный анализ, когнитивные исследования* и пр. речь идет именно о том, что такие исследования выполнены в рамках когнитивной НАУКИ или же в когнитивном ключе. Это очень распространенный способ семантической компрессии: подобно тому, как на базе термина “генеративная грамматика” рождаются сочетания типа *генеративный подход/исследования* и т.п. и название специалиста по генеративной грамматике в виде *генеративиста* (сам он не “порождает” ничего, кроме научных соображений о грамматике особого вида), многие обороты с термином “когнитивный” следует считать передающими (компрессивно) значения ‘выполненные в духе (указанной) когнитивной дисциплины’ и даже ‘реализующие исходные допущения (установки, принципы и т.д.) когнитивной науки или когнитивной лингвистики’. В этих значениях - со скрытой семантикой указания на науку, подход, направление - термин используется не менее часто, чем в своем исходном прототипическом значении ‘относящийся к когнитивности, связанный с когнитивностью, с процессами и результатами познания’. И, конечно, во всех перечисленных мною значениях он не пуст.

Рассмотрение семантики термина ‘когнитивный’ позволяет нам не только дополнить сведения о терминологии когнитивной парадигмы знания, но и внести большую ясность в понимание того, что представляет собой когнитивная лингвистика. Во-первых, эта наука – одна из главных наук всего когнитивного цикла, – всех наук, развивающихся под эгидой когнитивной науки как таковой. Во-вторых, сегодня когнитивная наука представлена целым рядом достаточно различающихся между собой школ. Вместе с тем их, несомненно, объединяет стремление дать языковым фактам и языковым категориям психологическое объяснение и так или иначе соотнести языковые формы с их ментальными репрезентациями и с тем опытом, которые они в качестве структур знания отражают. В-третьих, когнитивная наука занимается в основном сверхглубинной семантикой и интересуют ее в первую очередь содержательные аспекты языковых форм (ср. названные выше работы П.Б. Паршина, Л.В. Правиковой и др.). Нередко поэтому специфику когнитивной науки связывают с ее ориентацией на исследование конструирования значения, его динамики, сложности формирования значения в пределах разных конструкций и в дискурсе и т.д. (ср. *Cognitive Linguistics...* 1999). Включение в ее название термина “когнитивный”, таким образом, весьма значимо и позволяет провести должное разграничение лингвистики когнитивной и лингвистики функциональной, несмотря на некоторые точки пересечения между ними и, в частности, их оппозицию лингвистике формальной.

Тер-Минасова С.Г.

ДРУГОМУ КАК ПОНЯТЬ ТЕБЯ? РАЗНИЦА КУЛЬТУР

(Тер-Минасова, С.Г. Другому как понять тебя? Разница культур // Война и мир языков и культур [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://regionalstudies.ru/publication/monograph/war.html>)

*Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Ф.И. Тютчев «Silentium»*

*«Понятия об искусстве так же
условны, как понятия о добре и зле.
Каждый век, каждая страна смотрят
на добро и зло различно; что
считается доблестно в одной стране,
то в другой признается
преступлением»
Алексей Анухтин.*

«Рознь языков» ясна человечеству со времен Вавилонской башни. Языковой барьер труден, но очевиден. Чужой язык (жаргон, диалект), как Цербер, сторожит свое царство. Этого сторожа нельзя обойти, подкупить, обмануть, но с ним можно подружиться: его можно выучить. Не сразу, не так быстро, не «английский за три недели», но можно, и миллионы людей этот барьер преодолевают.

Однако знание языка еще не гарантирует радостей общения. «Через 15 лет выучишь английский и будешь говорить сам с собой». Для того чтобы «говорить с другими», легко и эффективно общаться, нужно преодолеть еще и барьер культурный – гораздо более грозный, опасный и трудный.

Чем же барьер культур труднее, «хуже» барьера языков?

В отличие от языкового, он невидим и не ощущаем. Столкновение с другими, чужими культурами всегда неожиданно. Родная культура воспринимается как данное, как дыхание, как единственная возможность видеть мир вокруг себя, жить по определенным, родным правилам, в соответствии с общепринятыми нормами, традициями, привычками. Осознание своей культуры как одной из многих, отдельной, особенной, приходит только при столкновении (знакомстве, взаимодействии) с иной культурой, особенно той, которая живет в *иных странах*, то есть иностранной.

Впрочем, и в одной стране, у одной нации, объединенной одним языком, могут быть весьма значительные различия культур, обусловленные самыми различными факторами, в том числе как местом проживания, так и принадлежностью к разным социальным группам.

Простой пример «локального конфликта культур» привел первокурсник факультета иностранных языков МГУ Сергей Макаров, приехавший учиться в Москву с юга России: «Там, где я живу (на Кавказских Минеральных Водах) принято, когда тыходишь к своему знакомому, а рядом с ним стоят еще несколько человек, ты должен поздороваться и с ними тоже. В Москве же парень подходит, здоровается только со своим другом, начинает разговор: «Как дела? Что новенького?» и игнорирует остальных. На мой взгляд, это неуважение к людям».

Мелкий, пустяковый конфликт, даже не конфликт, но настроение испорчено, московские равнодушие и дистантность задевают чувства, обижают, возникает барьер между своими и чужими.

Таким образом, наряду с общенациональной культурой, существуют культуры локальные и социальные. В языкознании разновидности национального языка такого рода называются диалект и жаргон. Культурология еще не имеет общепринятых терминов для аналогичных понятий (может быть, **диакультура** и **аргокультура**?). Культурные различия зависят от пола (этим занимаются гендерные исследования), возраста, уровня образования и т.п. Иными словами, люди (и, соответственно, их культуры) делятся не только на нации, народы и народности, но и на женщин и мужчин, «отцов» и «детей», образованных (у русских этот слой называется *интеллигенция*) и необразованных, рабочих, крестьян и служащих и т.п.

Более того, у каждой семьи как «ячейки общества», как мини-общества есть своя разновидность, свои особенности национальной культуры, обусловленные **идиокультурами** (по аналогии с идиолектом) членов этой семьи.

Итак, культурный барьер невидим, он подобен стеклянной стене, отгораживающей свою культуру от других, и становится очевидным только при знакомстве с иной культурой, только в момент столкновения. Разумеется, неприятно набить себе шишку, столкнувшись с неожиданным, невидимым препятствием. Индивидуальная культура также, подобно стеклянной капсуле, закрывает человека, и всякая встреча, знакомство, общение с другим человеком благоприятны и эффективны только в случае преодоления культурных различий. Сколько прекрасных пар, сколько семей разрушилось от неосознания культурного барьера, его невидимости до столкновения.

Конечно, культурный барьер опаснее и «хуже» языкового: он скрыт, на нем шапка-невидимка.

В канун Нового 2001 года, когда весь мир захлебывался от энтузиазма, восторга, страхов и надежд в связи с наступлением не просто Нового Века, но и Нового Тысячелетия, мои коллеги и друзья из Института стран Азии и Африки МГУ подарили мне календарь. Обычный Новогодний подарок. Но на нем была надпись: «Общество выпускников Института стран Азии и Африки желает всего наилучшего в григорианском 2001, мусульманском 1418, китайском 4699, индийских 1176, 2057, 5761, 1922, афинском 19993, еврейском 5761, японском 13 году Хэсей!»

Хорошо работать в классическом университете! Коллективный разум дает столько пищи для размышлений. Только успевай – и не ленись! – подхватывать.

Информация календаря ИСАА мгновенно «открыла глаза» и повернула сознание.

Во-первых, устойчивое словосочетание «весь мир» неверно в подавляющем большинстве контекстов. Это «весь наш мир», т.е. в данном случае мир тех людей, которые живут по григорианскому календарю. И это только мы – абсолютное меньшинство в мировом масштабе – вступаем в Новый век, Новое тысячелетие и почему-то ждем чего-то нового и необыкновенного для «всего мира». А «весь мир» живет по другим, очень разным календарям, и в Индии два соседа могут встречать в одну и ту же ночь 1176 и 5761 год.

И хотя календарь – это нечто формальное и условное, так как родившийся в один прекрасный день человек не знает, в какую культуру, язык и год он случайно попал (и это как бы и не имеет никакого значения для его восприятия мира), по мере взросления и осознания себя в определенном месте, времени и обществе, по-видимому, среди многих других факторов окажет влияние и факт летоисчисления: пять с половиной тысяч или одна тысяча лет за твоей спиной определяют некоторую разницу в менталитете.

А вот и пример из жизни как раз на эту тему.

«... Казалось бы, как может привести к скандалу поздравление с Новым годом? Однако на моих глазах именно это и произошло. Дело в том, что согласно иудейской религии Новый год празднуется в сентябре. Соответственно, один израильтянин поздравил всех с Новым годом именно в сентябре. Немец откликнулся шуточной репликой: «Тогда уж и с Рождеством заодно!» – подразумевая, что христианский Новый год еще не скоро. В результате завязалась обширная переписка, в которую втянулось множество участников, обвинявших друг друга в сионизме, антисемитизме, фашизме и прочих грехах. Вот какие последствия может вызвать совершенно безобидное поздравление».[1]

Повышенный, я бы даже сказала болезненный, интерес к разнице культур, разумеется, не случаен. Он вызван многими все теми же неоднократно упомянутыми социально-историческими причинами, главные из которых: 1) преодоление барьеров расстояний с помощью технического и информационного прогресса; 2) небывалые ранее возможности общения; 3) небывалая ранее миграция населения земли: учеба, работа за рубежом и, главное, беженцы, которые исчисляются миллионами; панмиксия как следствие этой миграции. 4) все усиливающийся процесс глобализации, требующей неслыханного ранее уровня международной и межкультурной коммуникации.

Изучение этих проблем требует усилий и знаний представителей всех гуманитарных наук: культурологов, психологов, социологов, историков, филологов, философов. От решения этих вопросов зависит будущее человечества. Именно они составляют тот «человеческий фактор», который может свести на нет достижения научно-технического прогресса.

Итак, «удивительные открытия» (яркий пример того, как «глаза открылись»), очевидное - невероятное.

Во-первых, мы все очень разные, мы видим, слышим, любим и ненавидим по-разному, у нас **разные представления о мире и людях, разные системы ценностей, разные нормы поведения, то есть разные культуры.**

Во-вторых, мы все без исключения живем в счастливой уверенности, что только **наша культура – единственно правильная, возможная и нормальная.** Именно это и называется научно – **этноцентризмом.** Отсюда и наша слепота, и, соответственно, невидимость культурного барьера, и культурные конфликты, шоки, войны.

Итак, разница культур. Разница образов жизни, привычек, обычаев, отношения к миру, к жизни, к людям, разница реакций, разница характеров. Все это **так очевидно, банально, так легко это понять – и так трудно осознать, признать и помнить.** Еще один удивительный парадокс homo sapiens – Человека, претендующего на звание Разумного.

Так, например, теоретически мы, разумеется, понимаем, что на вкус и цвет товарищей нет, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят, что у разных культурных общностей разные системы ценностей, разные представления о таких понятиях, как красота, ум, честность, патриотизм и так далее и тому подобное. И все равно на практике мы только свои представления считаем нормой и обычно ходим в чужие монастыри именно со своим уставом.

Н.Г.Чернышевский в своей магистерской диссертации «Эстетические отношения искусства и действительности» в 1855 г., провозглашая принцип «прекрасное есть жизнь» с позиции материалистической эстетики, отмечал, что понятия красоты женщины у крестьян и у

аристократов резко различаются. Действительно, красивая русская крестьянка должна быть крепкой, румяной, «кровь с молоком» - все это признаки физического здоровья, без которого не справиться с «долошкой женской – вряд ли труднее сыскать». Великий русский народный поэт Н.А. Некрасов дал народное представление о русской красавице: «красавица миру на диво – румяна, стройна, высока, во всякой одежде красива, ко всякой работе ловка». Обратите внимание на смысл этих хрестоматийных, избитых школьной программой слов: здоровая, пышная («сидит, как на стуле, двухлетний ребенок у ней на груди») женщина, которой не надо отвлекаться на туалеты (она **во всякой одежде** красива), не надо тратить на эту ерунду драгоценное время и способности **ко всякой работе**: в семье, в поле, на огороде, в домашнем хозяйстве. Наоборот, аристократическая красавица должна быть худенькой, бледной, стройной, грациозной, с тонкими чертами лица, олицетворяя своим обликом способность к духовной, а не физической работе. Провинциальные барышни пили разбавленный уксус, чтобы прогнать компрометирующий их социальное положение здоровый румянец со щек.

Разница представлений о красоте внутри одной – русской – культуры очень ярко представлена в гениальном «Коньке-Горбунке» П.П. Ершова. Иванушка-дурачок должен, по приказу Царя, найти и похитить дивную и несравненную Царь-девицу. Его первая встреча с загадочной заморской красавицей вызывает у Ивана, народного героя русских сказок, такую реакцию.

*«Хм! Так вот эта Царь-девица!
Как же в сказке говорится, -
Рассуждает стремянной, -
Что куда красна собой
Царь-девица, так что диво!
Эта вовсе не красива:
И бледна-то, и тонка,
Чай, в обхват-то три вершка;
А ножонка-то, ножонка!
Тьфу ты! Словно у цыпленка!
Пусть полюбится кому,
Я и даром не возьму»[2].*

Когда же позже Месяц Месяцович (почему-то, несмотря на мужской род своего имени, оказывающийся матерью Царь-Девыцы) спрашивает Иванушку:

*«... Что, здорова ли она?
Не грустна ли, не больна?»
Иван упорствует в своей оценке:
«Всем бы, кажется, красotka,*

*Да у ней, кажись, сухотка:
Ну, как спичка, слышь, тонка,
Чай, в обхват-то три вершка;
Вот как замуж-то поспеет,
Так небось и потолстеет:
Царь, слышь, женится на ней.*

Царь-девица – типичная аристократическая красавица, и ее худоба и бледность наводит Ивана на мысли о болезни «сухотке». Но добрый герой сказки Ершова хочет подбодрить мать несчастной некрасивой девушки и дает ей надежду: может, будет выглядеть лучше, когда выйдет замуж и потолстеет.

В XX веке противопоставление двух разных типов женской красоты стало еще более значимым, поскольку очень остро встал вопрос классовой принадлежности. Это наложило отпечаток на визуальные виды искусства – живопись, скульптуру.

После революции 1917 года, в связи с проведением весьма прямолинейной гендерной политики, в советской прессе облик трудящейся женщины формируется по контрасту с женщиной нетрудящейся.

«В каждом типе изданий, в соответствии с его задачами и читательской аудиторией формируется и транслируется свой тип женственности. Условно их можно обозначить как «аристократический тип» и «рабоче-крестьянский». «Аристократический тип» - это образец рафинированной, изнеженной женщины, похожей на героиню немого кинематографа начала века. В отличие от subtilной фигурки первого типа «рабоче-крестьянские» женщины были коренасты, у них была короткая шея, широкие плечи, сильные руки. Существенное различие было представлено и в лицах, «героини труда» были круглолицы, с довольно крупными, иногда грубыми чертами». [3]

В наши дни образец женской красоты по нормам западной культуры – это очень высокая, очень худая и стройная женщина с очень длинными и стройными ногами. Все кинозвезды, топ-модели, манекенщицы, современные красотки, украшающие обложки глянцевого журналов, соответствуют этим нормам. На них работает «высокая мода» всего западного мира, для них шьют туалеты, подбирают обувь, украшения и модные цвета лучшие художники и модельеры. Шоу-бизнес конкурсов красоты объявляет заранее точные параметры размеров, объемов и веса в сантиметрах и граммах. Все это – нормативные требования современной культуры, соответствующие представлениям о женской красоте.

Маленькое отступление без комментариев: один из популярнейших в нашей стране анекдотов из серии «Армянское радио спро-

сили...» отвечал на вопрос о том, каких женщин любят мужчины: 50% мужчин любят полных женщин, а 50% - очень полных женщин.

Кстати, язык как хранитель культуры помнит то, что совершенно забыли и не замечают его носители: русское слово «худой», наряду со значением *тощий, не упитанный, не толстый* имеет устаревшее значение *плохой*, которое сохраняется, главным образом, в устойчивых выражениях (фразеологизмах) – *худой мир лучше доброй ссоры, худого слова не скажешь*. Иначе говоря, *худой* – это и *худой*, и *плохой*, а *толстый* – это только *толстый*.

Синонимы слова *худой* имеют в основном отрицательные оттенки (коннотации): *худощавый, сухой, сухощавый, исхудалый, жилистый, поджарый, тощий, костлявый, сухопарый, отоцальный (разг.), худущий (прост.), скелет, мощи (разг.), глиста (груб. прост.), кощей (разг.), выдра (груб. прост.), кожа да кости, одни кости, мешок костей, живые (или ходячие) мощи, драная кошка (груб. прост.), худой как щепка, можно ребра пересчитать*[4].

Слово *толстый*, само по себе не комплиментарное, имеет гораздо больше позитивных синонимов: *полный, полнотелый, дородный, солидный, упитанный, пухлый, сытый*[5].

Таким образом, налицо определенное противоречие между языком – продуктом деятельности и жизни всего народа – и культурой, насаждаемой определенными социальными группами, имеющими доступ к власти и средствам массовой пропаганды.

А теперь еще одно отступление-загадка: угадайте, к какой категории женщин – худых или толстых – относится автор?

Не успела поставить точку, а в газете – «голос народа». В рубрике «Я не понимаю...» вопрос прямо по нашей теме и, что особенно ценно, – ответ эксперта. Привожу полностью (Аргументы и факты № 31, 2005 г.)

«...почему меня агитируют за тощих?»

Лет 100 назад в моде были женщины с формами, как на картинах Рубенса или Кустодиева. А сегодня нам как идеал красоты подают тощих безгрудых манекенщиц. Я не понимаю, почему меня убеждают любить женщин, которых на ощупь от мужчины и не отличишь? С. Авилов, Московская обл.

Отвечает историк моды профессор Александр Васильев:

– Стиль унисекс торжествует сегодня, во-первых, потому, что большинство модельеров свою продукцию адресуют группе населения от 16 до 22 лет, которые в этом возрасте еще не отличаются пышными формами. Взрослых покупателей гораздо труднее убедить в том, что они должны любить блузки именно розового цвета, а джинсы – непременно расшитые блестками, а кольцо носить именно в пупке. Подростков легче убедить. Они проще расстаются с деньгами.

Во-вторых, современная мода создается в основном мужчинами «неадекватной» сексуальной ориентации. Мужчина нормальной ориентации женщину обычно раздевает, а нетрадиционной – одевает. И, возможно, сменится еще одно поколение, прежде чем мы вернемся к моде на невысоких и полненьких красоток».

Однако, по-видимому, эксперт ошибается в прогнозах, судя по данным газеты «Московский Университет»:

«Давнишние разговоры о том, что 90/60/90 – не красота, а болезнь, что «синдромом куклы Барби» уже больны многие девочки, лозунги «Долой «вешалок», даешь нормальных!» привели к появлению на страницах американского «Космополитена» необычной рекламы. Средства для ухода за телом представляют обычные полные, бледные и малоухоженные женщины.

Лично меня это явление повергло в ужас. Непривлекательность отталкивает. Но народ говорит: «Да!». Почему средства от морщин рекламируют девочки? Я больше поверю образу своей соседки, чем той идеальной картинке.

По данным NEWSWEEK, процент продаж компании уже вырос на 35%»[6].

Создается впечатление, что в современном обществе крепнет «оппозиция» к сантиметрам и граммам как главному и обязательному параметру женской красоты. Принцип конкурса красоты на звание «Мисс Корякия» был озвучен так: «Мы отказались от европейских цифр 90-60-90, для нас главное – естественность в коряжских танцах» (телепередача 10 марта 2007г., канал «Россия», 8.⁰⁰).

По-видимому, главным советом по вопросу воспитания толерантности к чужим культурам может служить мудрая пословица «о вкусах не спорят». Это относится ко всем без исключения аспектам системы ценностей у различных культурных общностей. В качестве иллюстрации этого положения, завершим раздел о женской красоте, следующим фактом. Девушки из южноафриканского племени кхоза специально носят длинные челки, чтобы стать косоглазыми. Считается, что это делает их гораздо более привлекательными. (Большая книга веселого досуга. «Ридерз Дайджест», 2005 г., 22 декабря).

И, наконец, свидетельства языков по вопросам оценки внешности в разных культурах. В английском языке зеленые глаза (green eyes) вызывают неприятные ассоциации, поскольку являются признаком зависти и ревности. В русском языке зеленые глаза – это признак интересной, романтической внешности.

«В славянском фольклоре голубые глаза – это признак чистоты, красоты, добра. Но арабами голубой цвет глаз считается признаком дурного человека, это признак коварства и обмана. По-видимому, такая оценка ориентирована на привычную, а потому положительно

оцениваемую картину мира: у славян более распространены голубые глаза, а у арабов – черные. Кроме того, исторически сложилось так, что именно «голубоглазые» являлись основными противниками арабов: «В толковом словаре «ал-Мунджид» зафиксирован фразеологизм al-aduww al-azraq «заклятый (букв. «голубой») враг» и дается следующее объяснение: «заклятый враг», так как у большинства византийцев, с которыми арабы сильно враждовали, были голубые глаза, это и послужило причиной называть лютых врагов «голубыми».[7]

По поводу представлений о понятии «умный» в разных культурах будет правильно привести отрывки из работы Анны Фенько «Трактат об уме».

«Африка: удачливые и осмотрительные. В России часто приходится слышать о человеке: умный, но невезучий, или умный, но не умеет ладить с людьми. Если вы скажете так в Африке, вас никто не поймет. Это все равно что сказать: он очень способный, вот только читать и писать никак не научится.

Дело в том, что в большинстве африканских культур быть умным значит быть удачливым, причем в первую очередь - в социальных отношениях. А для этого необходимо разбираться в людях и уметь найти с ними общий язык. Когда родителей из племени чева в Центральной Африке попросили описать, какими качествами должен обладать умный ребенок, они перечислили здравый смысл, сообразительность, послушание, общительность и почтение к старшим. Среди народности баоуле в Уганде умными людьми считаются те, кто готов прийти на помощь, послушен, почитателен, обладает знаниями, проявляет ответственность и инициативу в делах, полезных для общины. Технические знания и умения ценятся только тогда, когда они используются в интересах семьи или деревни.

В других африканских странах представления об интеллекте также включают в качестве обязательного элемента социальную компетентность. Так, в Зимбабве умный человек должен в первую очередь быть осмотрительным и осторожным, способным распознать тайного врага. В Мали и Кении умным считается тот, кто умеет себя вести, знает ритуалы и правила, умеет производить на других хорошее впечатление и заводить друзей. Когда студентов из Кении просили объяснить смысл комедии Грибоедова «Горе от ума», они сказали, что это очень смешная пьеса про глупого человека, который постоянно совершает ошибки и поэтому со всеми ссорится.

Азия: воспитанные и практичные. У японцев понятие «интеллект» включает в себя пять независимых критериев, наиболее важный из которых - социальный навык. Обладающий им человек общителен, весел, приветлив, умеет хорошо говорить. Вторым критерий -

восприимчивость к общественным ценностям - описывает человека скромного, умеющего принять точку зрения другого и «знающего свое место». Последний термин отражает типично японское представление о том, что каждому человеку отведена определенная роль, в соответствии с которой следует себя вести, не выходя за ее рамки. Только на третьем месте у японцев наиболее привычный нам критерий - эффективность решения задач, работоспособность и навыки планирования. Два последних критерия - оригинальность и грамотность. Умение хорошо, грамотно читать и писать для Японии - большая редкость и признак высокообразованного человека.

Китайцы представляют себе умного человека как социально ориентированного, все делающего правильно, практичного и ответственного. В понятие «интеллект» у китайцев входят осторожность, умение наблюдать и подражать. Интеллектуальные способности любопытного, склонного к познанию нового или критически настроенного человека вызывают у китайцев большие сомнения. Так что их мнение по поводу Чацкого наверняка совпало бы с мнением африканцев. Умный человек в традиционной китайской культуре - это скорее Фамусов, то есть чиновник, сумевший сделать удачную карьеру. Типичный интеллигент западного типа - любознательный естествоиспытатель, неутомимый в поисках новых открытий, или чудаковатый профессор, изобретающий вечный двигатель, - тоже не кажется жителю Азии обладателем большого ума.

Америка: общительные и респектабельные. Концепция ума и глупости среднего американца, в принципе, не очень отличается от азиатских и африканских представлений об интеллекте. На первое место американцы ставят практический интеллект: способность правильно оценивать ситуацию, принимать верные решения, добиваться поставленных целей. На втором месте находится умение складно говорить, а на третьем - знание правил поведения в обществе (например, пунктуальность) и широта интересов.

Россия: хитрые и беспринципные. Традиционные представления русского человека об уме и глупости восходят к фольклорному образу Ивана-дурака. Он дурак только поначалу: сидит на печи, а в конце концов оказывается умнее своих братьев и получает в награду царскую дочь. Сказочный дурак всегда вызывал симпатию своей добротой, жалостливостью и самоотверженностью. В России никогда не любили «больно умных», подозревая их в эгоизме и мелкой расчетливости.

Образ симпатичного «умника» появился только в XIX веке и представлял собой рассеянного и беспомощного в быту университетского профессора или гениального изобретателя.

Время, когда быть дураком в России было выгодно, прошло. Все хотят быть умными. При этом новые российские представления об интеллекте определяются не столько перечислением позитивных качеств, сколько противопоставлением традиционному фольклорному образу дурака, у которого отсутствие практического интеллекта компенсировалось добродушием и открытостью. Противоположный персонаж - это умный злодей, извлекающий выгоду из чужой беды, или хитрец, обводящий простаков вокруг пальца. Наше коллективное сознание изо всех сил пытается полюбить этот образ, найти в нем что-то хорошее, но это никак не удается. Поэтому умный человек у нас приобретает черты какой-то зловещей антисоциальности: он или жулик, ловко укравший деньги у государства, или кровопийца-чиновник, ограбивший простой народ. Этот антигерой постсоветского сознания вызывает смесь ненависти, зависти, восхищения и желания подражать. Пожалуй, это самая оригинальная из всех известных на сегодняшний день концепций ума»[8].

Не забудьте: все без исключения «трактаты о культуре» отражают представления тех определенных культурных общностей, к которым принадлежит автор.

Совершенно особое представление об уме – в русском фольклоре, в народных сказках. Настоящие герои и героини часто не только не проявляют ума (читай – практицизма), а, наоборот, и ведут себя, и оцениваются окружающими как «дурачки» и «дурочки». Великий и классически русский Иван-дурак, обычно ласково именуемый Иванушкой-дурачком, в отличие от умных братьев, идет ночью сторожить отцовскую пшеницу в «Коньке – Горбунке» Ершова или ночевать на могиле отца в сказках А.Н. Афанасьева; дурочки-героини просят в подарок аленький цветочек или перышко, а не драгоценные ларцы и наряды, как их умные старшие сестры. Их поведение как бы демонстрирует отсутствие ума, но в конце сказки именно они оказываются умными и успешными, именно они женятся на царевне и выходят замуж за любимого, красивого и богатого. Дети русской культуры, выросшие на русских сказках, с малых лет познают высшую мудрость: во-первых, ум – понятие глубинное и парадоксальное, во-вторых, не суди об уме по поведению: то, что кажется глупым на первый взгляд, может оказаться подлинным умом.

Анна-Наталия Малаховская проводит интересное исследование представлений о жизни, смерти и человеке в русских сказках и об их проявлениях в русской классической литературе.

Понятие «ум» в своей книге «Наследие Бабы-Яги»[9] она разделяет в отношении, как сейчас модно говорить, «гендерном»: ум героев отличается от ума героинь. Мужской ум в сказках представлен двумя разными, даже противоположными типами.

«Итак, можно установить **два типа ума** в сказках: ум старших братьев – и «другой», заместительный ум дурачка, восходящий в конечном счете к уму Бабы-Яги («А ты, бабушка, дай свою голову моим могутным плечам»[10], причем ум старших братьев (и сестер) оказывается недостаточным не только по силе, но и по качеству: он всегда «дает осечку», всегда приводит носителя такого ума либо к моральной катастрофе, либо к окончательной гибели. В пространстве сказочного действия «умники» всегда оказываются в проигрыше, спохватываются ли они, что это значит – ходить ночевать на могилу к отцу («Сивко-Бурко»), изгоняются ли из дому (как в «Сказке о молодильных яблоках») или просто погибают (как в «Сказке об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке»).

На самом деле младший брат выигрывает в сказочной борьбе не только потому, что он отказывается от собственного ума и получает «заемный», заместительный ум Бабы-Яги. С этим отказом от своего ума связаны и все остальные его качества (доверчивость, вежливость, способность выражать чувство печали), которые в целом можно определить как **открытость** героя, незамкнутость его на самом себе. Он открыт любому и каждому: от встречной пчелы, как и от прохожего старичка он ожидает любого чуда – и получает от них спасение, выручку на своем пути. Так его «не-эгоистичность» оборачивается высшей заботой о самом себе: в парадоксальном пространстве сказочного действия самый «не-эгоистичный» приносит самому себе больше всего пользы».

Что же касается ума сказочной героини, то он, по мнению Анна-Наталии Малаховской, заключается в интуитивном **знании** ситуации, в находчивости, догадливости. Героиня знает, что делать, куда идти и какой дать ответ, как бы он ни был неожидан и парадоксален.

«... и Марфуша из сказки «Морозко» почему-то **знает**, что на вопросы Морозка о том, тепло ли ей, следует давать парадоксальные ответы: «Тепло, батюшко!»[11]. Когда героиня литературного произведения в сходной ситуации тоже дает парадоксальный ответ, автор прямо называет ее **умницей**, а испытывающий ее персонаж (Воланд) намекает на то, что этот ответ свидетельствует о ее королевском происхождении («Кровь – великое дело», - неизвестно к чему сказал Воланд»[12])^[13].

Впрочем, «парадоксальные» реакции на ситуацию отнюдь не монопольное «открытие» или «знание» героинь. Герои русского фольклора ведут себя (и выражают это словесно) не менее парадоксально: в ситуации с придорожным камнем – указателем судьба они никогда не выбирают ни выгоды, ни счастливой жизни (это могут делать лжегерои). Илья Муромец в старом советском фильме формулирует это просто и «парадоксально» с точки зрения здравого смысла:

«Мне жениться не ко времени, а богатство мне не к радости». Не вдаваясь в глубокие исследования, скажу то, что представляется очевидным. Во-первых, речь идет о фольклоре, о сказках, а сказочные ситуации – парадоксальны сами по себе, по определению, по замыслу. Во-вторых, реакции героев и героинь русского фольклора парадоксальны по отношению к прагматизму, к так называемому «здравому смыслу» (по Козьме Пруткову, «лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным»).

Все величие, гениальность, высшая мудрость **народного** творчества (не отдельного гениального автора с его индивидуальным набором идей, представлений, созданных его индивидуальными же жизненными обстоятельствами, а целого **народа**) заключается в том, что русские сказки, былины и другие фольклорные жанры учат: «Не все так просто, ребятки, жизнь наша противоречива и парадоксальна, иногда лучше быть бедным и даже больным, чем богатым и здоровым, не судите о людях поверхностно и поспешно». И правда – тот, кто кажется глупым («дурачком», слабым, нелепым неудачником может оказаться – и оказывается! – самым умным, сильным и ловким победителем. Эта «нелепость», «странность» парадоксальность реакций и поведения, заложенная фольклором в людях русской культуры и породила миф западной культуры о «загадочной русской душе». Продолжаю настаивать («продолжаю», потому что я это делаю и устно – в лекциях, и письменно – в предыдущих публикациях): **души всех народов** (читай – национальные характеры) **загадочны**, потому что они другие, чужие, чуждые, не такие, как наши. «Другому как понять тебя?» Разница культур...

В последнее время в связи с расцветом культурологических исследований проводится много экспериментов, направленных на то, чтобы выявить разницу реакций, разницу поведения представителей разных культур.

Вот некоторые из них.

Двум группам мужчин – в Азии и в США – предложили следующий вопрос.

Представьте себе, что вы путешествуете по морю с семьей: с матерью, женой и ребенком. Ваш корабль начинает тонуть. Вы единственный, кто умеет плавать, и можете спасти одного члена своей семьи. Кого вы выберете?

60% мужчин из США считали, что они выберут ребенка, 40% – жену.

В странах Азии все 100% опрошенных мужчин выбрали мать, объяснив впоследствии, что они могут еще раз жениться и завести новых детей, но не могут получить новую мать.

Прочитав об этом эксперименте в журнале “Asia”[14], я в течение 6 лет опрашивала студентов МГУ и получила следующие результаты. Разумеется, при их оценке нужно учесть отступления от первичного эксперимента: информантами были молодые люди в возрасте 16-22 лет, в подавляющем большинстве (до 90%) – женского пола, практически все не имеющие детей и супругов и, примерно до 80% - представляющие русскую культуру и русский язык.

Ответы очень молодых русских информантов (вернее информанток, поскольку девушки составляли абсолютное большинство), получающих высшее образование в первом вузе нашей страны и не имеющих еще ни мужа, ни жены, ни ребенка, распределились следующим образом:

65-70% спасали бы ребенка

10%-15% - мать

8-10% - мужа или жену

Однако, русская культура, в отличие от американской и азиатских, преподнесла еще один ответ, не предусмотренный авторами эксперимента: около 7% опрошенных написали, что они бы предпочли бы утонуть вместе со своей семьей. Все 10 лет эксперимента с 1996 по 2005г. около 7% юных русских девочек из разных уголков нашей страны, не сговариваясь, давали свой ответ, игнорируя предложенный выбор: лучше погибнуть, чем всю последующую жизнь страдать от угрызений совести, так как любой выбор лишает их возможности быть счастливыми в будущем.

Журнал «Ридерз Дайджест» провел культурологический эксперимент в совершенно другой сфере жизни и поведения людей разных стран, разных народов и разных культур. В США, Европе, Азии, России, Канаде, Австралии, Новой Зеландии и Латинской Америке сотрудники журнала разбрасывали кошельки (всего 1100 штук), в которых было 50 долларов в местной валюте, а также имя и телефон владельца, чтобы облегчить возврат.

Около 44% исчезли навсегда. Однако в разных странах, разумеется, были получены разные результаты. Чемпионами оказались скандинавские страны (особенно отличились Норвегия и Дания, где все 100% кошельков были возвращены владельцам), а также Сингапур, Новая Зеландия, Япония и Южная Корея.

Вот как выглядят таблицы «честности» разных стран: в процентах возвращенных кошельков [15]

Страны - победительницы		И остальные	
Норвегия	100%	Нидерланды	50%
Сингапур	90	Германия	45

Австралия	70	Россия	43
Япония	70	Филиппины	40
США	67	Италия	35
Великобритания	65	Китай	30
Франция	60	Мексика	21

В одном ряду с описанными выше экспериментами стоят модные сейчас фильмы, статьи, рассказы и моделированные ситуации под названиями: особенности национальной охоты (рыбалки и т.п.), любовь по-русски (название нового российского кинофестиваля), брак/развод по-итальянски и т.п. Вот как раскрыла «особенности национального отдыха» британская телевизионная компания: «Лондонская «Гардиан» рассказывает о снятой 4-м каналом британского телевидения серии документальных фильмов о группах отдыхающих из Германии, США, Англии и Японии, получивших путевки в один из пансионатов Турции. За особенностями их поведения в различных ситуациях следила скрытая камера.

Например, актер, игравший роль водителя автобуса, на котором туристы должны были отправиться на экскурсию, сел за руль в пьяном виде. Англичане, увидев это, отказались садиться в автобус. Японцы оставались невозмутимыми, пока руководитель их группы не указал им на бутылку спиртного, стоявшего у ног водителя. Немцы стали волноваться, что его могут уволить с работы, если они поднимут шум.

Во время экскурсий, в которых принимали участие все четыре группы, актер закурил, хотя в автобусе курить было запрещено. Англичане вежливо попросили его потушить сигарету. Японцы, не желающие нарушать гармонию, предпочли промолчать. Немцы сначала устроили голосование и только потом выразили недовольство, а американцы стали курить сами.

В баре, когда бармен ушел из-за стойки, актер начал брать, не заплатив, бутылки пива. Англичане и американцы радостно последовали его примеру. Немцы воровать пиво не стали, а японцы не только не стали воровать, но еще и сообщили о случившемся администрации пансионата.[16]

Своеобразие казахской культуры по базовым вопросам мировосприятия и миропорядка, во многом обусловленное многовековой жизнью кочевников, основой которой было единение, органическая слитность Человека с Природой, с трудом укладывается в сознание, ограниченное рамками собственной – оседлой – культуры. Как обычно, эти удивительные (для нас) особенности культуры казахов высве-

тились при изучении языка, их отразившего. Особенно важным в этом плане оказалось исследование метафорики цветообозначений, в частности – белого и черного.

«... нужно иметь в виду еще одну особенность казахского мировосприятия: ощущение взаимосвязанности всех явлений, их взаимообусловленности не позволяет четко делить на «черное» как «злое», «отрицательное» и «белое» как «доброе», «светлое». Разделение невозможно потому, что в мировосприятии казахов действуют несколько иные законы понимания миропорядка: зло невозможно без добра, как и добро без зла, как день без ночи и т.п. Все настолько взаимообусловлено, что для казахов **не существует борьбы** противоположностей, есть только **единство противоположностей**. Добро и зло, ночь и день есть только взаимопереходные явления, и их взаимосвязь бесконечна, поскольку в мире существует Гармония всего[17]». В культуре казахов существовало несколько иное отношение к пониманию данных оппозиций: границы между миром живущих и миром духов прозрачны, связь прошлого, настоящего и будущего органична и непрерывна. Экологическое сознание казахов не было склонно к абсолютному противопоставлению полярных сущностей. Для кочевой культуры с ее устремленностью к границам миров чужой мир является столь же реальным и достигаемым, как и свой.

Отсюда проистекает совершенно особое отношение к земле, связанное с понятием родины, своей территории, которую нельзя осквернять (даже пахать), а надо беречь и защищать...[18]».

Ну можно ли себе представить что-нибудь более далекое от нашего отношения к земле-матушке, кормилице, которая кормит, потому что ее вспахивают?! А для казахов (*а также – монголов и вообще исторических кочевников*) это значит – совершают насилие, мучают, уродуют, оскверняют.

Еще один пример, поразивший своим «несоответствием» нашей и большинству западных культур, дала страшная трагедия Беслана. Об уважении и почтении к старшим как черте кавказских и многих восточных культур известно давно и широко. Но в том-то и особенность культурного барьера, что даже зная о нем и его характерных чертах, человек как-то не воспринимает до конца то, что не отражено в такой же степени в его родной культуре.

Во время осады бесланской школы произошел такой инцидент. В числе многих сотен пленников был 74-летний учитель физкультуры Иван Константинович Каниди. По свидетельству прессы, чеченские террористы «готовы были освободить пожилого человека» (Известия, пятница 10 декабря, 2004 г.). Люди, не задумываясь убивавшие детей, предложили отпустить 74-летнего мужчину – следуя требованиям их культуры почитать старших, хотя использовать слово «культура» по

отношению к зверям и убийцам как-то неловко и неправильно. Не случайно все 100% азиатских мужчин, представляющих культуры Азии, в описанном выше эксперименте выбрали мать, и никто не выбрал ребенка (не говоря уже о жене). Повинуясь правилам своей культуры, совести и сердца, Иван Каниди отказался покинуть своих учеников, и был убит при попытке обезвредить взрывные устройства.

О языковых проблемах, возникающих в связи с разницей культур, ярко и убедительно говорит профессиональный переводчик Наталья Шахова.

«Из-за культурных различий одна и та же характеристика человека может восприниматься носителями одного языка как положительная, а носителями другого – как отрицательная. (В частности, мой русский знакомый с изумлением узнал, что в Швеции Карлсон считается отрицательным персонажем). Поэтому при буквальном переводе можно, например, исказить отношение автора к своему персонажу. Я вполне допускаю, что Изнуренков из «Двенадцати стульев» со своей бурной жестикуляцией и бесконечными восклицаниями типа: «Ах! Ах! Высокий класс! Этот кот пушист до чрезвычайности!» - вызовет у итальянцев совсем не те эмоции, на которые рассчитывали Ильф и Петров. (Что делать в этом случае переводчику на итальянский – для меня лично большая загадка!).

Вообще разница культур ставит перед переводчиком художественной литературы труднопреодолимые проблемы. Причем если о различии формальных норм мы имеем хотя бы общее представление (допустим, все знают, что при входе в православную церковь мужчина должен снять головной убор, а при входе в мечеть – обувь), то об эмоциональных, этических различиях часто вообще не задумываемся. Ведь то, что служит выражением крайнего негодования у сдержанных англичан, может показаться тем же экспансивным итальянцам дружеским комментарием. Цветистый комплимент, который обрадует русскую, может оскорбить американку, а в Саудовской Аравии за него можно и вовсе попасть в тюрьму.

Почему, например, стандартное американское «Shit!» при дублировании фильмов обычно переводят «Черт!»? Кто-то скажет: из соображения приличия. Может быть и так. Но мне лично кажется, что слово «черт», не соответствуя слову «shit» по смыслу, больше соответствует ему по эмоциональному накалу. Никто не скажет: «Дерьмо!» - ударив себя по пальцу молотком. По-русски «дерьмо» более грубое и, так сказать, «адресное» ругательство. А вот из книги Линн Виссон о русско-американских браках я узнала, что наше безобидное «Тьфу ты!» может вызвать семейный конфликт: «Почему ты на меня плюешь?! – с обидой спросил американец свою русскую жену. Понятно, что буквальный перевод ругательств бесполезен. Здесь можно по-

нять эмоции говорящего и найти адекватное им выражение на другом языке.

Подводя итоги, можно сказать, что самым главным в работе переводчика является жизнь на стыке двух (или более) культур. Сталкиваясь постоянно с особенностями этих культур, он должен хорошо представлять себе их различия и уметь максимально точно передать информацию от носителя одной культуры носителю другой. В этом и состоит специфика профессии переводчика»[19]

Тема разницы культур и, соответственно, языков бесконечна и разнообразна. Ниже будут рассмотрены культурные различия в разных социальных сферах (культура и бизнес, культура и время и т.п.). Поэтому здесь ограничимся лишь некоторыми наблюдениями над явлениями вполне очевидными, но редко осознаваемыми и поэтому почти невероятными.

Действительно, мало кто обращает внимание на удивительные факты: люди смотрят на одни и те же предметы реальности, но видят их совершенно по-разному, хотя эта разница видения четко и ясно («очевидно») регистрируется языком. Хрестоматийные примеры: там, где русскоязычные люди видят один цельный предмет – ногу, носители английского языка видят два совершенно разных: *leg*, *foot*. Русскоязычные люди имеют 20 пальцев – 10 на руках и 10 на ногах, и это не вызывает ни сомнений, ни трудностей. Однако, выучив английский эквивалент или, вернее, «перевод» *пальца* как *finger*, сталкиваются с трудностями, поскольку у носителей английского языка всего 8 *fingers*. У них есть еще 2 *thumbs* (больших пальца) на руках и 10 *toes* на ногах, в которых они отнюдь не видят *fingers*. И видение это навязано им родным языком, создающим таким образом языковую картину мира. Вот к чему привела Вавилонская башня. Мы видим мир по-разному, и разные языки отразили это разное видение. У каждого народа – свой взгляд на мир, свое «воззрение» на мир, свое м и р о в о з з р е н и е и своя картина мира, навязанная родным языком. Вырваться из плена родного языка невозможно, но можно увидеть мир по-новому, изучая другие языки. Это новое видение иногда восхищает, открывая новые грани известного нам мира, иногда раздражает: ну, зачем им этот артикль, мы прекрасно без него живем и создали великую литературу. Англичане наверняка думают: какая нелепость категория рода у неодушевленных существительных: что женского в *ручке* или *табуретке* и мужского в *карандаше* и *стуле*? А мы также не можем без рода (и великая наша литература, особенно поэзия, теряет душу и величие), как они – без артикля.

Понятие языковой картины, находящейся в сложном диалектическом взаимодействии с реальной и социокультурной картинами мира, упоминалось в Главе I, оно хорошо известно и детально изучается.

Гораздо меньше изучено другое удивительное явление.

Мы не только видим, но и слышим мир по-разному. Нас окружают не только предметы реального мира, которые мы видим, но и звуки, которые мы слышим и которые язык послушно отражает и регистрирует. Иными словами, наряду с **картиной мира**, существует и вполне явная и отчетливая **симфония мира**.

Интересно отметить, что эти симфонии, судя по свидетельствам языков, различаются у разных народов, хотя сами звуки, отраженные соответствующими словами, совершенно одинаковые. Речь идет, разумеется, об ономатописических, или звукоподражательных словах.

Действительно, животные издают одни и те же звуки, но слова, их воспроизводящие в разных языках, могут различаться очень значительно, иногда – полностью (т.е. не совпадает ни один звук).

Приведем примеры из русского и английского языков – иногда с привлечением японского, [20] немецкого, французского.

Коровы, кошки и овцы издают одинаковые или очень похожие звуки в этих языках.

коровы: му-му (рус.) – тоо (англ.) – *meuh* (фр.) – мо мо (яп.)

кошки: мяу (рус.) – теow (англ.) – *miaou* (фр.)

овцы: бе-е (рус.) – баа (англ.) – *bêê* (фр.)

Звуки, издаваемые петухами, собаками, воробьями, лошадьми, свиньями, лягушками, пчелами, звук стука, звук капающей воды, звук колокола – все они по-разному воспринимаются (и здесь нельзя недооценивать активную роль родного языка) разными народами.

Примеры расположены в порядке возрастания различий.

звук колокола: бом (рус.) – *bong* (англ.) – *bim bam* (нем.)

петухи: кукареку (рус.) – *cock-a-doodle-doo* (англ.) – кокекокко (яп.)

воробьи: чик-чирик (рус.) – *chirp* (англ.) – *cui-cui* (фр.) – чун чун (яп.)

лягушки: ква-ква (рус.) – соа-соа (фр.) – *croak* (англ.) – керо керо (яп.)

капли воды: кап-кап (рус.) – *drip-drip* (англ.) – пото-тото (яп.)

стук в дверь: тук-тук (рус.) – *knock-knock, rat-a-tat* (англ.) – дон дон (яп.)

утки: кря-кря (рус.) – *quack-quack* (англ., нем.)

собаки: гав-гав, тяв (рус.) – *woof, bow-wow* (англ.) – *ouah-ouah* (фр.) – *wau-wau* (нем.)

пчелы: ж-ж-ж (рус.) – *b-z-z-z* (фр.) – *buzz* (англ.) – бун бун (яп.)

лошади: и-го-го (рус.) – *neigh* (англ.) – *brrr* (нем.) – *ronron* (фр.) – хин-хин (яп.)

свиньи: хрю-хрю (рус.) – *groin* (фр.) – *grunz-grunz* (нем.) – *oink* (англ.) – бу бу (яп.)

Как могут англичане услышать *oink*, а японцы *бу бу*, у так явственно для нас хрюкающей свиньи?!

Во время путешествия в Южную Корею сотрудники телевизионной программы «Вокруг Света» долго хрюкали в ресторане, заказывая обед, но свинину им так и не подали. Конфликт языков...

Итак, мы видим, слышим и оцениваем окружающую нас реальность по-разному, в зависимости от культуры и языка, и родной язык играет здесь решающую роль, услужливо предоставляя или, вернее, навязывая нам именно такое восприятие мира, исторически сложившееся под влиянием самых разных факторов у наших предков.

[1] Шахова Наталья. Кому дано предугадать. Русский журнал / Вне рубрик / www.russ_sovr/20000328_shahova.html

[2] Ершов П.П. Конек-Горбунок. Детская литература., М-Л, 1964, стр. 76

[3] М.М. Медведская. Гендерные стереотипы в переводных журналах для женщин. Курсовая работа. МГУ, 2007г.

[4] Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. Изд-во «Советская энциклопедия». М., 1968г., сс.583-584

[5] Там же. С.538.

[6] Долина Полина «Мода идет на попятную». Московский Университет. 2005г., № 31 сентябрь, с. 6

[7] Морозова В.С. Символика цветообозначения при описании концептов эмоций в современном арабском литературном языке// Фразеология в контексте культуры. М., 1999, с. 302. Цитируется по Демуцкая А.В. Сопоставление языковых картин мира в русском и английском языках на примере моделирования внутренних свойств человека через внешность. Логический анализ языка. Институт языкознания РАН. «Индрик», 2004, с. 166

[8] Коммерсантъ ВЛАСТЬ, 30 мая 2000г., с. 42-45

[9] Малаховская Анна-Наталья. Наследие Бабы-Яги. СПб, 2006г.

[10] «Русские сказки в обработке писателей». М., Худ. лит. 1969. с. 73.

[11] Народные русские сказки Афанасьева А.Н. в 3 т. М., 1985, т. III, с. 158. В другом варианте той же сказки особо сообщается о том, что испытателю понравился умный ответ девушки: «Мороз хотел ее тукнуть и заморозить; но полюбились ему ее **умные** речи, жаль стало!» - Там же. с. 159.

[12] Булгаков М.А. Избранное. М., Худ. Лит., 1980. С. 209.

[13] Малаховская Анна-Наталья – там же. сс. 97-98.

[14] “Asia”, January, 1996, p.49

[15] Ридерз Дайджест, июль-август 2001г., с. 74-76

[16] «Правда России», №31 (158), 5-12 августа 1998

[17] Каракузова Ж.К., Хасанов М.Ш., Космос казахской культуры. «Евразия», № 2, 2001. с. 112.

[18] Жаркынбекова Ш.К. Языковая концептуализация цвета в казахском и русском языках. Автореферат докт. дисс. Алматы, 2004г., с. 26

[19] Шахова Наталья. Кому дано предугадать. Русский журнал / Вне рубрик / www.russ.ru/ist_sovr/20000328_shahova.html

[20] Орлянская Т.Г. Ономапоэзия и мимесис в японском языке. Media, Language and Culture № 41, Institute of Language and Culture Studies, Hokkaido University.

Соболь Н.В.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

(Соболь, Н.В. Лингвокультурология: основные понятия [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http:// www.rusnauka.com /14_NPRT_2010/Philosophia/66479.doc.htm](http://www.rusnauka.com/14_NPRT_2010/Philosophia/66479.doc.htm))

Весьма значимым культурологическим ориентиром современного иноязычного образования является одна из наиболее активно развивающихся в последнее время областей знания – лингвокультурология. Главной задачей этой науки является изучение и описание взаимоотношений языка и культуры, языка и этноса, языка и народного менталитета, она создана на основе «триады» – «язык, культура, человеческая личность» [1], её научный аппарат представляет собой своего рода увеличительное стекло, сквозь которое можно увидеть материальную и ментальную этническую самобытность.

Для лингвокультурологов одной из непреложных истин является тот факт, что индивид как субъект коммуникации всегда есть и субъект языка, и субъект культуры, а поэтому не может рассматриваться как некий «идеальный участник коммуникативных актов» [15]. В силу этого обстоятельства, главным инструментом познания в этой области становится интегративный подход, что позволяет дать следующее определение лингвокультурологии: «комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления» [3].

Интегративность лингвокультурологии подчёркивает в своём определении этой области знания В.А. Маслова [9].

В.Н. Телия рассматривает лингвокультурологию как часть этнолингвистики, посвящённую «изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии» [15, с. 217-218].

Такое конкретизированное понимание синхронного характера лингвокультурологии связано с концепциями А.А. Потебни, В.В. Виноградова, М.М. Покровского, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, их взглядами на проявление этнокультурной специфики выразительных средств языка [12, 2, 11, 7, 8].

В.А. Маслова подходит к объектно-предметной сфере лингвокультурологии более широко, выделяя в рамках этой области гуманитарного знания несколько направлений [9, с. 28-29].

В конце XX века сформировались четыре российские лингвокультурологические школы, работающие в указанных направлениях. С учётом специфики каждого направления формулируются в обобщённом виде цели и задачи лингвокультурологии [9, с. 30-31].

Таким образом, исследовательские цели и задачи лингвокультурологии во многом соотносимы с уже имеющимися в различных областях гуманитарного знания, в том числе и в языкознании, научными интенциями. Более того, взятые по отдельности эти цели и задачи назвать сугубо лингвокультуроведческими вряд ли возможно, поскольку данная научная дисциплина носит комплексный многокомпонентный характер. Её составляющие, заимствованные как из классических наук, так и из современных, в свою очередь находящихся в процессе активного развития, специфичны только в системном единстве. Исследователи отмечают, что «в конечном итоге слияние проблем лингвистического знания в одной междисциплинарной области может привести к тому, что о лингвокультурологии можно будет говорить не только как о синтезирующей, но и как о систематизирующей науке» [16].

Остановимся подробнее на некоторых понятиях лингвокультурологии, особо значимых в лингводидактическом аспекте.

Код культуры – по образному определению В.В. Красных, это некая невидимая «сеть», которую «культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [6]. В языке коды культуры, как правило, выражаются посредством базовых метафор, на этом основании выделяются антропоморфный, артефактный, зооморфный, гастрономический и другие коды культуры.

Культурный концепт – «...сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в его ментальный мир. С другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» [13]. Наиболее устойчивые и постоянные концепты, имеющие особую аксиологическую значимость для национальной культуры, называют ключевыми концептами или константами культуры. Речь идёт о «ядерных единицах картины мира, обладающих экзистенциональной значимостью как для отдельной языковой личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом» [16].

Культурные установки – своего рода социокультурные идеалы, «ментальные образцы», играющие роль определённых предписаний для поведения, в том числе и коммуникативного, членов этносоциума [10].

Культурная коннотация - интерпретация денотативного или об-разно-мотивированного аспектов значения в терминах и категориях культуры.

Культурное пространство – соотносимая с индивидуальным и

коллективным когнитивным пространством форма существования культуры в сознании её представителей.

Языковая картина мира – исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отражённая в языке совокупность представлений о мире, определённый способ его концептуализации.

Языковая личность – «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений, которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определённой целевой направленностью» [5]. Ю.Н. Караулов выделяет в её структуре три уровня: лексикон (вербально-семантический уровень), тезаурус, представляющий «образ мира» данной личности, и прагматикон (систему личностных целей, мотивов, установок). При этом он указывает, что в реальности «взаимопроникновение этих уровней оказывается настолько сильным, что границы между ними размываются» [5].

Также представляет интерес несколько иное аспектирование речевой организации личности, включающее следующие компоненты: языковая способность (психофизиологические особенности человека, позволяющие научиться речевому общению); коммуникативная потребность (настоятельная необходимость в обмене информацией в различных коммуникативных условиях); коммуникативная компетенция (выработанное умение осуществлять коммуникацию для оптимального достижения цели); языковое сознание («совокупность структур сознания, в формировании которых были использованы социальные знания, связанные с языковыми знаками» [14]); речевое поведение (речевое проявление выбора языковых единиц в различных коммуникативных ситуациях) [16].

Лингвокультурема – основная единица лингвокультурологического анализа. В этом качестве могут выступать слова, словосочетания, тексты, обладающие этнокультурной ценностью. При этом «различные уровни языка и принадлежащие им единицы обладают разной степенью культурной «насыщенности» и культурной обусловленности» [4, с.141].

Фразеологическая система в этом плане обладает наибольшим лингвокультурологическим потенциалом, поскольку «в языке закрепляются и фразеологизируются именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и т.п. и которые при употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет» [15].

Итак, используя научные достижения лингвокультурологии в прикладном аспекте, современная лингводидактика рассматривает эту

науку как своего рода практическую реализацию культурологии, что подразумевает не только широкий культурологический проблемный диапазон, но и максимально углублённое эмпирическое изучение языковых фактов. Именно такой подход в свете требований современного иноязычного образования и межкультурной коммуникации представляется наиболее перспективным и продуктивным.

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
2. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика, М., 1963.
3. Воробьев В.В. Лингвокультурология. Теория и методы. М., 1997.
4. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2002.
6. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
7. Лихачев Д.С. Литература - реальность – литература. Л., 1984.
8. Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т. I . Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллинн, 1992.
9. Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001.
10. Ольшанский И.Г. Лингвокультурология в конце XX века: итоги, тенденции, перспективы // Лингвистические исследования в конце XX века. М., 2000.
11. Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959.
12. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
13. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
14. Тарасов Е.Ф. Методологические проблемы языкового сознания // Материалы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1988.
15. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
16. Тхорик В.И., Фанян Н.Ю. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. М., 2005.

Максимовских А.Г.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

(Максимовских, А.Г. Лингвокультурология как новое направление современной лингвистики [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http:// www.gramota.net/materials/1/2009/8-1/37.html](http://www.gramota.net/materials/1/2009/8-1/37.html))

В последнее время в отечественной лингвистике появилось большое количество работ, посвященных лингвокультурологической проблематике.

Лингвокультурология – комплексная область научного знания о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и культуры, возникшая на основе исследовательских работ фразеологической школы В. Н. Телия, публикаций В. В. Воробьева, В. Г. Костомарова, В. А. Масловой, трудов других лингвистов [Коурова, 2005, с. 27].

Лингвокультурология тесно связана с такими дисциплинами, как лингвострановедение, этнолингвистика, психоллингвистика, когнитивистика.

Об актуальности нового курса в лингвистике свидетельствует тот факт, что за короткий промежуток времени (за 10-15 лет XX в.) в Москве уже сложилось четыре лингвокультурологические школы [Маслова, 2001, с. 30]: школа лингвокультурологии Ю. С. Степанова, школа Н. Д. Арутюновой, школа В. Н. Телия и ее учеников и школа лингвокультурологии, созданная в Российском университете дружбы народов В. В. Воробьевым, В. М. Шаклеиным и др., развивающими концепцию Е.М. Верещагина и В. Г. Костомарова в рамках лингвострановедения.

Как относительно новая наука, лингвокультурология характеризуется рядом противоречий. Так, например, в рамках лингвокультурологии, по мнению В. Н. Телия, должны рассматриваться языковые явления в синхронии. Однако на рубеже XX-XXI вв. необходимо исследовать язык и с использованием не только синхронного, но и диахронного метода, а также с позиций всевременности, поскольку в настоящее время «оппозиция синхронное/диахронное сменяются идеей панхронии» [Брагина, 1999, с. 132].

Появление лингвокультурологии – закономерный результат развития философской и лингвистической теории XIX-XX в. В последнее десятилетие в России вышло в свет несколько работ, посвященных этой дисциплине.

Самой популярной в отечественной науке работой может считаться учебник В. А. Масловой [Маслова, 2001]. В нем приводится методологическая база, описываются современные направления лингвокультурологических исследований в России. Автор подчеркивает междисциплинарный характер лингвокультурологии, определяя ее как «отрасль лингвистики, возникшую на стыке лингвистики и культурологии», как «гуманитарную дисциплину, изучающую воплощенную в живой национальный язык и проявляющуюся в языковых процессах материальную и духовную культуру» или как «интегративную область знаний, вбирающую в себя результаты исследований в культурологии и языкознании, этнолингвистике и культурной антропологии» [там же, с. 9, 30, 32].

Цель лингвокультурологии, по мнению В. А. Масловой [там же, с. 35], (изучение способов, которыми язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру), задачи (выявить, как культура участвует в образовании языковых концептов, или существует ли в реальности культурно-языковая компетенция носителей языка), а также понятийный аппарат сформулированы очень широко. Автор утверждает возможность использования самых разнообразных приемов

и методов исследования «от интерпретационных до психолингвистических».

Наиболее полно в современной отечественной лингвистике теоретико-методологические основания лингвокультурологии изложены в работе В. В. Воробьева «Лингвокультурология: теория и методы» [Воробьев, 1997]. Исследование выполнено в традициях гумбольдтианства: изучение культуры, воплощенной в языке, предлагается проводить на основе гипотезы Сепира-Уорфа, а также активно используется терминология, введенная Л. Вайсгербером [Лучинина, 2004, с. 240]. Лингвокультурология рассматривается как теоретическая база лингвострановедения; она определяется как «комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей)» [Воробьев, 1997, с. 36-37]. Основным объектом лингвокультурологии автор называет «взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в процессе его функционирования и изучение интерпретации этого взаимодействия в единой системной целостности», а предметом данной дисциплины являются «национальные формы бытия общества, воспроизводимые в системе языковой коммуникации и основанные на его культурных ценностях», - всё, что составляет «языковую картину мира» [там же, с. 32].

В. В. Воробьев вводит основную единицу лингвокультурологического анализа – лингвокультурему, определяя ее как «диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного и предметного) содержания» [там же, с. 44-45].

Схожие задачи решает и В. В. Красных: в работе «Этнопсихолингвистика и лингвокультурология» и определяет последнюю как «дисциплину, изучающую проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе, непосредственно связанную с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» [Красных, 2002, с. 12].

По мнению В. В. Красных, предмет лингвокультурологии – единицы языка и дискурса, обладающие культурно-значимым наполнением, являющиеся тем «каналом», по которому мы можем войти в культурно-исторический пласт ментально-лингвального комплекса. Лингвокультурология призвана выявить с помощью и на основе языковых данных базовые оппозиции культуры, закрепленные в языке и проявляющиеся в дискурсе; отраженные в зеркале языка и в нем зафиксированные представления об окультуренных человеком сферах:

пространственной, временной, деятельностной и т.д.; проступающие сквозь призму языка древнейшие представления, соотносимые с культурными архетипами [там же, с. 13].

Проблемы лингвокультурологии также разрабатываются учеными Волгоградской школы, в частности, В. И. Карасиком и Е. И. Шейгал. В. И. Карасик рассматривает лингвокультурологию как «комплексную область научного знания о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и культуры» и делает акцент на ее сопоставительном характере [Карасик, 2002, с. 103, 108, 121]. Основной единицей лингвокультурологии он называет культурный концепт, а в качестве единиц изучения выдвигает реалии и «фоновые значения, т.е. содержательные характеристики конкретных и абстрактных наименований, требующие для адекватного понимания дополнительной информации о культуре данного народа» [там же, с. 127-129].

Карасик В. И. называет ряд причин, по которым лингвокультурология переживает период расцвета [там же, с. 3]: стремительная глобализация мировых проблем, необходимость учитывать универсальные и специфические характеристики поведения и общения различных народов в решении самых разнообразных вопросов, потребность знать заранее те ситуации, в которых велика вероятность межкультурного непонимания, важность определения и точного обозначения тех культурных ценностей, которые лежат в основе коммуникативной деятельности; объективная интегративная тенденция развития гуманитарных наук, необходимость освоения лингвистами результатов, добытых представителями смежных отраслей знания.

Прикладная сторона лингвистического знания, понимание языка как средства концентрированного осмысления коллективного опыта.

В работе Е. И. Шейгал и В. А. Буряковской лингвокультурология определяется как дисциплина, изучающая «отдельные объекты концептуальной картины мира и их осмысление общественным сознанием и языком с точки зрения объекта отражения, одним из которых является этнос» [Шейгал, Буряковская, 2002, с. 9]. Авторами изучается лингвокультурологический потенциал этнонимов, входящих в состав устойчивых сочетаний, а также специфика функционирования этнонимов в текстах статей, рассказов и анекдотов.

В 2004 году вышло учебное пособие А. Т. Хроленко «Основы Лингвокультурологии», в котором он определяет цель науки – обобщение всей информации, накопленной этнолингвистикой и входящими в неё дисциплинами, выявление механизмов взаимодействия языка и культуры. Лингвокультурология – это философия языка и культуры. Объектом исследования является язык и культура; предметом – фундаментальные вопросы, связанные с преобразующей стороной связи языка и культуры: изменения языка и его единиц, обусловленные ди-

намикой культуры, а также преобразования в структуре и изменения в функционировании культуры, predetermined языковой реализацией культурных смыслов [Хроленко, 2004, с. 31].

Совокупность наук, изучающих проблемы взаимодействия языка и культуры, каждая в своем аспекте, может быть названа обобщенно, например, как предлагает А. Т. Хроленко, – лингвокультуроведением, так как каждая из них ставит своей целью выявление и сохранение лингвокультурных ценностей.

По мнению Хроленко А. Т. [там же, с. 31-32], лингвокультурологию должно интересовать выявление механизмов взаимодействия, взаимовлияния двух фундаментальных феноменов – языка и культуры, обуславливающих феномен человека. Хроленко А. Т. полагает, что лингвокультурология в пределах лингвокультуроведения соответствует статусу общего языкознания в системе наук о языке. Подобно общему языкознанию, лингвокультурология призвана выявлять и описывать наиболее общие закономерности взаимообусловленности, взаимодействия языковой и культурной практики человека и общества. Эта аналогия помогает понять, что лингвокультурология, как и общее языкознание, возможна только в системе других, более конкретных по предмету и иных по методологии исследования научных дисциплин.

По мнению Коуровой О. И. [Коурова, 2005, с. 53], лингвокультурология – это раздел языкознания, изучающий взаимодействие языка и культуры в виде систем, воплощающих и представляющих лингвокультурные ценности.

Задачей новой дисциплины является экспликация культурной значимости языковых единиц путем соотнесения их символического прочтения с известными «кодами» культуры [там же, с. 54].

Базовыми для лингвокультурологии понятиями являются: лингвокультурная парадигма, культурная коннотация, языковая картина мира, концепт и другие.

Таким образом, теоретико-методологическая база этой дисциплины на настоящий момент находится на стадии становления. Среди ученых нет единого мнения ни относительно статуса лингвокультурологии (самостоятельная дисциплина или отрасль лингвистики), ни относительно предмета и методов лингвокультурологического исследования. Общепринятым является определение лингвокультурологического исследования как изучения языка в неразрывной связи с культурой. Самым популярным материалом, иллюстрирующим особенности мировоззрения носителей языка, являются фразеологизмы и поговорки. Существуют также исследования, нацеленные на выявление лингвокультурологической специфики отдельных концептов; подобные работы базируются, как правило, на текстах классической литературы.

1. Брагина Н. Г. Фрагмент лингвокультурологического лексикона (базовые понятия) // Фразеология в контексте культуры. М., 1999.
2. Воробьев В. В. Лингвокультурология: теория и методы. М.: РУДН, 1997. 331 с.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
4. Коурова О. И. Традиционно-поэтическая лексика и фразеология как лингвокультурная ценность: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2005. 235 с.
5. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
6. Лучинина Е. Н. Лингвокультурология в системе гуманитарного знания // Критика и семиотика. 2004. Вып. 7.
7. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
8. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999.
9. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии: учебное пособие. М.: Флинта, 2004. 184 с.
10. Шейгал Е. И., Буряковская В. А. Лингвокультурология: языковая репрезентация этноса. Волгоград, 2002.

Клоков В.Т.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РАМКАХ СЕМИОТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

(Клоков, В.Т. Основные направления лингвокультурологических исследований в рамках семиотического подхода // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып.2. Язык и социальная среда. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. С. 60–67.)

*В статье предлагается методика лингвокультурологических исследований, основанная на семиотическом подходе к языку и культуре.
The author presents a semiotic approach to studying linguistic aspects of culture and communication.*

В последнее время чрезвычайно актуальными стали исследования языка в плане его взаимодействия с культурой. Как нам представляется, развитие лингвокультурологического направления обусловливается стремлением к осмыслению феномена культуры как специфической формы существования человека и общества в мире. При этом

особо стоит подчеркнуть научный характер осмысления тех фактов, которые до сих пор носили философский характер. Научный подход наиболее четко проявил себя в понимании культуры как семиотической системы, которая, с одной стороны, концентрирует в себе некоторый объем полезной для общества информации, а с другой – предстает как инструмент добывания этой информации и удовлетворения в ней самого общества.

В культурологии семиотический взгляд на природу культуры приводит к уточнению тех характеристик, которые позволяют рассматривать ее, так же как и язык, в качестве знаковой системы. В данном случае культура и язык выводятся на равнозначный уровень, где в самом широком смысле культура понимается как содержание, а язык – как форма существования данного содержания.

Что касается языкознания, то его обращение к лингвокультурологическим исследованиям обусловлено желанием ученых лучше понять язык в его предназначении выражать культуру. При этом важной задачей становится установление не того, какие *факты* культуры выражаются с помощью языка (это всего лишь область прикладной лингвокультурологии), а какие *способы* вырабатывает язык для выражения культуры. С этой точки зрения лингвокультурология естественным образом ориентирует себя на семиотический взгляд на природу как языка, так и культуры.

С точки зрения семиотики культура – это некоторый объем знаний (информации), которую вырабатывает человечество для адекватной интерпретации того, что говорят и делают люди. При этом эта информация проявляет себя в артефактах, репрезентирующих определенные формы и модели данной интерпретации. Сумма артефактов образует знаковую систему, функционирование которой внутри культуры и за ее пределами приводит к обмену информацией. Что касается лингвокультурологических исследований, то для них – в рамках семиотического подхода – становится важным, с одной стороны, понять, что представляет собой данная информация, то есть те модели, с помощью которых происходит контакт общества с миром, а с другой – как данная информация материализуется, то есть фиксируется и получает способность к тому, чтобы быть переданной и полученной членами общества. Кроме того, лингвокультурология стремится понять, как данная информация циркулирует, то есть хранится и передается внутри общества.

В исследовании связей между культурой и языком наиболее значимыми становятся те аспекты языка, которые проявляют себя именно в описываемых аспектах культуры. Они проявляют себя, с одной стороны, в языке как микросистеме, то есть там, где язык предстает, с одной стороны, как семиотический код (*langue*), а с другой –

как речевая система (*parole*). С другой стороны, семиотическая взаимосвязь культуры и языка проявляет себя в языковой макросистеме, то есть в той области, где язык предстает в своей функциональной сущности как идиом (*langage*).

- Связь культуры с семиотическим кодом языка (*langue*) состоит в использовании культурой парадигматической и синтагматической структурированности языковой системы, которая фиксирует, хранит и передает концептуальные и эмоционально-оценочные представления общества о мире.

- Связь культуры с речью (*parole*) обнаруживается в фактах реального воплощения культурной информации через речевую коммуникацию между членами общества.

- Связь культуры с идиомом (*langage*) обнаруживается в специфике внутренней стратификации идиома как сложной системы собственных подязыков, а также в отношениях данного идиома с другими идиомами, используемыми обществом в своих лингвокультурных целях.

В рамках описываемых отношений между языком и культурой основные направления лингвокультурологических исследований представляются следующим образом:

<i>Культура</i> <i>Язык</i>	Общественно-полезная информация	Способы фиксации информации	Способы хранения и передачи информации
<i>Семиотический код</i> <i>LANGUE</i>	Языковая семантика	Языковая номинация	Языковые парадигмы
<i>Речевая система</i> <i>PAROLE</i>	Речевая семантика	Алгоритмы создания текста	Речевая коммуникация
<i>Социальный идиом</i> <i>LANGAGE</i>	Этноязыковая семантика	Структура этноязыка	Функционирование идиомов

Первое направление мы связываем с изучением той части общественно-полезной информации, которая фиксируется в языке как в семиотическом коде. Оно представлено в исследованиях *языковой семантики* и имеет целью уточнить способы, вырабатываемые языком для осмысления человеком мира, для его ориентации в этом мире. Данное направление изучает значения лексических знаков, грамматических категорий, лексических и грамматических структур. Наиболее

интересным в лингвокультурологическом аспекте становится изучение сигнификативных значений, представляющих элементы понятийных структур, классифицирующих объекты мира соответственно тем представлениям, которые вырабатываются в данной культуре, а также исследование грамматических значений, которые подводятся под наиболее общие понятийные категории, отрабатываемые в различных культурах своеобразным образом.

Второе направление связано с языковой номинацией, то есть, со способностью языка зафиксировать знания человека о мире с помощью языковых знаков. Эти знаки специально служат для обозначения предметов, а также понятий, вырабатываемых обществом относительно этих предметов. Это направление, в частности, связано с изучением вопросов использования при обозначении новых предметов имеющихся знаний о мире и о других языковых знаках (мотивированность языковых знаков, деривация, словосложение, заимствование и т.п.). Это вопросы так называемой внутренней формы слова. В лингвокультурологическом плане интересным становится изучение ассоциаций и аналогий, которые лежат в основе образования языковых знаков метафорическим и другими способами. Интересными здесь представляются также исследования в области создания онимов (имен собственных) и апеллятивизации онимов (создания имен нарицательных на основе имен собственных). Сюда же можно отнести изучение структурных моделей построения языковых знаков, а также изучение самой звуковой формы знака, графики и орфографии. Отметим, что большое внимание здесь уделяется гипотезе Сепира–Уорфа, согласно которой представление о мире в той или иной степени связано с формальной и содержательной стороной того языка, который используется в данном обществе.

Третье направление связано с изучением того, как с помощью языка, то есть семиотического кода, хранится и передается культурная информация. Основным здесь является изучение построения *языковых парадигм*, то есть лексико-семантических (в области лексических форм) и функционально-семантических (в области грамматических категорий) структур. Информация о содержании языковых единиц хранится не в отдельных знаках, а в лексических и грамматических полях, и только функционирование этих полей передает определенную информацию. Так, сигнификативное значение слова определяется через определенную систему лексических и семантических отношений конкретного языка. В свою очередь, категориальное значение выражается, как правило, не одной какой-либо морфемой, а одновременно набором морфологических, синтаксических и лексических средств языка. На современном этапе развития лингвокультурологии актуаль-

ными, по нашему мнению, становятся исследования именно в области функциональной грамматики.

Четвертое направление связано с устройством и функционированием речевой системы. Как известно, речевая система обладает своими, отличными от языковых, семантикой и номинативными особенностями, а также своей собственной структурой организации элементов. В системе речи семантика знаков – *речевая семантика* – реализуется на уровне денотативного, сигнификативного и коннотативного смыслов, то есть на уровне тех разновидностей значения, которые накладываются на языковое значение в зависимости от конкретных характеристик обозначаемых предметов (референтов), от понятийного содержания, которое вкладывается в данной речевой ситуации, от экспрессивных интенций говорящего в момент высказывания. Особенно важными здесь считаются эмоционально-оценочные наложения. В них проявляют себя общественно-значимые эмоции и оценки в отношении предметов и явлений мира. Большимместищем разного рода эмоций и оценок становятся речевые фигуры: метафоры, сравнения, фразеологические единицы и т.п. В рамках лингвокультурологии большой интерес проявляется к так называемым фоновым знаниям, которые представляют собой совокупность дополнительной информации у носителей языка об объектах действительности. Наличие этой информации свидетельствует об определенном уровне культурной компетенции говорящих. В последнее время большое внимание стало уделяться тому, как интерпретируется символический фон тех лексических единиц, за которыми закрепляется соотношенность с символами, известными в соответствующей культуре. Кроме того, небезынтересными становятся исследования функционирования в речи таких слов, которые сами становятся культурными символами. Иначе говоря, речь идет об исследовании способности речевых знаков передавать ту информацию, которая закреплена за элементами другой семиотической системы – системы культурных символов, создаваемой культурой в качестве дополнительного средства концентрации, фиксации и передачи общественно-полезной информации.

Пятое направление связано с изучением особенностей фиксации в речевой системе общественно-полезной информации. Именно в речи фиксируются многие текстовые единицы и текстовые смыслы, связанные с культурой. В рамках этого направления изучаются вопросы функциональной стилистики, а именно *алгоритмы создания текста* на уровне устной и письменной речи, бытового и официального общения, литературно-художественного произведения, научного, делового или публицистического высказывания, в рамках стиля рекламы, технического текста и т.д. Наиболее интересными для современной лингвокультурологии являются вопросы речевых жанров, в кото-

рых фиксируются законы построения речевых произведений и наполнения их соответствующим языковым материалом в зависимости от темы и условий высказывания. Важное место занимают здесь вопросы поведения участников речевого общения, фиксация за участниками коммуникации той части культурной информации, которая связана с правилами их поведения, знаний и интенций. Иначе говоря, в данном направлении лингвокультурология исследует то, как создается текст и как ведут себя участники создания и потребления текста.

Шестое направление связано с передачей культурной информации в обществе. Это область *речевой коммуникации*, где устанавливается та или иная традиция общения, обусловленность этой традиции национальным характером культуры и уровнем развития средств коммуникации. Что касается национального характера речевого поведения, то он проявляет себя в соответствующем уровне активности участников коммуникации, в их стремлении к экспрессивности, к употреблению традиционных или оригинальных речевых форм, к стремлению каждый раз подчеркнуть свою принадлежность к определенной культуре, к определенному социальному кругу. Лингвокультурологию здесь особенно интересуют такие способы передачи культурной информации, которые стали ритуальными. Речевой этикет, связанный с устной и письменной традициями, передает очень большое количество культурной информации, связанной с общественным устройством и правилами общежития. Особыми формами передачи культурной информации здесь являются речевые стандарты ведения беседы (вступление, поддержание и окончание беседы), формы обращения, восклицания, табуирование, эвфемизация и др. Современная лингвокультурология большое внимание обращает на особенности общения с помощью современных средств коммуникации: кино- и телеэкрана, прессы, рекламы, компьютерной техники, граффити.

Седьмое направление касается объема культурной информации, заключенной в языке как идиоме. Здесь имеется в виду, что отдельные общественные формирования с точки зрения культуры формируются в этносы, в рамках которых исторически складывается особая национальная картина мира, а язык этого этноса вбирает в себя информацию об этой картине мира, то есть отражает и закрепляет отработанные историческим опытом народа реалии, абстрактные понятия и др. Этот опыт обязан своим существованием специфическим условиям жизни данного общества, его быта, труда, мировоззрения, общественных отношений и т.д. С этой точки зрения язык предстает как специфический признак этноса, как один из элементов, организующих его. Эта организующая способность языка во многом проявляется в особой *этноязыковой семантике*. Она касается объема национально-культурной информации как традиционной, так и современной, как

устаревшей, так и появившейся недавно, то есть всех тех знаний о мире, которые этнос приобрел и зарегистрировал в значениях языковых единиц национальных идиомов. Большой интерес в данном случае лингвокультурология проявляет к содержанию так называемых этноэйдём, то есть таких знаков, которые становятся эмоционально насыщенными и приобретают характер эмоционализированных ритуалов. Среди них принято выделять формы речевого этикета, особые национально окрашенные аппелятивы и онимы, названия цветов и т.п. Для носителей определенной культуры этноэйдёмы чрезвычайно важны как заместители прямых форм выражения логико-концептуальной информации и национальной психологии.

Восьмое направление касается вопросов фиксации в этноязыке культурной информации. При этом имеется в виду, что такого рода информация закрепляется не за языком в целом, а за отдельными его подъязыками. Здесь, следовательно, речь идет *о структуре этноязыка*, которая так или иначе отражает культурологическую структуру этнического образования. При этом констатируется факт, согласно которому отдельная социальная группа психологически стремится к выделению и противопоставлению себя относительно других социальных групп данного общества. В качестве важного средства социальной дифференциации предстает язык. С этой точки зрения в орбиту лингвокультурологических исследований попадают вопросы формирования и функционирования в обществе профессиональных жаргонов, диалектов и говоров, национальных вариантов языка (вариантов единого языка, обслуживающих различные национальные группы), а также вопросы создания общенационального языка, его народно-разговорной и литературно-письменной формы. При этом устанавливается, что каждая разновидность языка, наряду с общеязыковыми, имеет свои специфические способы фиксации культурной информации (специфика жаргонизмов, диалектные особенности языка, особенности национальных вариантов в области произношения, грамматических средств и особенно лексико-семантических дивергентов; специфика разговорных и письменных форм закрепления за языком культурной информации и др.).

Девятое направление касается вопросов хранения и передачи культурной информации с помощью идиома. Естественно, это касается прежде всего *функционирования идиома*, ибо если культурная информация хранится и передается с помощью социально обусловленного идиома, то лишь в условиях функционирования этого кода. При этом важной особенностью является то, что культурная информация в определенном обществе хранится и передается средствами сразу нескольких подъязыков этноязыка и нескольких языков сразу. Имеется в виду, что общество существует в рамках так называемой коммуника-

тивной среды, состоящей из системы различных социальных групп и идиомов. Общее взаимозависимое функционирование этих идиомов создает специфическое лингвокультурологическое состояние, в рамках которого в конечном итоге осуществляется хранение и передача культурной информации. В рамках лингвокультурологического состояния наблюдаются разного рода взаимовлияния как на уровне культур, так и языков. Один язык или подъязык ассимилирует элементы другого языка или подъязыка, одна культура или субкультура ассимилирует элементы другой культуры или субкультуры. Здесь интересными становятся исследования взаимного обогащения. На языковом уровне это касается исследований проникновения в язык и существования в нем ксенизмов: лексических и грамматических заимствований, семантических заимствований, калек, гибридов и проч. Причем, это относится не только к языковым, но и к речевым формам, а также к поведенческим стереотипам в условиях межкультурной коммуникации.

Представленная нами система исследовательских направлений в области лингвокультурологии является одной из частных методик научного осознания специфики отношений, складывающихся между языком и культурой. Данная методика основывается на семиотическом подходе понимания сути языка и культуры. При этом язык представлен во всех своих ипостасях: как семиотический код, как речевая система и как идиом. Культура, со своей стороны, понимается как сумма определенной информации, аккумулируемой в социальной среде. Эта информация подлежит фиксации с помощью языковых средств, а также хранению и передаче ее с помощью языка и речи. Вероятно, существуют иные взгляды на изучение лингвокультурологического взаимовлияния, однако семиотический подход в методологическом плане предстает как достаточно сбалансированный метод, основанный на едином взгляде на природу языка и культуры. Если сама схема представленных нами исследовательских направлений разработана с достаточно объективных позиций, то акценты относительно того, какие направления в современной лингвокультурологии являются предпочтительными, расставлены нами субъективно, что, безусловно, связано с нашими личными исследовательскими интересами и ориентирами.

Есмурзаева Ж.Б.

ПОНЯТИЯ «ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА» И «КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА» В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

(Есмурзаева, Ж.Б. Понятия «языковая картина мира» и «концептуальная картина мира» в современных исследованиях [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http:// www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/22.html](http://www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/22.html))

Проблеме связи языка с мышлением издавна уделяли внимание известные российские и зарубежные психологи и лингвисты Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, А. А. Потебня, Б. А. Серебренников и многие другие [Выготский 1999, Кацнельсон 2002, Лурия 1998, Потебня 2000, Серебренников 1998, Гумбольдт 1984, Л. Виттгенштейн, М. Хайдеггер, Ч. Филмор и др.].

Сегодня их идеи снова приобрели актуальность в связи с принципами антропоцентризма и когнитивизма в лингвистике и переориентацией многих традиционных философских, психологических и лингвистических проблем [Апресян 1985, Карасик 2004, Касевич 1990, Кузнецов 2000, Уфимцева 1996, 2003, Кравченко 2004, Кубрякова 2004, Болдырев 2004, 2005, Степанов и др.].

Центральными понятиями когнитивной лингвистики являются понятия концептуализации и категоризации, двух важнейших познавательных процессов, связанных с формированием системы знаний (картины мира) в виде концептов и категорий в сознании человека [Болдырев 2004].

Само понятие «картина мира» не является новым. Оно старо, как сам человек. Это понятие используется в различных науках: философии, психологии, культурологии, когнитологии, лингвистике.

В когнитивной лингвистике распространено понятие «концептосфера», в психологии – «образ мира», в лингвокультурологии – «национальный образ мира» [Гачев 1998], «модель мира» [Гуревич 1995], “the map-ping of the world” (картирование мира) [Семейн, Тарасова 2005: 11], менталитет [Маслова 2001, Werlen 1998 и др.].

Эти понятия необходимо дифференцировать. Под картиной мира в самом общем виде представители Воронежской концептологической школы понимают совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании [Попова, Стернин 2006: 36].

Под концептосферой понимается сфера мыслей и знаний, которая, с одной стороны, отражает менталитет как специфический способ понимания и восприятия действительности, характеризующийся совокупностью когнитивных стереотипов сознания конкретной личности, социальной или этнической группы [Германова 1996] и, с другой стороны, находится под его влиянием. В совокупности менталитет и концептосфера образуют когнитивную или концептуальную национальную картину (образ) мира [Семейн, Тарасова 2005: 12 и др.]. Когнитивная картина мира - это «когнитивная матрица для понимания мира» [Лебедева 1999: 21].

Следует подчеркнуть непрерывный характер формирования концептосферы языка и особую роль процессов отождествления и различения информации [Павилёнис 1983: 5]. В большинстве работ картина, образ и модель мира понимаются как синонимы, хотя не отрицается факт их дифференциации, которые связаны, прежде всего, с культурными различиями, зафиксированными в языке.

Попытки понять «как человек интерпретирует мир и себя в мире» привели к тому, что в качестве объекта изучения стала выдвигаться такая идеальная сущность, как языковая картина мира, под которой понимается совокупность знаний о мире, запечатлённых в лексике, фразеологии, грамматике [Маслова 2001], «вторичный идеальный мир в языковой плоти» [Колшанский 1990].

Языковая картина индивидуума формируется на протяжении всей жизни, начиная с довербального периода. Впоследствии происходит вербализация результатов познания, накопление информации о мире. В связи с тем, что познание отдельного человека не свободно от ошибок, его индивидуальная картина мира может «перерисовываться».

Термин «языковая картина мира» (ЯКМ) неоднозначен. Под ЯКМ понимается далее представление о действительности, отражённое в языковых знаках, «языковое членение мира», «особый способ мировидения», выражающийся различными языковыми средствами [Апресян 1995: 8; Кронгауз 2005: 85].

Представления о языковой концептуализации являются универсальными благодаря универсальности мышления, и специфичными для каждого отдельного языка, так как в них находят отражение особенности народа, пользующегося этим языком, его культуры [Кацнельсон 1972; Касевич 1989; Гак 1999; Карасик 2005 и др.]. Иными словами, ЯКМ – это некая совокупность вербализованных знаний человека о мире.

Картина мира языка формируется всеми его носителями, т.е. она коллективна. Отдельная языковая личность должна строить своё высказывание в соответствии с этой коллективной картиной мира.

ЯКМ антропоцентрична. В её центре стоит человек и всё, что с ним тесно связано. «Язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлён в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться», писал Э. Бенвенист [Бенвенист 1974].

Свойственный языку способ концептуализации действительности, взгляд человека на мир является универсальным из-за общности, универсальности человеческого мышления и в то же время - национально специфическим, так как носители различных языков видят мир через их призму. Но иногда различия между разными картинами мира внутри одного языка (групповыми, возрастными, индивидуальными и т.д.) оказываются более существенными, чем межъязыковые различия [Шмелёв 2002: 15].

Понятие национальной ЯКМ и её реконструкции находится в стадии разработки, но уже наметились определённые аспекты её описания. Наука исследует, как посредством единиц естественного языка формируется наивная картина мира индивидуума, ограниченной социальной группы или целого этноса. Она отличается от научного знания о действительности, от научной картины мира. По мнению В. А. Масловой, наивная картина мира складывается, в основном, как ответ на практические потребности человека, как необходимая когнитивная основа его адаптации к миру [Маслова 2001]. Наивные представления о действительности не являются примитивными. Они могут быть интереснее и сложнее, чем научные.

ЯКМ обладает целостностью, но в то же время состоит из множества элементов. Невозможно охватить весь язык в целом, но можно описать определённые фрагменты ЯКМ, т.е. идти к её созданию индуктивным путём.

Лингвисты обращают внимание на отличия между ЯКМ и систематизацией единиц, осуществляемой до использования принципа антропоцентризма. В этом отношении показательны идеи и принципы, закладываемые в основу составления идеографических словарей. В словарях воссоздаётся картина мира, в основу которой положено научное мировоззрение. Научная картина мира лежит в основе семантики любых научных терминов, в то время как фразеология языка, его фольклор отражают в большинстве случаев наивную языковую картину мира, «единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Апресян 1995: 67]. Семантика фразеологизмов, паремий связана с отражением фоновых знаний носителей языка, с культурно-историческими традициями народа, что важно учитывать при описании языковой картины мира.

В последнее время говорят о картине мира, отграничивая концептуальную картину мира (ККМ) от языковой картины мира (ЯКМ) с различных точек зрения [Колшанский 1990, Резанова 2002, Яковлева 1994].

Концептуальная картина мира определяется как существующее в сознании отдельного человека целостное представление об объективном мире и месте человека в нем. При таком понимании ККМ может иметь определенные границы. Познание заключенного в эти границы объема может проводиться путем изучения концептов, составляющих её содержание.

Так как «язык выступает формой овладения мира» [Колшанский 1990: 16], то ЯКМ находится в единстве с ККМ, которая включает как языковые, так и неязыковые знания. В процессе жизни каждого человека ККМ предшествует ЯКМ и формирует её, так как человек понимает мир и своё место в нём благодаря языку.

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. – 767 с.
2. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. - М.: Наука, 1990. – 108 с.
3. Кронгауз М. А. Семантика. - М.: Academia, 2005. - 351 с.
4. Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию: Университетский учебник. - М.: Ключ-С, 1999.- 224 с. 5. Павилёнис Р. И. Проблема смысла (современный логико-философский анализ языка). - М.: Мысль, 1983. – 286 с.
6. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. - Воронеж, 2006
7. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. / Отв. ред. Б. А. Серебренников. - М.: Наука, 1988.–215 с.
8. Седых А. П. Языковая картина мира и национальная концептосфера // Этнокультурные константы в русской языковой картине мира: генезис и функционирование: Материалы Междунар. науч. конф. / Под ред. д-ра филол. наук, проф. Н. Ф. Алефиренко. - Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. - С. 118-121.
9. Семейн Л. Ю., Тарасова И. А. Когнитивные аспекты лингвокультурологии. - Омск, 2005. – 72 с.
10. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. - М., Наука, 1998.
11. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт, исследования. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. -824 с.
12. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира (материалы к словарю). - М.: «Языки славянской культуры», 2002. – 224 с.

Ячная Т.А.

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК СРЕДСТВО ВЫЯВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ ИССЛЕДУЕМОГО ПОНЯТИЯ

(Ячная, Т.А. Ассоциативный эксперимент как средство выявления национальной специфики исследуемого понятия [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/23765/1/Ячная_Частка%201-335-340.pdf)

Использование любого научного метода зависит от научной парадигмы, господствующей в науке на протяжении какого-то времени и определяет методологию и ход исследований. Антропоцентризм в современной науке вообще и в лингвистике в частности обуславливает разработку новых методов исследования, направленных на выявление знаний и представлений носителей культуры о внеязыковой действительности, отраженной в единицах языка. Одним из наиболее эффективных методов, позволяющих решить поставленные задачи, является ассоциативный эксперимент, который позволяет изучить семантическую структуру словарного состава языка [3] и вскрыть объективно существующие в психике носителя языка семантические связи слов. По мнению А.А. Залевской данный метод себя далеко не исчерпал. Результаты ассоциативного эксперимента используются для исследования лексической ситуативности, для межкультурных сопоставлений, для изучения взаимодействия языков при двуязычии и т.д.

Согласно исследованиям А.А. Залевской, Н.В. Уфимцевой, Ю.Г. Караулова, Е.Ф. Тарасова, А.П. Клименко, И.А. Стернина и др. язык может и должен быть представлен не только в традиционном виде системы отношений или в качестве большой совокупности текстов, но и в виде ассоциативно-вербальной сети, которая соотносится с речевой способностью носителя языка. Экспериментальная методика не отрицает контекстуального и логического анализа значений. Как указывает И.А. Стернин, "экспериментальные методы исследования значений требуют больших затрат, чем логический анализ значения, но они оказываются несравненно более эффективным и экономным путем определения психологически реального значения слова, чем контекстуальный анализ" [6, с.122]. Существует несколько видов ассоциативных экспериментов. Наше исследование основывалось на цепочечном ассоциативном эксперименте, являющемся достаточно результативным при исследовании концепта и свободном ассоциативном эксперименте, позволяющем выявить специфику отражения исследуемого понятия в языковом сознании респондентов.

Наше исследование состояло из двух этапов. В ходе первого этапа путем цепочечного ассоциативного эксперимента нами был выявлен семантический объем концепта «МАРАЛЬНЫЯ КАШТОЎНАСЦІ» в сознании носителей языка. Эксперимент проводился среди студентов столичных ВУЗов (БГУ, БГТУ, БГАТУ). В эксперименте принимали участие только те студенты, которые считали себя билингвами (т.е. считали себя способными свободно разговаривать на двух языках). В ходе исследования были опрошены 232 человека в возрасте от 17 до 22 лет, и было получено и обработано 1288 реакций. По материалам эксперимента было построено ассоциативное поле концепта «МАРАЛЬНЫЯ КАШТОЎНАСЦІ». Под «ассоциативным полем» мы, вслед за А.П. Клименко, понимаем все слова-реакции на заданное слово-стимул. [4, с.19] Любое ассоциативное поле имеет определенную структуру: ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию. В ядро построенного нами ассоциативного поля вошли реакции: Павага (80); Любоў (58), Дабрыня (56), Сяброўства (48), Каханне (43), Сям'я (39), Добразычлівасць (38), Шчырасць (35), Справядлівасць (35), Талерантнасць (31), Сумленнасць (31), Адказнасць (27). Как мы видим ядро ассоциативного поля концепта также имеет свою структуру: в центре ядра находится наиболее частотная реакция, вокруг которой располагаются менее частотные.

Затем нами был проведен второй этап исследования, в ходе которого мы использовали свободный ассоциативный эксперимент с фиксацией первой реакции на заданный стимул. В качестве стимула мы выбрали слово ЛЮБОЎ, поскольку 1) оно является одной из наиболее частотных реакций проведенного нами эксперимента; 2) по материалам Славянского ассоциативного словаря (САС) оно входит в ядро языкового сознания белорусов [5, с.6]. В ходе второго этапа эксперимента приняли участие 107 респондентов, и было получено 105 реакций и 2 отказа. Мы сравнили результаты нашего исследования с материалами, приведенными в САС (русский стимул – ЛЮБОВЬ, белорусский – ЛЮБОЎ) [5, с. 138] и с материалами из The Edinburgh Associative Thesaurus (ЕАТ) (стимул – LOVE) [8]. Материалы, приведенные в САС и ЕАТ, были получены в результате экспериментов, проведенных со студентами-носителями языка (белорусского, русского, английского).

Ядром ассоциативного поля на стимул ЛЮБОВЬ (САС) являются слова СЧАСТЬЕ, ЗЛО, НЕНАВИСТЬ, ЧУВСТВО, ЖИЗНЬ, ВЕЧНАЯ, НЕЖНОСТЬ, СЕКС, ВЕРНОСТЬ, СЕРДЦЕ, СМЕРТЬ, СТРАСТЬ и т.д.

Ядром ассоциативного поля на стимул ЛЮБОЎ (САС) являются ассоциаты КАХАННЕ, ДА РАДЗІМЫ, РАДЗІМА, ШЧАСЦЕ, ДЗЯЎЧЫНА, МАЦІ, СЯМ'Я, ДА РАДЗІМЫ, ДА ГРОБА, НЯНАВІСЦЬ и т.д.

Ядром ассоциативного поля на стимул LOVE (EAT) являются реакции HATE, SEX, GIRL, WAR, MARRIAGE, LIFE и т.д.

Ядром ассоциативного поля на стимул ЛЮБОЎ в нашем эксперименте являются слова ШЧАСЦЕ, ДЗЯЎЧЫНА, ЖЫЦЦЁ, СЭРЦА, КАХАННЕ, ПАЧУЦЦЁ, КАХАНЫ, МОЦНАЯ, СЯМ'Я, АБДЫМКІ, ДА РАДЗІМЫ, МАТУЛІНА, ЧЫРВОНЫ и т.д.

Все ассоциаты приведены в порядке убывания частотности реакций. Ядро ассоциатов, полученное на стимул ЛЮБОЎ в нашем эксперименте, практически совпадает с ядром САС. Однако центром ядра нашего ассоциативного поля является слово ШЧАСЦЕ, в то время как центром ядра ассоциативного поля САС – слово КАХАННЕ. Этот факт может быть объяснен, например, разным количеством респондентов (в САС приведены материалы, полученные от 700 человек, в нашем эксперименте принимало участие 107 человек).

Возможно, при увеличении количества испытуемых, структура ядра изменится. Также, одним из объяснений, может служить все возрастающее влияние русского языка и русской культуры на белорусов (центром ядра ассоциативного поля САС, построенного на материале русского языка, также является слово СЧАСТЬЕ).

Проанализировав материалы из всех источников, мы можем прийти к заключению, что для всех ассоциативных полей, построенных на материале как белорусского, так и русского и английского языков, характерна большая разбросанность реакций. Единичные (уникальные) реакции составляют около трети от всего количества полученных ассоциатов, а в проведенном нами эксперименте и в эксперименте, результаты которого приведены в EAT, на единичные реакции приходится почти половина от всех ответов.

В принципе, во всех языках вслед за С.Г. Воркачевым [1], занимавшимся исследованием концепта «ЛЮБОВЬ» в русском языковом сознании, мы можем выделить: «карикативный блок», включающий признаки, связанные с «семантическим дублетом» любви – милостью/милосердием: жертвенность, терпимость, готовность прощать, доверие, преданность, уважение, заботу, ответственность, доброту, нежность: НЕЖНОСТЬ, ДРУЖБА (САС); КАХАННЕ, ПЯШЧОТА (САС); ДАВЕР, КАХАННЕ (наш экс.); AFFECTION (EAT); «андрогинный» семантический блок, включающий семантику, восходящую к представлениям о любви как о поиске недостающей половины, когда-то отсеченной от человека, о любви как о взаимодополнении (понимание, гармония, соответствие, взаимность): ГАРМОНИЯ, К ЖЕНЩИНЕ (САС); ДВОЕ, ДА КАГО-НЕБУДЗЬ (САС); КАХАНЫ, МУЖЧЫНА І ЖАНЧЫНА (наш экс.); МАТЕ, LOVER (EAT); «этимологический» блок, образованный признаками, восходящими к «этимону» глагола «любить» – «хотеть/желать» (влечение, стремление, страсть):

СЕКС, СТРАСТНАЯ (САС); ІМКНЕННЕ, ЖАДАННЕ (САС); СЭКС, АБДЫМКІ (наш экс.); SEX, PASSION (ЕАТ); «нигилистический» блок, включающий признаки, отрицающие существование либо ценность любви (любовь – это миф, сказка, её нет; это болезнь души, безумие): ГЛУПОСТЬ, ЕЁ НЕТ (САС); НІМА ЯЕ, НЕ СУСТРАКАЎСЯ (САС); НЯНАВІСЦЬ (наш экс.); НАТЕ (ЕАТ); «гедонический» блок (наслаждение, удовлетворение, отсутствие отрицательных эмоций, что-то хорошее): НАСЛАЖДЕНИЕ, СЧАСТЬЕ (САС); ПРЫЕМНАЯ ТУГА, ШЧАСЦЕ (САС); ШЧАСЦЕ (наш экс.); HAPPINESS (ЕАТ); блок «хорошего отношения» (симпатия, хорошее отношение): ХОРОШО, РАДОСТЬ (САС); СВЕТЛАЯ, ДАБРО (САС); ПРЫЕМНАЕ (наш экс.); WARM, LOVELY (ЕАТ).

Как можно убедиться, совпадений между результатами эксперимента проведенного на материале белорусского и русского

языков, гораздо больше, чем совпадений между стимулами, полученными в ходе проведения эксперимента на материале русского и английского или белорусского и английского языков. Хотя нельзя сказать, что точки соприкосновения полностью отсутствуют. Так во всех трех экспериментах встречаются реакции НЯНАВІСЦЬ, НЕНАВИСТЬ и НАТЕ. Хотя слово НАТЕ является центром ассоциативного поля LOVE (35 реакций из 95), ассоциат НЕНАВИСТЬ занимает вторую позицию по частотности (СЧАСТЬЕ 63, а НЕНАВИСТЬ 23), а реакция НЯНАВІСЦЬ хоть и входят в ядро исследуемого понятия, но не является в нем основным (КАХАННЕ 34 – НЯНАВІСЦЬ 8). В нашем эксперименте также встречается слово НЯНАВІСЦЬ, однако оно располагается среди единичных реакций на крайней периферии ассоциативного поля.

В проведенном нами эксперименте парадигматические реакции (существительное – существительное) преобладают над синтагматическими, в ядре они составляют 77%. Присутствующие же синтагматические реакции придают стимулу некую определенность, экспрессивность и эмоциональность. ЛЮБОЎ для наших испытуемых МОЦНАЯ, АДЗІНАЯ, ДОЎГАЯ, НАЗАЎСЁДЫ, ПЕРШАЯ, САПРАЎДНАЯ, МАТУЛІНА.

На материале английского языка соотношение парадигматических и синтагматических реакций составляет 78% к 32% соответственно.

LOVE для респондентов может быть FIRST, FREE, LATE, NICE, SOFT, WARM. Особенностью данного ассоциативного поля является наличие среди ассоциатов не только прилагательных, но и глаголов (CHERISH, MATCH, PLAY), глагольных форм (MAKING), наречий (LOVELY, REALLY, OFTEN) и предлогов (IN).

Для русского языка (САС) парадигматические реакции составляют 76%. ЛЮБОВЬ для испытуемых характеризуется прилагатель-

ными (в полной и краткой форме): ВЕЧНАЯ, БОЛЬШАЯ, СИЛЬНАЯ, ВЗАИМНАЯ, ЗЕМНАЯ, СТРАСТНАЯ, ПРЕКРАСНА; притяжательными местоимениями: МОЯ; глаголами: БЫЛА, ЕСТЬ.

И в результатах эксперимента на материале белорусского языка, и в результатах на материале английского, и на материале русского языка встречаются как мужские, так и женские имена: ЯНА, ЛЮБА, САША (бел), JOHN, KEY (англ.), ВАЛЯ, GERMAN, ЛИДА (рус) и даже отчества АНТОНАЎНА.

Белорусскоязычные респонденты в большой мере связывают ЛЮБОЎ с семьей: СЯМ'Я; БАЦЬКІ; ДЗЕЦІ; МАЦІ, БАЦЬКА, ДЗЕЦІ; РОДНЫЯ. Этот же тип ассоциаций (хотя и в несколько меньшем объеме) наблюдается и у англоговорящих: MARRIAGE; WIFE и у русскоязычных испытуемых: СЕМЬЯ, К РОДНЫМ, МАТЕРИ.

Реакции БОГ, ДА БОГА входят в ближнюю периферию ассоциативного поля понятия ЛЮБОЎ, в дальнюю периферию понятия ЛЮБОВЬ, а в поле понятия LOVE не входят вообще.

Ассоциаты РАДЗІМА, ДА РАДЗІМЫ присутствуют только в реакциях эксперимента, проводимого на материале белорусского языка, причем входят в ядро ассоциативного поля исследуемого понятия.

Такой же уникальной реакцией ассоциативного поля построенного на стимул LOVE является ассоциат ECSTASY. Отсутствие такого рода реакций (как и небольшой процент реакций типа SEX (англ), ПОСТЕЛЬ (рус), К ВОДКЕ (рус) и т.д.) на материале белорусского языка может объясняться и тем, что испытуемые иногда бывают неискренни, стараясь предстать в более выгодном свете. Хотя, зная об этом феномене, исследователь, как правило, задает определенную психологическую установку и разъясняет информантам, что эксперимент – это не психологический тест, не

проверка их фантазии, сообразительности, эрудиции и т.д., что объектами исследования являются не они сами, а их язык и культура.

На наш взгляд универсальность исследуемого нами понятия проявляется в наличии (на примере всех языков) тематических блоков, предложенных С.Г. Воркачевым, а также на уровне синтагматических и парадигматических отношений, связывающих анализируемые нами ассоциативные биномы. Его специфика выявляется при частеречном анализе ассоциатов. А так же при анализе семантической наполненности общих для всех языков тематических блоков.

В своем исследовании мы не ставили целью изучить понятия ЛЮБОЎ, LOVE или ЛЮБОВЬ в полном объеме. Мы лишь хотели показать эффективность использования свободного ассоциативного эксперимента в исследовании национальной специфики какого бы то ни было понятия в языковом сознании и изменений, происходящих в структуре отдельного концепта и национальной концептосферы в целом.

1. Воркачев, С. Г. Концепт любви в русском языковом сознании / С.Г. Воркачев // Коммуникативные исследования: Современная антология. - Волгоград: Перемена, 2003. – С. 189–208.
2. Залевская, А.А. Психолингвистические исследования: Слово. Текст: Избранные труды / А.А. Залевская. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
3. Клименко, А.П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение: учеб. пособ / А.П. Клименко. – Минск: МГПИИЯ, 1974 – 108 с.
4. Леонтьев, А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А.А. Леонтьев. - М.: Наука, 1969. – 307 с.
5. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. – М., 2004. – 792с.
6. Стернин, И.А. Лексическое значение слова в речи. / И.А. Стернин. – Воронеж, 1985. – 170 с.
7. Титова, А.И. Устойчивые ассоциации лексем в некоторых славянских языках: дис ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А.И. Титова. – Минск, 1975. – 120 л.
8. Science and Technology Facilities Council [Электронный ресурс] / The Edinburgh Associative Thesaurus. – Режим доступа: <http://www.eat.rl.ac.uk>. – Дата доступа: 26.09.2010.

Четвертакова Ж.В.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

(Четвертакова, Ж. В. Закономерности формирования национального характера [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://http://cyberleninka.ru/article/n/zakonomernosti-formirovaniya-natsionalnogo-haraktera>)

В развитии каждой цивилизации присутствует два исторических компонента.

Вертикальная (хроно-вертикальная) нить преемственности своего предшествующего опыта, его обогащения и преобразования, т.е. своего рода кармическая ветвь жизненных превращений одной и той же сущности либо по линии возвышения, либо по линии снижения качества.

В первую очередь, попытаемся сформулировать закономерности, которым подчиняется процесс изменения характера. В самом общем виде механизм данных изменений может быть описан при помощи методологии А. Тойнби (вызов среды – ответ), «...общество, – отмечает исследователь, – в своей жизни сталкивается с серией задач, которые оно и решает наиболее приемлемым для себя образом. Каждая такая проблема - это вызов истории. Посредством этих испытаний члены общества всё больше дифференцируются. Каждый раз одни проигрывают, другие успешно находят решение, но вскоре некоторые

из решений оказываются несовершенными в новых условиях, тогда как другие проявляют жизнеспособность даже в изменившихся обстоятельствах» [17, с. 26].

При этом необходимо учитывать, правила выработки мыслительных реакций в массовом сознании должны иметь ту степень адекватности, которая позволяет выжить социуму в наличных условиях. Таков самый общий критерий. Но адаптация не всегда означает развитие. Как справедливо заметил Чешко С. наиболее адаптированные общества «чаще всего оказываются на периферии исторического процесса, поскольку они объективно нуждаются не столько в развитии, сколько в стабильности, гарантирующей выживание» [20, с. 128].

Необходимо отметить, что сложность в применении этой парадигмы встречается и при описании тех ситуаций, когда воздействие среды претерпевает сильные изменения за короткий промежуток времени. Это могут быть явления как социальные, так и природные: резкие изменения климата, стихийные бедствия, военные нашествия, колебания в системе международных отношений, другие резкие изменения мировой конъюнктуры. Схема А. Тойнби заставляла бы предположить, что национальный характер способен моментально приспособливаться к изменениям.

Национальный характер не следует рассматривать как величину абсолютно постоянную. Он меняется, хотя и медленно. Современные психологи, антропологи, этнографы на конкретных фактах доказали, что строение сознания изменяется с историей. А в 30-е годы тезис об историческом характере человеческой психики экспериментально доказали отечественные психологи Л.С. Выготский, и др. Черты национального характера, которые мы воспринимаем как специфические особенности национальной психики, являются продуктами определенных исторических условий и культурных влияний. Они производны от истории, социально-политических условий и изменяются вместе с ними. Как подчеркивал Г.Г. Шпет, «именно история «создает предметную ориентировку душевных переживаний человечества», она «устанавливает вехи, обозначающие путь духа». А посему менее односторонним и ошибочным является утверждение о том, что «развитие духа "объясняется" его историей» [21, с. 567].

С изменением тех или иных свойств, качеств национального характера, с определенным временным интервалом, меняются и соответствующие стереотипы. Примеров, подтверждающих эту мысль, довольно много. В начале XIX века немцев считали (и они сами разделяли это мнение) непрактичным народом, склонным к философии, музыке, поэзии, но мало способным к технике, предпринимательству. Но произошел промышленный переворот в Германии, и в немецком национальном характере сформировались новые черты, а стереотип о

неспособности немцев к предпринимательству стал безнадежным анахронизмом. Однако это не отрицает генетическую предрасположенность, социальный генотип этноса. В своих сущностных чертах он остается, но функционирует по-разному в разных исторических, политических, культурных контекстах.

Политолог Е. Вятр приводит классификацию основных факторов, влияющих на трансформацию психического склада наций, выделяя следующие компоненты:

- элементы исторического наследия, опыт прошлого, закреплённый в памяти живущих поколений, а также в исторических документах, литературе, памятниках;

- совокупность условий, в которых существует нация, в первую очередь характер функционирования экономических и политических институтов, а также взаимоотношения различных социальных групп между собой и с институтами власти;

- совокупность действий, сознательно предпринимаемых для формирования психологического склада нации. Это воспитательная, идеологическая деятельность государства,

других общественно-политических сил, а также воспитательное воздействие в рамках малых общественных групп (семья, соседи, товарищи, коллеги и т. д.) [4, с. 255].

Горизонтальная (хроно-горизонтальная) нить заимствования и отторжения чужого опыта, взаимодействия с другими (иногда конфронтация и соперничество). В результате приобретает свой исторический ритм, в процессе которого нация (этнос) пульсирует, ее развитие под воздействием различных факторов то ускоряется, то замедляется, пространственный ареал то сжимается, то расширяется.

Важным фактором изменения национального характера является взаимоотношение с другими культурами. Однако этот фактор должен рассматриваться как сугубо внешний и не всегда позитивный. Во-первых, не всякое общение вызывает заимствование, поскольку отсутствие контакта может быть порождено разницей в типах культур или иными причинами, действие которых не освещено должным образом. Во-вторых, заимствовать легче всего то, что является наиболее примитивной частью культуры. Примером может служить вестернизация страны. При этом следует учитывать, что наиболее динамичными являются те социальные системы, которые открыты для заимствований, но более стабильными являются «традиционные» общества. Такие общества, как правило, могли существовать, не нанося непоправимого вреда природе, что в современных условиях может стать решающим аргументом при выборе пути социального развития.

Параллельно данным процессам идет формирование национального своеобразия, которое фиксируется в национальном характере.

Специфика культурно психологической модели, на наш взгляд, будет определяться следующими причинами:

Первая система причин – расово-этнические, качества общности, то есть природные качества самого субъекта. Данные влияния очень существенны и многоплановые среди них наиболее главные направления. Во-первых, численность, возраст и т.д. Особенно существенным является то, на какой ступени этногенеза данная нация находится. В свою очередь Гумилев раскрывает процессы этногенеза, выделяя следующие фазы:

- подъема (фаза интенсивного роста пассионарного напряжения, следующего за пассионарным толчком, когда резко возрастают все виды активности, происходит демографический взрыв, формируются социальные институты);

- акматическую (когда пассионарное напряжение достигает высших для данной системы значений, что сопровождается появлением новой доминанты у пассионариев: не победа этноса как целого, а максимальная реализация себя как личности);

- фазу надлома, выражающуюся в резком снижении пассионарного напряжения, расколе этнического поля, острых конфликтах внутри системы, увеличении числа субпассионариев;

- инерционную (характеризуется укреплением государственной власти, интенсивным накоплением материальных и культурных ценностей, активным преобразованием вмещающего ландшафта, значительным объемом созидательной работы;

- фазу обскурации, когда пассионарное напряжение убывает до уровня ниже гомеостатического, в результате чего этническая система может стать легкой добычей более пассионарных соседей. Эта фаза предшествует гибели этноса или переходу его в состояние этнического гомеостаза. [7]

Во-вторых, монолитность данной общности, народа, народности, одно дело, если рассматриваемая общность монолитна в этническом плане, например, немцы, поляки; другое дело, если общность – объединение разных этносов, такое как россияне; третье дело, если это такой конгломерат как американский народ, включающий в себя и местные исторически существовавшие этносы (индейцы), и пришлые этнические группы (переселенцы из Европы и Африки).

Другая система причин – естественно-географические условия проживания данной общности. Ведь трудно отрицать, что национальный характер зависит от того, идет ли речь о суровых условиях холодного климата полярных территорий или о благоприятных условиях располагающих часто к тем или иным качествам.

Третья система причин, воздействующих на характер - причины, коренящиеся в устойчивых результатах многовекового взаимодейст-

вия данной общности и условий ее проживания. Именно на этой основе складываются устойчивые социально-экономические отношения и типы жизнедеятельности (коллективистско-общинный, индивидуалистический кочевой или оседлый образы жизни), типы цивилизации – «деревянной» или «каменной».

Влияние данных причин на становление национального характера рассмотрим на примере генезиса русского национального характера.

Рассово-этнический фактор. Россия относится к тем образованиям, которые принято называть – суперэтнос. Развитие русских как национальности было длительным процессом. Биосоциальное единство, социально-культурная близость, материальная культура, религиозно-духовная близость формировались постепенно.

Стержнем и ядром великорусского психологического типа выступает славянское начало. Ряд авторов истоки психологических характеристик, неповторимость русского народа связывают с гиперборейской традицией.

Древнее наследство у славян сохранилось в форме стойких мифологических воззрений. Можно выделить несколько слоев и архетипов, которые соответствуют формационным и цивилизационным реалиям: эпоха космического яйца, эпоха космического колеса, эпоха космического древа, эпоха космической коровы, эпоха космического коня, эпоха космизированной земли. [12]

Данные сюжеты нашли своё выражение в сакральных обычаях и обрядах и прослеживаются на протяжении всей истории русского мировоззрения. Информация, гиперборейская мудрость, закодированная в знаках и символах, прошла через века, закрепились на уровне бессознательных архетипов.

Миграция славян приводит их на новый «вмещающий ландшафт», где они взаимодействуют с другими народами индоевропейской группы, прежде всего индоязычными и ираноязычными группами, получившими название арии. По мнению ряда авторов, в процессе общения были выработаны многие элементы народного искусства и культуры, которые нашли свое закрепление в знаках, символах, языке, верованиях, истоки которых сложились в глубине веков, в период полярной родины, а укоренились в процессе взаимодействия. [9, с.24-41]

В процесс консолидации этносов и становления русского национального характера определенную роль внесла православная церковь. Православие скрепило в единое духовное целое многие племена Евразии с разным генофондом. В русском культурном архетипе наблюдается совладение этнической и религиозной идентичности: русские как православные и православные как русские. [16, с.56]

Соединение в русском православии трех сил в лице византийской веры, язычества и народного характера привело к своеобразному

и сложному симбиозу в русской вере разнородных элементов, результатом чего стало образование религиозного феномена, называемого двоеверием.

Русский человек почитал Бога, церковь, христианские таинства, но вместе с тем он не менее твердо почитал и одухотворял природу, верил в леших, домовых, мистическую силу заговоров.

Вторая сторона является таким же неотъемлемым элементом русской православной веры, как и первая. Флоровский Г. называл этот феномен «ночной и дневной культурой» [19, с.6]

Самым важным следствием двоеверия стало духовное раздвоение русского характера, проявившего себя в причудливом сосуществовании и противоборстве рационального и иррационального. По мнению Флоровского Г., на всем протяжении русской истории эмоциональное отношение к действительности преобладает над рассудочным мышлением.

Преобладание иррационального, эмоционально-чувственного в характере народа позволило ряду авторов говорить о женственности русского характера, связывая это, прежде всего, с тем, что центральной почитаемой фигурой в русском православии является Богоматерь, в которой сфокусировался предыдущий опыт почитания женского космического начала в форме девы, как одного из древнейших и важнейших понятий индоевропейской культуры. Обратной стороной этого дара, по мнению Бердяева Н., является то, что «русская душа – мятежная, ищущая, душа странническая..., никогда не удовлетворяющаяся ничем средним и относительным...». [1, с.36] Россия – это страна великой культуры. И в тоже время в ней можно обнаружить темную иррациональную реакционную стихию. Поэтому идеализация народных эстетических представлений по Бердяеву Н. может привести в сторону реакционного мракобесия. Причины противоречивости, антиномичности он видит в несоединенности мужественного, светоносного и твердого духа, который призван овладеть стихиями женскими. В результате и русский народ не раз в своей истории становился заложником таких своих женственных черт, как доверчивость, миролюбие, смирение, покорность и незлопамятность. Символом и вместилищем всех чувств вообще и религиозных в частности в религии и философии является сердце. Поэтому и говорят, что русские православные любят и верят сердцем.

Значительное и существенное влияние на великорусский этнос оказала встреча с татаро-монголами. Монголы были кочевыми народами, основу жизнедеятельности которых составляло кочевое скотоводство. Психологический склад кочевников отличался от «земледельческих культур». Земледелие вырабатывает мягкие нравы доброго

соседства с людьми, растительным и животным миром. Скотовод – кочевник, представитель присваивающей культуры – берет, а не дает.

Влияние татаро-монгол на быт, нравы, психологию русского народа было неоднозначным. Ильин И. признает факт неоднозначности такого влияния. С одной стороны, он говорит об ужасных последствиях монгольского ига. «Прежде всего, это было неслыханное душевное потрясение, которое из народной души не изгладится никогда, своего рода «психологическая травма», рана... массовая душа, как и индивидуальная, заболевает порывом к подражанию: кровь взывает к крови, разбой возмещается разбоем». [13, с. 175] И если впоследствии приходится видеть в русской истории большие мятежи с убийствами, разбоем, пожаром, необходимо брать в расчет эту исторически унаследованную душевную рану.

Неизмеримый ущерб был нанесен принципу правосознания и чувству собственности в русском характере. Необходимость постоянно начинать с нуля и строить на пепелище привела к привычке относиться к собственности как к чему-то ненадежному и необязательному, не способствуя тем самым развитию экономии и бережливости в русском характере.

Однако Ильин И. говорит и о положительных аспектах татаро-монгольского влияния на русский народ. Продолжительное монгольское иго воспитало в русских и положительные качества: пронизательность, неистощимое терпение и стойкость; способность выносить самый низкий жизненный уровень и при этом не падать духом; искусство самопожертвования и безрассудной самоотдачи; жизненную стойкость характера; удивительную покладистость и гибкость; наследственную отвагу; ярко выраженное, в поколениях воспитанное искусство оборонительной войны. [13, с.179]

Неслучайно Гумилев Г. считает, что на период XIII в. приходится микро- мутация, «иными словами, появились люди, ставящие идеал (или далекий прогноз) выше своих личных интересов или случайных капризов. Пусть их в XIII в. были единицы – в XIV в. их дети и внуки составляли уже весомую часть общества». [8, с.16]

Татаро-монгольское иго повлияло и на становление русской государственности. Многие черты государственного устройства Золотой Орды в той или иной степени унаследовало позднее Московское государство. Сюда относится система сборов налогов, система таможен и государственного контроля за торговлей, организация войска, практика широкого использования опыта иностранных ученых и специалистов, приглашавшихся на государственную службу. Сюда же относится и особая роль верховного правителя, которого русские в эпоху расцвета золотоордынского государства называли царем и признавали его равенство с римским императором.

Именно под влиянием Золотой Орды в Московском княжестве сформировалась оригинальная для Руси, но обычная для восточных деспотий система управления монарха без посредничества сословно-представительных органов или церкви. [18, с. 45]

На развитие русского характера существенное влияние оказал естественно-географический фактор. Важным условием развития этногенеза любого народа следует считать его место развитие (иногда его называют ландшафтом, иногда природно-хозяйственной территорией). Место развития российского этноса стала Евразия. Как тип место развития, по мнению Гумилева Л., он сформировался в XIV в., когда из разных субэтносов образовался один этнос. [6]. Обширные пространства способствуют низкой концентрации населения в одном месте. Наличие вокруг человека обширных территорий способствует развитию у него обостренного чувства пространства и особого отношения ко времени Гачев Г. определяет в соответствии с этим такую модель мира для русского человека (бесконечно-горизонтальная). [5]

Широта равнинных пространств действовала специфически на русский характер. По мнению Бердяева Н., безграничность пространства местообитания русского народа оказывает противоречивое воздействие. Широта, удаль, щедрость, свободолюбие – на одной стороне; расточительство, разгул, бесшабашность, слабая самодисциплина – на другой. Власть шири над русской душой детерминирует целый ряд русских свойств и русских недостатков. С нею связаны русская лень, беспечность, недостаток инициативы, слабо развитое чувство ответственности [1, с. 61]

Проживание людей в удаленности друг от друга, от торговых и культурных центров привело к созданию универсального типа личности. Вынужденный отвечать на множество вызовов (климат, природа, пространство) человек должен был не только преодолевать обстоятельства, но и развивать в себе всеобъемлющие качества. Климатические условия достаточно жесткие. Теплое, но короткое лето, долгие и холодные зимы, поздняя весна, с частыми возвращением холодов. Даже в южных частях страны снег лежит по три месяца, чего не знает почти ни одна страна Западной Европы.

Практически это означало для крестьянина неизбежность труда буквально без сна и отдыха, труда днем и ночью, с использованием всех резервов семьи (труда детей и стариков, на мужских работах женщин и т.д.). Крестьянину на западе Европы ни в средневековье, ни в новом времени такого напряжения сил не требовалось, ибо сезон работ был там гораздо больше.

Перерыв в полевых работах в некоторых странах был до удивления коротким (декабрь–январь). Конечно, это обеспечивало более благоприятный ритм труда, да и пашня могла обрабатываться гораздо

тщательнее (в 4-6 раз). В этом заключается фундаментальное различие между Россией и Западом. [15, с. 40]

Широта русской земли, климатические условия открывали путь к экстенсивной, а не интенсивной работе. Конечно, все это приводило к формированию в русском человеке неоднозначных психологических поведенческих стереотипов. Скоротечность рабочего сезона, требующая почти тяжелой круглосуточной и быстрой физической работы, сформировала трудолюбие, быстроту в работе, быструю концентрацию, напряжение физических и моральных сил. Период весенне-летних работ стали называть страдой, «страдной порой» - период физических страданий: «где пахарь плачет, там жнея скачет», «день летний год кормит», «не сможешь – не осилишь, не надорвешься – не поможешь». [10, с. 541-542, 558-559, 400] Однако и весь год работы «невпроворот», всегда «в трудах и в заботах».

Когда заканчивается «борьба» с тяжелыми природными условиями, человек направляет свою деятельность не на преобразование внешнего, а развитие своих творческих способностей (предметы прикладного искусства, устное народное творчество). Всем известна изобретательность и смекалка русского народа. Трудолюбию сопутствовали такие черты его характера и психологии, как «проворность», «поворотливость», «переимчивость», воспитываемые с детства.

Но, с другой стороны, это приводит к появлению и полярных качеств. Ключевский В. отмечает, что у русского человека нет привычки к ровному, умеренному, постоянному труду – и это тоже результат природы [14]

Вместе с тем, наличие экстремальных, неблагоприятных условий, которые могли свести на нет результаты тяжелого труда, породили в сознании идею всемогущества Господа Бога. Труд – трудом, но главное зависит от Бога («Бог не родит, и земля не дает», «Бог народит, так и счастьем наделит», «Бог полюбит, так и не погубит», «не конь везет, Бог несет», «даст Бог день, даст Бог пищу», «человек гадает, а Бог совершает», «все от Бога, всяческая от творца», «с Богом не поспоришь», «Божье тепло, Божье и холодно», «Бог отымет, Бог и подаст» и т.д. [10, с. 541-542]

Однообразная местность, не имеющая особых препятствий (гор, морей и т.д.) для передвижения способствовала (в прошлом) сильной миграции народа, давала возможность для расширения своего обитания. Как отмечалось, развитие русского характера происходило на основе определенного синтеза. Русские, с одной стороны, в силу устойчивости, а с другой – подвижности, способны были принимать инкультурные формы, вбирая в себя черты, нормы, традиции, образ жизни некоторых народов.

Гигантские пространства необходимо было не только осваивать, но и защитить. В то время как Западная Европа, начиная с VIII века не

подвергалась серьезным внешним агрессиям, Россия значительную часть своей истории провела в оборонительных войнах.

Столетия военных угроз, боевых успехов и поражений, нового собирания сил и нового военного напряжения заложили в душе русского народа данные ему от природы выносливость, неприхотливость, стойкость, самоотверженность, готовность жертвовать личным благополучием во имя спасения Отечества. Война не случайно высвечивает нравственные, духовные силы русской нации. Именно в экстремальных условиях войны русский народ проявляет высокие образцы нравственности – доброту, готовность делиться последним, самоотверженность до самоотречения.

Социальное влияние на формирование психологических качеств русского народа связано со специфическими особенностями социальных организаций, в которые включаются русские люди. Можно выделить два уровня, обеспечивающие функционирование социальных организаций. Это микроуровень, характеризующийся непосредственными личностными контактами, и макроуровень, который осуществляет систему опосредованных социальных взаимосвязей.

Детерминирующее воздействие на психологический облик русского народа имели община – на микроуровне и государство – на макроуровне.

Значительную роль в становлении русского народа и его качеств сыграл фактор местонахождения России среди других народов мира. Русский народ вынужден обстоятельствами своей истории обстраиваться на стыке Европы и Азии.

Срединное положение России на евроазиатском континенте объективно обусловило многонациональный состав населения. Россия в этническом отношении является своеобразной моделью мира, где сосуществуют более ста народов, представляющих религиозные различные конфессии и этнические группы. Многонациональный состав населения сложился в результате внутренней колонизации. В процессе обретения Россией новых земель был выработан особый тип межнациональных отношений, неизвестный другим европейским империям. Этот тип межнациональных отношений основан на чувстве уважения к другим народам, к их религии, обычаям и традициям.

Возникает симбиоз, синтез различных характеристик, восприятие и творческая переработка культурных многообразных завоеваний, и в тоже время защита творческого начала собственной эволюции. Такие цивилизации оказываются более жизненными, формируя соответствующий тип этнического поведения и динамический характер личности.

Пограничным цивилизациям, из-за гетерогенного характера, будут соответствовать особые способы организации власти: жесткие ме-

тоды государственного управления, подчинение региона центру, особая роль политической власти, слабость гражданского общества.

Русская история во многом обусловлена внешним привнесением организующего и дисциплинирующего начала в государственную систему. Равнинность и природная незащищенность внешних рубежей, гигантские пространства, многоплеменной состав населения, малонаселенность, постоянная вынужденность ведения войн – это те вызовы истории, которые подталкивали русский народ к необходимости объединения в рамках централизованного, с авторитарными формами правления, государства. Формируясь в условиях дефицита необходимых для развития ресурсов (финансовых, интеллектуальных, временных, внешнеполитических и др.), государство вынуждено было прибегать к жесткой централизации.

Жесткая организация власти обусловила и определенный характер взаимоотношений общества и власти. Необходимость концентрации ресурсов требовала четкого подчинения общества власти и почитания.

России как государству пришлось отвечать на множество вызовов истории, что приводит к неравномерному характеру исторического развития, который проявляется в скачкообразном и рваном ритме исторического времени. «Историческая судьба русского народа была несчастной и страдальческой, и развивался он катастрофическим темпом, через прерывистость и изменение темпа цивилизации». [2, с. 7] Поэтому в русском сознании настоящее воспринималось как брренное и переходящее. Настоящее неустойчиво, как правило, оно наполнено житейскими тяготами и невзгодами. Поэтому специфическим национальным отношением к прошлому выступает его ностальгическая оценка.

Поскольку временная вертикаль русской истории полна катастрофических событий, подтверждающих брренность земного бытия, то в сознании русского человека были прочны традиции, отождествлять прошлое с лучшей жизнью. И как результат – терпение, страдание ради «светлого завтра», ради будущего поколения. Однако терпение периодически прерывалось – бунтом, революцией – то есть выражением воли народа (пусть не всего, а части).

И само государство развивается как служебное, вынужденное отвечать на исторические вызовы. Необходимость максимальной концентрации ресурсов и противостояния «всем миром» многочисленным опасностям обусловили традицию подчинения личного интереса задачам социума. Жизнь любого сословия в России была связана, прежде всего, со служением царю и Отечеству. Служебный характер деятельности сословий формировал и «служебный национальный характер». Эта детерминанта создавала особый тип мышления, который вырабатывал определенные поведенческие стереотипы. Централизация, сплочение вокруг объединяющего начала приводили к созданию и

объединению вокруг общей цели, которая становилась единственно возможной на таких просторах, выступая основой общественных связей, а затем и последующей абсолютизации данных связей. Личность выступает как средство достижения абсолютной общественной цели. Но, аккумулируя свой творческий потенциал в единое коллективное начало, народ создавал мощный импульс, который творил историю, двигаясь вперед. Примером может послужить Советский Союз. Это была эпоха невиданного национального подъема, которая привела в действие творческий потенциал русского народа и благодаря этому позволила ему встать в один ряд с передовыми нациями мира.

На макроуровне. Социальным институтом, оказавшим глубокое воздействие на душевный склад русского народа, выступает община. Мироззрение крестьянства, представление об окружающем мире – природе и обществе, о своем предназначении, социальной справедливости аккумулируется в главной социальной ячейке – общине. Она регулирует внутреннюю жизнь крестьянина, является связующим звеном с внешним миром. Сохраняет накопленный опыт и транслирует выработанные ценностные ориентации. Крестьянская община как модель восприятия мира находит свое выражение в пространстве и во времени и в зависимости от исторических условий находят свое конкретное выражение.

Община является конкретной формой социальной общности, из которой родились все другие известные человеческой истории формы. Например, завод, магазин, институт, школа, где человек не просто работает, зарабатывает деньги – он часть коллектива, через ячейки он включается в общественную жизнь.

Групповое общинное сознание (в значительной мере оно было мифологическим) пронизывало все сферы жизни крестьянского сообщества. Это было сознание коллектива людей, связанных между собой не только деловыми отношениями, но и эмоционально, сознание, ориентированное на идущие из стари традиции и идеалы. Для крестьянина его община – это целый мир. Недаром русские крестьяне называли общину миром или обществом. Крестьянин-общинник делил людей на «своих» и «чужих». Причем к категории «чужих» относились не только горожане, феодалы и вообще представители иных сословий, но члены других сельских сообществ.

(Единение с ними происходило лишь во время массовых крестьянских движений). «Мы» и «они» – такое видение окружающего мира являлось порождением общинного локализма и замкнутости [11, с.26]

Человек был подконтролен общине, но и мотивы действий общины были понятны индивиду, поскольку он мог оказывать влияние на общинную жизнь посредством участия в сходках, где принимались сообща важные для всех решения. Тем самым община давала челове-

ку ощущение причастности к жизни коллектива, прививала ему собственное понимание высшего смысла жизни, связанное со служением миру, другим людям, обществу в целом.

Культивировались такие качества, как честность, бескорыстие, скромность, совестливость, уважительное отношение к старшим. Центральным в общине был принцип солидарной ответственности людей друг за друга. Следовательно, человек в общине всецело предан ее интересам. Она для него - высшая инстанция, выше нее могут быть только царь да Бог. В преданности общине – залог личного благополучия и преуспевания, поэтому ее решениям подчиняются беспрекословно.

Но это не означало отрицания свободы как таковой, а лишь ограничение произвола и вседозволенности, своеволия и анархистских бунтарских устремлений. Свобода «без берегов» губительна для русских людей, привыкших мыслить свободу как волю. Не отрицая полностью личной свободы, община, тем не менее, сковывала индивидуальную инициативу и закрепляла такие чисто русские национально-психологические свойства, как беспечность, личную безответственность, иррациональную беззаботность о завтрашнем дне. Тем самым создавались благодатные условия для усугубления практического проявления русского «авось».

Отношения общины и индивида носили взаимный характер. Не только человек зависел от общины, но и община была обязана заботиться о человеке. Община обеспечивала любому своему члену прожиточный минимум, не позволяя даже самым немощным умереть с голода. Здесь проявляется русское понимание справедливости.

Справедливость – социальное равенство, коренящееся в экономическом равенстве по отношению к земле. Земля - от Бога, и поэтому любой общинник имеет право на свою, равную со всеми, долю земли, а также всех богатств, которыми владеет община. Закреплению такого положения справедливости в народной душе способствовал регулярно осуществлявшийся передел общинных земель в соответствии с количеством едоков мужского пола в семье. Подобный порядок может показаться торжеством уравниловки. Поэтому некоторые авторы полагают, что в фундаменте русской общины не было ценностей, стимулирующих индивидуальную хозяйственную деятельность, откуда вытекает нерыночный, в отличие от западноевропейца, характер русской национальной психологии. [3, с.63]

Таким образом, специфика национального характера определялась расово-этническими, историко-географическими, геополитическими аспектами. Генезис русского характера, это длительный процесс исторического развития Российского суперэтноса, который складывался из разрозненных племен. Биосоциальное единство, социально-культурная близость, материальная культура, религиозно-духовная

близость формировались медленно. Информация, гиперборейская мудрость, закодированная в знаках и символах, прошла через века, закрепились на уровне бессознательных архетипов. Процесс формирования русской народности проходил под влиянием тюркских и финно-угорских племен. Однако сложный процесс формирования суперэтноса не отменил развития данных этносов, он сблизил их, направил по одному этапу эволюции, и привел к образованию Российской цивилизации с отличительными чертами.

На процесс консолидации этносов и становления русского национального характера повлияла православная церковь. Детерминирующее воздействие на психологический облик русского народа имели община – на микроуровне и государство – на макроуровне. Географическая среда и климатические условия оказали особенно осязаемое влияние на характер русского этноса.

1. Бердяев Н.А. Судьба России. - М., 1990.
2. Бердяев Н.В. Истоки и смысл русского коммунизма//Бердяев Н.А. Соч. – М., 1994.
3. Бороноев А.О., Смирнов П.И. Россия и русские. Характер народа и судьба страны. – СПб., 1992.
4. Вятр Е. Социология политических отношений. — М., 1979.
5. Гачев Г. Национальные образы мира. - М., 1998.
6. Гумилев Л. От Руси к России.- СПб., 1993.
7. Гумилев Л. Этногенез и биосфера земли. -Спб., 2002.
8. Гумилев Л., Панченко А. Чтобы свеча не погасла. - Л.,1990.
9. Гусева Н.П. Славяне и арии. Путь богов и слов. - М. 2002.
10. Даль В. Пословицы русского народа.. Сборник в 3-х томах. Т.3. – М., 1993.
11. Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.)/ Под.ред. Данилова В.П., Милова Л.В. – М., 1996.
12. Демин В. Тайны русского народа. – М., 2001.
13. Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры // Москва, № 4, 1996.
14. Ключевский В. Курс русской истории. Соч.: в 9-ти.Т. – Т. 1. – Ч. 1. – М., 1997.
15. Милов Л. В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории, 1992, №4-5.
16. Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XX веке. – М., 1998.
17. Тойнби А. Дж. Постигание истории.- М., 1991.
18. Трепавлов В.В. Восточные элементы в российской государственности (к постановке проблемы)//Россия и Восток: проблемы взаимодействия. – М., 1993.
19. Флоровский Г. Пути русского богословия. – Вильнюс, 1991.
20. Четшко С.А. Архетипы сознания в реальности бытия// Общественные науки и современность. 1992, №6.
21. Шпет Г. Философские этюды. – М., 1994.

Гвоздева А.В.

ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ АНГЛИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗА ШЕРЛОКА ХОЛМСА

(Гвоздева, А.В. Отражение особенностей английского национального характера на примере образа Шерлока Холмса // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 10 (148). – Филология. Искусствоведение. – Вып.30. – С. 26–29)

Целью данной статьи является подтверждение особенностей английского национального характера на примере образа знаменитого сыщика Шерлока Холмса, созданного английским писателем Артуром Конан-Дойлом и обобщающего типично английский литературный персонаж – детектив. Шерлок Холмс как собирательный образ является ярким примером для выделения и изучения лингвокультурного типажа «детектив». Именно лингвокультурный типаж становится объектом исследования при изучении национальных характеров, отраженных в языковом сознании.

Лингвокультурный типаж является особым типом лингвокультурных концептов, важнейшие характеристики которого состоят в типизируемости определенной личности, значимости этой личности для лингвокультуры, возможности ее как фактического (реального), так и фикционального (вымышленного) существования, ее упрощенной и карикатурной репрезентации.

Литературный персонаж Шерлок Холмс объективируется и воспринимается читателями как реальный человек. Подтверждением тому является факт, что в Лондоне построен дом-музей Шерлока Холмса, интерьер которого в точности соответствует описаниям, присутствующим в произведениях Артура Конан-Дойла, и является классическим примером лондонского доходного дома конца XIX века. Кроме того, говорить о Шерлоке Холмсе как о невымышленном персонаже позволяет и то, что Шерлок Холмс имеет реального прототипа – хирурга Эдинбургской больницы Джозефа Белла.

Рассматривая образ Шерлока Холмса как типичного представителя английской лингвокультуры, необходимо определить, что есть национальный характер. Термин национальный характер является описательным, а не аналитическим. Один автор, говоря о национальном характере, подразумевает темперамент, особенности эмоциональных реакций народа.

Другой же фиксирует внимание на социальных ориентациях, нравственных принципах, отношении к власти, труду и т. п. Нацио-

нальный характер подразумевает к тому же свойства не отдельного индивида, а целой человеческой группы, часто очень многочисленной.

В статье в качестве определения национального характера мы приняли дефиницию, приведенную в книге С. Г. Тер-Минасовой «Язык и межкультурная коммуникация»: «Национальный характер – это совокупность специфических психологических черт, ставших в большей или меньшей степени свойственными той или иной социально-этнической общности в конкретных экономических, культурных и природных условиях ее развития»

Английский характер характеризуют два понятия: способность владеть собой (культ самоконтроля) и умение подобающим образом реагировать на жизненные ситуации (культ предписанного поведения). Невозмутимость, самообладание, сдержанность и обходительность – черты, свойственные английским детективам. Самым ярким тому подтверждением является Шерлок Холмс, поведение которого полностью соответствует «принципам джентльменского поведения». Современные англичане считают самообладание главным достоинством человеческого характера. Чем лучше человек умеет владеть собой, тем он достойнее. Англичанина с детства приучают спокойно сносить холод и голод, преодолевать боль и страх, обуздывать привязанности и антипатии. Вспомним, как Шерлок Холмс в романе «Собака Баскервиль» в целях раскрытия преступления на протяжении недели жил в пещере в суровых условиях.

Как отмечает В. А. Сухарев в книге «Психология народов и наций», «...никто не умеет так строго распределять свое время и деньги, как англичанин. Он чрезвычайно много работает, но всегда находит время и отдохнуть. В часы труда он работает, не разгибая спины, напрягая все умственные и физические силы, в свободное время он охотно предается удовольствиям». Так, мистер Шерлок Холмс умело сочетает работу и отдых. Приведем несколько подтверждающих это примеров из произведений Артура Конан-Дойла.

В романе «Собака Баскервиль» коллега Шерлока Холмса доктор Уотсон поражается этой удивительной способности великого сыщика отрешаться от мыслей о делах, созерцая полотна художников:

Sherlock Holmes had, in a very remarkable degree, the power of detaching his mind at will. For two hours the strange business in which we had been involved appeared to be forgotten, and he was entirely absorbed in the pictures of the modern Belgian masters [здесь и далее выделено нами. – А. Г.]

В романе «Знак четырех» Шерлок Холмс признается, что лучший отдых для него – перемена занятия.

Well, I gave my mind a thorough rest by plunging into a chemical analysis. One of our greatest statesmen has said that a change of work is the best rest. So it is. When I had succeeded in dissolving the hydrocarbon which I was at work at, I came back to our problem of the Sholtos, and thought the whole matter out again.

Черта, о которой идет речь выше, свойственна всем англичанам. Это отмечает и Всеволод Овчинников в книге «Корни дуба. Размышления об Англии и англичанах». В заключительной обобщающей главе он пишет о том, что «даже серьезные проблемы редко поглощают англичанина целиком, тем более надолго. Он каждодневно демонстрирует умение отключаться от забот».

Следующей характерной чертой, присущей англичанам, является деление на любителей и профессионалов. Такое деление идет из национальной игры англичан – крикета. Крикет явился первым видом спорта, где деление на любителей и профессионалов было официально зафиксировано в правилах. Как отмечает Всеволод Овчинников, «...помимо любителей и профессионалов, в крикете существуют еще и параллельные термины: джентльмены и игроки. Это второе противопоставление помогает понять, почему любительское отношение к делу стало отождествляться с принадлежностью к избранному классу».

Так, в произведениях Артура Конан-Дойла происходит повсеместное противопоставление представителей официальной сысшной полиции Лондона (профессионалов) и частного сыщика-консультанта Шерлока Холмса и его друга доктора Уотсона (любителей). «Заниматься своим делом не ради денег или карьеры, а, так сказать, из любви к искусству, для собственного удовольствия – вот в представлении англичан кредо истинного джентльмена».

Образ Шерлока Холмса амбивалентен: с одной стороны, он является непрофессионалом, так как не работает на государственную полицию, с другой стороны, он – исключительный профессионал сысского дела.

Так, в романе «Собака Баскервильей» представитель официальной полиции, детектив Лейстред, признает превосходство любителя Шерлока Холмса и его теоретических изысканий перед практическими действиями официальной полиции.

We all three shook hands, and I saw at once from the reverential way in which Lestrade gazed at my companion that he had learned a good deal since the days when they had first worked together. I could well remember the scorn which the theories of the reasoner used then to excite in the practical man.

В произведении «Долина ужаса» описание детектива сысшной полиции Макдональда дается не без доли иронии:

He was a young but trusted member of the detective force, who had distinguished himself in several cases which had been intrusted to him.

В то же время, описывая Макдональда как человека способного, обладающего проницательностью и умом, в романе подчеркивается, что любитель Шерлок Холмс помогал этому достигшему широкой известности детективу в разрешении сложных задач:

*Twice already in his career had Holmes helped him to attain success, his own sole reward being the intellectual joy of the problem. For this reason the affection and respect of the Scotchman for his **amateur colleague** were profound, and he showed them by the frankness with which he consulted Holmes in every difficulty.*

Официальные представители сыскной полиции вызывают недоверие в глазах обыкновенных людей, в то время как непрофессионалам они доверяют и открывают им свои секреты. Вот пример из романа «Долина ужаса»:

*I have been three times in his rooms, twice waiting for him under different pretexts and leaving before he came. Once - well, **I can hardly tell about the once to an official detective.***

В следующем примере из романа «Красным по белому» частный детектив Шерлок Холмс противопоставляет себя профессиональным сыщикам:

*Without meaning to hurt either of your feelings, I am bound to say that **I consider these men to be more than a match for the official force, and that is why I have not asked your assistance.***

Всеволод Овчинников также объясняет ценность общественного труда для англичанина. «Вера в ценность добровольного труда на общественных началах глубоко присуща англичанам; и такого рода деятельность весьма распространена, многообразна и уважаема. Англичане, по их словам, гораздо охотнее берутся за любое дело, если видят в нем не служебную обязанность, а общественный долг, так сказать, социальное хобби». Так, занимаясь сыскной деятельностью в качестве любителя, Шерлок Холмс помогает официальным полицейским органам расследовать преступления и тем самым выполняет общественно значимое дело.

Каждый истинный англичанин имеет хобби. Это свойство, являющееся общим для всех представителей английской нации. «Хобби для англичанина не только отдушина от повседневной рутины, но и возможность блеснуть мастерством в любимом деле. А любитель, ставший мастером в избранной им области, скорее обретет уважение в этой стране, чем удачливый бизнесмен, которого больше ничто в жизни не интересует». У Шерлока Холмса, рассматриваемого нами как

собираемый образ англичанина, тоже имеется хобби – игра на скрипке. Во всех произведениях Артура Конан-Дойла о знаменитом детективе уделяется особое внимание увлечению Шерлока Холмса скрипкой, которое отвлекает его от работы и позволяет отдохнуть.

В романе «Знак четырех» доктор Уотсон приводит описание процесса импровизации сыщика:

He took up his violin from the corner, and as I stretched myself out he began to play some low, dreamy, melodious air – his own, no doubt, for he had a remarkable gift for improvisation. I have a vague remembrance of his gaunt limbs, his earnest face and the rise and fall of his bow.

«Англичанин традиционно чурается излишней фамильярности, избегает проявлений душевной близости. В его духовном мире существует некая зона, куда он не допускает даже самых близких. Между личностью и семьей в Англии существуют, пожалуй, более высокие барьеры, чем между семьей и обществом». Так, Шерлок Холмс – это человек, сдерживающий душевные порывы уздой самоконтроля, не проявляющий чувств и эмоций по отношению к женщинам. Приведем примеры рассуждений героя романов Дойла о любви.

But love is an emotional thing, and whatever is emotional is opposed to that true cold reason which I place above all things. I should never marry myself, lest I bias my judgment.

Англичане придерживаются принципа хладнокровности и безэмоциональности, подавляют как открытые проявления симпатий, так и знаки раздражения, обиды, гнева. Шерлок Холмс придерживается принципа «не быть личным». Подтвердим этот факт цитатой из романа «Знак четырех»:

It is of the first importance not to allow your judgment to be biased by personal qualities. A client is to me a mere unit, a factor in a problem. The emotional qualities are antagonistic to clear reasoning. I assure you that the most winning woman I ever knew was hanged for poisoning three little children for their insurance-money, and the most repellent man of my acquaintance is a philanthropist who has spent nearly a quarter of a million upon the London poor.

В английском языке существует словосочетание *fair game* (честная игра), которое емко и точно характеризует принцип поведения, ставший национальной чертой англичан. «Заимствовав из спортивной этики такие понятия, как честная игра, командный дух, умение проигрывать, англичане придали им характер моральных критериев, основанного поведения. Они привыкли уподоблять систему человеческих взаимоотношений правилам игры.

Как в спорте, так и в жизни правила следует безоговорочно соблюдать, а нарушителей их строго наказывать. Однако в рамках этих

правил человек должен чувствовать себя так же раскованно, как игрок в пределах площадки». Отражение особенностей английского национального характера ...Шерлок Холмс как истинный англичанин подтверждает на страницах романа «Долина ужаса», что придерживается принципа «честной игры»:

On the other hand, I said that I would play the game fairly by you, and I do not think it is a fair game to allow you for one unnecessary moment to waste your energies upon a profitless task.

Всеволод Овчинников в книге «Корни дуба» поясняет причины поведения англичан, которое может вызвать недоумение у представителей других культур: «Англичане – законники до мозга костей. Подобная черта порой воспринимается на наш взгляд как бюрократическая черствость. Если они считают, что поступают по правилам, нечего пытаться разжалобить их ссылками на какие-то исключительные обстоятельства личного характера». Так, Шерлок Холмс никогда не делает исключений и придерживается этого принципа в своей деятельности.

Приведем цитату из романа «Знак четырех»:

I never make exceptions. An exception disproves the rule.

Шерлок Холмс проявляет себя как англичанин и в том, что склонен к недосказанности. Он никогда не раскрывает перед своими друзьями ход ведения расследования. Все, что должно произойти, узнают его коллеги в определенный час. Англичане видят в недосказанности предусмотрительность, допуская тем самым поправки, дополнения и даже переход к противоположному мнению.

Анализируя черты и свойства английского национального характера, нельзя обойти стороной вопрос о том, что английский характер полон парадоксов. Парадоксальность англичан проявляется в образе Шерлока Холмса.

Посмотрим на знаменитого детектива. Логика, здравый смысл, хладнокровность, беспристрастность – вот качества, присущие этому сыщику. Но в то же время ему свойственна эксцентричность: тот же Шерлок Холмс чудит, переодевается оборванцем, маскируется, имеет пристрастие к наркотикам, импровизирует на скрипке. Шерлок Холмс консервативен и привержен традициям, однако является сторонником инновационных подходов и методов ведения расследования, он любитель и профессионал одновременно, он индивидуалист и эгоцентрик (как типичный англичанин), но тем не менее ему необходим слушатель, коим является в произведениях доктор Уотсон.

Исследователи Англии особенно подчеркивают, что нельзя разделить эти составляющие английского характера – рациональность и эксцентричность. Рациональность наравне с эксцентричностью нахо-

дятся у англичан в почете, может быть, поэтому Шерлок Холмс, обладающий и тем и другим, является любимым героем англичан.

Как отмечает В. А. Сухарев в книге «Психология народов и наций», «...идеалом англичан служат независимость, образованность, достоинство, честность и бескорыстие, такт, изящество манер, изысканная вежливость, способность пожертвовать временем и деньгами для хорошего дела, умение руководить и подчиняться, настойчивость в достижении поставленной цели». Воплощением всех этих качеств является Шерлок Холмс, истинный англичанин.

1. Дмитриева, О. А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О. А. Дмитриева. – Волгоград, 2007. – С. 3.
2. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М. : СЛОВО/SLOVO, 2000. – С. 136.
3. Сухарев, В. А. Психология народов и наций / В. А. Сухарев, М. В. Сухарев. – Д.: Сталкер, 1997. – С. 103.
4. Овчинников, Вс. Корни дуба : Размышления и впечатления об Англии и англичанах. Гл. Джон Бульль : слагаемые и сумма / Вс. Овчинников // Новый мир. – 1979. – № 4–6.
5. Там же. Гл. Любители и профессионалы.
6. Сухарев, В. А. Психология народов и наций. – С. 104.
7. Овчинников, Вс. Указ. соч. Гл. Любители и профессионалы.
8. Там же.
9. Овчинников, Вс. Там же. Гл. Законопослушные индивидуалисты.
10. Сухарев, В. А. Психология народов и наций. – С. 105.

Тер-Минасова С.Г.

РОЛЬ ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ. ЯЗЫК И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

(Тер-Минасова, С.Г. Роль языка в формировании личности. Язык и национальный характер // Язык и межкультурная коммуникация // Война и мир языков и культур [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Ter/_Index.php)

Что такое национальный характер? Существует ли он вообще? Насколько правомерно обобщение типичных черт в масштабе целого народа, когда хорошо известно, что все люди - разные? Английская пословица на эту тему гласит: **It takes all sorts to make a world** [*Мир составляют люди разного сорта*]. Можно ли сказать, что **It takes one sort to make a nation**, то есть что народ составляют люди одного сорта? Или под национальным характером подразумевается стереотипный набор качеств, приписанных одному народу другими, часто не вполне дружественными? /...../

/...../ О стереотипах написано много, пишется сейчас еще больше, так как эта тема стала модной, то есть попала в центр внимания и ученых, и широких общественных кругов.

Стереотип определяется как "схематический, стандартизированный образ или представление о социальном явлении или объекте, обычно эмоционально окрашенные и обладающие устойчивостью. Выражает привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта".

Английские словари дают аналогичные определения слова **stereotype**: "*fixed mental impression [фиксированное умственное представление]*"; "*a fixed pattern which is believed to represent a type of person or event [фиксированный образец, который принято считать представлением о типе человека или события]*".

Слова *стереотип*, *стереотипный* имеют негативную окраску и в русском, и в английском языке, так как определяются через слово *шаблонный*, в свою очередь определяемое как, избитый, лишенный оригинальности и выразительности. Это не вполне справедливо по отношению к слову *стереотип* вообще, а в контексте проблем межкультурной коммуникации - в особенности. При всем своем схематизме и обобщенности стереотипные представления о других народах и других культурах подготавливают к столкновению с чужой культурой, ослабляют удар, снижают культурный шок. "*Стереотипы позволяют человеку составить представление о мире в целом, выйти за рамки своего узкого социального, географического и политического мира*".

Наиболее популярным источником стереотипных представлений о национальных характерах являются так называемые международные анекдоты, то есть анекдоты, построенные на шаблонном сюжете: представители разных национальностей, попав в одну и ту же ситуацию, реагируют на нее по-разному, в соответствии с теми чертами их национального характера, которые приписывают им на родине анекдота.

Так, в русских международных анекдотах англичане обычно подчеркнута пунктуальны, немногословны, прагматичны, сдержанны, любят сигары, виски, конный спорт и т. п. Немцы практичны, дисциплинированы, организованны, помешаны на порядке и потому ограничены. Французы – легкомысленные гуляки, эпикурейцы, думающие только о женщинах, вине и гастрономических удовольствиях. Американцы богатые, щедрые, самоуверенные, прагматичные, знамениты хорошими дорогими машинами. Русские – бесшабашные рубахи-парни, неприхотливые, алкоголики, драчуны, открытые, неотесанные, любят водку и драки. В русских международных анекдотах все они ведут себя соответственно этим стереотипам.

Вот простейший анекдот такого рода: как ведут себя люди разных национальностей, если они обнаружат муху в кружке пива. Немец

(практичный) выбрасывает муху и пьет пиво. Француз (сентиментальный) вытаскивает муху, дует на нее, расправляет ей крылышки - и не пьет пиво. Русский (неприхотливый и любящий выпить) выпивает пиво, не заметив мухи. Американец (уверенный в своих правах) зовет официанта, устраивает скандал и требует другую кружку. Китаец (китайская кухня включает самые неожиданные блюда) вынимает муху, пьет пиво и закусывает мухой. Еврей (меркантильный) пьет пиво, а муху продает китайцу.

Еще пример. Комиссия ООН решила проверить разные народы на выживаемость и в порядке эксперимента поместила на отдельные необитаемые острова представителей разных национальностей - двух мужчин и одну женщину. Через десять лет комиссия отправилась инспектировать острова. На английском острове два джентльмена играли в теннис. "У нас все прекрасно, мы в хорошей спортивной форме, проблем нет, - заявили они. - А дама? Мы ничего о ней не знаем, нас никто не представил". На французском острове веселая Мари сказала: "Это Пьер, это Жак, у нас все замечательно, мы все трое очень довольны". На испанском острове Мария рассказала комиссии, что на второй день эксперимента Хосе убил Хуана, и с тех пор они живут очень счастливо. Русских острова было два: дореволюционный и послереволюционный. На дореволюционном русском острове печальная Ольга сообщила, что она любила одного, вышла замуж за другого, и все трое глубоко несчастны. На послереволюционном русском острове два крепких мужика играли в избе в карты, когда прибыла комиссия. "У нас все в полном порядке, - сказал один из них. - Мы организовали колхоз: я - председатель, он - парторг". - "А где же ваша дама?" - поинтересовались члены комиссии. - "Народ? Народ в поле", - был ответ. (Заметим в скобках, что это выражение - *народ в поле* - вошло в разговорный язык как поговорка.)

Широко распространенный во всем мире анекдот о международном конкурсе на лучшую книгу о слонах в российском варианте выглядит так: Немцы привезли на тележке многотомный труд "Введение к описанию жизни слонов". Англичане принесли книгу в дорогом кожаном переплете "Торговля слоновой костью". Французы представили жюри изящно иллюстрированное издание "Любовь у слонов". Американцы издали тоненькую карманную книжечку "Все о слонах". Русские написали толстую монографию "Россия - родина слонов". Болгары предложили брошюру "Болгарский слоненок - младший брат русского слона". В норвежском варианте этого анекдота немцы представляют на конкурс книгу "150 способов использования слонов в военных целях", французы - "Сексуальная жизнь у слонов", американцы - "Самый большой слон, которого я когда-либо видел", шведы - "Политическая и социальная организация общества слонов", датчане - "150 рецептов блюд из слона", норвежцы - "Норвегия и мы, норвежцы".

И последний пример из большого числа такого рода анекдотов. Ученые решили провести эксперимент: какая нация лучше переносит холод? В морозильную камеру представители разных национальностей могли взять с собой что пожелают, и, когда терпеть будет невозможно, они должны постучать в двери камеры, чтобы ее открыли. Француз сказал: "Дайте мне много вина и хорошеньких женщин" и пошел в морозильную камеру. Через полчаса раздался слабый стук, и дрожащий от холода француз вышел из камеры. Англичанин решил взять с собой сигару, бутылку виски и одну женщину, хорошо владеющую собой. Через час раздался стук, и из камеры вытащили полузамерзшего англичанина. Русский пожелал собутыльника, ведро водки, два соленых огурца и отправился в морозилку. Через три часа встревоженные ученые приоткрыли дверь, опасаясь несчастного случая. Из камеры показался кулак, обрушившийся на экспериментатора, и послышались слова: "Вот свињи! И так холодно, а они еще дверь открывают", и дверь захлопнулась.

Подобные шутки можно продолжать долго, но основное ясно - стереотипы национальных характеров в них вполне очевидны.

В английских анекдотах высмеиваются жадные шотландцы и пьяницы-ирландцы. Европейские стереотипы хорошо видны в следующей шутке: *"Paradise is where cooks are French, mechanics are German, policemen are British, lovers are Italian and it is all organized by the Swiss. Hell is where cooks are British, policemen are German, lovers are the Swiss, mechanics are French, and it is all organized by Italians [Райтам, где повара - французы, механики - немцы, полицейские - англичане, любовники - итальянцы, а организуют все швейцарцы. Ад - где повара англичане, полицейские - немцы, любовники - швейцарцы, механики - французы, а организуют все итальянцы]"*.

Черты образцового европейца на юмористической открытке строятся на контрасте: он должен быть разговорчивым, как финн; доступным, как бельгиец; технически способным, как португалец; щедрым, как голландец; терпеливым, как австриец; робким, как испанец; организованным, как грек; трезвым, как ирландец; знаменитым, как люксембуржец; скромным, как датчанин; сдержанным, как итальянец; он должен водить машину, как француз, и готовить, как англичанин.

В американской шутке по поводу национальности Иисуса Христа также явственно видны стереотипы разных культур и представлений о разных национальностях:

"Three proofs that Jesus was Jewish: Три доказательства того, что Иисус

1. He went into his father's business.	Христос был евреем:
2. He lived at home until the age of 33.	Он продолжил бизнес своего отца.
3. He was sure that his mother was a virgin, and his mother was sure that he was God.	Он жил дома до 33 лет.
Он был убежден, что его мать девственница, а его мать была уверена, что он Бог.

Three proofs that Jesus was Irish:

1. He never got married.
2. He never had a steady job.
3. His last request was for a drink.

Три доказательства того, что Иисус был ирландцем:

Он так и не женился.
У него никогда не было постоянной работы.
Его последним желанием было выпить.

Three proofs that Jesus was Italian:

1. He talked with his hands.
2. He took wine with every meal.
3. He worked in the building trade.

Три доказательства того, что Иисус был итальянцем:

Он говорил с помощью жестов.
Он пил вино на каждой трапезе.
Он занимался плотницким делом.

Three proofs that Jesus was Black:

1. He called everybody brother.
2. He had no permanent address.
3. Nobody would hire him.

Три доказательства того, что Иисус был негром:

Он всех называл братьями.
У него не было постоянного места жительства.
Никто не брал его на работу.

Three proofs that Jesus was Puerto Rican:

1. His first name was Jesus.
2. He was always in trouble with the law.
3. His mother didn't know who his real father was.

Три доказательства того, что Иисус был пуэрториканцем:

Его звали Иисус.
Он всегда был в неладах с законом.
Его мать не знала, кто его настоящий отец.

Three proofs that Jesus was from California:

1. He never cut his hair.
2. He walked around barefoot.
3. He invented a new religion".

Три доказательства того, что Иисус был из Калифорнии:

Он никогда не стриг волосы.
Он всегда ходил босиком.
Он основал новую религию.

В последнее время в печати стали появляться описания реальных экспериментов, вызванных модным увлечением проблемами разнообразия культур и национальных характеров. Эти эксперименты иногда приближаются к ситуациям международных анекдотов, а иногда оставляют их далеко позади.

Вот пример, характеризующий особенности национального отдыха: "Лондонская "Гардиан" рассказывает о снятой 4-м каналом британского телевидения серии документальных фильмов о группах отдыхающих из Германии, США, Англии и Японии, получивших путевки в один из пансионатов Турции. За особенностями их поведения в различных ситуациях следила скрытая камера.

Например, актер, игравший роль водителя автобуса, на котором туристы должны были отправиться на экскурсию, сел за руль в пьяном виде. Англичане, увидев это, отказались садиться в автобус. Японцы оставались невозмутимыми, пока руководитель их группы не указал им на бутылку спиртного, стоявшую у ног водителя. Немцы стали волноваться, что его могут уволить с работы, если они поднимут шум.

Во время экскурсий, в которых принимали участие все четыре группы, актер закурил, хотя в автобусе курить было запрещено. Англичане вежливо попросили его потушить сигарету. Японцы, не желавшие нарушать гармонии, предпочли молчать. Немцы сначала устроили голосование и только потом выразили недовольство, а американцы стали курить сами.

В баре, когда бармен ушел из-за стойки, актер начал брать, не заплатив, бутылки пива. Англичане и американцы радостно последовали его примеру. Немцы воровать пиво не стали, а японцы не только не стали воровать, но еще и сообщили о случившемся администрации пансионата" 16.

Итак, один источник, где с оговорками и большой осторожностью можно искать национальные характеры, - это международные шутки и анекдоты разных видов: те, которые рассказывают о себе сами представители той или иной культуры, и те, которые созданы иными культурами.

Другим источником, по-видимому, можно считать национальную классическую художественную литературу. Слово классическая в этом контексте неслучайно, потому что, как уже говорилось, литература, имеющая этот ранг, прошла испытание временем: ее произведения заслужили признание, повлияли на умы и чувства представителей данного народа, данной культуры.

Если взять национальных литературных героев национальных литератур, то прежде всего поражает их контраст со стереотипными персонажами международных анекдотов. Действительно, легкомысленные французы, думающие о вине и женщинах, на уровне своей классической литературы мирового масштаба представлены драматическими героями Стендаля, Бальзака, Гюго, Мериме, Мопассана, Золя, решающими сложные человеческие проблемы и не имеющими ничего общего с легкомысленными героями-любовниками.

Наоборот, чопорные и сдержанные до абсурда англичане из анекдотов создали литературу, полную искрящегося юмора, иронии, сарказма: литературу Джонатана Свифта, Бернарда Шоу, Оскара Уайльда, Диккенса, Теккерея. Шекспира, наконец, у которого на пять трагедий приходится 22 комедии. Ни в одной культуре юмор не ценится так высоко.

Замуштрованные порядком (Ordnung!) и самодисциплиной немцы из международных шуток дали миру нежнейшую и глубочайшую поэзию Гёте и Гейне.

Наконец, анекдотические хулиганы и алкоголики – русские – внесли в сокровищницу мировой литературы драгоценный вклад: произведения Пушкина, Лермонтова, Толстого, Тургенева, Чехова, Достоевского. Герои этих произведений, с их философски-

ми исканиями и тонкими душевными переживаниями, – это интеллиген-ты среди персонажей мировой классической литературы (недаром само слово интеллигенция вошло в европейские языки из русского языка).

Так где же русский национальный характер? В анекдотах или в классической литературе? Кто типичный русский - мужик с ведром водки в морозильной камере или Пьер Безухов?

Как известно, в период Второй мировой войны, перед тем как на-пасть на Россию, фашистская Германия усиленно собирала информа-цию о России и русских. И немаловажным источником информации оказалась русская художественная литература. Именно по ней герман-ские лидеры составили суждение о русском национальном характере. Россию посчитали "колоссом на глиняных ногах": толкни и рассыпет-ся страна, населенная метущимися, рефлексирующими "мягкотелыми" интеллигентами - безуховыми, нехлюдовыми, мышкиными, расколь-никовыми, дядями ваями, ивановыми и т. п.

Иван Солоневич пишет об этом с горечью: "Основной фон всей иностранной информации о России дала русская литература: вот вам, пожалуйста, Обломы, Маниловы, лишние люди, бедные люди, идиоты и босяки".

Будучи критически настроен к русской классической литературе как к источнику информации, Солоневич и назвал ее "кривым зеркалом народной души". Он пишет: "Литература есть всегда кривое зеркало жизни. Но в русском примере эта кривизна переходит уже в какое-то четвертое измерение. Из русской реальности наша литература не отра-зила почти ничего... Русская литература отразила много слабостей Рос-сии и не отразила ни одной из ее сильных сторон. Да и слабости-то были выдуманные. И когда страшные годы военных и революционных испы-таний смыли с поверхности народной жизни налет литературного сло-воблудия, то из-под художественной бутафории Маниловых и Обломо-вых, Каратаевых и Безуховых, Гамлетов Щигровского уезда и москви-чей в гарольдовом плаще, лишних людей и босяков - откуда-то возникли совершенно не предусмотренные литературой люди железной воли".

Не вдаваясь в полемику, хочу попытаться "реабилитировать" кругом виноватую русскую литературу: немцев-то она обманула. Да, в Брестской крепости действительно сидели не Маниловы и Безуховы. Но ведь кто зна-ет, как повели бы себя Безуховы и Обломы, окажись они в Брестской крепости. Может быть, и у них выявилось бы то самое "железо в русском народном характере", которое, по словам Солоневича, не отразила русская литература? Не отразила железа и обманула врагов кривым зеркалом.

Мысль у Солоневича, правда, другая: "Ни нашего государствен-ного строительства, ни нашей военной мощи, ни наших беспримерных в истории человечества воли, настойчивости и упорства - ничего этого наша литература не заметила вовсе" . А если бы заметила и отразила, то и войны бы не было, - вот что имеет в виду Иван Солоневич. /.../

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА	3
ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН ЗАНЯТИЙ	4
ЛЕКЦИОННЫЙ БЛОК	9
Тема I	
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СТАТУС ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ	9
Тема II	
ОБЩИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ И БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ	35
Тема III	
ЯЗЫК И КУЛЬТУРА: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ..	45
Тема IV	
ТЕОРИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА	61
Тема V	
КОНЦЕПТОСФЕРА РУССКОГО ЯЗЫКА	76
Тема VI	
ЧЕЛОВЕК КАК НОСИТЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ И ЯЗЫКА	95
Тема VII	
УРОВНИ ЯЗЫКА В КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	115
БЛОК ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ	163
Тема 1	
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ	163
Тема 2	
ТЕОРИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА	170
Тема 3	
КОНЦЕПТОСФЕРА РУССКОГО ЯЗЫКА	185
Тема 4	
ЧЕЛОВЕК КАК НОСИТЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ И ЯЗЫКА	199

Тема 5	
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ	207
Тема 6	
УРОВНИ ЯЗЫКА В КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ: СИН- ТАКСИС	211
Тема 7	
УРОВНИ ЯЗЫКА В КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ: ТЕКСТ	236
БЛОК КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ	244
ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ	255
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ	271

Учебное издание

ВВЕДЕНИЕ
В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЮ
ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНОСТИ
(НАПРАВЛЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ)
1-21 05 02 «РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ»

Учебно-методический комплекс по учебной дисциплине

Составитель

ДЕРЕВЯГО Анна Николаевна

Технический редактор	<i>Г.В. Разбоева</i>
Компьютерный дизайн	<i>Т.Е. Сафранкова</i>

Подписано в печать .2017. Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 21,85. Уч.-изд. л. 21,18. Тираж экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.